

«Чем свободнее, чем искреннее верующий разум в своих естественных движениях, тем полнее и правильнее стремится он к божественной истине».

И. Киреевский

ВЕРУЮЩИЙ И РАЗУМ 8/2019

«Вспоминайте наставников ваших...»

Петербургские святые

История духовного образования

Русская религиозная философия

Христианская культурология

Православная педагогика

Поэтическая страница

ВЕРУЮЩИЙ РАЗУМ 8/2019

*Журнал Отдела
религиозного образования
и катехизации
Санкт-Петербургской
епархии*

Главный редактор:

Председатель Отдела религиозного образования и катехизации
Санкт-Петербургской епархии,
иерей Илия МАКАРОВ

Редакционная коллегия:

иерей Игорь ИВАНОВ – научный консультант

ГАВРИЛОВ Игорь Борисович – редактор-составитель,
научный консультант

АЛЕКСЕЕВ Сергей Владимирович – художественный редактор

МЕЖОВ Игорь Дмитриевич – консультант

ГОТОВСКАЯ Ольга Францевна – выпускающий редактор

Учредитель:

Отдел религиозного образования и катехизации
Санкт-Петербургской епархии

*Журнал издается при поддержке
Союза православных предпринимателей
(Санкт-Петербурге)*

От редакции	4
«ВСПОМИНАЙТЕ НАСТАВНИКОВ ВАШИХ...»	
Предисловие	5
О. Б. Сокурова	
Мой старший друг	
Памяти Станислава Александровича Королева († 08.03.2016)	6
А. В. Маркидонов	
С. А. Королев: продолжение разговора	14
Священник Игорь Иванов	
С. А. Королеву	17
С. А. Королев	
«И внемлет арфе серафима в священном ужасе поэт»	
Новоевропейский субъект в присутствии Пушкина	18
Красота — одно из имен Божиих	25
ПЕТЕРБУРГСКИЕ СВЯТЫЕ	
В. П. Филимонов	
Житие и подвиги преподобного Серафима, Вырицкого чудотворца	
К 70-летию со дня преставления	29
ИСТОРИЯ ДУХОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	
А. В. Маркидонов	
Василий Васильевич Болотов — православный ученый и человек	
К 165-летию со дня рождения	58
РУССКАЯ ИСТОРИЯ	
А. Н. Боханов	
Загадка Григория Распутина	
К 150-летию со дня рождения	
Взгляд историка на дискуссионный вопрос	72
РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ	
И. Б. Гаврилов	
Страж благословенного Русского царства	
К 265-летию со дня рождения выдающегося отечественного просветителя	
Александра Семеновича Шишкова	106
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В СВЕТЕ ПРАВОСЛАВИЯ	
В. А. Воропаев	
Михаил Михайлович Дунаев как историк русской литературы	133
М. М. Дунаев († 04.09.2008)	
Православие и русская литература (вступление к учебному пособию МДА) ...	141
Н. И. Калягин	
«Представитель духа своего народа»	
К 250-летию со дня рождения Ивана Андреевича Крылова	144
Л. Н. Болтовская	
Два стихотворения А. С. Пушкина	
О духоносном слове поэта	
К 220-летию со дня рождения	158

ХРИСТИАНСКАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

В. В. Медушевский

Музыкальное образование в контексте православной цивилизации 182

О. Б. Сокурова

Экология творчества в системе К. С. Станиславского 187

А. А. Корольков

Георгий Свиридов и традиции русской духовной культуры 197

С. Ф. Тухленков

Напев как организующее ядро русской традиционной
и классической музыкальной культуры 204

ПРАВОСЛАВНАЯ ПЕДАГОГИКА

В. О. Гусакова

«Верю!»

Педагогические основы театра святителя Димитрия Ростовского
Лекция по истории педагогики 226

НАСЛЕДИЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

В. К. Невярович

Портрет поэта Сергея Бехтеева, певца Святой Руси
К 140-летию со дня рождения 237

Стихотворения С. С. Бехтеева 247

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

И. Б. Гаврилов

Философия православного пастырства
Отклик на новую книгу священника Илии Макарова 258

КИНОЗАЛ

Священник Игорь Иванов

Несколько наблюдений о неоромантическом символизме
в киноэпопее «Крылья империи» 263

ПОЭТИЧЕСКАЯ СТРАНИЦА

Священник Игорь Иванов 276

Ольга Шульчева-Джарман 282

Яна Батищева 289

Лаура Цаголова 296

Дмитрий Кузнецов 307

Денис Коротаев († 08.08.2003) 322

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ!

Реставратор правды и красоты русской истории
Памяти Александра Николаевича Боханова († 14.05.2019) 329

НАШИ АВТОРЫ 340

От редакции

Очередной выпуск журнала «Верующий разум» предлагает читателю размышления на тему духоносности и полифоничности русской культуры.

По слову первого завуча Епархиальных курсов религиозного образования и катехизации имени святого праведного Иоанна Кронштадтского Станислава Александровича Королева, ее неисчерпаемое богатство можно выразить триадой «Истина, Добро и Красота».

Рубрика «Вспоминайте наставников ваших...», посвященная памяти С. А. Королева, открывает этот номер. Ее органично продолжают материалы других рубрик, рассказывающие о наших современниках, почивших тружениках на ниве культурного и исторического просвещения — историке русской литературы Михаиле Михайловиче Дунаеве и постоянном авторе «Верующего разума» историке династии Романовых Александре Николаевиче Боханове.

Кроме того, в журнале отмечаются юбилейные даты выдающихся деятелей русской науки и культуры: В. В. Болотова, А. С. Шишкова, А. С. Пушкина, И. А. Крылова, С. С. Бехтеева.

Специальная рубрика «Петербургские святые» рассказывает о житии и подвигах преподобного Серафима, Вырицкого чудотворца, к 70-летию его преставления.

В связи с празднованием в 2019 году Года театра в России уделено внимание осмыслению роли музыкальной, театральной и кинематографической культуры в деле духовно-нравственного воспитания.

В данной рубрике собраны материалы, посвященные памяти первого завуча Епархиальных курсов религиозного образования и катехизации имени святого праведного Иоанна Кронштадтского в Санкт-Петербурге Станислава Александровича Королева (в крещении Анастасий, 26.04.1943 — 08.03.2016). Будучи человеком уникальной образованности, влюбленным в русскую православную музыкальную и художественную культуру, философию и богословие, и возглавляя учебную часть Иоанновских курсов более 10 лет, С. А. Королев многое сделал для укрепления религиозного образования и утверждения единства веры и культуры.

Просим всех, кто может поделиться воспоминаниями о нем и материалами, связанными с его творческой деятельностью (аудиозаписями, фотографиями, конспектами лекций и др.), обратиться в редакцию «Верующего разума» или к преподавателю курсов Игорю Борисовичу Гаврилову (igo7777@mail.ru).

Мой старший друг

Памяти Станислава Александровича

Королева († 08.03.2016)

Станислав Королев
в детстве

Я познакомилась с Анастасием Королевым в юности. Это были 1970-е годы — особенное для нашей страны время, которое в эпоху перестройки было принято называть «застойным». Может быть, с экономической стороны так оно и было («экономика должна быть экономной»), — не мне судить, но внутренняя жизнь людей того времени никак не подходила под это определение. Свидетельствую, что для значительной части общества и лучших представителей культуры это было время интенсивных раздумий, обретения зрелости, пробуждения гораздо более глубокой, чем прежде, исторической памяти, возрождения национального самосознания, а для самых вдумчивых и духовно жаждущих искателей смысла жизни — время обретения веры. И это после ли-

беральной оттепели 1960-х, а параллельно с нею — хрущевских гонений на Церковь, разрушения храмов, закрытия многих монастырских обителей, да и в последующие годы продолжающейся слежки и ссылки за чтение и распространение духовной литературы... Вот уж поистине — сила действия равна силе противодействия.

В это самое время мы с будущим Анастасием, а тогда просто Стасиком Королевым учились в аспирантуре Научного отдела ЛГИТМиКа (такова была неуклюжая аббревиатура Института театра, музыки и кинематографии), расположенного в бывшем особняке графа Зубова на Исаакиевской площади, 5. В этих стенах после революции действовал знаменитый Зубовский институт, а ныне находится Российский институт истории искусств. Я училась на секторе театра, а Стасик — на музыкальном секторе. Помнится, я в первый раз увидела его на парадной лестнице, ведущей на второй этаж, и обратила внимание на его громкую горячую речь и очень оживленное выражение лица.

Трудно по истечении столь длительного времени с точностью сказать, при каких обстоятельствах мы познакомились. Скорее всего, это был какой-то общий разговор на заинтересовавшую меня тему, наверняка затеянный

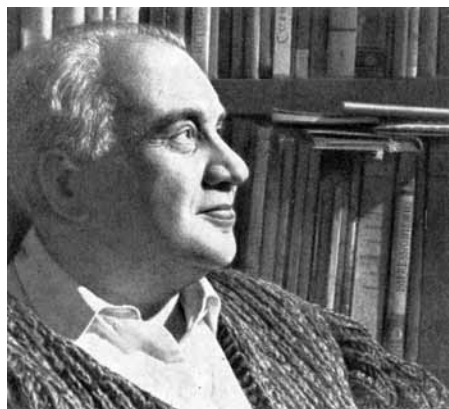
Стасом. Уже тогда он был мастером «устных жанров», и не было равных ему в произнесении страстных монологов и вовлечении аспирантской братии в жаркие дискуссии. Процесс писания, особенно научных текстов, давался ему нелегко, это было как-то не в его природе, а вот полет его мысли в свободной беседе, где с блеском проявлялись его философская и общекультурная эрудиция, способность выстраивать неожиданные ассоциативные ряды, импровизированно находить свежие образы и точные формулировки, — был бесподобен.

Да, говорить он умел. Но одновременно не было равного ему слушателя (и читателя), с восторгом откликавшегося на какую-нибудь поразившую, захватившую его в процессе разговора или чтения идею и готового горячо поддерживать ее, делиться ею со всеми и каждым, до небес превознося ее автора. Потом он мог еще долго обдумывать, раскрывать и развивать понравившуюся мысль, обогащая ее собственными озарениями и открытиями. Такое впечатление, что Станислав Александрович находился в непрерывном творческом процессе, который не прерывался даже в самых обыденных бытовых ситуациях. Должно быть, и ночью ему снились «творческие сны». Хотя неизвестно, когда он спал, ибо подчас его телефонный звонок внезапно раздавался уже ближе к полуночи или за полночь, и разговор, очень увлекательный, продолжался до трех-четырех утра.

В начале нашего знакомства Станислав был адептом «философии жизни» Бергсона. Это был какой-то органически необходимый и неизбежный этап его интеллектуального и духовного становления. Уже тогда он во все корки разносил механистическую рассудочность, искусственное понятийное конструирование, позитивизм современной науки и отстаивал интуитивный способ цельного постижения жизненной реальности, проникновения внутрь нее, постижения ее сути за счет соединения познающего и познаваемого. Скорее всего, к «фило-

*Станислав Александрович
Королев —
аспирант ЛГИТМиК
(Ленинградского
государственного
института
театра, музыки
и кинематографии),
1974 год*

Наум Яковлевич Берковский

софии жизни» молодого мыслителя привлек его старший друг и наставник Н. Я. Берковский, выдающийся литературовед, исследователь и уникальный знаток немецкого романтизма, в недрах которого как раз и зародились идеи, давшие толчок философской концепции Бергсона.

Станислав много рассказывал мне о Берковском и всегда подчеркивал его огромную роль в формировании своих научных интересов, художественных вкусов, стиля и характера размышлений и даже в определении личной судьбы (Людмила Болтовская, ставшая его женой, была любимой аспиранткой Наума Яковлевича).

В фундаментальных трудах, посвященных немецкому романтизму, Берковский акцентировал присущий этому направлению пафос свободы, дух музыки, примат становящегося над ставшим, неприятие буржуазных ценностей. Коллеги отмечали в стиле ученого эвристичность, свежесть и смелость мысли, часто облеченной в форму «страстного монолога, восхищающего своей блестящей образностью и яркой афористичностью» (так писал о нем Фридлендер). Отмечалось также, что самым строгим работам Берковского был свойственен стиль непринужденного, свободного и естественного разговора. Те, кто знал С. А. Королева, могут подтвердить, что он в полной мере наследовал эти качества учителя.

Наследовал он и некоторые взгляды Берковского на русскую литературу, которые сложились и были сформулированы во время Великой Отечественной войны, — о том, например, что реализм русской классики был не только «критическим»: в нем всегда существовала положительная, поэтическая, объединяющая сила, и в этом отношении наша великая проза тяготела к эпосу. Для русских писателей, подчеркивал Берковский, было характерно сочетание высокой культуры и народности. Россия воспринималась ими как великое соборное целое, «вне которого отдельная жизнь слаба и ничтожна».

Любимым поэтом ученого был Пушкин. Горячей поклонницей Пушкина являлась и Тамара Серафимовна, мама Станислава. О самом Станиславе я уж и не говорю. Дома, в малогабаритной двухкомнатной квартирке на Большой Охте, у Королевых была прекрасная библиотека, в которой почетное место

Валентин Семенович Непомнящий

занимали тома Пушкина и обширная литература о нем. Позже Станислав познакомился с замечательным пушкиноведом наших дней Валентином Семеновичем Непомнящим. В его книгах исследуется духовная биография поэта и с православных позиций происходит проникновение в глубинные смыслы пушкинских произ-

ведений. Такому проникновению способствовал и опыт, накопленный человечеством к концу XX — началу XXI века. Непомнящий был уверен: «Пушкин словно ждал нашего катастрофического времени, чтобы выйти ему навстречу».

Я познакомилась с председателем Пушкинской комиссии в доме Станислава Александровича в начале 1980-х годов. Состоялся очень содержательный разговор, и оба собеседника, Непомнящий и Королев, были достойны друг друга.

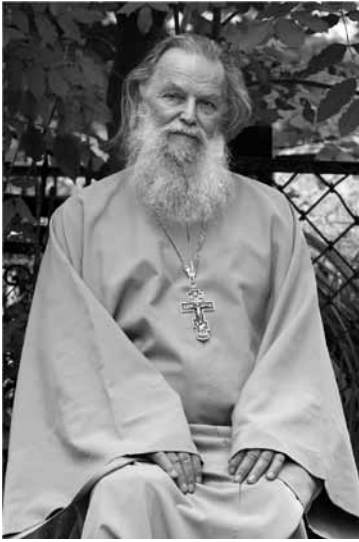
Надо сказать, что Станислав-Анастасий постоянно, на протяжении всей жизни, обращался к Пушкину не только как бесконечно родному, близкому и в то же время недосягаемо гениальному человеку, но и как к абсолютному камертону Русского духа. В образе прекрасной Царевны из дивной пушкинской сказки он прозрел триединство Истины, Добра и Красоты. А через образ Царицы-мачехи увидел и помог увидеть всем, что Красота без двух других необходимых членов триединства превращается в демоническую силу. Приведем еще одно его определение: «Красота — имясловие Божие, как полнота, как добро и благо». Однако, с прискорбием констатировал Станислав Александрович в другом месте и в связи с другой сказкой, «в Новое время распалась триада Истины, Добра и Красоты. Истина стала наукой, Добро — отвлеченной моралью, Красота — только эстетикой... Все как в „Золушке“ после двенадцати часов ночи: карета стала тыквой, кучер — крысой, мир — формулой...»

Всеобщая «цифровизация» мироздания тревожила его особенно сильно задолго до того, как она вышла на первый цивилизационный план: «Все готово. На старте. Все компьютеры и всякие интернеты... Как сказал один человек, изобретение водородной бомбы покажется игрушкой по сравнению с тем, что нас может ожидать, когда вся эта аппаратура вяжется в генофонд наш и будет решать, кому кем быть...»

Уже у Толстого, отмечал Анастасий, бездушная и беспощадная сила цивилизации показана в виде несущегося локомотива. Это «накат железа на мир». Всяческого железа. Символического железа... Но вот, напомнил слушателям наших курсов Станислав Александрович, у того же Толстого, в том же романе внешне неприятный, а внутренне математически и механически убежденный в своей неопровержимой правоте и в своем праве на суд Алексей Александрович Каренин в какую-то крайнюю минуту переживает настоящий духовный переворот, преображение: из отлаженной бюрократической

*С. А. Королев — преподаватель
училища им. Римского-Корсакова,
1981 год*

Протоиерей Павел Адельгейм

машины он превращается в страдающего и милосердного человека. Он признавался, что хотел смерти Анны, но когда приехал к ней и увидел ее нравственные и физические муки, то все простил. «Молю Господа, чтобы Он не отнял у меня счастья прощения». Эти слова были пропущены Анастасием через собственное сердце и сердцем подтверждены. Такое было бы невозможно, если бы он не стал по-настоящему православным человеком.

К тому времени, когда мы познакомились, я уже была тайно крещена, но от нового друга, поверив в его искренность, не скрыла этой тайны. В нем тем временем шла интенсивная внутренняя работа. От бергсоновского «имманентного бытия» он открылся навстречу трансценденции, от былого пантеизма решительно устремился к Единому Богу, от «философии жизни» пришел к Источнику Жизни, Святой Живоначальной Троице.

Крестил его и все его семейство замечательный псковский священник с изумительно прекрасным иконописным лицом и протезом вместо ноги (память о лагерной жизни) отец Павел Адельгейм. Он был наделен незаурядными дарованиями Духа и слова. Впоследствии отец Павел погиб от руки гостеприимно принятого в его дом, но в какой-то момент неожиданно обезумевшего и подчинившегося бесовским «голосам» человека из Москвы. Отца Павла до сих пор с любовью вспоминают прихожане храма, где он служил, дети-инвалиды, которым помогал, и многие духовные чада. Вечная память...

Крещение семьи Королевых происходило в Питере, у кого-то на дому.

Отец Павел дал новокрещеному имя Анастасий. Имя, как известно, это судьба. Без Креста не может быть Воскресения. Анастасий шел путем крестным и спасительным. И в нем, несмотря на испытания, в соответствии со значением имени, все больше проявлялась, расцветала пасхальная радость, усиливалась любовь к близким людям и друзьям.

Он преданно любил свою мать. Тамара Серафимовна тоже обожала единственного сына и гордилась им. У нее был сильный, а в некоторых отношениях авторитарный характер. Когда-то она, по собственным словам, не позволила сыну стать оперным певцом, хотя у него находили незаурядные голосовые данные. Станислав тем не менее остался верным Музыке: стал талантливым музыковедом и в торжественно нарядном Зеленом зале Зубовского института (ЛГИТМиКа) блестяще защитил диссертацию о творчестве знаменитого в свое время певца Ивана Алексеевича Алчевского, обладавшего редким по красоте драматическим тенором. Я была на этой защите. Осталось

в памяти впечатление, что автору диссертации удалось тонко и точно показать связь певческой манеры Алчевского со стилистическими особенностями культуры Серебряного века. Было бы хорошо, наверное, эту работу найти и издать.

У Анастасия была большая коллекция пластинок с уникальными записями лучших певцов. Он особенно любил Нежданову и однажды подарил мне, как величайшую драгоценность, кассету с романсами и песнями в ее исполнении. Он неоднократно отмечал живое чудо ее голоса: здесь дело не в технике, здесь сама душа поет. Эта истинно русская певческая традиция, говорил он, ныне, увы, почти утрачена. А то вдруг позвонит и поделится таким наблюдением: «Знаете, Оленька, ведь наши композиторы не только гениально воспринимали и воссоздавали музыкальные образы других национальных культур — они и врагов Руси не изображали карикатурно, отдавая должное тому лучшему, что было характерно для их национального духа. Вспомните Половецкие пляски в „Князе Игоре“ или торжественные звуки полонеза в „Жизни за царя“...»

Мы со Станиславом Александровичем породнились: я стала крестной матерью его дочери Юлии, которую он нежно и музыкально называл Люлей. После крещения в жизни Анастасия и близких ему людей стало отчетливо проявляться действие Божественного Промысла. Тяжело заболела Тамара Серафимовна, и сын все время находился при ней как профессиональная сиделка, как заботливая нянечка. Главное, он привел маму к вере, после ее долгого сопротивления. Она упокоилась на Серафимовском кладбище. С глубоким уважением относился Анастасий к своей теще, Александре Ивановне, ценил ее мудрость, спокойный и стойкий характер, глубокое понимание тайн природы.

Юленька выросла, выучилась на педагога, счастливо вышла замуж за старшего сына хорошей православной знакомой и сотрудницы Анастасия Наталии. Молодой супруг стал отцом Владимиром, а матушка Юлия — многодетной матерью. Дедушка души не чаял во внуках, принимал в их воспитании и обучении активное участие. Особенно любил рассказывать об ангельских свойствах Дунечки, родившейся не совсем обычным ребенком. В церкви

С. А. Королев — отец в храме, 2009 год

Рождества Иоанна Предтечи в поселке Глебычево, где служил зять, Анастасий нашел применение своему зарытому было таланту: стал петь на клиросе вместе с внучкой Варенькой, и его красивый низкий баритон прекрасно сочетался с ее нежным сопрано. Кроме того, Анастасий на службах в храме исполнял обязанности чтеца и с прису-

С. А. Королев в храме, 2014 год

судьбоносным образом прокладывал путь. Так, после окончания аспирантуры он некоторое время преподавал в музыкальном училище им. Римского-Корсакова и познакомился там с учительницей английского языка и завучем Еленой Сергеевной Дягилевой, родственницей знаменитого организатора «Русских сезонов» в Париже. Анастасий впоследствии и меня познакомил с этой замечательной женщиной, а когда решил уйти из училища, они вместе уговорили меня сменить его на педагогическом поприще. Это было вполне своевременно.

Вслед за тем мой старший друг стал одним из организаторов и куратором Богословско-педагогических курсов им. Иоанна Кронштадтского. Именно по его рекомендации и при его горячем, как всегда, участии я не сразу, но через некоторое время разработала и начала читать курс «Духовные основы русской литературы». То было трудное, но счастливое время. Курсы во главе с отцом Александром Зелененко и при ключевой стратегической роли Анастасия Королева стали для меня, да и для многих преподавателей и слушателей настоящим духовным оазисом. Здесь возникла особая — радостная, творческая атмосфера истинной православной соборности. Анастасий вложил много души и труда, чтобы это чудо состоялось. Людмила Николаевна Болтовская, с его легкой руки и по его протекции, в течение многих лет блестяще читает на этих курсах лекции по духовной проблематике зарубежной литературы. Та светлая и сильная энергия мысли, которой ее лекции отмечены, как кажется, очень сродни стилю Анастасия.

щей ему самоотдачей, неустанно и вдохновенно занимался духовным просветительством прихожан, причем особенно охотно затевал беседы с молодежью, что у него прекрасно получалось. Многие благодарили его за мудрые советы и помощь. Уже после ухода Анастасия я познакомилась с его подростками внуками — трогательными девочками и мальчиками, в которых чувствовалась хорошая мужская самостоятельность, сила, вежливая предупредительность и готовность прийти на помощь.

Хотелось бы с благодарностью отметить, что в самые трудные для меня годы Анастасий, как и многим, сумел мне помочь. И если в период учебы на Исаакиевской я оказывала на него некоторое влияние, то после своего крещения он стал старшим другом, который давал мне необходимую поддержку и даже каким-то

На своей «финишной прямой», борясь с тяжелыми недугами, он возмат в любви. Он обладал удивительной способностью раскрывать дорогим и «созвучным» ему людям значение их мыслей, вдохновлять их на решение задач, к которым они призваны. Другого творческого вдохновителя, подобного ему, я не знаю. Кстати, своих близких друзей он, так или иначе, пере-знакомил, и как же мы благодарны ему за это!

...На сороковой день после кончины Анастасия мы с его родными и друзьями — из тех, кто смог приехать, кто знал, любил и ценил этого уникально-го человека, поднялись к его могиле, находящейся на песчаном холме под высокими березами. Оттуда открывается русский простор, и душа распахи-вается ему навстречу в нездешней взволнованности.

Христос Воскресе, дорогой друг!

Могилa С. А. Королева

С. А. Королев: продолжение разговора

Станислав Александрович был человеком одной темы, одной идеи. *Красота* как явленность целокупного смысла, как именование и знаменованье тайны присутствия Божия в мире, — она была неизбывным источником его вдохновения и ориентиром его духовных исканий. *Красоту* — в лексиконе наших бесед — он отличал от «эстетики»: себедовлеющему любованию законченностью форм и субъективной прихотливости чувственного и интеллектуального воображения Станислав Александрович противопоставлял *творчество*, которое не столько производит (или «изготавливает» по слову Хайдеггера) эстетический продукт, сколько открывает, раскрывает и целомудренно оформляет уже присутствующее, как дар славы Божией, цветение бытия.

Его духовная интуиция была бескомпромиссна: и в музыке, и в словесности мировой культуры Станислав Александрович внятно различал пусть утонченную, но все-таки агрессию выпавшего (или выпадающего) из христианского — евхаристического — устройства «скитальца-бунтаря-эстета» и — мудрость художника, способного соблюсти и выразить (когда «соблюсти» и значило «выразить»!) жизнь, увиденную как дар Божий в творении и как тот же самый дар, ставший жертвой, — в Евхаристии. Станислав Александрович долго и тщательно обдумывал возможность (но скорее невозможность?) сформулировать представление о богословской природе такого *художественного видения*, своего рода софиологию (не в булгаковском смысле!) творчества. Присматриваясь к некоторым опытам подобного рода — раскрытия богословского смысла художественного творчества, — чаще бывал разочарован прямолинейностью, излишним катафатизмом, а то и декларативностью ис-

Отец Димитрий Галкин, С. А. Королев
и А. В. Маркидонов, 1996 год

следований, разрушающих *ауру* религиозного смысла демонстративностью (пусть и религиозной, но уже) идеологемы. По слову В. Беньямина, «эту *ауру* можно определить как *уникальное ощущение дали*, как бы близок при этом предмет ни был». Так понимаемая *аура* сопровождает художественное видение жизни как *дара*, самое присутствие,

свершение, событие которого сказывается «ощущением дали», — своего рода «обратной перспективы», которую невозможно было бы перекрыть или исчерпать «точкой зрения» обособленного наблюдателя, но которая, однако, раскрывается окоему художника, не ищущего подменить присутствие (с его «ощущением дали») близостью обладания.

В связи с этой тайной присутствия религиозного смысла в художественном творении возникала для Станислава Александровича тема апофатизма или «стыдливости формы», когда художественное целое существенно опирается на формально-неявленное, мета-эстетическое, иноположное эстетической наглядности и законченности и при этом — исходное, первичное для реальности художественного смысла, и в то же время ей трансцендентное *созерцание*. В таком случае надлежало слышать неслышимое и различать невидимое, а точнее: слышать можно, только прислушиваясь к неслышному, и видеть — только взыскав усмотреть невидимое. («И пенья нет, но ясно слышу я незримых певчих пенья хоровое» — Н. Рубцов.)

Глубина и неподдельность художественной и одновременно духовной интуиции Станислава Александровича, конечно, не могли быть исчерпывающе и безболезненно экстраполированы в сферу дискурсивной мысли. Собственно, его формулировки не были декларацией программных воззрений, которую можно было бы развернуть в систематический текст. Это были своего рода символы, интеллектуальная транскрипция живого созерцания, на это созерцание только указывающая, но чисто интеллектуально из него не выводимая. Даже в беседах (основном жанре его речи) Станислав Александрович не бывал вполне повествователен: событие *понимания* перекидывало здесь мостки от проникновения к проникновению, связь которых (как это бывает в беседах близких) не нуждалась в непрерывности информационного потока. Надлежало восходить *горе* — от интеллектуального символа к живому созерцанию, — а не наращивать количество интеллектуальной информации, которая сама по себе (при любом ее количестве) не возводила в качество непосредственного усмотрения.

Вероятно, в связи с этой, в строгом смысле, созерцательностью его духовного строя Станислав Александрович не склонен был к тому, чтобы продуцировать тексты, — «пишущим *perpetuum mobile*» (по слову одного из героев Чехова) он никак не был.

Ведь глубочайшая персоналичность устной беседы, а в ней — события *понимания* — не поддается до конца экстраполяции в область систематически, на основе рационального дискурса организуемого письменного текста. Записанное вы-

С. А. Королев — завуч
Епархиальных Иоанновских курсов, 1997 год

падает из избирательно-личностного диалога и создает иллюзию доступности *смысла* извне и всем, а тем самым подталкивает *слово* к выходу из области *понимания* (не мыслимого вне *события* встречи) в область *информационной осведомленности*, к событию *понимания* лишь относящейся, но с ним совсем не совпадающей.

Отчасти именно об этом речь идет, например, в платоновском Федре (275e): «Всякое сочинение, однажды записанное, находится в обращении везде — и у людей понимающих, и равным образом у тех, кому вовсе не подobaет его читать, и оно не знает, с кем оно должно говорить, а с кем нет».

Станислав Александрович с горечью чувствовал нарастающее, приобретающее тотальный характер отчуждение *слова* в область безликой информационной осведомленности, — его расчеловечение.

В искусстве этой тенденции, в частности, соответствует и сопутствует увеличение доли, приобретающей самостоятельное значение, сюжетно-повествовательной, иллюстративной, номинативной функции — как бы «цветного» аналога элементарного рассудочного дискурса. Нарратив превращается в своего рода гербарий, утративший аромат былого цветения жизни или, в этом качестве гербария, вовсе отбрасывается, вытесняется *перформансом* — этим темным двойником культа, обнаженным от своих литургических облачений, утратившим волю к трансцендентному, — как бы схлопнувшим и то различие и то *расстояние* (между *даром* и *данностью*), в котором обретает себя подлинное искусство. Ведь именно так: всегда тяготеющее к безликой *данности* существования высокое искусство возвращает в перспективу *дара* и *благодарения*. А живое *слово* как праздник смысла и может быть соблюдено именно в горизонте культуры высокой, не утратившей целомудренной соотнесенности с культом, нерукотворно привитой *словесному служению* Церкви.

Такие мысли и наблюдения отчасти вторят, отчасти, как я надеюсь, продолжают размышления С. А. Королева, глубоко и остро чувствовавшего духовный кризис нашего времени.

С. А. Королеву

Наставник добрый в мир иной ушел
(остался в памяти лишь образ тихой речи).
Он тонко чувствовал мир трепетной душой
и просто озарялся смыслом вечным.

Он музыкою жил небесных сфер,
ей доверяя больше, чем витиям.
И, не любя рассудочных химер,
пропитывался Логоса стихией.

Ни плача, ни печали, ни тоски —
о муже праведном душа скорбеть не может!
Друг Анастасий сном спокойным спит,
ликуя духом присно в Царстве Божьем...

«И внемлет арфе серафима в священном ужасе поэт» Новоевропейский субъект в присутствии Пушкина

Портрет А. С. Пушкина.
Худ. О. Кипренский, 1827 год

Одна из трагических апорий человека Нового времени заключается в том, что о самом простом он вынужден говорить усложненно, дифференцированно, дискурсивно. Тогда как «всякое дыхание да хвалит Господа!».

Итак, нужно разобраться с одной принципиальной аберрацией. Апофатика Руси, ее извечная исихия раздражают многих: от Петра Чаадаева (а вернее, еще от царя Петра, впервые ясно сформулировавшего это раздражение и давшего ему ход) — через Густава Шпета — к нашим дням, до Андрея Синявского, например.

Если Русь молчала, то, значит, было о чем помолчать, что вымалчивать. Еще Тютчев призывал пасти в не-

многословности Бытие, не впрягать его, как выразился Гёте, в бессовестность овнешняющего действия. Гёте замечал: «Действующий всегда бессовестен, совесть лишь у созерцающего» («Максимы и рефлексии»)¹. Сюда же относятся слова Вольтера о том, что есть бесы, которые особенно трудно поддаются заклятию, — например, бес логики. Стоит прислушаться к Вольтеру, этому ясновидцу по части бесовщины, чтобы не впасть в искушение оседлать этого беса логики на путях так называемого исторического прогресса. И потому, слава Богу, «умом Россию не понять»; однако не всяким умом, а только умом расчленяющим, логикой расчета и присвоения, взятой на вооружение новоевропейским субъектом. Но не логикой «дорогих покойников» Достоевского: Гомера, Платона, Данте, Шекспира, — те все «понимали».

¹ Цит. по: Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 123.

В одном слове — предыстория того, как образовалась в Западной Европе эта логика расчета и присвоения, или «похищения», как пишет Гадамер, объясняя, что «похищение» переводится как «приватизация». *Privatio* — «похищение, отнятие»². Похищение, в данном случае планетарное, есть присвоение мира субъектом, полноты логосного присутствия — ущербно-расчленяющей деятельностью рассудка, а главное, целого — частью. А ведь целое как смысловой объем полноты, плеромы, Софии приоткрывается, по слову поэта, «сквозит и тайно светит» в «наготе» своей «смирненной» и не открывается никакому «гордому взору», — именно как целомудренное «большее» (то есть полное в духовном объеме) «меньшему» (то есть ущербности присваивающего рассудка). Гностическому, я бы сказал, донжуанству.

Итак, в Ренессансе человек выкинул себя из универсальных религиозных связей с Бытием и тем самым противопоставил Бытию — целостному, логосному, софийному — себя, как оказалось, в качестве всего-навсего «отвлеченного начала». Трагизм как раз в этом, — в том, что, думая присвоить себе божественную полноту и, значит, полноту божественного ведения, новоевропейский субъект как раз полноту-то этим и разрушил, став игрищем затемненных таким разрушением и вырвавшихся наружу, неподконтрольных ему сил.

Только в религиозном ведении человеку открыт полный объем мироздания, каковому он и соответствует на путях святости. Нарушая свою духовную связь со всем, человек получил в лице этого «всего» непроницаемо-косного врага — «разволшебственный» мир. Смысл дается в свете Логоса. Свет погас, и затемненный, бездуховный в объеме мир превратился в косный «объект» научно-технического освоения, в дурную бесконечность сил, скоростей, атомов; каждая из этих составляющих, как джинн, выпущенный из бутылки, грозит смести самого гностического похотливца (используя выражение Паскаля «похоть знания») с лица земли. Думая безоговорочно подчинить себе «объект», то есть мир, как предмет захвата и власти, субъект оказывается во все большем подчинении у неуправляемых и неподконтрольных ему сил и энергий.

«На знамени современной цивилизации, — читаем в одной богословской работе, — начертаны слова Р. Бэкона „знание — сила“». Знание — сила... Знание — власть, можно добавить от себя. И это серия трагических парадоксов, в цепи которых оказался против своего желания новоевропейский субъект...

Наш Пушкин это удивительно чувствовал, и часто тихие бездны его глубокомыслия были связаны с грустным раздумьем над судьбами постренессансной Европы. Можно и так определить призвание Пушкина: *он дал русские ответы на европейские вопросы.*

И первое, что ему было «внятно» (по точному слову Блока), — это тот основной трагический парадокс, в болевой точке которого оказался постре-

² Гадамер Г. Введение к истоку художественного творчества // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М., 1993. С. 128.

нессансный гуманист. В своих безмерных притязаниях на роль миродержца человек на самом деле достиг противоположного: «прорвался» за меру своего образа как абсолютного смысла, «вынул» себя из определенного отношения с Богом, с Премудростью Божией, то есть освободил себя из того смыслового «приюта» (по выражению Данте), где ему все было в меру, где он был равен своему бессмертию. Новоевропейский гуманист тем самым вверг себя собственным сознательным усилием (*cogito, ergo sum*) в тот хаос, в то «вторичное упрощение» (как определял К. Н. Леонтьев), в то «из ничего», из которого первоначально просиял и он сам, и все мироздание как дар и смысл.

Владимир Соловьев писал: «Когда мнимые христиане отлучили от Духа Христова материальную природу, эту всемирную Магдалину, в нее естественно вселились злые духи»³. Эту метафору буквально реализовал в строе своей мысли Гёте, сделав Мефистофеля вечным спутником любознательно-похотливого Фауста. «Фауст, — размышляет С. Аверинцев, — разрушив отжившую средневековую меру и выйдя к техническому активизму, оказался в опасности утратить вообще всякую меру»⁴, то есть, попросту говоря, утратил возможность опознавать себя в качестве смыслового самоощущения.

Ведь этим, если присмотреться, мучится Сальери. Легко сказать: «Нет правды на земле, но правды нет и выше». Но дальше онтологически бессознательный субъект вынужден все время подтверждать свое существование. Поэтому Сальери подтверждает его всякого рода методологиями.

У Моцарта же есть онтологическое место в Бытии. Для Пушкина важно, что подлинно «присутствует» только полнота («плерома»), энтелехия смысла. При-сутствует — значит находится «при сути». «Суть» понимается как «есть». «Есть», говоря языком Аристотеля, — это «энергия», понимаемая как «разверстость» смысла, это именно энтелехия — явленная суть смысла. Следовательно, «есть» образует корнесловие «истины», в буквальном смысле — «естины», по слову отца Павла Флоренского.

Значит, Моцарт, или Гринев, или Царевна, или Татьяна, или Маша Миронова просто *есть* — в плане светлого тихого *наличия*. Простого — значит, абсолютно полного смысла, тихо при-сутствующего (ср. хайдеггеровское «здесь-бытие», *Dasein*) в иерархии Божиего Мироздания.

И смысл этот «покоится стыдливо в красе торжественной своей», — отмечает псалмодией Пушкин.

А Сальери живет трудно. Но ведь он сам вывел себя за скобки онтологического покоя — своим контраргументом в плане божественного порядка в мироздании. Он воистину испытывает муки Танталя или Сизифа, находясь по своей воле, так сказать, в поту нескончаемого самообоснования. По этой части он ритор-виртуоз и одновременно софист; по грубому определению, он являет собой «помесь» Протагора с Цицероном. Однако счастья нет и

³ Соловьев В. С. Сочинения. М., 1889. С. 353.

⁴ Цит. по: Философская энциклопедия. М., 1970. Т. V. С. 62.

в его измученной душе. Он вынужден как человек новоевропейского менталитета враждовать с Моцартом как с реликтом отвергнутого им Божиего мира.

Возникает интересная параллель с Синявским. Параллель тоже, пожалуй, онтологическая, психологические подробности здесь второстепенны. Простота Пушкина как софийный объем удерживаемого им смысла раздражает. Синявский, как и Сальери, даже усматривает оскорбление в способности (Пушкина и Моцарта) созерцать и передавать смысл Божиего порядка в мироздании. Синявский как эстет и романтик не хочет Бога, ибо Бог обязывает. Тут он согласен с Сальери в том, что как раз и нет обязывающей Правды ни на земле, ни выше. Нет софийного, логосного устройства, а значит, простота Пушкина есть пустота. Для Синявского бытие, онтология, как и для всякого «трансцендентального субъекта», является не более чем «связкой в суждении», лишь «продуктом способности воображения» — в эстетике (Кант). За вычетом сотворенного им самим, творцом-художником, в «остатке» мироздания ничего нет, — нет Логоса воплощенного, нет той красоты мира, увидев которую, Бог сказал, что это хорошо; нет и Софии, Премудрости Божией, той Его славы, которая почиет, как сказано Достоевским, на любом листочке, в каждой росинке.

Есть только *фундаментальное сомнение*, по вердикту Декарта. Сомнение как узурпация вероисповедной полноты Логоса. Сомнение как основа «могучести» человека, если использовать терминологию Николая Кузанского. Той «могучести», которая позволяет новоевропейскому субъекту каждый день идти в бой. «И вечный бой, покой нам только снится». Здесь Блок — в парфразе слов Гёте. А собственно, в бой с кем и за что? Может быть, с Кем? Тогда выходит незадача: за что идти в бой, если, по слову св. Дионисия Ареопагита, «все создано Богом для Себя в свете истины», в «свете тихом»?

Нет, созерцательный образ мира враждебен сомневавшемуся декартовским сомнением; и все революции Европы — начиная с той, что произошла, по выражению Маркса, «в голове одного немецкого монаха» (то есть Лютера), — направлены на его свержение. И Сальери «свергает» Моцарта, применяя революционную картезианскую методологию. «Cogito, ergo sum» — «мыслю, значит, могу». «Могу» удостоверить разные противоположные «возможности», ибо нет непререкаемых. Cogito — значит *удостоверяю* вместо *верю*; cogito — значит *рассекаю*, *разъединяю* в анализе; cogito — значит *сличаю*, *устанавливаю*; cogito — значит *санкционирую* все, в чем убедился голым рассудком безо всякого ореола обязывающей Высшей Правды.

Но ведь тогда cogito — это узурпация, похищение, буквально «приватизация», приватизация этим самым рассудком Высшей Правды. Прокрустово ложе рассудка и «устраивает» Шеллингу и Гегелю «философию тождества», — выходит, тождества падшего тварного разума и Разума Божественного?!

Метод, рассудок, захват — синонимы. А что современная наука имеет характер захвата, в том великий философ не сомневается: «Вы отклоняете ту

мысль, что современная техника имеет характер захвата, — пишет Хайдеггер Ясперсу, — но она его имеет, и потому его имеют также *новоевропейские естествознание и история*» (курсив мой. — С. К.). Захват сущего состоит в том, что отношение к нему, к сущему, «приобретает черты хватки, которая в Новое время разворачивается в опредмечивание»⁵.

Остановимся на слове «опредмечивание», вообще на слове «предмет». Оно для Хайдеггера в частности и для истины вообще имеет однозначно отрицательное значение. Ему противостоит в положительном значении понятие «вещь». Вещь веществу в своей логосной самостоятельности. Она адекватна своей полноте. В рамках греческого и средневекового онтологического сознания вещь — «событие бытия», как сказал бы Хайдеггер. Вещь никогда не ошибается, замечал Аристотель, ошибается сознание, ее постигающее⁶. Тем самым Бытие ставится выше Познания, вот почему попытки мышления в *новоевропейской философии* обосновать Бытие — безрезультатны!

А вот как перетолковывается понятие «вещь» в рамках римско-латинского мышления, которое отнюдь не удерживает содержательную полноту греческих слов, придавая им зачастую «юридическое» и, следовательно, снижающее значение. Не зная понятия «вещи», римское мышление тщательно этимологизирует позднелатинский схоластический термин «*ob-jectum*». «*Ob-jectum*», пишет Аверинцев, это значит «пред-брошенное оку», то есть извне предлежащее, «кинутое на потребу» созерцанию как иное ему.

Так вот, слово «пред-мет» как русский перевод понятия «объект» и удерживает латинские черты разделяющего, вмещающего, захватывающего подхода к тому, что должно прозреваться умным видением в непостижимой простоте.

Сальери неуместен в контексте *моцартовской простоты*; последняя оскорбительна для него, трагически полагающего, что *картезианская методика* удостоверения истины единственно правомерна. Нет способов удостоверить ее объективно представляющим или противопоставляющим сознанием, не подчинив ее (истины) полноты «захвату» *рассекающего рассудка* или *воображающего чувства* («эстетики»).

Вообще говоря, захват — это узурпация частью целого. В Новое время распалась триада Истины, Добра и Красоты. Истина стала наукой. Добро — отвлеченной моралью. Красота — только эстетикой, искусством. Все как в «Золушке» после двенадцати часов ночи (карета стала тыквой, кучер стал крысой, мир — ньютоновой формулой, вода превратилась в H₂O)...

Но претензия эстетики стать Красотой с большой буквы — это тоже захват. Символику трагического соотношения между Красотой Истины и красотой только эстетической дал наш божественный поэт в образах «Сказки

⁵ Вопросы философии. 1993. № 10. С. 149.

⁶ Аристотель. Сочинения: В 4 т. М., 1976. Т. 1. С. 186.

о Мертвой царевне». Царевна — «свете тихий» — образ, являющий собой абсолютный предикат Бытия, восходящий из молчания, из потаенного, в явь открывающегося смысла стыдящимся целомудрием, покоем, смирением. Истинная Красота — благообразна. Она дарит, жертвует, представляется в символикe «обратной перспективы» — иконы. Лики ангелов в «Троице» Андрея Рублева являют такое единство, которое выше пола и возраста. Так же и у Пушкина: «Коли парень ты румяный, / Братец будешь нам названный. / Коль старушка, будь нам мать, / Так и станем величать. / Коли красная девица, / будь нам милая сестрица».

Пушкин жалеет Царицу за то, что ей не остановиться в темных демонических проявлениях своей красоты — слишком эстетической, слишком языческой, являющейся в разрушительном хаосе космической одержимости. Царице действительно не остановиться, ибо зазор, образовавшийся между ее красотой (перефразируя Канта — «в пределах одной только эстетики») и Красотой как способом проявления Истины и Добра, влечет ее к действию, к демоническому активизму, как любого, впрочем, из новоевропейских романтических гениев: Наполеона ли, Байрона, Бетховена. Мир Царевны Царица не принимает, да и не должна принять, как Сальери не может принять мир Моцарта.

Такое ощущение, что Пушкин знал слова Григория Нисского, когда «созерцал» свою Царевну: «Божественная красота проявляется не в каком-либо наружном виде и не в прелести внешнего образа <...>, но усматривается в неизреченном блаженстве сообразно с добродетелью»⁷.

Наши художники не имели в определенном смысле творческого жеста. Потому что, в сущности, творит Бог один. Они, скорее, созерцали сотворенный мир, так рассматривали творение, что становилось «невидимое Божие видимо» (Рим. 1: 20).

Уже то, что многие произведения наших писателей, композиторов не окончены — красноречиво. У них нет претензии на завершающее слово о мире. Отсюда и рождается то, что именуется в нашем искусстве «стыдливостью художественной формы». У нас понимали, что гладкой речью можно только скользнуть по поверхности жизни, не выявляя ее глубины. Более того, Мусоргский ли это, или Достоевский, но мы отчетливо слышим в самой основе их жизненного служения плач о себе, о своих малых силах высказать главное. «Из глубины возвах к Тебе, Господи» — вот духовная основа их творчества. В их словах или нотах словно бы выдохнут покаянный вопрос: каких же слез хватит, чтобы оплакать унижение грехом своего богоподобного образа? Потому-то и нет у наших писателей завершающих слов о мире, что последние слова будут сказаны на небесах и что художественное произведение служит чему-то гораздо более высокому, чем только формальной своей завершенности, земной эстетике.

⁷ Григорий Нисский, свт. Человек есть образ Божий. М., 1995. С. 6.

Поэтому и не закончил Пушкин «Евгения Онегина», Гоголь сжег второй том «Мертвых душ», Мусоргский не дописал, оставил в вариантах обе свои великие оперы, а Достоевский своим последним романом поставил скорее многоточие, чем точку.

Совестливое свое косноязычие перед лицом истины обнаружил даже такой гениальный мастер формы, как Александр Сергеевич Пушкин. И выразил он свое косноязычие не во внешней организации текста, а в смысловой глубине его. Вспомните в «Моцарте и Сальери» эпизод со слепым скрипачом. Моцарт в умилении сердечном смеется над трогательным непрофессионализмом уличного музыканта, а у педанта Сальери юмор отсутствует, он с раздражением прогоняет скрипача, ибо тот дерзнул неумелостью своей, так сказать, косноязычием, испортить великую музыку. Но Моцарт-то у Пушкина знает, что велик по-настоящему только Бог один и что вся мудрость человеческая перед лицом Божиим — безумие. И что он, Моцарт, в этом не исключение и что его сочинение перед Высшим Судом — такое же косноязычие, как и эти простодушные неумелые звуки простого скрипача перед ним самим. Недаром Моцарт деликатно напоминает болезненно самолюбивому Сальери, что их призвание — благоговеть перед Высшей Инстанцией, быть жрецами Единого Прекрасного, благодарными за дар таланта и гения, который свыше.

Пушкин последователен: знает и свое место в культуре, ни в коем случае не пытаясь его превзойти. Вот его (как, впрочем, и всей нашей художественной культуры) аскетический жест: «И внемлет арфе серафима в священном ужасе поэт».

Красота — одно из имен Божиих

*Из лекции первого завуча Свято-Иоанновских курсов
Станислава Александровича Королева († 2016)*

*Станислав Александрович Королев —
завуч и преподаватель
Епархиальных Иоанновских курсов,
2003 год*

*Предлагаем вниманию читателей
расшифровку небольших фрагментов
сохранившейся аудиозаписи
лекции С. А. Королева.*

* * *

Дорогие братья и сестры, это страшное недоразумение, страшная наша необразованность, обскурантизм, мракобесие! Когда мы отвергаем культуру — мы мракобесы. Если у нас нет вкуса к культуре, то тем более у нас никогда не будет вкуса к тому, что выше культуры. Поэтому часто встречаются в религиозной литературе такие вещи, которые читать нельзя — настолько это все лживо, настолько эк-

зальтировано. Экзальтация — это чувственность или, лучше сказать, страсть.

Вы никогда не задумывались над тем, почему Господь именуется воплощенным Логосом, Умом? Следует изучать соотношение науки и религии. Наука одним концом сама себе принадлежит, то есть стихии счета, эксперимента и всему, что с этим связано, а другим концом она метафизична, то есть глубоко философична.

Вот, например, парадокс: в Греции, в стране, где святыми считались вещи, обожествлялась внешняя природа, науки не должно было быть как таковой. Потому что греки освящали то, на что они смотрели, соединялись с этим сердцем, душой, традицией, а не подходили только разложительно, умом, теорией... Ведь нынешнее понимание слова «теория» совершенно противоположно тому, которое было изначально в Великой Греции. Греция является основоположницей, колыбелью классического образования вообще. И великая катастрофа то, что у нас нет классического образования, — это была бы потрясающая подмога для воцерковления...

* * *

Есть лик, лицо и личина. Лик — это наивысшая характеристика лица, когда оно присуще святому. Лицо — это дуализм в человеке, когда он может обернуться и к лучшему, и к худшему. Лицо совершает выбор куда стремиться: вверх, к лику (когда мы воцерковляемся, мы идем к лику) или вниз, к личине (когда нам ни воцерковления, ни хорошего поведения не надо). Тогда мы — лицемеры, если мы в личине.

С Любови Орловой началось подтягивание лица. Она первая начала, советская актриса голливудского типа. Но когда она подтягивала лицо, она не понимала одной простой вещи — что она роняет возможность своего лица стать ликом и опускается до личины. Все женщины, артистки, подтягивающие свое лицо, оличиваются, становятся лицемерками в буквальном смысле слова. Ведь каждая морщинка на нашем лице соответствует какому-то событию нашей внутренней жизни. И она нам дороже дорогого, если мы вспомним, с чем она связана. Но мы с вами, к сожалению, живем в век не традиции, не уклада. Мы живем не в деревне, где все копится, собирается, становится единым, а живем в городе, который образовал Каин, на поприще титана-богоборца Прометея...

* * *

Как вы понимаете, что такое красота? Я бы за одно точное определение этого понятия сразу бы ставил пятерку и отпускал бы человека по высшему разряду с почетом, так как это значит, что человек может преподавать. Красота — это одно из имен Божиих. Но если Красота выступает сама по себе, то есть это голая Красота, не поддержанная двумя другими составляющими — Истиной и Добром (а это Троица — Истина, Добро и Красота), то она превращается в демоническую силу.

Самый лучший пример — «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях». Вы помните, во что превратилась царица в поисках некой красоты? Для чего она все время держала при себе зеркальце?

Свет мой, зеркальце! скажи,
 Да всю правду доложи:
 Я ль на свете всех милее,
 Всех румяней и белее?

Смотрела, смотрела в это зеркальце и в какой-то момент сорвалась:

Тут её тоска взяла,
 И царица умерла.

А тоска — это прежде всего свидетельство о глубочайшем внутреннем нестроении.

Пушкин пишет:

Высока, стройна, бела,
И умом и всем взяла...

Но ум у женщины, намекает поэт, как бы излишен, когда он начинает проявляться самостоятельно, а не входит в некую целостность, именуемую мудростью. Пушкин — настолько тонкое явление, что о его тонкости мы еще даже не подозреваем. Я не знаю, какой спецкурс важнее для вас — по науке и религии, по Шекспиру или по Пушкину... Шекспир — тоже величайший апогет веры, которого надо читать, понимать и чувствовать...

Так вот, взяла тоска царицу, и царица умерла. Она все время смотрелась в зеркальце. Царевна же, как вы знаете, ни в какие зеркальца не гляделась. Но зато ее знало все мироздание! Помните, когда королевич Елисей помчался за ней, он спрашивал у всех стихий мира — у солнца, у месяца, у ветра... И они ее знали! Животный мир — посмотрите, ведь собака жертвует жизнью за нее!

Пёс на яблоко стремглав
С лаем кинулся, озлился,
Проглотил его, свалился
И издох. Напоено
Было ядом, знать, оно.

Семи богатырям, которые пришли увидеть мертвую (спящую) царевну, пес съмитировал то, что произошло: съел это яблоко и издох. Он пожертвовал жизнью за такую девушку, такую женщину, такую душу! Кстати, здесь у Пушкина есть одна тончайшая вещь:

Что за диво!
Всё так чисто и красиво.
Кто-то терем прибирал,
Да хозяев поджидал.
Кто же? Выдь и покажися,
С нами честно подружися.
Коль ты старый человек,
Дядей будешь нам навек.
Коли парень ты румяный,
Братец будешь нам названный.
Коль старушка, будь нам мать,
Так и станем величать.
Коли красная девица,
Будь нам милая сестрица.

Чувствуете? Ни пола, ни возраста. Кто ты? Что-то чудесное, потому что это дом семи румяных усачей, где должны быть авгиевы конюшни, но они

возвращаются и видят, что их терем прибран, чист. Кто же ждал их в доме после охоты? Оказывается, вот это маленькое дивное существо, которое никогда не смотрелось в зеркальце, чтобы удостовериться свою красоту, но которое являло собой Истину, Добро и Красоту.

Да, только так и может пониматься Красота как имясловие Божие — как Добро, Полнота и Благо. Всякое расчленение этой троичности ведет к искаженному пониманию Красоты — например, как эстетики. Есть огромная разница между истинной Красотой как именем Бога и эстетикой. Вот, пожалуйста, вам и риск эстетического:

Высока, стройна, бела,
И умом и всем взяла...

Царица очень красива. Вы помните, что зеркальце дважды сказало:

Ты на свете всех милее,
Всех румяней и белее.

Но в то же время оно делало оговорку — «но»:

Но царевна всё ж милее,
Всё ж румяней и белее.

Или:

Но живёт без всякой славы,
Средь зелёных дубравы,
У семи богатырей
Та, что всё ж тебя милей.

Приведу другой пример из литературы. У Толстого в «Войне и мире» есть чудовищная по своей своенравности женщина — княгиня Элен Курагина. Разве она не царицей описана? Все время ходит в потенциальной тоске, в некой невыразимости хвастовства по поводу своего величия и внешней красоты. Воистину, Пушкин после себя раздал темы всей русской литературе, абсолютно всей! Недаром Достоевский в речи о Пушкине сказал: ты оставил нам тайну, которую мы до сих пор разгадываем.

Если бы мы с вами тоже попытались разгадать эту тайну, мы бы обязательно вышли на серьезные разговоры на тему богословия, Истины, Добра и Красоты и поговорили бы о том, почему же все-таки прав Достоевский, сказав, что «Красота спасет мир». Я оставляю вас с этим вопросом, потому что есть вещи, которые могут быть определены только в систематическом, без пропусков, разговоре...

В. П. Филимонов

Житие и подвиги преподобного Серафима, Вырицкого чудотворца К 70-летию со дня преставления

В незримом подвиге. Годы жизни в миру (1866–1920)

Великий русский святой, преподобный и богоносный отец наш Серафим, Вырицкий чудотворец (в миру Василий Николаевич Муравьев) родился 31 марта 1866 года, в деревне Вахромеево Арефинской волости Рыбинского уезда Ярославской губернии. С юных лет он имел великое стремление к монашеской жизни и буквально зачитывался житиями святых иноков, просиявших в первые века христианства. Уже в ту пору открылся для него чудный таинственный мир, перед которым померкло все земное.

Родители Василия, будучи рачительными хозяевами, вместе с тем не были привязаны к материальным благам. Они всегда были готовы помочь нуждающимся, приютить у себя странников, обогреть и накормить бедных. Все это не ускользало от внимания пытливого отрока — Василий рос таким же трудолюбивым и сердечным по отношению к ближним.

Когда позволяло время, Муравьевы всей семьей совершали паломнические поездки ко святым местам — храмам и монастырям. С особой радостью посещали они Свято-Троицкую Сергиеву Лавру, в Гефсиманском скиту которой подвизался всероссийский старец иеромонах Варнава (Меркулов)¹.

Неожиданно на семью обрушилась скорбь — в 1876 году Господь призвал от земных трудов отца Василия — Николая Ивановича Муравьева, находившегося в расцвете лет. Ему тогда шел сороковой год. Близкие тяжело переживали утрату. Мать Василия была женщиной болезненной, а от случившегося ее состояние еще ухудшилось. Десятилетнему отроку пришлось стать кормильцем семьи.

Милость Божия не оставила обездоленную семью — односельчанин, благочестивый и добрый человек, работавший в одной из лавок Санкт-Петербурга старшим приказчиком, пригласил Василия в столичный город

¹ Прославлен в лике преподобных угодников Божиих Московской епархии и в сонме Радонежских святых 19 июля 1995 года.

на заработки. При этом он обещал, как тогда говорили, «вывести его в люди».

Работая рассыльным в одной из лавок Гостиного Двора, Василий с первых же шагов проявил такое усердие, исполнительность и старательность, что заслужил полное доверие хозяина. В дальнейшем владелец конторы, где работал отрок, стал поручать ему все более и более сложные дела, которые Василий, с Божией помощью, всегда выполнял с усердием и в срок. Почти все свое жалование Василий отсылал на родину больной матери, оставляя себе лишь малую часть на самые неотложные нужды.

По-прежнему владело Василием неугасимое стремление к монашеской жизни. Настал момент, когда оно охватило его с непостижимой силой. Ему было тогда около четырнадцати лет. В горячем порыве пришел он в ранний час в Александро-Невскую Лавру и попросил о встрече с наместником. Однако игумен в тот день отсутствовал. В ту пору в Лавре подвизалось несколько старцев-схимников, известных во всей России. Василию предложили встретиться с одним из них. На коленях, со слезами поведал отрок духоносному старцу о своем заветном желании. В ответ же услышал наставление, оказавшееся пророческим: до поры оставаться в миру, творить богоугодные дела, создать благочестивую семью, воспитать детей, а затем, по обоюдному согласию с супругой, принять монашество. В заключение схимник сказал: *«Васенька! Тебе суждено еще пройти путь мирской, тернистый, со многими скорбями. Соверши же его перед Богом и совестью. Придет время и Господь вознаградит тебя...»* Так была явлена Василию воля Божия. Вся дальнейшая его жизнь в миру стала подготовкой к жизни иноческой. Это был подвиг послушания, который длился более сорока лет!

Обладавший многими способностями, Василий уже в шестнадцатилетнем возрасте был назначен на должность приказчика, а еще через год стал старшим приказчиком.

Преподобный
Варнава Гефсиманский

По служебным делам молодому коммерсанту приходилось выезжать в Москву, Нижний Новгород и другие города России. Тогда, по согласованию с хозяином, посещал он святые места, находившиеся поблизости. Неизменно бывал он в обители преподобного Сергия Радонежского и всякий раз старался побывать в Гефсиманском скиту у любвеобильного старца Варнавы. В его лице Господь даровал Василию Муравьеву несравненного духовного наставника. Около двадцати лет продолжалось их духовное общение. Когда позволяли дела, Василий Николаевич спешил в Гефсиманский скит, а отец Варнава, посещая Санкт-Петербург, всегда бывал в доме у молодого коммерсанта.

Духоносный наставник всегда помогал Василию советами и святыми молитвами, оберегая юношу от мирских соблазнов и готовя его ко вступлению в будущем на иноческий путь.

Пока же Василию необходимо было выбрать себе спутницу жизни. Ею стала родившаяся в благочестивой купеческой семье Ольга Ивановна Нетропина, с которой в 1889 году, по благословению отца Варнавы, Василий и обвенчался. С первых же шагов совместной жизни в молодой семье Муравьевых всему духовному отдавалось безусловное предпочтение. Супруги вместе посещали богослужения, выполняли молитвенное правило, а по вечерам читали вслух Евангелие и Псалтирь.

Уже в 1892 году Василий Николаевич открыл собственное дело — организовал контору по заготовке и продаже пушнины. В течение многих лет он арендовал торговые и складские помещения на территории Апраксина Двора, который в ту пору не уступал Гостиному по обилию и качеству предлагаемых товаров.

Ольга Ивановна, будучи внешне весьма женственной, характер имела твердый и решительный. Известно, что она немало помогала супругу в торговых делах, а во время отсутствия Василия Николаевича в Петербурге успешно руководила работой предприятия. Со временем их контора получила известность на международном рынке. В торговых домах Европы высоко ценили коммерческие способности и порядочность супругов Муравьевых.

В 1895 году в их семье родился сын Николай, а затем появилась на свет и дочь Ольга. Однако последняя отошла ко Господу еще невинным младенцем, и после ее кончины, по обоюдному согласию и благословению отца Варнавы, Василий и Ольга стали жить как брат и сестра. Молитвы духовного отца помогали им устоять в этой решимости.

Дела у Василия Николаевича идут все успешнее. Прибыли растут. Но он всегда помнит слова апостола Павла: *«Имея пропитание и одежду, будем довольны тем»* (1 Тим. 6:8). Он продолжает отдавать значительную часть заработанного Церкви и нуждающимся.

В семье Муравьевых сложился удивительный обычай — после литургии в дни двенадцатых праздников, праздников в честь чудотворных икон Пресвятой Богородицы и чтимых святых

Семья Муравьевых
в вагоне поезда Берлин — Вена,
около 1900 года

в доме накрывали многие столы с самыми разнообразными кушаньями и зазывали с улицы на трапезу всех неимущих.

Имея воистину незаурядные способности, Василий Николаевич тем не менее никогда не стремился к богатству и мирским почестям. Торговая деятельность была для него не способом умножить личный капитал, а необходимым средством для оказания помощи Церкви и ближним. Однако молодой предприниматель всегда старался всемерно повышать уровень знаний и эрудиции.

В 1895 году Василий Николаевич стал действительным членом Общества для распространения коммерческих знаний в России и поступил на Высшие коммерческие курсы, организованные при Обществе. Оно состояло под Августейшим покровительством Императорского Высочества великого князя Александра Михайловича и объединяло в себе функции высшего учебного заведения, предпринимательской коллегии и благотворительного фонда. Вплоть до 1917 года безменным председателем Общества был потомственный почетный гражданин, действительный статский советник Григорий Григорьевич Елисеев. Высшие Коммерческие курсы состояли в ведении Министерства финансов и находились в доме № 90 по Невскому проспекту. По количеству и объему преподаваемых предметов и составу преподавателей курсы относились к типу ВУЗов и давали углубленные знания не только в области финансов и коммерции, но и по многим другим дисциплинам. В числе первых 22-х выпускников был и Василий Николаевич Муравьев.

Помогая ряду храмов и обителей по долгу христианского милосердия, Василий Николаевич как милосердный самарянин (Лк. 10:35) постоянно вносил пожертвования на содержание нескольких богаделен, самая крупная из которых находилась на Международном (ныне Московском) проспекте при Воскресенском Новодевичьем монастыре. Муравьевы не раз принимали к себе болящих из казенных больниц. Этим страждущим было неизмеримо легче поправляться в домашних условиях. Сердечное участие и искренняя любовь творили чудеса — безнадежно упавшие духом и истощенные тяжкими недугами люди вставали на ноги и возвращались к деятельной жизни.

В 1903 году Господь даровал России нового молитвенного заступника — преподобного Серафима Саровского. Особая благодать посетила верных чад Церкви и Отечества. Небеса приблизились к земле, и ангелы ликовали вместе с человеками. И «запели среди лета Пасху». Сподобил Господь и Василия с Ольгой побывать в те удивительные дни в Саровской обители. На всю жизнь сохранили о них благоговейную память благочестивые супруги Муравьевы. Василий Николаевич от юности своей глубоко почитал батюшку Серафима. Молодой петербургский купец видел в отце Серафиме убедительный пример святого жития, учился у него претворять в жизнь высокие идеалы Православия.

В 1905 году Василий Николаевич Муравьев стал действительным членом Ярославского благотворительного общества. Служение в Обществе требовало от его членов не только материальной благотворительности, но и глубокой христианской любви к ближнему. Деятельное участие благочестивого коммерсанта в ряде благотворительных обществ и фондов есть только видимая сторона проявления его евангельской любви к ближним. Многочисленные пожертвования на храмы и монастыри, непрестанные пожертвования неимущим творил он втайне от окружающих.

Семья Муравьевых в Варшаве, около 1906 года

Главным же для Василия Николаевича было духовное делание.

Многoletнее послушание духоносному наставнику приносило свои благодатные плоды. Почти двадцать лет пребывал он в послушании у богоносного старца Варнавы, и это заложило тот прочный фундамент, на котором происходило дальнейшее его возрастание в великого подвижника благочестия.

Сокровенная внутренняя жизнь петербургского купца и его подвиги были скрыты от посторонних взоров. При весьма напряженных земных трудах он вел жизнь истинного молитвенника. Его духовные труды были гораздо более обильными, нежели мирские, которые творил он исключительно во славу Божию, ибо суетен труд безблагодатный. Труд, соединенный с молитвою и Словом Божиим, уже на земле дает плоды духовные и ведет в Царствие Небесное.

Покаянная деятельность души Василия Николаевича зиждилась на двух молитвах — молитве святого преподобного Ефрема Сирина: «Господи и Владыко живота моего...» и непрестанной Иисусовой молитве. Через них же обретал подвижник смирение и святой мир о Христе Иисусе Господе нашем, соединяющий воедино ум, душу и тело. «*Стяжи мир духовный и вокруг тебя спасутся тысячи*», — говорят святые отцы...

Смирение и покаяние. И паки: смирение и покаяние... Смирение — основание в здании добродетелей. Покаяние — основание в здании внутреннего делания.

Через многие годы Ольга Ивановна Муравьева рассказывала внукам: «Он убивал в себе плотского человека еще в миру, задолго до принятия монашества». Здесь говорится не столько об ограничении в пище, сколько об отсечении плотских помыслов и постоянном самоукоренении.

Духовными друзьями Василия Николаевича были архимандрит Феофан (Быстров) — инспектор Санкт-Петербургской духовной академии, а впоследствии ее ректор, епископ Ямбургский, негласный духовник Царской Семьи, и архимандрит Вениамин (Казанский) — ректор Санкт-Петербургской духовной семинарии, впоследствии — епископ Гдовский и митрополит Петроградский, священномученик.

Сродное познается только сродным — будущие святители увидели в Василии Муравьеве то, чего не дано было увидеть другим. Не в тиши монастырского уединения, не в отдаленной пустыни, а в самой гуще мирской жизни с ее искушениями и соблазнами совершал тот свое восхождение к высотам христианского совершенства. После кончины преподобного Варнавы Гефсиманского в общении с этими аскетами-подвижниками проходило дальнейшее духовное возрастание Василия Николаевича.

При всех своих высоких достоинствах Василий Николаевич всегда был исполнен милости и долготерпения к подчиненным, являя собой образ истинного смирения. А труд, соединенный с молитвой, давал и реальные практические плоды. К 1915 году Василий Николаевич Муравьев становится одним из пяти крупнейших мехоторговцев Петрограда, имевших оптовые склады.

В связи с обучением сына в Императорской Николаевской Царскосельской гимназии Муравьевы еще в 1906 году приобрели двухэтажный десятикомнатный особняк в живописном поселке Тярлево, расположенном между Царским Селом и Павловском.

Николай Муравьев, 1904 год

Сразу после поступления сына в гимназию Василий Николаевич становится одним из ее попечителей. На протяжении более десяти лет — с 1904 по 1914 год — он постоянно общался с людьми, которые принимали активное участие в жизни Императорской Царскосельской гимназии.

В списке попечителей множество известных имен — прежде всего, лейб-медик Царской Семьи Евгений Сергеевич Боткин, прославленный во святых на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 2016 года как праведный Евгений Боткин, врач, страстотерпец (день памяти — 4/17 июля). В те годы, когда Николай Муравьев учился в Царскосельской гимназии, Евгений Сергеевич Боткин был председателем ее

родительского комитета. В гимназии проходили обучение два его сына в параллельных с Николаем классах.

В число попечителей гимназии входил князь, генерал-майор, начальник Главного управления Царского Села и Царскосельского дворца Михаил Сергеевич Путятин. Младший сын князя — Александр был особо дружен с сыном Муравьевых — Николаем. В работе благотворительного Общества при гимназии также участвовали другие выдающиеся деятели своего времени.

Вот такой круг общения был у купца Василия Николаевича Муравьева и его супруги Ольги Ивановны в годы учебы их сына в Царскосельской гимназии! Это, безусловно, была особая среда с неповторимой атмосферой взаимного понимания и общими благородными целями. Единомысленные благочестивые люди, преданные Церкви, Царю и Отечеству, могли духовно обогащать друг друга.

В Царскосельское благотворительное общество помимо светской элиты входила и духовная элита Царского Села. В первую очередь, настоятель Екатерининского, а затем Феодоровского Государева собора протоиерей Афанасий Беляев — духовник Царской Семьи, а также настоятели и священнослужители других храмов Царского Села. Дети многих священнослужителей — членов Общества учились в гимназии. Законоучителями в гимназии были: настоятель гимназической церкви в честь Рождества Пресвятой Богородицы, протоиерей Александр Рождественский и священник Собственного Его Императорского Величества Конвоя Алексей Кибардин, впоследствии — последний духовник преподобного Серафима Вырицкого.

Имеются свидетельства о том, что в Павловске и в Царском Селе Василий Николаевич и Ольга Ивановна встречались и беседовали с Государем Императором Николаем II Александровичем. Известно также, что Помазанник Божий бывал в доме Муравьевых в Тярлево и с большим теплом относился к благочестивым супругам. Об этом впоследствии рассказывала своим внукам Ольга Ивановна Муравьева (в монашестве — монахиня Христина, схимонахиня Серафима).

Икона святого врача
Евгения Боткина

Икона святого царя
Николая II Александровича

Семья Муравьевых бывала и на богослужениях в Феодоровском Государевом соборе, который являлся приходом Августейшей Семьи и чинов Собственного Его Императорского Величества Сводного пехотного полка и Собственного Его Величества Конвоя, размещавшихся в Царском Селе. Иные лица допускались на службы в Государев собор только по особым приглашениям.

Господь сподобил Василия Николаевича многих благодатных даров еще в бытность его мирянином. Однако же до поры все это было сокрыто от мира, лежащего во зле. Благочестивый петербургский коммерсант заслужил особые дары Божии — он любил и жалел всех человек, за всех молился и желал всем спасения. Василий Николаевич был одним из тех редких людей, которые любят Господа и ближнего истинным делом и подвигом

всей своей жизни. Приближалось время, когда он должен был выйти на служение людям словесами духовной мудрости и любви.

И вот наступил грозный 1917 год. Для России пришло время тяжких испытаний. Многие состоятельные знакомые Муравьевых переводят свои капиталы за границу и покидают Россию, надеясь пережить смутные времена за рубежом. Для Василия Николаевича такого выбора не существовало — он всегда был готов разделить любые испытания с горячо любимой Отчизной и своим народом

Он закрывает свое дело, наделяет щедрыми пособиями всех своих служащих, а основные капиталы жертвует на нужды святых обителей — Александро-

В. Н. Муравьев, 1916 год

Невской Лавры, Воскресенского Новодевичьего женского монастыря в Петрограде и Иверского Выксунского женского монастыря в Нижегородской губернии, основанного его духовным отцом, иеромонахом Варнавой (Меркуловым).

Вскоре пришла пора лютых гонений за веру. В это время Муравьевы проживают по большей части в Тярлево. Василий Николаевич подытоживает мирские дела, погружается в чтение творений святых отцов, изучение монастырских уставов и богослужебных книг, уединенную молитву. Близится исполнение заветного его стремления к принятию монашества, которое носил он в себе всю предыдущую жизнь. По обоюдному согласию с супругой принимают они решение всецело посвятить себя служению Единому Богу — молитвенному подвигу.

Сперва Василий Николаевич предполагал принять иноческий постриг в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре, чтобы подвизаться в Гефсиманской пустыни у мощей своего духоносного наставника. Однако Господь судил иначе. Неожиданно было получено благословение митрополита Петроградского Вениамина на принятие Василием Николаевичем Муравьевым монашеского пострига в Александро-Невской Лавре. Как оказалось, такой поворот дела был для него спасительным. Обитель преподобного Сергия вскоре была упразднена властями. Так Промыслом Божиим Василий Николаевич остался в Петрограде.

Монашеские подвиги в Александро-Невской Лавре (1920–1930)

13 сентября 1920 года В. Н. Муравьев подал прошение в Духовный Собор Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры с просьбой принять его в число братии. Уже на следующий день он получил согласие Собора и первое монастырское послушание — был назначен пономарем.

В это же время послушницей Воскресенского Новодевичьего монастыря стала супруга Василия Николаевича — Ольга Ивановна.

Уже 29 октября 1920 года по благословению священноархимандрита Александро-Невской Лавры, митрополита Петроградского Вениамина, наместник обители архимандрит Николай (Ярушевич) постриг послушника Василия Муравьева в монашество с наречением ему имени Варнава. Новое имя принял Василий Николаевич в честь святого апостола Варнавы и в благоговейную память о своем духовном отце.

Тогда же была пострижена в монашество в Воскресенском Новодевичьем монастыре Петрограда Ольга Ивановна Муравьева с наречением ей имени Христина в честь святой мученицы Христины.

Вскоре брата Варнаву рукополагают в иеродиакона и возлагают на него многотрудное послушание заведующего кладбищенской конторой. Это была неимоверной тяжести каждодневная работа — погребения, отпевания, панихиды, заказные богослужения, расчеты с рыдающими заказчиками. И так с раннего утра до позднего вечера. Страна была охвачена пламенем междоусобной брани. Сбылись обетования Господа: *«Предаст же брат брата на смерть, и отец, детей; и восстанут дети на родителей, и умертвят их»* (Мк. 13:12). Красные убивали белых, белые убивали красных.

Священномученик
митрополит Вениамин

Провожать почивших, преподавая им церковное напутствие, утешать родных и близких погибших... Это была первая школа духовного врачевания и наставничества, которую прошел будущий отец Серафим, вырицкий старец-утешитель, молитвенник за сирот и страждущих, предстатель пред Господом за всю Землю Русскую.

В обычае у митрополита Вениамина были ежедневные прогулки по Никольскому кладбищу Лавры. При этом кладбище находилась контора отца Варнавы. Подвижники имели возможность часто видаться и беседовать о многом. Оба они были монахами по духу и призванию, людьми высокой духовной жизни, и это влекло их друг к другу. Отец Варнава испрашивал благословения Владыки на свои труды и подвиги, а святитель Вениамин, ценя опытность и добродетельную жизнь отца Варнавы, в практических вопросах часто прибегал к советам последнего. Светлая любовь о Господе соединяла этих двух служителей Божиих.

Менее чем через год, 11 сентября 1921 года, в день Усекновения главы святого пророка Иоанна Предтечи — подвигоположника и покровителя православного монашества — произошло знаменательное событие. Совершавший с собором иерархов Божественную литургию митрополит Петроградский Вениамин возвел иеродиакона Варнаву в иеромонаха. И здесь заметно особое смирительное Божие об отце Варнаве, сподобившемся соединить ангельский чин иночества с благодатию священства именно в этот иноческий праздник, день усиленного церковного поста и сугубого покаяния.

Вместе с благим игом священства получил иеромонах Варнава и новое послушание — главного свечника Лавры. Теперь в его обязанности входила закупка воска для производства свечей на свечном заводе Лавры и масла для лампад во все четырнадцать храмов монастыря, а также выемка пожертвованных из кружек. Должность весьма хлопотная и ответственная, поскольку главный свечник отвечал за все средства, вырученные от продажи свечей, масла, за пожертвования, полученные во время тарелочного сбора, а также от некоторых частных благодетелей. В архиве Лавры, относящемся к этому периоду, хранятся многочисленные рапорты иеромонаха Варнавы о сдаче им в казну Лавры значительных денежных сумм.

Как вспоминали очевидцы, на богослужения с участием иеромонаха Варнавы (Муравьева) всегда собиралось множество народа. Все стремились послушать его проповеди, отличавшиеся простотой и доступностью. Сказывался многолетний опыт подвижничества в миру. В отличие от иноков, подвизавшихся в уединении, бывший петербургский купец хорошо знал жизнь людей разных сословий — от простолюдина до утонченного интеллигента, их духовные нужды и затруднения. Именно в это время в слове и служении скромного лаврского иеромонаха начинали отмечать необычайную духовную глубину и силу. Уже тогда в нем стали проявляться благодатные дары, которыми наделяет Господь Своих особых избранников. Души многих верующих потянулись к простому и кроткому отцу Варнаве. Все шире становил-

ся круг его духовных чад, а у дверей его келлии все чаще стали появляться посетители, пришедшие за духовным советом и утешением.

В монастыре, как и в миру, иеромонаху Варнаве пришлось терпеливо совмещать практическое с духовным — труды во славу Божию с молитвой, богослужениями и духовным утешением приходящих. Поразительна его целеустремленность и строгость к себе: в редкие свободные для него часы отца Варнаву часто заставляли в обширной библиотеке Лавры, ночи же напролет проводил подвижник в молитвенном предстоянии Господу, так что свет в окнах его келлии бывал виден до самого рассвета.

Во всем — и в молитве, и на послушании, и в самоотверженном служении людям — подавал отец Варнава пример истинно монашеской ревности о Господе, трудолюбия и терпения. Источником же всех этих добродетелей служило сокровенное сердечное делание, которое перенял он от духовного отца — преподобного Варнавы Гефсиманского. Уроки Иисусовой молитвы были как нельзя лучше восприняты и приумножены им, принося богатые всходы — наполняя душу подвижника божественной тишиной и безстрастием.

Труд свечника Лавры требовал строгой ежедневной отчетности и оформления целого вороха деловых бумаг. Документы Лавры за 1921–1923 годы пестрят множеством докладных записок, рапортов и отчетов, составленных иеромонахом Варнавой (Муравьевым), и все они написаны четким, характерным почерком, говорящим о редкой целеустремленности его обладателя. Давала о себе знать прошлая многолетняя практика коммерческой деятельности, которую отец Варнава в совершенстве освоил еще в миру.

Однако не это было главным на его монашеском пути. Участвуя в хозяйственных делах Лавры, отец Варнава никогда не забывал о иноческом делании — о молитве и духовном совершенствовании, а также о долге священника. Вновь и вновь досконально изучает он творения святителей Василия Великого, Иоанна Златоуста, преподобных Иоанна Лествичника, Ефрема Сирина, Исаака Сирина, Симеона Нового Богослова, святителя Игнатия Брянчанинова и других столпов Православия.

20-е годы XX века стали для Русской Православной Церкви временем особых испытаний, когда познавалась истинная духовная крепость людей. Тогда один день стояния в Божественной истине мог равняться целым годам жизни в прежние, спокойные времена, когда исповедовать свою веру можно было открыто и без всякой опаски.

В ту пору Петроград справедливо называли церковной столицей России. Под мудрым руководством митрополита Вениамина духовная жизнь в городе на Неве шла интенсивно и размеренно. Плодотворная деятельность Владыки и его помощников не могла не вызывать лютой ненависти у воинствующих безбожников и их подручных. Они прекрасно понимали, что глава Петроградской епархии никогда не изменит Христу. Выход у них

был один — устранить ревностного поборника Православия... Целенаправленно велась работа по его дискредитации.

Предчувствуя новые гонения, митрополит Вениамин возвел в епископский сан двух достойных своих помощников — наместника Александро-Невской Лавры, архимандрита Николая (Ярушевича) с титулом епископа Петергофского и руководителя Александро-Невского братства, архимандрита Иннокентия (Тихонова) с титулом епископа Ладожского.

Богоборцы усиливали натиск. В 1922 году, вопреки сопротивлению братии, была вскрыта рака с мощами святого Александра Невского. По форме своей это вскрытие походило скорее на публичное осквернение.

Святитель Вениамин был арестован 1 июня 1922 года без предъявления каких-либо определенных обвинений. Единственным поводом к аресту послужила телеграмма из Москвы в Петроградский губотдел ГПУ: *«Митрополита Вениамина арестовать и привлечь к суду. Подобрать на него обвинительный материал. Арестовать его ближайших помощников — реакционеров и сотрудников канцелярии... Менжинский».*

Вместе с Владыкой Вениамином по так называемому делу «о контрреволюционной организации петроградского духовенства, находившегося в сговоре со всемирной буржуазией и русской эмиграцией» было привлечено более 90 человек — видные церковные деятели, священники и миряне и даже случайные люди. Параллельно было возбуждено дело против православных братств. Это был разгром лучших сил Петроградской епархии.

Известный богоборец Красиков, прибывший на процесс от наркомата юстиции, во всеулышание заявлял о конечных задачах следствия и отношении властей к Православию: *«Вся Православная Церковь — контрреволюционная организация! Собственно, следовало бы посадить в тюрьму всю Церковь!»*

Допрос владыки Вениамина

Исход разбирательства был предreshен, но Владыка являл полнейшую невозмутимость. Последнее его слово, сказанное с глубочайшей искренностью, потрясло даже многих из неверующих людей: *«Я не знаю, что вы мне объявите в вашем приговоре — жизнь или смерть, но что бы вы в нем ни провозгласили, я с одинаковым благоговением обращу свои очи горе, возложу на себя крестное знамение (при этом владыка широко перекрестился) и скажу: “Слава Тебе, Господи Боже, за все!”»*

Мужество, явленное владыкой Вениамином и его соратниками, уже нельзя было назвать обычным, земным или человеческим. Это было особое духовное состояние жертвенности во имя Христово, которое так ярко описал в своем послании священномученик Игнатий Богоносец.

Уже 5 июля трибунал объявил приговор. Большинство обвиняемых были приговорены к различным срокам тюремного заключения. Митрополит Вениамин и с ним еще трое сподвижников — архимандрит Сергей (Шейн), профессор Юрий Новицкий и юрист Иоанн Ковшаров были расстреляны в ночь с 12 на 13 августа 1922 года. В брани против «мироправителей тьмы века сего» они вышли победителями, став сонаследниками Христу: *«Побеждающий облечется в белые одежды; и не изглажу имени его из книги жизни, и исповедаю имя его пред Отцем Моим и пред Ангелами Его»* (Откр. 3:5).

Можно только догадываться, что переживал отец Варнава (Муравьев) в течение всего этого времени. Опасения за судьбу близких ему людей встречались в его сердце с горячим желанием разделить с ними подвиг исповедничества и мученичества за Христа. Несомненно, что именно эти события стали для отца Варнавы еще одним поворотным моментом в преобразении его души, в преодолении последних земных привязанностей и желаний.

Потеря друзей всегда нелегка. Но здесь был случай особый, поскольку митрополит Вениамин был для иеромонаха Варнавы в течение многих лет великим наставником и несравненным другом. Незримая духовная нить соединяла сердца этих двух служителей Церкви Христовой. По великой любви своей к святителю отец Варнава был поистине его сомучеником. Всем существом своим сопереживал лаврский инок митрополиту, желая пребывать рядом с ним даже в скорбях. Однако Господь вел иеромонаха Варнаву иным путем — безкровного мученичества и исповедничества духовного. Промысл Божий хранил лаврского инока как будущего великого наставника малого Христова стада...

В 1923 году иеромонаха Варнаву (Муравьева) избирают членом Духовного Собора, с назначением его на один из ключевых административных постов Лавры — ее казначеем. Хозяйство монастыря было очень обширным и непростым. Обеспечение его жизнедеятельности во многом зависело от усердия и способностей казначея. В те годы это требовало неимоверных сил и великого терпения. Ведь никто из иноков Лавры, выходя утром к богослужениям и на послушания, не был уверен, что вернется к вечеру в свою келлию...

Как ни стремился отец Варнава к уединению и полному отрешению от мирских забот, тяжелейшая работа распорядителя денежных средств крупнейшей в России обители, связанная с постоянной ответственностью за ее финансовое положение и взаимоотношениями с властями, различными официальными инстанциями, арендаторами и поставщиками различной продукции, была принята им с истинно монашеским смирением и послушанием воле Божией. Аккуратность в денежных расчетах, желание безупречного порядка во всех хозяйственных делах, вошедшие в привычку, не допускали даже маленькой неточности или поблажки. Поэтому часто случалось так, что оформлением документации и деловых бумаг, различными выкладками и начислениями отцу Варнаве приходилось заниматься далеко-далеко за полночь.

Ближайшими духовными сподвижниками иеромонаха Варнавы в этот период стали новый наместник Лавры, епископ Шлиссельбургский Григорий (Лебедев), духовник Лавры архимандрит Сергей (Бирюков), а также родоначальники Александро-Невского братства архимандриты Гурий и Лев (Егоровы).

Это были монахи, стремившиеся, по силе своей, подражать инокам первых веков христианства; подвижники, каждый из которых по-своему являл незримую духовную красоту, свойственную истинным пастырям стада Христова.

Братию поражало краткое, но необыкновенно веское слово отца Варнавы. Его собеседники понимали, что смиренный и простой с виду инок на самом деле хранит в себе глубины Божественного знания и многочисленные духовные дары. Пребывавший всю жизнь в незримом для постороннего глаза внутреннем подвиге иеромонах Варнава достиг таких духовных высот, что люди исподволь стали замечать исходящую от него благодатную силу...

Епископ Григорий (Лебедев)

С большим уважением относились к нему епископы Петергофский Николай (Ярушевич) и Ямбургский Алексий (Симанский). По традиции члены епископата, подвизавшиеся в пределах Петроградской, Олонецкой и Новгородской епархий, окормлялись у духовника Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры, и вопрос о передаче послушания духовника от архимандрита Сергея иеромонаху Варнаве был, безусловно, с ними согласован. В течение второй половины 1926 года отец Сергей (Бирюков) готовит отца Варнаву к принятию послушания духовника. С любовью наставлял он своего преемника, который с любовью же принимал эти наставления.

Старчество было истинным призванием отца Варнавы (Муравьева). Это был дар, данный ему Свыше. В результате многолетней и упорной брани с ле-

Братия Лавры. Отец Серафим второй в нижнем ряду справа

жащим во зле миром, с плотью и врагом человеческого спасения, подвижник достиг господства над своим греховным «я» и покорил плоть свою духу. Все более и более возрастала духовная мощь воина Христова. Пришло время, когда Господь призвал его понести на себе бремя немощей многих других людей.

Перед тем как начать назидать братию словом и самой жизнью, возжелал отец Варнава облечься в великую схиму. При постриге он был наречен именем Серафим в честь святого преподобного Серафима, Саровского чудотворца, которому всеми силами стремился подражать отец Варнава в течение всей предыдущей жизни.

«Господь испытывает праведного...» (Пс. 10:5) и всему, происходящему на пути избранных Его, определен свой час. Вышел, по воле Божией, к людям отец Серафим — вышел, чтобы врачевать и исцелять души человеческие. Помимо монашеской братии, отцу Серафиму ежедневно приходилось принимать множество исповедников-мирян. Молва о благодатном старце иеросхимонахе Серафиме (Муравьеве) широко разнеслась по Северной столице и за ее пределы. Многие люди тогда пребывали в растерянности: как быть дальше? Безбожие все укреплялось, а Церковь была все больше гонима. Как убеждать самому, уберечь своих ближних от этой волны надвигающегося зла?

С раннего утра до глубокой ночи стекалось к келлии батюшки все больше людей, ищущих благословения, совета в трудных обстоятельствах, молитвенной помощи и утешения в скорбях. Он стал воистину народным духовником. Под его окормлением находилось множество духовных чад — мирян, иноков, священников и архиереев Русской Православной Церкви, среди которых были выдающиеся архипастыри — архиепископ Хутынский Алек-

Епископ Николай (Ярушевич)

*Архиепископ Алексей (Симанский),
впоследствии Патриарх Алексей I*

сий (Симанский) — впоследствии Патриарх; епископ Шлиссельбургский Григорий (Лебедев), епископ Колпинский Серафим (Протопопов), епископ Детскосельский Сергей (Зенкевич) и епископ Лужский Амвросий (Либин) — будущие священномученики; епископ Петергофский Николай (Ярушевич) — впоследствии митрополит Крутицкий и Коломенский.

Воистину неисповедимы пути Господни — еще в 1920 году архимандрит Николай (Ярушевич), будучи наместником Александро-Невской Лавры, постриг в монашество Василия Николаевича Муравьева, а спустя всего несколько лет епископ Николай (Ярушевич) стал духовным сыном старца иеросхимонаха Серафима (Муравьева). Здесь Господь явил несомненное чудо — всего за шесть лет был пройден путь от послушника до духовника крупнейшей в России обители!

А в 1927 году отец Серафим предсказал владыке Алексею (Симанскому) его будущее служение за 18 лет до избрания на патриаршество. Указал лаврский схимник будущему Патриарху и срок его первосвятительского служения — 25 лет.

Чуть позже, в 1928–1929 годах, тесная дружба связала отца Серафима с еще одним выдающимся иерархом Русской Церкви — митрополитом Серафимом (Чичаговым). В это время владыка Серафим стал правящим архиереем Петроградской епархии и, подобно многим, избрал себе руководителем лаврского духовника отца Серафима.

Батюшка Серафим всегда искренне входил в положение каждого исповедника. Казалось, он переживает все скорби и тяготы подопечного глубже

того самого: «Ну, что же мы за монахи! Все грешим, да грешим... Ну, да ладно, сынок, Бог простит нас, если с сегодняшнего дня положим доброе начало — будем противостоять греху и виновнику его, дьяволу...» Что тут сказать в ответ? Вразумленным ученикам оставалось только благодарить Господа за то, что имеют такого наставника и молитвенника. Людские сердца сами открывались на голос любви и сочувствия, а старец от всей души сорадовался с радующимися и скорбел со скорбящими, давал полезные и обстоятельные советы по деловым вопросам и был потечески ласков с детьми и пожилыми людьми.

Говорил, как правило, коротко, но очень сильно, вкладывая в душу собеседника самое для нее главное. Если требовалось, беседовал подолгу, врачую душевные немощи бальзамом Слова Божия, святоотеческих наставлений и мудрых советов, проверенных на собственном духовном опыте.

Чутко сопереживая чужим скорбям, отец Серафим ощущал на себе телесные страдания и немощи болящих, искренне горевал вместе с кающимися и чувствовал тяжесть их грехов. Он воистину пропускал через собственное сердце душевные боли своих пасомых. Никого никогда не осуждал, а все грехопадения людей приписывал лишь злобе врага рода человеческого: «*Старайтесь хранить себя от сетей, расставленных вне и внутри человек, и всячески прикрытых подобием правды. Они легко познаются по тому, что лишают душу мирного устройства. Где нет мира, там козни врага спасения. От Христа исходят истина и святое смирение. Мир Христов — свидетель истины*», — так, по воспоминаниям ближних, назидал отец Серафим ищущих Господа.

«...мы не себя проповедуем, но Христа Иисуса, Господа; а мы — рабы ваши для Иисуса» (2 Кор. 4:5), — эти апостольские слова смиренный духовник Лавры носил в своем сердце. Наставничество было для него безпрекословным послушанием Единому Богу. Он воистину был добрым и верным слугою Господу и ближним.

Служение братского и народного духовника отец Серафим совмещал с прикровенным деланием великосхимника. Умная молитва была его дыханием. Ночами предавался старец молитве за весь мир, а утром вновь спешил

*Иеросхимонах Серафим (Муравьев),
1927 год*

к ожидавшим его многочисленным исповедникам. Сам Господь укреплял его силы, даровал телесную бодрость и остроту ума в том каждодневном служении, нести которое — не в человеческих воле и силах. Более того, подвиг служения ближним, служения словом назидания был для него источником радости и утешения.

Так, в неустанных трудах во славу Божию пребывал иеросхимонах Серафим (Муравьев) на поприще духовника Александро-Невской Лавры почти три года. Во время ежедневных многочасовых исповедей батюшке приходилось подолгу стоять на холодном каменном полу Свято-Троицкого собора. Главный храм Лавры в ту тяжелую пору за недостатком дров почти не отапливался, и на стенах часто выступал иней. В особо холодные дни священнослужители вместе с молящимися переходили в церковь Сошествия Святаго Духа, где было несколько теплее. Однако отец Серафим мало заботился о собственном удобстве. Известен случай, когда старец непрерывно принимал исповедников на протяжении двух суток.

Постоянное переохлаждение, невероятные физические и душевные перегрузки (сколько чужого горя принимал на себя старец!) постепенно дали о себе знать, и здоровье отца Серафима резко ухудшилось. Врачи признали одновременно межреберную невралгию, ревматизм и закупорку вен нижних конечностей. Боли в ногах стали просто невыносимыми. Долгое время отец Серафим никому не говорил о болезни и мужественно продолжал служить и исповедовать. Лицо же старца было всегда озарено такой светлой радостью, что никто из братии подумать не мог, что батюшка в то же время терпит настоящую муку. Порою лишь голос его становился едва слышным. Однажды батюшка не смог удержаться на ногах у аналая. В конце концов настал день, когда отец Серафим попросту не смог подняться с постели.

Новое испытание — болезнь — принял батюшка с удивительным спокойствием и благодушным терпением, словно очередное послушание от Бога. Не было в нем ни малодушия, ни недовольства. Непрестанно воссылая благодарения Господу, батюшка говорил сочувствующим: *«Я, грешный, еще не этого достоин! Есть люди, которые и не такие болезни терпят!»*

Время шло, но, несмотря на усилия врачей, здоровье старца продолжало ухудшаться. Ему шел тогда 65-й год. Появились застойные явления в легких и сердечная недостаточность. Медики настоятельно советовали выехать из города в зеленую зону. В качестве климатического курорта была рекомендована Вырица. Возвышенная местность, вековой смешанный лес с преобладанием хвойных пород, сухая песчаная почва и целебный воздух — все это должно было благотворно повлиять на здоровье батюшки. Врачи утверждали, что только пребывание в подобном климате может укрепить силы отца Серафима. Старец ехать наотрез отказался — так тяжело было расстаться ему со своим служением и с многочисленными духовными чадами. Предвидя скорое начало новой волны гонений и полное разорение Лавры, ба-

тешка искренне желал разделить крестные страдания со всей братией.

Однако воля Божия о нем была иной. Митрополит Серафим (Чичагов), который многие годы занимался углубленным изучением медицины, ознакомился с заключением врачебной комиссии и немедленно благословил переезд. Смиренному духовнику Лавры оставалось только принять это за послушание. Состояние болящего старца было очень тяжелым. Поэтому, по благословению владыки, вместе с ним в Вырицу отправились монахиня Христина (в миру — Ольга Ивановна Муравьева) и их тринадцатилетняя внучка Маргарита. Они и прежде часто приезжали в Лавру, навещая отца Серафима, а в последние годы внучка постоянно жила в келлии батюшки. Теперь уход за ним и забота о его здоровье стали главным их послушанием.

Митрополит Серафим (Чичагов)

Светильник земли Русской — старческое служение в Вырице (1930–1949)

Переезд преподобного Серафима в Вырицу — еще одно свидетельство особого Божия о нем Промысла, ограждавшего старца от всех опасностей вплоть до самой его кончины.

В страшные 30-е годы, когда на Русскую Православную Церковь обрушились лютые гонения, по силе своей намного превосходящие гонения времен Диоклетиана, когда казалось, что Церковь находится на краю гибели, — на всю Россию воссиял из Вырицы свет праведника Божия.

Тихий и кроткий старец непрестанно молился за братьев и сестер, находившихся в заточении, за всех, пребывавших в тяжелых обстоятельствах, за всех невинноубиенных и почивших. Всемилостивый Бог берег смиренного иеросхимонаха для Церкви и для России как великого печальника и молитвенника за Землю Русскую, как пастыря и наставника малого стада Христова.

Внешне неприметным, но действенным и обширным было его влияние на современников. Молитвы же старца служили поистине золотой нитью, соединяющей землю с Небом, низводящей благодать и помощь Божию в души человеческие. Как важно было знать людям, что во всей этой неразберихе и кровавой круговерти существует островок прочной веры, спокойной надежды и нелицемерной Христовой любви!

Все двадцать лет вырицкого периода преподобный Серафим (Муравьев) жил у благочестивых верующих людей на их частных квартирах, не имея собственного жилья...

*Старец-утешитель
иеросхимонах Серафим,
30-е годы XX века*

Все это время батюшка тяжело болел. Целый ряд хронических недугов причинял отцу Серафиму невыносимые страдания. Особенно беспокоили ноги — болели и отнимались. Однако старец, редко уже встававший с постели, мужественно переносил эти испытания. Никто никогда не слышал от отца Серафима ни единого стога, ни единой жалобы. После переезда в Вырицу к врачам он уже не обращался, говоря: *«Буди на все воля Божия. Болезнь — это школа смирения, где воистину познаешь немощь свою...»* Старец непрестанно за все благодарил Господа, воздавая Богу за болезнь свою большее благодарение, чем иные люди — за вожденное здоровье.

«...соединяющийся с Господом есть один дух с Господом» (1 Кор. 6:17). Эти слова Евангелия по праву можно отнести к преподобному Серафиму Вырицкому. Он воистину стал избранным со-

судом благодати, орудием Духа Святаго Божия, посредством которого действует Сам Господь. Как когда-то к преподобному Серафиму Саровскому, год за годом, изо дня в день шли люди к вырицкому старцу. Приводили народ к вырицкому подвижнику стремление приблизиться к праведности, почитание его подвига, искание поддержки в вере и помощи в трудных жизненных обстоятельствах. Отзывчивое сердце старца каким-то особым чутьем всегда улавливало истинное горе в массе пришедшего к нему народа. Отец Серафим всякий раз сам вызывал к себе тех, кому он был тогда нужнее.

Каким образом старец находил этих людей, оставалось загадкой — обычно на крыльцо выходила келейница и приглашала пройти в келлию того или иного человека, называя его имя и место, откуда он прибыл. Светлая душа батюшки стремилась на помощь упавшим духом. Старец мог необыкновенно утешить и ободрить человека, буквально двумя-тремя сердечными словами. Сколько людей, дошедших до полного отчаяния, выходили из его келлии бодрыми и готовыми на всякий подвиг! Ведь порою одного взгляда на человека Божия достаточно, чтобы познать всю глубину своего падения, принести Господу сердечное покаяние и встать на путь праведной жизни. *«Вера, действующая любовью»* (Гал. 5:6) вершит чудеса и составляет суть христианства.

Для того чтобы утешить ближнего, необходимо ему полностью сострадать, воистину быть ему братом во Христе, любить чистой евангельской лю-

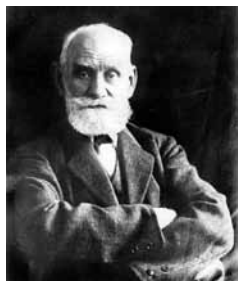
бовью. Батюшка Серафим так сопереживал, страдал и мучился вместе со своими чадами, что весь уходил в бездну их скорбей, не гнушаясь их духовных ран. Он был готов отдать жизнь за их исцеление. Вот почему Господь наделил вырицкого старца дарами великой духовной мудрости, врачевания немощных душ, истинного предвидения и пророчества...

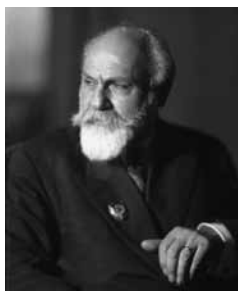
От одного слова отца Серафима, от одного прикосновения его руки на душе становилось веселее, легче. Особенно в минуты душевного смущения. Батюшка называл всех ласкательно: *«Милые, родные, любимые...»* Обнимал, целовал в голову, гладил, лечил и ободрял ласковой шуткой. Говорил чаще всего очень тепло, просто, без витиеватых нравоучений. Почти всегда улыбался. Что-то бесконечно родное, отеческое ощущалось во всем облике и в обращении этого доброго старца. Его сияющие голубые глаза заглядывали в самую глубину души посетителя. Порою одной кротко произнесенной фразой он несказанно ободрял своих духовных чад: *«Молись...»*, *«Терпи...»*, *«Преподобный Серафим Саровский поможет...»*, *«Господь исцелит...»*, *«Николай Угодник вразумит твоё чадо...»*, *«Матерь Божия не оставит Землю Русскую...»*, — наставлял батюшка мягким, бархатным голосом, в котором слышалось что-то неземное, проникающее в душу.

Для преподобного не существовало возраста, национальности, общественного положения его посетителей — все были для него любимыми чадами, со всеми он обращался по-отечески ласково. Более того, он обращался с ними, как с чадами больными — осторожно, с необыкновенным теплом и нежностью, снисходя к их духовным немощам.

Не обращая внимания на собственное недомогание, отец Серафим всегда умел быть бодрым и жизнерадостным, и от этого скорбь и печаль уходили из сердец человеческих. Сколько людей, изнемогавших в борьбе с житейскими невзгодами, обрели через него духовное утешение и помощь от Господа! Одним своим видом преподобный вызывал особое доверие к себе и рождал ответную любовь всякого, кто переступал порог его келлии. С истинно отеческим вниманием и добротой принимал батюшка каждого посетителя, и все с детской доверчивостью открывали ему самые потаенные уголки своих душ, которые старец и без того прозревал. В народе жила вера в силу его молитв. Земные дела множества людей управлялись как бы сами собой по молитвам старца, но, прежде всего, он заботился о спасении душ человеческих.

Одной из удивительных страниц жития преподобного Серафима Вырицкого была его духовная дружба с выдающимися учеными, именами которых ныне названы планеты, города и улицы. Во многих отраслях науки гений русского народа выдвигал достойнейших своих представителей. Россия явила целое созвездие вдохновленных Богом величайших умов. Русские ученые — истинные патриоты своего Отечества были глубоко верующими людьми. От общения с отцом Серафимом они получали великую духовную пользу.

И. П. Павлов

В. А. Фок

Л. А. Орбели

С. С. Фаворский

Еще по Александро-Невской Лавре были хорошо знакомы иеросхимонах Серафим (Муравьев) и академик Иван Петрович Павлов — отец современной физиологии, один из величайших умов, когда-либо дарованных Господом человечеству. Глубоко почитал отца Серафима выдающийся астроном, основатель Русского астрономического общества, академик Сергей Павлович Глазенап, автор многих книг и учебников по астрономии и математике. Любимым духовным сыном батюшки Серафима был один из создателей современной фармакологической школы, профессор медицины Михаил Иванович Граменицкий.

Частыми гостями в Вырице были великие русские ученые, академики с мировыми именами — физик Владимир Александрович Фок, известный своими трудами в области квантовой механики, теории распространения радиоволн, теории относительности, теории гравитации, радиофизике, математической физике, прикладной физике и философским проблемам физики, а также биолог Леон Абгарович Орбели, ученик и последователь Ивана Петровича Павлова, автор многих исследований по физиологии нервной системы и биохимии, известный также своими работами по физиологии органов чувств. Одним из любимейших воспитанников отца Серафима был известный всей России выдающийся ученый, профессор-гомеопат Сергей Серапионович Фаворский, которого в народе называли «светилом Петербурга».

Величайшие умы своего времени глубоко почитали смиренного и кроткого монаха. За чашкой чая вел с ними отец Серафим душеполезные беседы о мироздании; о той дивной гармонии, которую вложил Премудрый Творец всяческих в окружающую нас природу и самого человека; о мире духовном, невидимом; о Духе Святом и Животворящем, наполняющем всю бесконечную Вселенную.

Светила науки многому учились через богомудрые наставления батюшки. Там, где для них иногда лишь мерцала истина, великий подвижник пребывал всем существом своим. Он находился на таких высотах духа, о которых мудрые мира сего не могли и мечтать. Этот старец-монах был воистину гражданином иного мира — Сам Дух Божий говорил его устами.

И, скорее всего, те откровения, которыми одаривал Господь преподобного Серафима, по большей части, оставались глубокой тайной его смиренного сердца. То, что оставалось скрытым и от великих ученых, было открыто преподобному Серафиму по словам Самого Спасителя нашего Иисуса Христа: «Славию Тебя Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл младенцам» (Лк. 10:21).

«Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15:13) — этот завет Христа был буквально начертан на скрижалях сердца смиренного и кроткого старца. Во имя Господа любил он всех людей без исключения, особенно переживал он за грешников. Чем грешнее был человек, который приходил к отцу Серафиму, тем больше батюшка жалел его, слезно за него молился и вздыхал с любовью. Смиренное сердце подвижника необыкновенно скорбело от того, что кому-то, может быть, придется страдать целую вечность!

А посетители у отца Серафима бывали разные. В 30-е годы к нему с обыском неоднократно приходили чекисты. Однажды сотрудники НКВД хотели арестовать подвижника. Лежащий на одре болезни старец попросил подойти к нему старшего из чекистов. Лишь на мгновение встретились кроткие глаза батюшки с глазами грозного представителя власти. Победила любовь преподобного. Он прикоснулся к руке чекиста, погладив ее, а после этого приложил свою правую руку к его голове и промолвил: «*Да простятся тебе грехи твои, раб Божий...*», и назвал в точности его имя. При этом старец умиротворил сердца и других сотрудников. Родные преподобного вспоминали: «*Старший чекист произнес тогда: "Если бы таких старцев было бы больше, то мы все были бы верующими"*, — и заплакал. А батюшка, улыбаясь, сказал: «*Угостите их чайком...*»»

Благодатный мир Христов непостижим в своем действии, велика его сила. Преподобному авве Антонию Великому и преподобному авве Зосиме повиновались львы, преподобному Сергию Радонежскому и преподобному Серафиму Саровскому — медведи. Пре-

Отец Серафим, около 1940 года

подобному Серафиму Вырицкому не раз повиновались самые лютые звери — звери в человеческом обличье...

Многие люди, впервые входившие в келлию старца, непроизвольно падали на колени, заливаясь слезами. Душа человеческая не выдерживала осознания духовной чистоты преподобного и начинала оплакивать собственное убожество, оказавшись рядом с белоснежными одеждами души отца Серафима. От батюшки как бы исходил некий неземной свет. В то же время этот свет явственно ощущали практически все люди, свидетельствовавшие о жизни и подвигах преподобного. Почти от каждого из них, прежде всего, можно было услышать: *«Батюшка весь светился...»*, *«У нас было явное ощущение, что из угла, где лежит старец, исходит свет...»* И шли день за днем на этот дивный свет люди. Из уст в уста передавались в народе рассказы о чудном старце, и спешили страждущие за благодатной помощью к преподобному Серафиму. С любовью подавал он посетителям безценные практические советы, исцелял духовные и телесные, порой неизлечимые, болезни...

Подражая своему Небесному учителю — преподобному Серафиму Саровскому, вырицкий праведник принял на себя великий подвиг. Он молился в саду на камне перед иконой саровского чудотворца о спасении России и Русской Православной Церкви. Это бывало в те дни, когда несколько улучшалось здоровье старца. Первые свидетельства о молении святого Серафима Вырицкого на камне относятся к 1935 году, когда гонители обрушили на Церковь новые страшные удары.

Камень в саду, на котором молился отец Серафим

Икона, перед которой молился батюшка

С началом Великой Отечественной войны преподобный усилил свой непостижимый подвиг, который он совершал на протяжении почти десяти лет. Его молитвы незримой нитью соединяли землю с Небом и преклоняли Бога на милость, тайным образом изменяя ход многих важнейших событий...

Это было воистину мученичество во имя любви к ближним. Это был великий плач о всем человечестве. Это была святая скорбь о мире, не ведающем Господа и любви Его. Сердце старца было исполнено невыразимой жалости к заблудшим и погибающим. Для него всякий человек был творением и созданием Божиим. Со многими горячими слезами преподобный молился за всех людей — верующих и неверующих, даже за врагов и гонителей Церкви, желая вечного спасения всем до единого человека. Это была великая молитва покаяния за грехи людские. Такие молитвы удерживают мир от катастрофы...

Известно, что в самой Вырице, как и было предсказано старцем, не пострадал ни один жилой дом и не погиб ни один человек. Молился батюшка и о спасении вырицкого храма, и здесь необходимо описать удивительный случай, о котором знают старожилы Вырицы. Чудеса, которые порою являет Господь, бывают весьма простыми и в то же время совершенно непостижимыми...

...В первых числах сентября 1941 года немцы наступали на станцию Вырица и вели ее интенсивный обстрел. Кто-то из командиров нашей армии решил, что в качестве объекта наводки используется высокий купол храма, и приказал взорвать его. Для этого со станции была послана команда подрывников, в которую вошли лейтенант и несколько бойцов. Когда подвода со смертоносным грузом прибыла к храму, лейтенант приказал бойцам подождать его у ворот, видимо сославшись на то, что должен ознакомиться с объектом подрыва. Офицер вошел в ограду, а затем и в храм, который в общей суматохе не был заперт... Через некоторое время солдаты услышали звук одиночного револьверного выстрела и бросились к храму. Лейтенант лежал бездыханный, рядом валялся его револьвер. Бойцов охватила паника и, не выполнив приказа, они бежали из храма. Тем временем началось отступление и о взрыве забыли. Так вырицкая церковь в честь Казанской иконы Пресвятой Богородицы была Промыслом Божиим сохранена от уничтожения...

И еще чудо — немцы, заняв Вырицу, расквартировали в ней часть, состоящую из... православных. Известно, что Румыния была союзницей Германии, но о том, что вырицкая команда будет состоять из румын, уроженцев восточной ее части, где исповедуется Православие, да еще говорящих по-русски, вряд ли кто мог предположить. Осенью 1941 года по многочисленным просьбам благочестивых жителей Вырицы, храм был открыт, в нем начались регулярные богослужения.

Истосковавшиеся по церковной жизни люди заполнили храм (он был закрыт богоборцами в 1938 году, но, слава Богу, не разорен). Поначалу прихожане косились на солдат в немецкой форме, но, видя, как последние молятся

и соблюдают чин службы, постепенно привыкли. Невозможное людям возможно Богу — это был единственный православный храм, который действовал во фронтовой полосе, причем, по ту сторону фронта!

В нем в 1943 году, по благословению преподобного, монахиня Христина (Муравьева) — в миру супруга старца, приняла великую схиму с именем Серафима. В последние годы она очень серьезно болела. Однажды преподобный сказал ей: «*Пора, матушка, ни война, ни болезнь не ждут, дни лукавы суть*». После этого был назначен день пострига...

А сам вырицкий подвижник продолжал неустанно взывать о спасении России и Православной Церкви к своему Небесному покровителю, Пресвятой Владычице нашей и Самому Господу Богу.

*И в радости и в горе монах, старик больной
Идёт к Святой иконе в саду, в тиши ночной,
Чтоб Богу помолиться за мир и всех людей,
И Старицу поклониться о Родине своей:
«Молись Благой Царице, великий Серафим,
Она — Христа Десница, Помощница больным,
Заступница убогих, Одежда для нагих,
В скорбях великих многих спасёт рабов Своих.
В грехах мы погибаем, от Бога отступив,
И Бога оскорбляем в деяниях своих...»*

(Преподобный Серафим Вырицкий, 1942 год)

Моление преподобного на камне

С первых дней войны преподобный Серафим открыто говорил о предстоящей победе русского оружия. Несмотря на сильное измождение плоти, дух батюшки был бодр и свободен. Он пребывал в непрестанной молитве, пламеня любовью ко Господу и ближним. Этот дух врачевал сердца его чад, принося утешение и рождая надежду. В часы своих молений на камне, «в саду, в тиши ночной», подвижник всем сердцем молил Господа об освобождении Северной столицы от вражеской блокады.

Нет никакого сомнения в том, что пламенные сердечные молитвы преподобного Серафима Вырицкого о даровании русскому народу победы над врагом были одним из важнейших голосов в общей соборной молитве Церкви земной и Церкви Небесной. Духовными очами он видел все, что происходило в страждущем городе. «Бедный, бедный Петербург... Мученики... да-да — это мученики...», — сокрушался тогда великий старец. Молитвенный подвиг преподобного стал неопределимым духовным вкладом в дело освобождения Северной столицы от страшных тисков блокады.

Однажды в дом, где жил отец Серафим, вновь пожаловали незваные гости — немецкие офицеры. И вновь, как когда-то чекистов, батюшка укротил пришельцев через благодатную помощь Свыше. Преподобный сразу поразил их тем, что заговорил с ними на хорошем немецком языке — ведь в бытность свою купцом он часто посещал Вену и Берлин, сотрудничая с австрийскими и немецкими фирмами. Капитан, который был начальником вырицкой команды, спросил у отца Серафима, скоро ли немецкие части пройдут победным маршем по Дворцовой площади. Старец смиренно ответил, что этого никогда не будет...

В январе 1943 года кольцо фашистских войск, окружавших город на Неве, было прорвано, а в январе 1944 года в результате мощных ударов наших соединений на суше, в воздухе и на море, во взаимодействии с Балтийским флотом — оборона врага была сломлена на трехсоткилометровом участке фронта. В феврале войска противника откатились от города уже на 270 километров.

На Западе еще полыхало пламя войны, а в Вырицу уже спешили страждущие из многих мест России и других освобожденных от врага территорий. Ехали из Псковской, Новгородской, Великолукской, Калининской и других областей, из многострадального города на Неве и его окрестностей, из Москвы и Подмосковья, из Эстонии, Латвии, Карелии и других мест. С каждым днем этот поток все увеличивался. Война разлучила несметное количество людей, и многие надеялись узнать о судьбе своих ближних через вырицкого подвижника. Порою желающим встретиться со старцем для духовной беседы приходилось ожидать этой встречи в течение нескольких дней.

Маститые священнослужители и простые монахи, выдающиеся ученые и боевые офицеры, немощные старушки и совсем юные девушки, студенты, школьники, малые дети, люди верующие и неверующие — шли день за днем, сменяя друг друга. Все они были одинаково близки любвеобильному батюшке.

Молитвенник и печальник
Земли Русской

Как и прежде, отец Серафим вдохновенно, с полным самоотвержением служил людям — был отцом и наставником в жизни, врачующим духовные и телесные немощи, руководящим к вечному спасению. Батюшка по-прежнему оживотворял все вокруг. Несмотря на то что обострились многие его тяжелые болезни, он держался всегда бодро и был благодушен ко всем, сохраняя необыкновенное обаяние и благообразность.

Вновь и вновь выстраиваются у дома на Майском вереницы людей — вереницы человеческих судеб и душ, которые день за днем врачует батюшка Серафим. В ту пору преподобный помог своими молитвами и практическими советами великому множеству людей. Кто-то узнал о пропавших без вести, другие по молитвам старца устраивались на работу, третьи обрели прописку и кров. И сами без-

смертные души их получали верное направление ко спасению.

Духовная дочь старца Вера Константиновна Берхман пишет в своем дневнике: *«Из келлии его выходят кто с заплаканными, кто с радостными лицами. Но эти люди уже не те, что сюда вошли, — мир и умиление светятся в их глазах. “Он посоветовал, — сообщают они, — молиться как за живого. Значит жив”. Делятся друг с другом его словами, советами. Отсюда они выйдут уже другими людьми, с надеждой на лучшее, с упованием на помощь Свыше, с решением молиться и терпеть...»*

Профессор Михаил Сергеевич Фаворский, вспоминая о своих встречах с преподобным, сказал удивительные слова: *«Батюшка Серафим умел давать небесную радость, отчего все, даже самые тяжелые скорби уходили на второй план, а человек желал испытать эту радость и в будущем»*. Воистину: *«Наше же жительство — на небесах...»* (Флп. 3:20).

В последние годы отец Серафим был совершенно прикован к постели. В некоторые дни состояние здоровья батюшки ухудшалось настолько, что он даже не мог отвечать на записки, которые передавали через келейницу. Но как только наступало хотя бы небольшое облегчение — подвижник сразу начинал прием страждущих.

Время земного странствия подвижника подходило к концу. Великому старцу был открыт час его перехода к Вечности, о чем он заранее предупредил ближних. В тот день бабушке в проеме окна его келлии в ослепительном сиянии явилась Пресвятая Богородица (как сказал тогда сам преподобный по смирению своему — Жена неземной красоты) и жестом правой руки указала на небо. Причастившись Святых Христовых Таин и осенив себя крестным знамением, преподобный Серафим Вырицкий 3 апреля 1949 года отошел к вечным обителям со словами: «Спаси, Господи, и помилуй весь мир».

Преподобне отче Серафиме, моли Бога о нас!

Явление преподобному Пресвятой Богородицы

А. В. Маркидонов

Василий Васильевич Болотов — православный ученый и человек

К 165-летию со дня рождения

Василий Васильевич Болотов

В 2019 году исполнилось 165 лет со дня рождения виднейшего русского церковного историка, профессора Санкт-Петербургской духовной академии Василия Васильевича Болотова. В ретроспективе целого столетия русской истории, исполненной трагизма, а порой и безысходности, в личности В. В. Болотова с особенной выразительностью просматривается ушедший в прошлое, но в известном смысле остающийся для истории идеальным тип человека и ученого. Черты того и другого, насколько их можно восстановить из не очень обширных, но тем более ценных свидетельств современников, и будут предметом нашего почтительного внимания.

Василий Васильевич Болотов родился в с. Кравотынь Тверской губернии Осташковского уезда, на берегу озера Селигер. Сам Болотов уточнял, что хотя записан 1-м января 1854 года, но в действительности «родился во время, когда служат вечерни в Ниловой пустыни <...>. 31 декабря 1853 года». Что касается фамилии своей, то сам же Василий Васильевич в одном из писем делает интересное, пронизанное толикой свойственной ему ироничности замечание: «Выше я написал дважды свою фамилию с ударением: Болóтов. В Осташкове и Твери был я подлинный Болóтов. Но здесь (в С.-Петербурге) почти все мою фамилию произносят подворянски, исковеркано: Бóлотов. Пришлось привыкнуть отзываться на такую кличку»¹.

Отец Болотова — Василий Тимофеевич, дьячок Троицкого собора в г. Осташкове, вступивший после смерти жены во второй брак с дочерью

¹ Бриллиантов А. И. Проф. Василий Васильевич Болотов. Биографический очерк // Христианское чтение. 1910. № 4. С. 421.

покойного священника с. Кравотыни Марьей Ивановной Вишняковой, еще до рождения Василия Васильевича, 16 ноября 1853 года, 45 лет от роду, утонул в о. Селигер, загоняя по слабому осеннему льду домашних гусей. Марья Ивановна по смерти мужа тотчас переселилась из Осташкова в Кравотынь, в дом своей матери Анны Стефановны. Здесь-то родился и вырос В. В. Болотов, находясь на попечении матери и бабушки.

Уже в раннем (4–6-летнем) возрасте он не был похож на своих однолеток. «Я не помню случая, — свидетельствовал один из детских товарищей Болотова, которому случилось около двух лет квартировать в их семье, — чтобы он в чем-нибудь капризничал, чем-нибудь мне досадил, что-либо напроказил и вообще допустил себе такие шалости, которые, хотя и свойственны детскому возрасту, но подчас не особенно бывают приятны для окружающих. Особенно бросалась мне в глаза в семье Болотовых какая-то патриархальная простота и всегдашняя религиозная настроенность. Никогда в их маленьком домике не слышалось каких-либо праздных неуместных разговоров, никаких злословий, сплетен, осуждений и насмешек над другими. Тем менее можно было заметить между ними хотя малейший разлад во взаимных отношениях, среди них постоянно витал дух мира и взаимной любви. В маленьком Васе и мать, и бабушка души не чаяли; они оберегали каждый его шаг, заботливо следили за его здоровьем. Но еще более замечательно их доброе воздействие на душу любимого мальчика. Каждый день, утром и вечером, Марья Ивановна любовно ставила Васю Болотова перед святыми иконами и подолгу молилась с ним вместе, заставляя прочитывать заученные наизусть молитвы или выучивать перед иконами новые. Молитвы перед обедом и ужином точно также исполнялись весьма строго. Опущение церковных служб считалось большим грехом, исключение делалось разве только по болезни и другим неожиданным препятствиям. Исполнение постов соблюдалось в такой степени, что даже маленькому Васе не разрешалось принимать пищу раньше окончания обедни, если была служба. За такую любовь и попечение матери и бабушки Вася Болотов платил им самую горячую детскую привязанностью. Он старался им во всем угодить, оказывал во всем послушание, держался большею частью их общества, не стремясь на улицу для игр со сверстниками, и не приходилось видеть, чтобы он в чем-нибудь провинился перед матерью или бабушкой. <...> Марья Ивановна по смерти своего мужа осталась без всяких средств. Но никогда не заметно было, чтобы она унывала, падала духом, роптала на свою судьбу или прибегала к выпрашиванию. Во всем она полагалась на волю Божию да на свой труд. Оттого ни один день, ни один час не проходил без дела: Марья Ивановна то готовит и печет просфоры, то кроит и шьет, то штопает что-нибудь для своего Васи, и всегда без ропота, ровно, спокойно»². Надо заметить, что эту фамильную черту приверженности неустанному труду унаследовал и Вася Болотов.

² Лебедев Д. А. Воспоминания о В. В. Болотове. Тверь, 1901. С. 3–4.

Марья Ивановна была редкой женщиной еще и в том отношении, что уже в детстве самостоятельно выучилась читать и писать, обладала замечательной памятью и благодаря этому смогла в домашних условиях познакомиться с начальной грамотой своего сына.

В 1863 году девятилетним мальчиком Вася Болотов поступил в низший класс Осташковского духовного училища.

«Когда нужно было отправлять сына в духовное училище, мать зажигала лампаду и со слезами на глазах усердно молилась с земными поклонами Богу о даровании сыну здоровья, сил и премудрости... Не имея средств нанять лодку, она пускалась в путь пешком на Нилову пустынь, в шести верстах от села на запад. В Ниловой пустыни она просила отца архимандрита или казначея довести сына до города на пароходе или в лодке, вместе с богомольцами»³.

Во время своего пребывания в училище В. В. Болотов учился по всем предметам отлично, удивляя наставников своею необыкновенною памятью, знанием Священного Писания и творений святых отцов. Сохранился рассказ, как на вопрос учителя о том, чем же он занимался на пасхальных каникулах, Болотов, тогда еще 10-летний мальчик, отвечал: «Книжку читал». — «Какую же?» — «Спор Иустина Философа с Трифоном иудеем». — «О чем же они спорили?» — удивленно спросил учитель, на что Болотов совершенно спокойно и серьезно изложил ему содержание книги.

Пятнадцати лет Василий Васильевич закончил обучение в Осташковском духовном училище и получил «свидетельство», в котором значилось, что он, Болотов, «при способностях отлично хороших, прилежании отлично ревностном и поведении отлично хорошем» по всем предметам, проходным в училище, аттестован «отлично хорошо», кроме церковного пения, по которому обучался «весьма хорошо».

С этим свидетельством в сентябре 1869 года Болотов поступил в Тверскую духовную семинарию и как сирота был принят на казенное содержание в тогдашнюю, как замечает один из биографов, «не совсем чистую и опрятную бурсу». Помещения для учеников здесь «были ветхи, сыры и недостаточно теплы и без теплых коридоров; умывальная комната также была холодная. Почти в таком же помещении находилась и семинарская больница»⁴. Таким образом, бедность была спутницей Василия Васильевича и в средней школе.

Товарищ Болотова по Тверской семинарии М. Рубцов пишет: «Уже с первого знакомства все мы увидели в нем ученика „всезнающего“ и сразу почувствовали в нем товарища, соперничать с которым было бы очень трудно, а через короткое время убедились, что и совсем невозможно. <...> Без споров и разговоров мы все единодушно признали в нем своего первенца, а вскоре

³ Рубцов М. В. Василий Васильевич Болотов. Биографический очерк. Тверь, 1900. С. 15–16.

⁴ Там же. С. 13–14.

и полюбили его. В отношении нас, своих товарищей, Василий Васильевич был незаменимым и неоценимым помощником и руководителем во всех трудных ученических обстоятельствах. Не было вопроса, не было задачи, не было такого трудного перевода с языков, которых бы он с непостижимою для нас легкостью не объяснил, не разрешил и не растолковал нам, часто нуждавшимся в его помощи»⁵.

Уже в эти семинарские годы обнаруживается цельный, твердый и глубокий характер В. В. Болотова, который, при всей своей серьезности и внутренней отрешенности от более или менее обыкновенных (особенно для молодых людей) интересов и увлечений, не только сохранял со всеми ровно-дружеские отношения, но иногда и способствовал разрешению чужих для него житейских вопросов. Почти курьезным выглядит рассказ о том, как юный Болотов, вероятно уже тогда избравший путь своеобразной аскезы в миру, берется, однако, по просьбе друга выбрать ему невесту из трех совершенно незнакомых ему девушек. Пораженный весомостью и трезвостью болотовских рекомендаций, товарищ спрашивает его: «Откуда ты, Вася, научился мудрости изъясняться с барышнями?» — «Из психологии, — отвечает Василий Васильевич, — из психологических книг». И надо заметить, жених, поступивший по совету Болотова, не имел никаких причин жаловаться на выбор друга.

«Всегда ровный, всегда приветливый, всегда готовый побеседовать и рассказать что-либо, никогда не куривший и не пивший ни вина, ни водки, и в то же время всегда находившийся среди товарищей, позволявших себе иногда слова и действия неодобрительные, обдававших его струями табачного дыма, Болотов невольно всех располагал в свою пользу. Ни от кого он не сторонился, никому не сказал слово порицания или осуждения. <...> Сам будучи примером строгой исполнительности в отношении к тогдашней семинарской дисциплине, выполняя, как никто другой, обязанности религиозные, не опуская ни одной из служб, Болотов был в высшей степени снисходителен к слабостям и увлечениям товарищей. Многие, однако, в его присутствии стеснялись делать и говорить то, что в его отсутствие считали вполне позволительным»⁶.

Надо сказать, что со многими из своих школьных товарищей В. В. Болотов, уже будучи именитым ученым, сохранял живую дружескую связь и, несмотря на огромную занятость и утонченность своих научных интересов, вел с некоторыми давними знакомыми более или менее регулярную переписку. При внятном сознании серьезности своего труда и весомости его результатов Василий Васильевич был абсолютно свободен от тщеславия и какой бы то ни было формы снобизма.

Изучение предметов семинарского курса Василию Васильевичу, очевидно, давалось чрезвычайно легко. Он как будто и не учил уроков, хотя всегда

⁵ Там же. С. 21.

⁶ Там же. С. 25–26.

и везде был с книгой, но не учебной. Читал он все, что только можно было достать в Твери. Латинские и греческие книги он уже свободно читал в семинарии. Немецкий язык стал первым из новых, который Болотов в семинарии основательно изучил. В семинарии же начал он изучение и английского языка. Французский язык он сдал экстерном, не получив по нему никаких специальных уроков. Тогда же Василий Васильевич начал изучение и некоторых восточных языков, например сирского и арабского. В знании же еврейского он так продвинулся вперед, что на четвертом году обучения уже пользовался им в написании семестрового сочинения по Библейской истории.

М. В. Рубцов находил необходимым заметить, что обширный круг чтения не сказался негативно на духовно-нравственных ориентирах будущего ученого: «Ничто дурное не коснулось его чистой и светлой души. Разнообразное чтение только будило мысль, окрыляло ее, изощряло талант, возбуждало дух анализа и здоровой критики, в которых, как это впоследствии скажется, Болотов почти не имел себе равных в русской богословской мысли. Из него вышел, однако, не какой-либо односторонний отрицатель, а гигант мысли, остающийся глубоко верующим человеком, самую личностью своей оставивший нам завет внутреннего сочетания знания и веры, завет свободного научного исследования в области церковно-исторической науки при полном внимании и послушании вселенскому православному Преданию»⁷.

Один из преподавателей семинарии, имея в виду неординарные способности Болотова, говаривал, что его следовало бы записать первым, а потом, пропустив примерно номеров семьдесят, поставить уже второго ученика. Другой, прекрасно знавший свой предмет преподаватель, рассказывал, что при объяснениях урока в классе «нет-нет да и посмотришь, не морщится ли Болотов».

Таков был интеллектуальный и нравственный облик Василия Васильевича во время его обучения в Тверской семинарии.

Решение по окончании курса поступить в Духовную академию было принято Болотовым вполне самостоятельно и ответственно, — даже вопреки советам некоторых товарищей поступать в какой-либо из университетов. Выбор именно Санкт-Петербургской академии также был неслучаен, хотя для ректора и инспектора семинарии, выпускников академии московской, было бы приятнее, если бы он выбрал Москву.

Сосредоточенность В. В. Болотова на определенных научных интересах в Духовной академии получила еще более чем когда-либо исключительный характер. Газет он почти не читал, толстые светские журналы читал мало — избирательно и большею частью в каникулярное время.

Записавшись на церковно-историческое отделение, из древних языков он избрал для изучения латинский, из новых — английский. Расширены, сравнительно с семинарией, были и его занятия восточными языками. Едва ли не к этому уже времени относится и ознакомление Болотова с языками

⁷ Там же. С. 39.

Санкт-Петербургская духовная академия,
фото начала XX века

армянским, грузинским, турецким и мадьярским. Привлекала его внимание и метрология.

Широта эрудиции никогда, однако, не станет поводом к поверхностности, но всегда будет подчинена одной задаче, сосредоточена в одном фокусе. «Достаточно было, — по словам его знаменитого современника В. С. Соловьева, — два или три раза видеть Болотова и беседовать с ним, чтобы признать в нем человека, вполне отдавшего себя одному слу-

жению. Церковно-историческая наука со всеми смежными ее областями знания — вне этого для него ничто не имело интереса и значения. Как глубоко религиозный человек строго христианских убеждений, он находил в церковной истории настоящую жизненную среду для всего истинно важного...»⁸

Темой кандидатского сочинения, разработанной впоследствии и для магистерской диссертации, становится для Болотова «Учение Оригена о Святой Троице». Выяснение места и особенностей оригеновского субординационизма, как в контексте доникейской триадологии, так и в свете православного никейского вероучения, было задачей одновременно и чрезвычайно важной, и весьма нелегкою.

В подтверждение того, насколько успешно эта задача была разрешена Василием Васильевичем, достаточно указать на то, что проф. И. Е. Троицкий признавал за его диссертацией значение докторской. А по отклику В. С. Соловьева, в ней «Болотов превосходно объясняет и справедливо оценивает особенности оригеновского субординационизма».

Следствием изысканий в названной области христианского гнозиса должна была стать та широта и одновременно чуткость богословской интуиции, которые В. В. Болотов обнаруживал позднее и в своих лекциях по истории Вселенских Соборов, и в конкретном участии его в обсуждении, а иногда и реальных соглашениях по вопросам православной христологии и триадологии.

На кафедру древней церковной истории, неожиданно открывшуюся со смертью проф. И. В. Чельцова 5 марта 1878 года, В. В. Болотов был назначен Советом академии почти за полтора года до окончания своего академического курса. Сам он вовсе не рассчитывал вообще на занятие какой бы

⁸ Цит. по: *Бриллиантов А.И.* К характеристике ученой деятельности проф. В. В. Болотова как церковного историка. СПб., 1901. С. 8–9.

то ни было кафедры в академии и предполагал, что место покойного И. В. Чельцова займет или А. И. Садов, или брат почившего, М. В. Чельцов, писавший уже тогда магистерскую диссертацию.

Но в представлении Совету от 10 июня, доложенном в Совете уже 1 сентября 1878 года, церковно-историческое отделение сообщало, что оно «имеет в виду кандидата вполне достойного этой кафедры, но, к сожалению, могущего занять ее не раньше как в будущем году», и поэтому просило Совет об отсрочке замещения кафедры, чтобы затем перейти в руки «преподавателя, подающего самые отрадные надежды». Ответ на это ходатайство в положительном смысле последовал в указе Синода 2 октября.

Заняв кафедру древней церковной истории, В. В. Болотов явился, по словам А. И. Бриллиантова, «идеальным представителем своей науки и как преподаватель ее, и как ученый исследователь, объединяя в себе в полной мере те качества, какие только могут быть желательны в церковном историке». Прежде всего, как пишет сам Болотов, «когда состоялось мое назначение на кафедру, <...> я дал себе слово, которое держу нерушимо <...>. По церковной истории пишут много до безобразия. Всего написанного физически невозможно перечитать. Некоторые книги и статьи недоступны потому, что они дороги по цене. Но, решил я, не будет того, чтобы в извинение себе я сослался на то, что и важная для науки, и мне доступная (по карману) книга написана на языке, мне непонятном. По этому принципу я признал обязательными для себя языки первоисточников древней церковной истории...»⁹ В полном соответствии с названным принципом на вопрос, сколько языков он знает, Болотов мог отвечать, что «вообще знает те языки, которые нужны при занятиях древней церковной историей». Причем изучение языков всегда соединялось для него с широким знанием исторических фактов и культурных связей и было всегда средством к проникновению во внутреннюю жизнь, культуру и историю народа.

Обширные лингвистические знания В. В. Болотова были сопряжены в нем с замечательной склонностью и способностью к занятиям математикой. Благодаря этому, в частности, он явился несравненным специалистом в трудной области хронологических исследований.

При этом, следуя максимально возможному в исторических изысканиях критерию точности, Болотов обладал и даром живого, в известном смысле художественного воспроизведения реальности исторического прошлого. «Необыкновенная ученость в редком союзе с красноречием и юмором производили неотразимое впечатление»¹⁰.

Посвятив себя всецело науке, Болотов хотел быть ученым-исследователем в строжайшем смысле этого слова и совершенно отклонял от себя задачи

⁹ Там же. С. 15–16.

¹⁰ Тураев Б. А. Василий Васильевич Болотов // Журнал Министерства народного просвещения. 1900. № 8. С. 83.

популяризатора. «Пока был совсем юн, — говорил он, — не смел отказаться от поручений „старших“ и написал несколько статей в „Христианском чтении“ и „Церковном вестнике“; но потом решил писать впредь не иначе, как по моему собственному усмотрению, т. е. в каждой статье давать что-нибудь почтн, т. е. или новое положение, или новое обоснование старого, и для того а) или вовсе не писать о том, что другие писали, или б) писать против этих других, по крайней мере их поправляя и дополняя»¹¹.

Надо заметить, что отказ от популяризации был для Болотова именно волевым решением, связанным с высокими требованиями к научным публикациям; в то время как выступая в качестве лектора, он неизбежно должен был заботиться о том, чтобы быть понятным для своей аудитории, и блестяще умел этого достигнуть.

Востоковедческие изыскания В. В. Болотова, начатые статьями о церковной истории Египта, простирались и вширь, и вглубь. Его исследования эфиопского богословия, «хитросплетения которого едва ли кому-либо, кроме Василия Васильевича, были по плечу», были высоко оценены Б. А. Тураевым, на одну из работ которого — «Часослов Эфиопской Церкви» — Болотов дал свою рецензию. В целом, по словам Тураева, В. В. Болотов оставил «капитальные труды по церковной истории трех восточно-христианских народов: коптов, абиссин и сирийцев и тем самым порабатал в трех областях востоковедения: хамитской, семитской и иранской»¹².

Обширные знания, делавшие В. В. Болотова единственным специалистом по многим вопросам, вызывали его из кабинетного уединения на поприще церковно-общественной деятельности. В частности, как это широко известно, ему пришлось принять деятельное участие в наших сношениях с Церковью Сиро-Халдейской, Урмийская епархия которой давно уже искала сближения с православием, которое и было наконец достигнуто в день Благовещения 1898 года. «В. В. Болотов, — отмечает Тураев, — был в этом деле и переводчиком, и экспертом, и ученым секретарем, и даже литургистом и регентом певческого хора. Через его руки прошли все официальные сирохалдейские документы <...>, не без его влияния составлен был и самый чин присоединения»¹³.

В 1898 году В. В. Болотов выступил в печати и по вопросу отношений восточно-православного богословия к богословию католического Запада. Его работа «Тезисы о Filioque» была результатом занятий автора в Комиссии для выяснения условий воссоединения старокатоликов с Русской Церковью. Как бы ни относиться к выводам этого сочинения, после него уже нельзя не считаться как с болотовским различием догмата, теологумена и частного

¹¹ Бриллиантов А. И. К характеристике ученой деятельности проф. В. В. Болотова как церковного историка. С. 8.

¹² Тураев Б. А. Василий Васильевич Болотов. С. 95.

¹³ Там же. С. 94.

богословского мнения, так и с его убеждением, что истинной причиной разделения христианства было папство, этот, по Болотову, «старый наследственный враг католической Церкви, который, однако, может быть, тогда лишь прекратит свое существование, когда упразднится и последний враг — смерть».

Б. А. Тураев отмечает, что «любезностью и отзывчивостью Болотова на все, касающееся науки и Церкви, прямо злоупотребляли. К нему обращались и богословы, и историки, и филологи, и ориенталисты, и туристы, и даже популяризаторы. И каждого он принимал, с каждым беседовал, каждому отвечал на запросы не краткой справкой, а длинными письмами, заключавшими в себе нередко целые исследования.

Наконец, в самое последнее, перед кончиной своей, время В. В. Болотову пришлось участвовать в качестве представителя от Церкви в комиссии по реформе календаря. Взгляды его на календарь григорианский были последовательно негативными. Он называет его «искаленным» и в одном месте, датируя провозглашение догмата о папской непогрешимости (или безошибочности), иронически замечает: «Конечно, по григорианскому стилю, т. к. этот очаровательный календарь вполне достоин того, чтобы по нему датировать документ такого сорта, как *constitutio „Pastor aeternus“*». Выступлением Болотова в Комиссии слушатели были ошеломлены. «Едва верилось, — говорил очевидец, — что человеческая память в состоянии сохранить такую массу учености и выложить ее при первом требовании с кристаллическою ясностью»¹⁴.

Несмотря на всю свою ученость и свои громадные научные заслуги, Василий Васильевич был весьма скромного о них мнения: хотя и не страдал самоуничижением, кое паче гордости, но и не искал ни славы, ни почестей, ни ученых степеней. «Да и что могла прибавить, — пишет друг Болотова, проф. П. И. Жукович, — докторская степень к его ученой славе? И без этой степени он давно уже был и для академии, и для всех ученых кругов как бы прирожденный доктор! Но самая докторская степень как бы принижалась тем, что ее не имел Болотов...» И по представлению И. Е. Троицкого, «выражавшего общее мнение и желание всех членов Совета», докторская степень была присвоена Болотову в 1896 году¹⁵.

Кроме той колоссальной нагрузки, которую нес В. В. Болотов в области научно-преподавательской, он не отказывался ни от какой другой (часто рутинной) работы, когда она касалась академической жизни или поручалась высшей церковной властью, и необыкновенно добросовестно относился к широкому кругу обязанностей академического наставника. Касалось ли

¹⁴ Там же. С. 98; Бриллиантов А. И. Проф. Василий Васильевич Болотов. Биографический очерк // Христианское чтение. 1910. № 5. С. 587.

¹⁵ Венок на могилу в Бозе почившего проф. С.-Петербургской духовной академии Василия Васильевича Болотова. СПб., 1900. С. 18.

дело стороны административной, юридической, церковно-общественной или учебно-педагогической — везде Василий Васильевич являлся опытным хозяином. Притом все труды Болотова, шла ли речь о способах счисления баллов или о собственно научных изысканиях, всегда украшались оригинальностью мысли и исполнения, свойственных его незаурядной личности¹⁶.

Нельзя не сказать хотя бы несколько слов и о некоторых проявлениях нравственно-религиозного облика В. В. Болотова. Думается, что одной из примет, существенно определяющей этот облик, является живая и органичная — кровная и духовная одновременно — связь великого ученого со своей родиной

(с. Кравотынь), о которой он написал даже научную статью.

Мы уже отмечали, что Василий Васильевич, насколько это было возможно, со многими из товарищей своей юности сохранял общение до конца жизни.

Встречаясь же с крестьянами в свои регулярные летние приезды в Кравотынь, он всегда с ними приветливо здоровался, а иногда останавливался и разговаривал, исключая женщин, от общения с которыми вообще уклонялся. Приезжал он в родное село к матери, скончавшейся за десять месяцев до его собственной смерти. С нею он регулярно обменивался посланиями, сообщая матери о своих академических делах и проявляя сердечную заботливость о ней самой.

Введенская церковь в с. Кравотынь на озере Селигер, современный вид

«С „милой“ и „дорогой маменькой“, — вспоминает один из друзей Болотова, встречавшийся с ним в его летние приезды в Кравотынь, — Василий Васильевич бывал за каждым богослужением, в воскресные и праздничные дни, в своем сельском храме Введения Пресвятой Богородицы. Болотов сам не любил петь и в церкви стоял или в алтаре, или на левом клиросе, когда не было певчих, или в отдаленном углу храма. Кроме того, он ежегодно участвовал в процессии крестного хода, совершаемого 12 июля из сельского храма в часовню Троеручицы, находившуюся в трех верстах от села, на полпути в Нило-Столобенскую пустынь (богомольцев сюда собиралось до 5000)»¹⁷.

Василий Васильевич имел также давнее обыкновение перед отправлением в школу, а затем на службу в академию, посещать с матерью Нилу пустынь для поклонения мощам преп. Нила, святого XVI века, который сам

¹⁶ См. об этом: *Уберский И.* Памяти проф. С.-Петербургской духовной академии Василия Васильевича Болотова. СПб., 1903.

¹⁷ *Рубцов М. В.* Василий Васильевич Болотов. Биографический очерк. С. 82–83.

происходил из какой-то деревни Жабенского погоста, куда, в числе пяти, входила и болотовская Кравотынь¹⁸.

«Сюда, — рассказывает М. В. Рубцов, — они отправлялись из села пораньше, чтобы успеть к началу поздней литургии. Несмотря на продолжительность богослужения (утреня — от 4-х до 6-ти часов продолжительности, обедня — 3–4 часа, вечерня — 2–3 часа), Василий Васильевич выстаивал всю литургию и выслушивал молебен преп. Нилу, после чего заходил, будучи студентом, а потом профессором академии, к настоятелю, отцу архимандриту Арсению, для получения благословения и беседы. Духовная жизнь архимандрита Арсения, отличавшаяся трудом, терпением, молитвою, постом и раздаянием милости, не могла не влиять на душу Василия Васильевича, знавшего его с детства и получавшего от него благословение при каждой встрече»¹⁹.

Интересно отметить, что архимандрит Арсений в детстве был уволен из первого класса Осташковского училища по малоуспешности. Однако поступил послушником в Нилову пустынь, прошел все послушания и чины монашеские, обратил на себя внимание (любовью к уединению, молитве и богослужению) архиепископа Филофея, который и поставил его игуменом Нило-Столобенской пустыни с 1871 по 1898 год.

Таким образом, в отношениях В. В. Болотова и архимандрита Арсения мы видим живое свидетельство глубинного сообразия православной учености и православной духовности — сообразия, лежащего, конечно, в области живой веры, веры Церкви, собирающей и «простеца», и ученого единым призванием: «Премудрость прости!»

С детских лет органично приобщившись живой церковности, Болотов до конца жизни сохранил приверженность традиционному благочестию, нравственно проявляющемуся в том, что (как говорят о нем близкие ему товарищи) он «всегда был врагом козней, лукавства, обмана, ссор и всяких неурядиц и великим и сильным проповедником мира, любви, истины, всякого добра и снисхождения к недостаткам других».

Всецелая преданность В. В. Болотова своему служению, которая имела в его сознании глубокое религиозное оправдание, не могла, однако, не сказаться на телесном здоровье великого ученого. Еще в 1897 году он писал: «Мой организм представляет дырявое решето, если не руину...» С этого времени Василий Васильевич неоднократно высказывал уверенность в том, что он «не жилец XX века». После кончины матери в мае 1899 года никакие человеческие узы уже не связывали его с земной жизнью. «Во время зимы, — писал Болотов в июне 1899 года, — мне не раз приходилось прихварывать и с ужасом думать: что, если матушка, в ее беспомощной старости, да пере-

¹⁸ См: *Успенский В. свяц.* Жизнь и подвиги преп. Нила, Столобенского чудотворца. Тверь, 1893. С. 1–2.

¹⁹ *Рубцов М. В.* Василий Васильевич Болотов. Биографический очерк. С. 83–84.

живет меня? Теперь снял Господь этот камень с сердца и когда — через годы или через месяцы — повелит и мне идти „в путь вся земли“, Его святая воля...»²⁰

С половины марта 1900 года Болотов стал чувствовать слабость, а 22-го слег в постель, причем не переставал работать и продолжал читать вновь полученные им труды по церковной истории Египта. 23 числа он согласился отправиться в больницу Крестовоздвиженской общины, взяв все-таки с собою несколько книг. Здесь, после временного облегчения, у больного вдруг обнаружили эпилептические припадки, которые страшно ослабили его уже надломленный организм. Врачи констатировали острый характер болезни (нефрит).

В течение болезни Василий Васильевич трижды причастился святых Христовых Таин. Еще за три часа до смерти он произнес знаменательные слова: «Как прекрасны предсмертные минуты!» А спустя час сказал: «Умираю». Но усилиями медиков отчасти удалось облегчить физические страдания, на которые, впрочем, больной не жаловался, перенося с замечательным терпением все даже самые тяжелые приступы болезни. Он продолжал сохранять обычное свое жизнерадостное настроение и не переставал произносить, хотя и с трудом, отдельные слова и выражения, последними из которых были: «Иду ко кресту», «Христос идет», «Бог идет».

В. В. Болотов умер 5 апреля (ст. ст.) 1900 года, около 7 часов вечера, во время всеобщего бдения на Великий Четверг. Отпевание его совершалось в Великую Субботу, когда Церковь молитвенно, богослужебно совершает великую тайну живоносного Гроба Самого Спасителя и Бога нашего²¹.

В. В. Болотов отнюдь не был так называемым кабинетным ученым, отчужденным от современности фолиантами древних источников. Духовная цельность, подвижническая, без преувеличения, последовательность подобных людей в осуществлении своего служения лишает нас морального права навязывать им отвлеченно взятый критерий «современное — несовременное», но, скорее напротив, понуждает самое понятие современности выверить в соотношении с их способом, с их образом пребывания и участия в истории. Вспоминается неслучайная в этой связи ассоциация с тем, как В. С. Соловьев начинает свои лекции о Богочеловечестве, в частности говоря: «Что такое интересы современной цивилизации? Это те, которых не было вчера и не будет завтра. Позволительно предпочесть то, что одинаково важно во всякое время». «Да, — скажет о Болотове Высокопреосвященный Антоний, тогдашний митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский, — это был в полном смысле ученый отшельник, но отшельник, свободный от сухого бесплодного книжничества. Не в букве книжной был интерес его жизни,

²⁰ Рубцов М. В. Василий Васильевич Болотов. Биографический очерк. С. 99.

²¹ См. об этом: Венок на могилу в Бозе почившего проф. С.-Петербургской духовной академии В. В. Болотова. С. 27–35.

а в духе животворящем. Поэтому, сверх области научной, он любил в особенности жить еще жизнью Церкви, этого единственного на земле учреждения с живыми началами бессмертия и вечной жизни. Жизнь эта и при отшельничестве почившего давала полный расцвет и широкий простор возвышенным качествам души его, которые заставляли не только удивляться ему, уважать его как ученого, но и любить его как человека-христианина, всегда прекрасного и высоко привлекательного»²².

Думается, что именно «религиозность, органичная, цельная традиционная религиозность позволяла В. В. Болотову быть в истории, в современности свободным от бесплодной — духовно да и исторически — вовлеченности в нее.

Когда религиозность первична безусловно, тогда тем самым положен предел и научной рефлексии над тайной личного как такового; но ввиду этого предела и самая наука обретает свою действительную свободу — свободу в пределах самой своей научности. Но и самая религиозность в этой связи обнаруживает свободу от того перевеса субъективного над реальным, который так отличает XX столетие вообще и в частности некоторых христианских мыслителей «соловьевского извода».

Сравнительно показательно двоятся в этом смысле духовная личность самого В. С. Соловьева, который, как и Болотов, биографически остановившись на пороге XX столетия, во многом, однако, предпослал ему (веку XX-му) в своем творчестве произвол субъективного (как мистико-психологического, так и отвлеченно исторического) начала.

В отличие от этого своего рода «религиозного разночинства», исконное, цельное, традиционное благочестие русского крестьянства, причем обжившегося в непосредственной еще досягаемости святых мест (Нило-Столобенская пустынь в нашем случае), так что «домашняя» эта близость к святыне отнюдь святого не профанирует, разве только упрочивая таинственное бытие его, солидарность ему в легендах и преданиях местной старины, — вот откуда происходил В. В. Болотов не только по плоти, но и по духу, духу, в традиции укорененному и потому свободному от вибраций психологического и агрессии интеллектуального начала.

Целомудренная прикровенность личной духовной жизни, восходящей глубже и протекающей полноценнее, чем утонченнейшая из возможных на этот счет рефлексий, — вот качество этого типа благочестия, которое — что там ни говори! — одно, именно в этих его качествах (верности и целомудрия), сделало возможным бытие нашей Русской Православной Церкви в XX столетии, а уже потом и русской богословской науки. Многого ли бы стоила последняя, если бы отец Георгий Флоровский (в тридцатые-то годы) не дерзнул бы утверждать (и не имел бы основания утверждать!), что есть-таки, остаются еще на утонувших во мгле коммунистического безбожия

²² Там же. С. 4–5.

просторах России те, кто совершает таинственный путь молитвенного «подвига, путь тайного и молчаливого подвига в стяжании Духа»²³.

Кончина В. В. Болотова на рубеже века, на пороге истории, в которой уже именно исторически, — не философски, пусть не пророчески, но поэтически только, — произвол Субъективного будет противопоставлен Традиции, — сначала в мутных завихрениях Серебряного века, а затем и в кровопролитиях русской революции и жетрадиции коммунистического диктата, — кончина эта им самим предчувствовалась как-то глубоко неслучайно.

Но и для XX и для наступающего XXI столетия личность В. В. Болотова, несомненно, остается образцом редкого сочетания нравственно-религиозной цельности и научной взыскательности и глубины. В одной из надгробных речей, сто лет назад, были сказаны слова, которые мы можем сегодня повторить с не меньшим, а может быть, и с большим для них основанием: «В наше время, когда так чуждаются жизни внутренне-духовной, когда жизненные идеалы так принижены и люди охотно мирятся на внешних преимуществах — силе, богатстве, знатности и проч., когда все более и более распространяется теория, открыто провозглашающая такой строй жизни вполне нормальным и единственно возможным, — тогда такие подвижники духа, как В. В. Болотов имеют особенно великое значение. Они — светочи в окружающем общественном мраке. Самым своим существованием они убедительнее всяких речей говорят, что жизнь, отданная на служение идее, ради нее оставившая и забывшая все на свете, — возможна на земле; они воздействуют на самое сердце, служа живым укором для всех живущих иначе, они будят общественную совесть»²⁴.

*Могила В. В. Болотова
на Никольском кладбище
Александрo-Невской лавры,
дореволюционное фото*

²³ Флоровский Г., *прот.* Пути русского богословия. Париж, 1983. С. 520.

²⁴ Венок на могилу в Бозе почившего проф. С.-Петербургской духовной академии В. В. Болотова. С. 55–56.

А. Н. Боханов

Загадка Григория Распутина

К 150-летию со дня рождения

Взгляд историка на дискуссионный вопрос

От редакции: Предлагаемый к прочтению материал постоянного автора «Верующего разума», почившего в нынешнем году историка Александра Николаевича Боханова (1944–2019) посвящен одной из самых мифологизированных фигур истории России начала XX века. Личность Г. Е. Распутина (1869–1916) вызывала и вызывает по сей день противоречивые оценки. Будучи специалистом по истории династии Романовых, уделявшим особое внимание последнему царствованию, А. Н. Боханов не мог игнорировать этот проблемный вопрос и посвятил ему ряд трудов, нацеленных главным образом на раскрытие личной святости глубоко чтимой им Царской Семьи.

Мы публикуем данный материал, отражающий субъективную авторскую точку зрения, в рамках редакционной политики полифоничности и диалогизма, приглашая неравнодушных читателей к возможной плодотворной дискуссии.

Уважение к предкам, к величию и красоте былого России требует преодоления устоявшихся пошлых стереотипов, все еще толстым слоем покрывающих русскую историю периода заката Монархии.

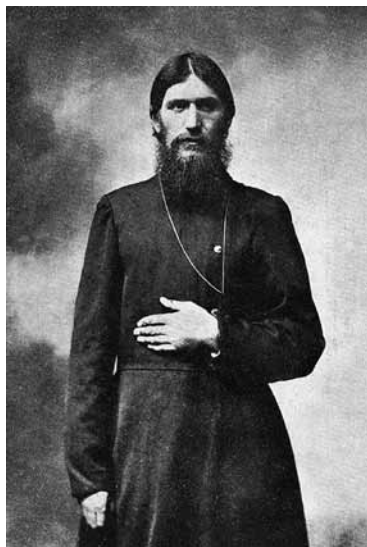
Александр Боханов

Григорий Распутин — известнейший персонаж русской истории XX века. Об этой легендарной личности невероятно много написано и сказано. Однако мало кто может достоверно изложить его биографию. Да этого, как кажется, и не требуется. Как сто лет назад, так и сейчас многие сочинители убеждены: какая же может быть «биография» у малограмотного русского крестьянина из далекого сибирского села? Он же не был ни полководцем, ни мыслителем, ни государственным деятелем, ни «пламенным революционером», ни церковным иерархом, ни «творцом изящного».

Поклонники Распутина называли его старцем, но в бездуховном мире, как раньше, так и сейчас, сочинители просто не в состоянии понять подобную кате-

горию¹. Для них «духовность» — некая сумма интеллектуальных знаний и представлений. И все. Но при этом надо как-то объяснить феноменальность исторической роли Григория Распутина. Ее и объясняют просто, «без затей», создавая бесчисленное множество в той или иной степени неизменно пошленьких произведений. Суть их проста, ведь, как кажется немалому числу людей, главное о Распутине «давно известно».

Сибирский крестьянин, обладавший чудодейственными способностями и невероятным половым магнетизмом, сумел подняться на самый верх общества, покорить «сильных мира того», смог «втереться в доверие к самому Царю», «став соправителем» Российской Империи. Перед ним заискивали придворные и сановники, известные политики домогались его благорасположения, а первые красавицы Империи «готовы были на все», лишь бы этот «бородатый мужлан» заключил их в свои объятия.

Портрет Григория Распутина.
Фотография ателье Буллы,
1910 год

Без тени сомнения во многих сочинениях утверждается, что этот «нахальный бражник» и «бесстыжий блудник» предавался «необузданному разврату без устали». Описание так называемых распутинских оргий — отдельное направление в кино и литературе. Игра шампанского в хрустале, бархатные и шелковые обивки и портьеры, переливы бриллиантов, мерцающий огонь свечей в причудливых бронзовых канделябрах, а на первом плане похотливый бородатый мужик, или сжимающий в своих грубых руках заколдованную, беспомощную аристократку, или вертящийся в бесноватом плясе, напоминающем ритуальные танцы диких племен. На протяжении XX века голливудские кинокомпании сумели многократно воспроизвести подобную потрясающую воображение «русскую экзотику».

Однако распутинская тема — не только объект бытового любопытства, а тиражирование этой истории не объясняется лишь распространенным

¹ Ярчайшим образцом подобной беспомощности является вышедшее не так давно сочинение: Варламов А. Н. Григорий Распутин-Новый. М., 2007, переизданное в 2008 году в серии «Жизнь замечательных людей». обстоятельный анализ тенденциозных варламовских измышлений произведен С. В. Фоминим. См.: Фомин С. В. Григорий Распутин: расследование. «Боже, храни Своих!». М., 2009. Он же. Григорий Распутин: расследование. «Судья же мне Господь!». М., 2010. На поверку «новые сочинения» — только по дате и есть «новые». В основе своей по преимуществу это «перелопачивание» слухов и сплетен столетней давности.

людским интересом к скрытому, непристойному. Здесь фокусируются вполне определенные политические интересы, мировоззренческие пристрастия, психологические комплексы не только отдельных людей, но и конкретных общественных групп и политических направлений. «Распутиниада» — инструмент идеологических манипуляций, удобный способ объяснить изломанные судьбы стран, народов, империй и правителей простыми формулами и ходячими приемами.

Много десятилетий назад один из самых известных отечественных политиков XX века, герой, кумир и проклятие судьбоносного 1917 года Александр Керенский изрек: «Без Распутина не было бы Ленина». Иными словами, если бы этот сибирский мужик не появился в Царских чертогах, а еще лучше и не родился на свет вовсе, то Россию не постигли бы испытания и мучения, которые она выдерживала почти столетие под игмом беспощадных коммунистов. При таком взгляде на ход времен фигура Распутина приобретает магический ореол «могильщика» Царской Империи, посланца inferнальных сил, открывшего «врата ада» для погубителей и притеснителей.

Постулирование подобной «истины», принятие ее на веру позволяло таким деятелям, как Керенский, удачно выгораживать себя, затемнять и умалять свои личные «заслуги» в деле крушения монархической России и «торжестве апокалипсиса», наступившего потом.

Действительно, если Распутин стал демиургом крушения, знаком распада, то историческая вина за это лежит не только и даже не столько на нем, сколько на тех силах и людях, кто вызвал из небытия это «исчадие ада». И здесь на первое место сочинители непременно выдвигают Императора Николая II и Императрицу Александру Федоровну.

Вульгарная схема оказалась чрезвычайно живучей; сходные утверждения звучат снова и снова. Их озвучивали и «мэтры» околоисторической литературы, такие как Валентин Пикуль и Эдвард Радзинский, и просто «табуны» безответственных сочинителей рангом помельче. Недалеко ушли от уровня таких «знатоков» и авторы из круга «историков-профессионалов». Даже носители профессорских званий и докторских степеней нередко писали (да и пишут) нечто подобное!

Существует и прямо противоположная, но столь же расхожая точка зрения, согласно которой вся «распутиниада» — тонкая инспирация антирусских сил из числа «революционеров», «масонов» и «евреев», зловещий заговор, приведший в итоге к падению Царства. Это тоже не только событийное упрощение, но и примитивизация многосложной и многовековой обусловленности крушения великого духовного феномена — Царской России.

Врагов у исторической России действительно было много. Однако их было много всегда! Утверждать же, что именно их «конспирологическая деятельность» в определенной временной точке и привела к торжеству революции — значит идти путем Керенского: «просто» и «доходчиво» обрисовы-

вать грандиозную духовную катастрофу. Распутин никоим образом не был виновником этой катастрофы. Однако «простота» и «доходчивость» заставляют авторов, даже из круга симпатизантов Распутина, заниматься подменами, выпячивая на передний план факторы и причины третьестепенного порядка.

Почему элитарная Россия — аристократия, интеллигенция и даже некоторые представители церковной иерархии поверили не Царю и Царице, благочестие Которых, как и Их любовь к России были бесспорными? Почему они поверили тому, что умаляло и отрицало русские исторические духовные ценности? Почему люди периода заката Монархии видели то, чего не существовало в природе, воспринимали ложь как «объективную реальность», не утруждая себя хоть каким-то критическим анализом циркулировавших слухов? Здесь ключ к пониманию и всей распутинской темы, а шире — революционной катастрофы, а совсем не в том, столько было «масонов» и как изощренно они плели свои адские сети «заговора». Распутинская история — ярчайший показатель тяжелейшего духовно-психологического раскола страны, раскола, ставшего детонатором революционного взрыва 1917 года. Ибо сказано было Спасителем на все времена: *Если царство разделится само в себе, не может устоять царство* (Мк. 4, 23).

Обширная часть «распутиниады» базируется на материалах, которые являются апокрифическими или, иначе говоря, просто ложными. Фальшивок здесь достаточно. «Пиарщики» XX века потрудились на славу: фабриковались полицейские документы, письма отдельных лиц, дневники.

Попыток же документировать жизнь «легендарного Гришки», наполнить его биографию конкретными историческими реалиями, долго не наблюдалось. Исторические изыскания никого не интересовали. Поэтому даже краткие заметки во всех без исключения энциклопедических изданиях, не говоря уже о прочих работах, полны противоречий и искажений. Тут правила (и правит) бал «разнузданная дама» по имени Идеология. Между тем там, где кончается факт, заканчивается и история. В силу этого с полным правом можно назвать антиисторическими подавляющую часть сочинений на данную тему.

Чтобы читателю было понятно, какой низкопробный материал ему предлагают, сошлемся на типичный образчик мифотворчества. Среди публикаций последних лет трудно обойти стороной писания Э. С. Радзинского, который обрушивает на публику просто поток «откровений» и «открытий» о тайнах истории вообще и о «тайнах Царей» в частности. При этом он уверяет всех и в России, и по всему свету, что «изучал уникальные» документы, знакомство с которыми «озаряло» его якобы научные упражнения.

В изданной массовым тиражом книге этого «мэтра» об Императоре Николае II о Распутине написано: «Григорий Распутин родился в селе Покровском в Сибири. Сын крестьянина Ефима Новых. Его отец — горький пьяница — вдруг образумился, перестал пить, скопил себе достаток. Но умерла жена — и пошло опять мужицкое несчастье: начал пить, спустил нажитое. И его сын Григорий в это время прославился распутной жизнью: Распути-

ным уехал он в Тобольск, служил половым в гостинице, там женился на служанке Прасковье, и родила она ему троих детей — сына и двух дочерей»².

Этот пассаж записного «знатока истории» насчитывает более шестидесяти слов. Из них не более десятка соответствуют истине: указание места рождения Григория Распутина, имя его отца, жены. Все остальные слова и утверждения, извините за неизящное выражение, грубое вранье. «Идентификатор» даже умудрился отцу чужую фамилию приписать.

Примерно так обычно и выглядит «консистенция» опусов на распутинскую тему: девять частей лжи и частичка общеизвестного. В результате получается непотребное «варево», которым обычно и «потчуют» несведущую публику. Из ныне живущих и творящих упомянутый баснописец далеко не единственный, но он, несомненно, самый плодовитый и наиболее удачливый коммивояжер пошлого товара.

Как можно рассуждать о жизни исторического персонажа, не зная ни времени его рождения, ни условий его жизни, ни духовного облика, ни запросов, ни интересов? Оказывается, можно. Лишь в самые последние годы начинают появляться немногочисленные публикации, где приводятся сведения о рождении Распутина, о его семье, рассказывается о путях духовных исканий. Еще совсем недавно все это было покрыто плотным туманом неизвестности.

Собственно, точно было известно лишь несколько фактов. Во-первых, то, что Григорий родился в Западной Сибири, в селе Покровском Тюменского уезда Тобольской губернии и был сыном крестьянина. Во-вторых, не вызвала сомнений дата смерти: в ночь с 16 на 17 декабря 1916 года в Петрограде. И наконец, точно было известно время первой встречи сибирского крестьянина с Царем и Царицей: 1 ноября 1905 года (о том имеется специальная запись в дневнике Николая II). За пределами этого скромного круга сведений начинались «интерпретации» и «вариации».

Существует несколько категорий документов, на основании которых можно воссоздавать историю жизни и судьбы Григория Распутина. Они разнятся как по своей фактурно-содержательной части, так и по степени исторической достоверности.

Наиболее надежны те из них, которые можно обозначить как «интимные бумаги», документы, которые возникли в «процессе жизнедеятельности» Распутина: его записки, телеграммы, наставления, размышления, поучения, содержащиеся как в записях его почитателей, так и в изданных от его имени книгах. Особое место в этом ряду занимает личная переписка Царя и Царицы.

² Радзинский Э. С. «Господи... спаси и умири Россию». М., 1993. Автор не только оболгал семью Распутина, но и умудрился даже перевернуть цитату из дневника Николая II, вынесенную в заголовок. Запись эта была сделана 17 октября 1905 года, после подписания Императором известного манифеста о даровании стране политических свобод и независимого парламента — Государственной думы. В оригинале значится «умири». Господин сочинитель, очевидно, просто не способен понять, что «умири» и «усмири» не есть тавтология.

Здесь чрезвычайно значима корреспонденция Александры Федоровны, которая искренне, без прикрас описывала Свое восприятие «друга Григория».

Второй блок источников включает показания бывший сановников и царедворцев, политиков, чинов полиции, завсегдаев светских салонов, которые собирала Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства.

Последний и наиболее многочисленный корпус документов — мемуары современников. Из числа тех, кто жил и пережил «минуты роковые», очень многие оставили свои воспоминания. Мемуаров того периода много. При этом почти все авторы в разном контексте и по разному поводу, но обязательно упоминали имя Распутина. Однако именно это обширное наследие и является наименее исторически надежным. Людей, которые лично общались с Распутиным, а по прошествии лет рискнули бы искренне написать об этом, всего несколько, их, что называется, можно сосчитать по пальцам одной руки.

Можно выделить воспоминания только трех таковых лиц. Это, во-первых, Анна Александровна Танеева-Вырубова (1884–1964), во-вторых, Юлия Александровна Ден (1880–1963)³.

Особо же значимыми представляются записки верной почитательницы и последовательницы «старца Григория» Марии Евгеньевны Головиной (1887–1972), которую различные разоблачители называли и «секретарем», и «любовницей», и «наложницей» Распутина, но которая на самом деле являлась честной и добропорядочной девушкой из старой дворянской семьи, никогда ни в каких интимных отношениях с Распутиным не состоявшей. Она стала своего рода «духовной дочерью Распутина» и не изменила своего благоговеющего отношения до самой своей смерти. Эти повествования преданной почитательницы усилиями французского историка и генеалога Жака Феррана были изданы небольшим тиражом в Париже через много лет после смерти Марии Головиной⁴. К числу преданных почитательниц Распутина относилась и мать Марии — вдова камергера Е. С. Головина (1837–1897) Любовь Валерьяновна Головина, урожденная Карнович (1853–1938).

Записки Головиной, которую все близкие, в том числе и Распутин, звали Муней, стоят особняком в ряду всех документальных свидетельств. Скажем, воспоминания Анны Вырубовой или Лили Ден построены по принципу беспристрастного рассказа и выглядят как некие описания событий как бы извне. В них нет практически самого главного: того, что привлекало людей в Распутине, того, что заставляло людей, в том числе и мемуаристок, снова

³ Наиболее полное издание вырубовских текстов содержится в сборнике: Верная Богу, Царю и Отечеству / сост. Ю. Рассулин, СПб., 2005. Книга Ю. Ден «Подлинная Царица» первый раз увидела свет в Лондоне в 1922 году, а полный перевод с комментариями и пояснениями был осуществлен в Петербурге в 2009 году.

⁴ *Memoires de Mounia Golovine 1905–1920. St. Petersburg — Raspoutine la Sibirie — la Revolution — la Exil. Avant-propos de la comtesse Olga N. Kreutz. Paris 1995.* Перевод: Мемуары Муни Головиной 1905–1920. Санкт-Петербург — Распутин — Сибирь — Революция — Изгнание. Предисловие графини Ольги Крейц.

и снова общаться с этим загадочным человеком, внимать его словам и наставлениям. Данная отстраненность вполне объяснима. Революционная катастрофа тяжелейшим образом подействовала на всех и вся, кто пережил ее. Подавляющая часть русской эмиграции просто с остервенением возлагала вину за крушение России как раз на «темные силы», которые якобы и олицетворял Григорий Распутин. В этих условиях морального террора чрезвычайно трудно пойти против течения. Надо было обладать силой богатырской, чтобы восстать против настроений улюлюкающей толпы и рассказывать о радости духовного общения с «отцом Григорием». Да и не понял бы никто подобных откровений, а автора неминуемо тут же опять облили бы ушатом помоев, приписав все возможные пороки.

Неизвестно, собиралась ли Муња Головина публиковать свои воспоминания при жизни, к написанию которых приступила в 1931 году. Она трудилась над ними не одно десятилетие, а последние части писала уже в доме для престарелых в 1960-е годы. Ее книга — единственное мемуарное произведение, в котором сделана попытка изложить личный опыт духовного общения с Григорием Распутиным, его приемы душеврачевания, которые чрезвычайно помогали людям, в том числе и самой Марии Головиной. К тому же Головина бывала не раз в Покровском, прекрасно знала семью Распутина, совершала паломничества и в Верхотурский монастырь, жила там у духовного отца Распутина старца Макария, иными словами, имела собственное представление о многих сторонах жизни Распутина, о которых другие мемуаристы писали с чужого голоса.

Она была верна ему при жизни и сохранила преданность и после его убийства. В предисловии, обращаясь к читателям, Мария Головина объяснила свой взгляд на Распутина. «Человек, которого я хочу представить, являлся своего рода избранным, высокодуховным, имеющим способность исцелять больных, предвидеть события, изгонять злых духов, желавший делать всем добро, вопреки всему, был больше всех оклеветан, презираем, ненавидим; он совершенно непонятый человек».

Эти уроки не пропали даром. Мария Головина и в эмиграции старалась претворять в жизни главное наставление Распутина: нести любовь людям. Многие годы она беззаветно служила больным, одиноким, отчаявшимся, которых в среде русской эмиграции было предостаточно. Она была и сиделкой, и медсестрой, и посыльной и никогда для себя ничего не искала и не просила. Некоторых она спасала от самоубийства и от голодной смерти, делясь, что называется, последним куском.

Познакомившись с Распутиным в 1908 году, Мария Головина все последующие годы входила в число самых преданных почитательниц. Многие страницы биографии Распутина тех лет невозможно адекватно реконструировать без «показаний» преданной Муни. Что же касается более ранних лет жизни Распутина, то надежных свидетельств тут значительно меньше, чем хотелось бы иметь.

Начнем с «биографического букваря». Откуда взялся Распутин и что достоверно о нем известно? Для начала разберемся в нескольких основополагающих вещах: дате рождения, происхождении легендарной фамилии и семейном родословии.

Исследователь биографии Григория Распутина О. А. Платонов первым отыскал в архиве семейный формуляр, составленной во время первой (и последней) Всероссийской переписи населения, состоявшейся в 1897 году⁵. В нем значится, что у хозяина, пятидесятипятилетнего Ефима Распутина в семье состояли: жена Анна Васильевна (57 лет), сын Григорий (28 лет), жена сына Прасковья Федоровна (30 лет) и внук хозяина Дмитрий (1 год). Все они являлись крестьянами и значились безграмотными. Принимая в расчет, что перепись, происходившая в январе 1897 года, учитывала только полное число лет, нетрудно подсчитать, что Григорий Ефимович Распутин родился в 1869 году.

Тюменскому краеведу В. Л. Смирнову удалось обнаружить в архиве метрическую книгу Богородической церкви слободы Покровской за 1869 год⁶. В ней записано, что 9 января 1869 года у крестьянина Ефима Федоровича Распутина и его жены Анны Васильевны родился сын, нареченный при крещении 10 января Григорием в честь поминаемого в тот день Православной Церковью святителя Григория Нисского⁷.

Возникшая в XVII веке слобода Покровская располагалась на берегу полноводной реки Туры, на дорожном тракте. К моменту рождения Григория Распутина являлась, по сибирским меркам, «густонаселенным» пунктом; там значилось 172 двора. Численность «душ мужского пола» — 391 человек, женского — 442. В Покровском имелись церковь, почтовое отделение, сельское училище и «два кожевенных завода».

В селе (слободе) действовало четырехклассное начальное сельское училище, но Григорию там учиться не довелось. Можно предположить, что, как часто бывало в крестьянском мире, в малочисленных семьях, отец не отдал сына «в обучение» по причине нехватки рабочих рук. Единственный сын, один помощник. Распутин так на всю жизнь и остался малограмотным. Хотя со временем он научился выводить слова (его автографов сохранилось довольно много), но сколько-нибудь совершенной техникой письма так и не овладел. Однако читать научился. С юности читал Евангелие и выучил его почти наизусть.

Жители села занимались извозом («ямщичили») по дороге из Тюмени

⁵ См.: Платонов О. А. Терновый венец России. М., 1996. С. 14–15.

⁶ Книга В. Л. Смирнова «Неизвестное о Распутине» была издана в Тюмени в 1999 году. Автору удалось собрать и опубликовать много интересных документов, касающихся жизни Григория Распутина на родине.

⁷ Григорий Нисский (ок. 334–394). Брат Василия Великого, епископ города Ниссы в Каппадокии (Малая Азия), участник Второго Вселенского собора (381), Учитель Церкви.

в Тобольск, рыболовством, лесосплавом, хлебопашеством, молочным животноводством. Покровское славилось изготовлением попон, выделкой кож и кузнечным ремеслом. Позже Распутин расскажет про себя: «Много в обзогах ходил, много ямщикал и рыбу ловил, и пашню пахал». Детство прошло в тяжелом крестьянском труде.

Позже Распутин о некоторых жизненных эпизодах той поры много рассказывал. Труд с молитвой научил терпению и смирению. «Ходил в Петров пост на острова и там собирал лыко; таскал больше чем за полверсты в озеро мочить. Хлеба кушал малость, а оводов и комаров от себя не отгонял. В пять часов вечера я снимал рубашку, клал сто поклонов и творил Иисусову молитву... действительно получил пользу от оводов и комаров, цифра неписаная, и научился всякому терпению, вообще ударам или изнурению тела... Еще в петровские ночи я пахал, оводов тоже не убирал с себя — пускай покушают тело и попьют дурную кровь. Я размышлял: и они Божии создания, так и я сотворен Богом».

Фамилия «Распутин» многими сочинителями производится от слова «распутство» и, как утверждается, обуславливается аморальным поведением. На самом деле все выглядит совершенно иначе. В начале XX века в Покровском проживало семь семей, носивших такую фамилию. Сама же родовая этимология к «распутному образу жизни» не имеет никакого отношения. Скорее всего, фамилия происходит от слов «распутье», «распутица» или «перепутье». Она широко была распространена на Русском Севере и в Сибири и встречается в документах по крайней мере с XVII века.

Вообще, что касается крестьянских фамилий, то они в большинстве своем появляются лишь в XIX веке. Ранее в деревенском быту использовались прозвища, клички, возникавшие разными путями. Тут могли обыгрываться какие-то характерные физические признаки, черты характера, место жительства, время рождения, но чаще всего имя или прозвище отца. В официальных документах обычно значилось примерно так: «Иван сын Федоров», «Зосим сын Семенов» и т. д.

Родоначальником рода Григория Распутина был «Изосим Федоров сын». В переписной книге крестьян Покровского за 1662 год говорится, что он живет с женой и тремя сыновьями — Семеном, Насоном и Евсеем, что пришел он в Покровскую слободу за двадцать лет до того из Яренского уезда (современная Республика Коми) «и стал на пашню». Сын Насон позже получил прозвище «Роспута». А от него и пошли Роспутины, ставшие в начале XIX века Распутиными. По подворной переписи 1858 года в Покровском значилось более тридцати крестьян, носивших фамилию «Распутины», в том числе и отец Григория Ефим, которому тогда еще не исполнилось и шестнадцати лет.

Сказанное документально подтверждает, что фамилия никакого касательства к образу жизни Григория Распутина не имела. Он ее не «приобрел», а получил в наследство. Во многих же книгах и документах Григорий фигурирует под двойной фамилией: Распутин-Новый или Распутин-Новых. Это обстоятельство тоже окутано домыслами. Некоторые уверяют, что Григорий

желал поменять фамилию, чтобы «расстаться с прошлой разгульной жизнью», чтобы «скрыть следы ранних лет». Очень популярна другая версия, согласно которой он вынужден был это сделать с легкой руки Цесаревича Алексея. Как утверждается, однажды, когда Распутин предстал перед Наследником Престола, тот чуть не запрыгал от радости и возопил: «Новый, новый!» Якобы возглас Царского Сына и заставил менять «фамильное обозначение».

Среди прочих эту историю поддержала своим рассказом и старшая дочь Распутина Матрена. В ее изложении дело выглядело следующим образом. «В одно из первых своих посещений Дворца он, увидев Государя, получил от Него приказание: впредь именоваться фамилией Новых. Это произошло таким образом. Когда отец проходил по Дворцу, его увидел Алексей Николаевич и сказал Государю: „Папа, вот идет новый“, т. е. новый во дворце человек. В связи с этим фактом и была переменена наша фамилия».

Однако даже при таком, казалось бы, весомом аргументе, как утверждение дочери, версия кажется малоубедительной и походит на обычный анекдот, которых циркулировало несчетное множество. Если Царь действительно дал подобное приказание, то зачем тогда потребовалось составлять прошение? Царское распоряжение само по себе имело силу закона. В своих же рассказах об отце Матрена запечатлела немало неверного.

Думается, что перемена фамилии к «воплю малютки» отношения не имела. Да и самой перемены-то не было, а было дополнение. Григорий, решив видоизменить ее в конце 1906 года, объяснял это желание в прошении Царю следующим образом: «Проживая в селе Покровском, я ношу фамилию Распутина, в то время как и многие другие односельчане носят ту же фамилию, отчего могут возникнуть всевозможные недоразумения. Припадаю к стопам Вашего Императорского Величества и прошу: дабы повелено было мне и моему потомству именоваться по фамилии „Распутин Новый“». И далее шла подпись: «Вашего Императорского Величества верноподданный Григорий».

Что касается пресловутого «вопля малютки», то ко времени появления этого прошения Царская чета всего виделась с Распутиным не более трех-четырех раз, а со Своими Детьми Они его познакомили в октябре 1906 года. Нет никаких указаний на то, что во время визитов Царя и Царицы к родственникам, где встречи с Григорием в тот период и случались, Они брали с собой маленького Сына, которому в июле 1906 года исполнилось только два года. Распутин же стал превращаться в Друга Царской Семьи с 1907 года, когда его новая двойная фамилия являлась уже фактом.

До недавних пор баснословными сказаниями была окутана семейная жизнь Григория Распутина и в наименьшей степени и семейная жизнь его родителей. Благодаря найденным метрическим книгам можно этот сюжет осветить довольно полно. У Ефима и Анны Распутиных, обвенчанных в церкви Покровского в 1862 году, всего родилось девять детей, однако они умирали один за другим в раннем возрасте и до отроческих лет дожил лишь Григорий.

Вся жизнь Распутина соткана из легенд и домыслов, но все-таки наименее документально подтвержденными являются первые тридцать лет его биографии. Это вполне понятно. Какие в принципе могли остаться письмен-

ные или иные документы о жизни молодого крестьянского парня, да к тому же родившегося и обитавшего в далеком медвежьем углу? Практически никаких. Их и не осталось.

Какие-то свидетельства можно было получить от ровесников и односельчан Распутина. Их стали опрашивать уже в XX веке, когда многое давно кануло в Лету, а фигура их односельчанина неожиданно привлекла такой повышенный интерес, что местные мужики терялись, не знали что и говорить этим «господам из России». По народным представлениям той поры, Россия начиналась за Уралом, а далее на Восток шла Сибирь...

Некоторые рассказывали то, что от них хотели услышать заезжие, «богаты», «по-городскому» одетые дамы и господа, другие вообще отнекивались, ссылались на беспамятство. Да ничего особо примечательного они и рассказать-то не могли. Кто ж из них мог подумать в старое время, что «Ефимов Гришка» войдет в такую силу, в такой интерес попадет? Ничем примечательным не запомнился. Вспоминали, что в какой-то момент стал вроде сам не свой, на манер ушибленного. Рядом стоит, а вроде и нет его, о чем-то далеко думает, да потом стал все о Боге да о душе говорить.

О своих юных годах Распутин позже сам рассказывал: «Вся жизнь моя была в болезни. Всякую весну я по сорок ночей не спал. Сон как будто забытье... Медицина мне не помогала, со мной ночами бывало как с маленькими, мочился в постели».

Парнем хоть и рос не особо здоровым, даже болезненным, работал, как и прочие, и на покосе, и на извозе, и на рыбалке. Многие односельчане помнили, что когда Григорий уже женатым был, стал подолгу из дому отлучаться. В самом факте таких отлучек ничего удивительного не было. Многие мужики, как заканчивались сельскохозяйственные работы, сбивались в артели и подавались в разные места на заработки.

Удивляло другое: ходил-то Григорий не на заработки, а, как потом сам рассказывал, по разным обителям и святым местам. Дело такое тоже не возбраня-

лось, но что начало сильно удивлять, так это когда у него деньги завелись. А потом вдруг эти господа «из России» в гости к нему начали наведываться. Среди односельчан появились завистники. Зависть же неизбежно рождает и злость.

Покровское, по представлениям той поры, если не являлось особо богатым, то уж зажиточным селом было наверняка. Промыслы и торговля давали приработок. Но даже при этом больших денег никто не видел. Сотня рублей, сколочен-

*Григорий Распутин (в центре)
среди односельчан и родственников
в Покровском*

ная в год, считалась целым капиталом. (По приблизительным подсчетам, точное соотношение установить невозможно, сто рублей начала XX века равняются ныне примерно тысяче долларов.)

У Григория же Распутина со временем завелись деньги, да не крестьянским чета. Дом двухэтажный отгрохал, и хотя таких было на селе немало, все равно казалось, что его — «на господский манер», самый добротный. В прижимистости же упрекнуть никто не мог. Сотни рублей жертвовал на церковь, да и отдельным селянам деньгами помогал: кому скотину приобрести, кому на похороны, а кому на одежду.

За щедроты Распутина даже в газетах благодарили. «Тобольские епархиальные ведомости» 1 июня 1908 года писали: «Объявлена благодарность епархиального начальства с выдачею похвального листа крестьянину слободы Покровской, Тюменского уезда, Григорию Новому (он же Распутин) за пожертвования в приходскую церковь».

В 1912 году в «Заключении Тобольской консистории» говорилось, что помимо «пяти тысяч рублей на построение нового храма в слободе Покровской Г. Е. Распутин пожертвовал в приходской храм серебряный 84% золоченый напрестольный крест, четыре серебряных вызолоченных лампы и приложил к чтимой иконе Спасителя массивный нательный золотой крест».

Многие односельчане, встречая на улице, кланялись, благодарили за добро, а иные и «благодетелем» величали. Однако как «земля зашаталась», так многие о добрых делах вмиг забыли. Когда до Покровского долетела весть, что в столице «Царя скинули», людская злость-то и выплеснулась. Побежали грабить дом Распутиных, да так несколько раз и вламывались. Почин положили пришлые.

До наших дней дошла телеграмма, посланная вдовой убитого Григория Прасковьей (Параскевой), отправленная 21 апреля 1917 года из Покровского губернским властям в Тобольске. «Был проездом эшелон солдат, сделали полный разгром в квартире Григория Распутина. Пропали ценные вещи. Ехали они из Тюмени в Тобольск на пароходе „Станкевич“ 2-го дня. Умоляем, примите меры. Распутина».

Несчастливая женщина на земляков уже не рассчитывала, наивно надеясь на защиту губернских властей. Помощь ниоткуда не пришла. Минуло еще некоторое время, и уже сами крестьяне Покровского на своем сходе приняли решение: конфисковать у Распутиных «богатства, нажитые нечестным путем», в числе коего на первом месте стояли «граммофон и пианина». Вскоре же вдову с сыном вообще выгнали из собственного дома, где устроили больницу. К тому времени соседи успели уже почти все растащить: от тарелок до зеркала...

Все эти печальные истории начнут разворачиваться в «новой России», освобожденной от «царского ига». В иные времена такого расклада вещей, такого одичания никто бы и вообразить не мог. Все текло медленно, неторопливо, все казалось predetermined на века.

Григорий Распутин со своими детьми Матреной, Варварой и Дмитрием в Покровском, 1900-е годы

В 1887 году, в возрасте 18 лет, Григорий Распутин женился на девице из соседней деревни Параскеве (Прасковье) Федоровне Дубровиной, которая была почти на три года старше него. Такая разница в возрасте была по тем временам довольно необычной. По деревенским меркам невеста явно «засиделась в девках», а жених, видно, не имел «брачного престижа» и вынужден был пойти под венец с «перезрелой».

У Григория и Прасковьи родилось семеро детей, но лишь трое выжили: Дмитрий (1895–1933), Матрена (в церковной книге записана как «Матрона»), которую часто называли Марией (1898–1977), и Варвара (1900 — начало 1930-х годов). Судьба членов семьи Григория Распутина не была счастливой. Мать, сын Дмитрий и дочь Варвара погибли в советских концлагерях, а Матрена выбралась из России вместе с психически неуравновешенным мужем поручиком Б. Н. Соловьевым (1893–1926). Умерла она в Калифорнии, в Лос-Анджелесе.

О молодых годах жизни Распутина в Покровском можно судить по скудным и отрывочным сведениям. О семейном укладе сохранились рассказы Матрены, но они относятся к более позднему времени. Кое-какие упоминания по этому поводу делал позднее сам Григорий. Из них можно заключить, что Распутин много в молодости страдал от насмешек и издевательств односельчан. Сибирский крестьянский мир — жестокий мир, там не делали снисхождения слабым, не щадили тех, кто «не от мира сего». Закон беспощадного исторического отбора — выживает лишь сильный — формировал характеры жесткие, натуры прямые, не восприимчивые к слабостям других.

Не блещущий физической крепостью парень, да к тому же имеющий слабости («мочился ночами»), превратился в объект издевательств. Позже Распутин заметил о том времени: «Много скорбей было: где какая сделалась ошибка, будто как я, а я вовсе ни при чем. В артелях переносил разные насмешки».

В этой связи стоит остановиться на одном моменте его биографии, который потом будет постоянно муссироваться в статьях, репортажах и книгах. Речь идет о том, что якобы в молодые лета Распутин был «конокрадом», за что его били нещадно. С тем, что его могли бить, можно согласиться. На селе кулачные «забавы» были в порядке вещей. Что же касается конокрадства, а этот аргумент неизменно фигурировал (и фигурирует) при характеристике Распутина, то, так сказать, предметных оснований для этого не имеется. Ни-

кто из односельчан не указывал на такие деяния, никто не вспомнил подобного эпизода о своем земляке, хотя память о воровстве в деревне хранят долго.

Даже если и допустить, что земляки «запамятовали», «умолчали», хотя корысти для выгораживания, «отбеливания» Распутина у жителей Покровского не могло быть никакой, то все равно вся эта история выглядит неправдоподобно. Такого рода поступки считались уголовным преступлением, и похититель скотины подлежал привлечению к суду, а значит, должны остаться некие судебные документы, которых не существует.

Между тем нередко в литературе можно встретить уверения, что «Распутина судили». Да, действительно отец Григория Ефим Яковлевич однажды был заключен под арест, но не за воровство, как писали и говорили, а за неплату государственных недоимок (налогов). Что же касается его сына, но никаким судебным преследованиям он не подвергался.

Предположим, что «бумажные отпечатки» этой истории по каким-то причинам не сохранились. Однако и с фактической стороны вся эта история выглядит как тенденциозная легенда. Как сказал один чеховский герой, «этого не может быть, потому что этого не может быть никогда». Надо просто не иметь никакого представления об условиях жизни крестьян в Сибири, чтобы всерьез утверждать подобное.

Населенные пункты там редки, отстояли они друг от друга на больших расстояниях, а жители знали друг друга наперечет. Кругом же водные просторы, безбрежные болота и леса. Украсть где-то коня, а потом скрыться с ним без следа — на такое мог рассчитывать лишь тот, кто намеревался похитить крылатого Пегаса. Обычную же скотину тайно увести просто было невозможно. Если кто и занимался конокрадством, то пришлые, главным образом кочующие цыгане, но таковых в Сибири практически не было. Вся эта географическая «азбука» и бытовая «арифметика» были недоступны пониманию столичной публики, сочинявшей подобные небылицы.

Ну, действительно, откуда богатому помещику, тонкому ценителю французской кухни и дорогих вин, камергеру Императорского двора, председателю Государственной думы М. В. Родзянко, который просто голосил о «Распутине-конокраде», было знать, как живут сибирские крестьяне, что за воровство там не просто били, но и убить могли.

Через десятилетия, за время которых были проведены бесчисленные «следственные эксперименты», старые стереотипы все еще были в употреблении, все еще являлись «мировоззрением». В изданной в 1966 году в Лондоне книге воспоминаний престарелый «душка Керенский» изрекал о Распутине: «Жизнь этого удивительного человека известна, и ограничусь лишь изложением основных фактов. В годы молодости Распутин, неграмотный крестьянин, отличался распутством (отсюда и его фамилия), пьянством и буйством. Как и отец, который промышлял конокрадством, он никогда не жил в достатке и не гнушался воровством».

По всей вероятности, создатель приснопамятной ЧСК (Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства) даже не ознакомился с собранными по его же заданию этой комиссией материалами, в которых ни один из процитированных тезисов не нашел подтверждения. Ну зачем же что-то там читать, всем же «все известно»! Что на самом деле, что было «известно всем», красноречиво демонстрируют приведенные строки. Подобного рода блеф благополучно пережил инспираторов и красуется на страницах и современных сочинений.

Узловым в биографии Григория Распутина представляется сюжет о его духовно-нравственном преображении, о превращении простого крестьянина в ревностного христианина, которому открылся мир Божественной благодати. Процесс преображения был длительным. Сам он упоминал, что эту дорогу из мира суетного в мир Христианский он открыл в 28 лет. Дочь считала, что на отца сильно подействовал известный в их местах странник, уроженец деревни Кулиги Дмитрий Иванович Печеркин, ставший позже монахом на Афоне.

Так или иначе, но перелом начал происходить после паломничества в известнейший в Западной Сибири Верхотурский Никольский (Николаевский) монастырь, расположенный в верховьях реки Туры примерно в 500 верстах от Покровского. Там покоились мощи высокочтимого в народе святого праведника Симеона Верхотурского, почившего еще в середине XVII века и считавшегося Небесным покровителем Урала и Сибири. Именно с ликом этого святого Григорий Распутин и вошел в Царскую Семью. В дневнике Николая II

за 13 октября 1906 года записано: «В 6 $\frac{1}{4}$ к Нам пришел Григорий, он привез икону св. Симеона Верхотурского, видел детей и поговорил с ними до 7 $\frac{1}{2}$ ».

В Верхотурской обители Распутин провел много времени, молитвой и жесточайшим постом добился главного: «узрел свет истины». Молитвенное подвижничество помогло излечиться от физической немощи: все болезни его прошли. Позже Распутин скажет: «Симеон праведный Верхотурский дал силы познать путь истины и уврачевал болезнь бессонницы». Григорий Распутин многократно посещал эту достопамятную обитель, а последний раз там побывал в августе 1916 года...

В Верхотурском монастыре Григорий познакомился с монахом старцем Макарием (Михаилом Поликарповым, 1851–

*Г. Е. Распутин
в монастырском ателье
Верхотурского
Никольского монастыря,
1907 год*

1917)⁸, почитаемым в народе великим провидцем, который и стал духовным наставником и поводырем крестьянина из Покровского. Со слов Распутина Муня Головина⁹ позже воспроизвела этот важнейший эпизод его жизни в своих записках. Макарий принял «его как брата, и которому он доверил терзания своей души... Отец Макарий, который был сам личностью незаурядной, обладал способностью предвидеть, а также исцелять приходивших к нему больных, разоблачать бесовские козни, сразу признал в Распутине человека, осененного Господом для выполнения Его Воли. Он оставил его при себе в своей маленькой келье в пустыни, и они вели длительные задушевные беседы о присутствии Господа в каждом человеке, о внутренней и непрерывной молитве, о необходимости самопожертвования, укрепления Святым Духом и о тех бурных событиях, которые предстоит пережить России, если только кто-нибудь не принесет себя ради нее в жертву и не изгонит бесов, делавших все для ее гибели и для гибели ее правителей, которых он считал очень несчастными...»

О старце Макарии написал и митрополит Вениамин (Федченков, 1880–1961) в своей книге воспоминаний и размышлений «На рубеже двух эпох». В Верхотурском монастыре «в скиту жил подвижник — монах отец Макарий. Я его лично видел в Петербурге вместе с настоятелем монастыря архимандритом Н.¹⁰, их привозил Распутин, чтобы показать, какие у него есть хорошие и благочестивые друзья. Тогда уже пошла борьба против него. Действительно, оба инока были очень хорошие люди, а отец Макарий и доселе остался у меня в памяти как святой человек, только очень уж доверчивый, как дитя...»

Паломничество в Верхотурскую обитель способствовало перерождению Григория, и очевидцы отмечали разительную перемену. «Спустя несколько недель после ухода Распутина в Верхотурье я со своей матерью поехал в Тюмень, — свидетельствовал односельчанин, — и дорогой встретил возвращавшегося из Верхотурья Распутина, причем на этот раз он мне показался чело-

⁸ Макарий скончался летом 1917 года, но до этого, в первые месяцы «весны свободы», по распоряжению центральных властей подвергался преследованиям: был заключен под арест, и с него снимали «показания». Но следователи не добились желаемого результата: ничего плохого о Григории Распутине он не сказал, потому что ничего плохого о нем не знал.

⁹ Сама Мария Головина несколько раз совершала паломничества в Верхотурье, была знакома со старцем Макарием, несшим свое послушание в скиту на реке Октай, в восьми верстах от Верхотурского монастыря.

¹⁰ Имеется в виду настоятель Верхотурского монастыря архимандрит Ксенофонт, который вместе с Макарием находился в Петербурге в конце 1908 года. Второй раз Макарий прибыл в Петербург летом 1909 года; с ним хотели познакомиться Венценосцы. и для осуществления поездки в Верхотурье были присланы средства. Такая встреча состоялась 23 июня 1909 года. В дневнике Николая II за тот день записано: «После чая к Нам приехали Феофан, Григорий и Макарий».

веком ненормальным. Возвращался тогда он домой без шапки, с распущенными волосами и дорогой все время что-то пел и размахивал руками».

Удивлялись и другие. «На меня в то время Распутин произвел впечатление человека ненормального: стоя в церкви, он дико осматривался по сторонам, очень часто начинал петь неистовым голосом», — позже вспоминал другой житель Покровского.

Распутин бросил пить, курить, есть мясо, стал истязать себя жесточайшими постами, часами испуленно, «до пота», молился. Затем начались его паломничества по Святым местам. Он посетил множество обителей в России, бывал на Афоне и в Иерусалиме.

Его рассказы о святынях Христианства ярки и эмоциональны, они передают ощущения простой православной души, сподобившейся обрести паломническое счастье. Эти впечатления слышали его почитатели.

От Киево-Печерской лавры. «Я прибыл в Святую Лавру из Питера и назову светом Питер, но свет этот гонитель мыслей на суетный мир, а в Лавре

*Киево-Печерская лавра.
Фото начала XX века*

*Храм Святой Софии в Константинополе.
Фото начала XX века*

свет светит тишины. Когда опускают Матерь Божию и пение раздается „Под Твою милость прибегаем“, то замирает душа и от юности вспомнишь свою суету сует и пойдешь в пещеры и видишь простоту: нет ни золота, ни серебра, дышит одна тишина и почивают угодники Божии в простоте без серебряных раков, только простые гробики. И помянешь свое излишество, которое гнет и гнет, и ведет в скуку».

От Софии Константинопольской. «Что могу сказать своим маленьким человеческим умом про великий чудный Софийский собор, первый во всем свете. Как облако на горе, так и Софийский собор, первый во всем свете. Как облако на горе, так и Софийский храм. О горе! Как Господь гневается на нашу гордость, что передал святыню нечестивым туркам и допустил Свой Лик на помешнице и поругание... Господи, услыши и возврати, пусть храм будет ковчегом! По преданию говорится, что именно из-за гордости был отнят храм у Православных, ибо не признавали сего ковчега. Имели дом гуляния и роскоши... Господь смилуется и вернет ее с похвалой, почувствуем и покаемся».

*Русские паломники на фоне Купола скалы на Храмовой горе в Иерусалиме.
Фото начала XX века*

От Иерусалима. «Что реку о такой минуте, когда подходил ко Гробу Христа! Так я чувствовал, что Гроб — гроб любви, и такое чувство в себе имел, что готов всех обласкать, и такая любовь к людям, что все люди кажутся святыми, потому что любовь не видит за людьми никаких недостатков. Тут у Гроба видишь духовным сердцем всех людей своих любящих, и они дома чувствуют себя отратно».

Духовный авторитет Распутина рос год от года. Вокруг него в Покровском постепенно сложился небольшой кружок единомышленников из числа друзей и родственников. Они собирались, читали молитвы, пели псалмы и религиозные песни. К моменту появления в Петербурге он уже хорошо знал Священное Писание и мог часами вести беседы на духовные темы.

Странничество и молитвенное усердие требовали огромного напряжения сил, полного подчинения мирской жизни духовным устремлениям. Казалось, что избрать такую стезю уместней всего, приняв монашество. Однако монахом он не стал. Есть указания на то, что образ жизни монашествующих не казался ему единственно возможным. Бывая в разных обителях, он насмотрелся на нежелательные стороны жизни келейников, она не казалась ему заведомо благочестивой. «Путь к Господу, — объяснял Распутин, — не всегда идет через монастырь; он состоит в каждодневном выполнении своего долга, в жизнелюбии, способности любить, восхвалять Господа, в счастье ощущать Его Присутствие в своем внутреннем мире, в искреннем совершенствовании и приумножении благородных поступков, добром слове для каждого человека».

И Распутин остался среди обычных людей. Его стали величать «странником», но чаще «старцем». Старец находился вне церковной иерархии, и поэтому обозначение его монахом лишено оснований. Правда, для иностранных авторов можно сделать снисходительное исключение. Скажем, в английском языке просто нет смыслового эквивалента, по этой причине в англоязычной литературе Распутин и именуется монахом.

*В петербургской квартире Г. Е. Распутина на Гороховой улице.
 В верхнем ряду (слева направо): А. А. Пистолькорс, ее муж
 А. Э. Пистолькорс, Л. А. Молчанов, С. Л. Волынская, А. А. Вырубцова,
 князь Н. Д. Жевахов, А. Е. Гущина, Э. Х. Гиль, Ю. А. Ден,
 Н. Д. Яхимович, О. В. Ломан, Н. Д. Ломан, А. И. Решетникова.
 Сидят (слева направо): З. Тимофеева, М. Е. Головина, М. С. Гиль,
 Г. Е. Распутин, О. Клейст, отец Г. Е. Распутина Ефим Яковлевич.
 Сидит на полу: А. Н. Лаптинская, 1914 год*

В России же старчество имело давнюю и очень глубокую традицию. Оно являлось православной формой выражения исповедания веры и распространилось на огромных просторах Европейской равнины, на Украине, Урале и в Сибири.

Старец не обязательно должен был быть священником или монахом, но, без учета чина и возраста, пользовался высочайшим моральным авторитетом, так как считалось, что опытом своей жизни он постиг бесценные христианские добродетели. Он считался в России духовным мудрецом.

Поиск высшей правды, стремление к абсолютной истине и Божьему свету были характерны для многих в России, вне зависимости от того, жили они в каменных палатах или в бедных хижинах. Эта тяга была как бы магическим

кристаллом, через призму которого смотрели на окружающее. Правильно же увидеть себя и мир, научиться истинному, богоугодному «жизнетворчеству» могли в первую очередь те, кто был «Божественной свечой на земле» — старцы. Так мыслила последняя Царица, так понимали высший смысл бытия и многие, многие другие.

О сути старчества прекрасно написал Федор Михайлович Достоевский в своем романе «Братья Карамазовы». «Старец — это берущий вашу душу, вашу волю в свою душу и в свою волю. Избрав старца, вы от своей воли отрешаетесь и отдаете ее ему в полное послушание, с полным самоотречением. Этот искус, эту страшную школу жизни обрекающий себя принимает добровольно в надежде после долгого искуса победить себя, овладеть собою до того, чтобы мог, наконец, достичь, через послушание всей жизни, уже совершенной свободы, то есть свободы от самого себя, избегнуть участи тех, которые всю жизнь бродили, а себя не нашли. Изобретение это, то есть старчество, — не теоретическое, а выведено на Востоке из практики, в наше время уже тысячелетней. Обязанности к старцу не то что обыкновенное послушание, всегда бывшее в наших русских монастырях. Тут признается вечная исповедь всех подвизающихся старцу и неразрушимая связь между связавшим и связанным».

Понять удивительный феномен Распутина трудно, если оторвать его от исторических общественных представлений о нравственной жизни. Православному часто требуется духовный наставник-друг, советчик и поводырь, способный указать праведный жизненный путь. Народное сознание было в меньшей степени христианизировано, чем сознание правителей — Помазанников Божиих. Многие ждали и жаждали знамений, чудес и Божественных откровений, толкователями которых выступали «Божьи люди». Вот почему, когда началась борьба с Распутиным, очень много усилий было положено на то, чтобы доказать всем, но в первую очередь Венценосцам, что «пресловутый Гришка» — сектант, «хлыст», то есть богоотступник, а потому его деятельность не может быть угодна Богу. Лживая кампания провалилась; каких-либо данных о «хлыстовстве» добыто не было, но странным образом по сию пору некоторые авторы все еще продолжают мусолить старые сплетни.

Духовно-исторический контекст в любых сочинениях на темы прошлого настоятельно необходим, иначе получается пошлая модернизация. Многим авторам, не говоря уж о простых людях, свойственно смотреть на дела дней минувших со своей, сегодняшней колокольни, которая часто и кажется в потоке времен особо значимой, некой сияющей «вершиной мироздания». Далекое кажется часто непонятым, «темным», а по расхожим представлениям, и неважным. Такое самодовольство потомков по отношению к своим предшественникам порождает пренебрежение. Между тем, если люди все-таки хотят понять, «почему и как раньше было», надо обязательно пытаться осмыслить минувшую жизнь в подлинных исторических обстоятельствах.

В монархической России они были таковы, что исключали сколько-нибудь восторженное восприятие по отношению к материальному. Обще-

ственное уважение и авторитет можно было заслужить разными путями, но только не умением «делать деньги». Немалому числу современных людей, возвращенных в прагматической и атеистической среде, в системе фетишизации бытового и карьерного успеха, трудно вообразить, что некогда было совсем иначе. Однако это именно так.

Обеспеченных людей в России имелось немало, были и фантастически состоятельные люди, некоторые из них богатством своим кичились. Но стать благодаря этому «героем времени» или даже «героем дня», привлечь к себе восторженное внимание толпы тугим кошельком было невозможно.

Ни одному журналисту или владельцу газеты, даже если она и финансировалась «акулами капитализма», и в голову не могло прийти открыть рубрику «Как я стал миллионером», где с трепетным почитанием воспевать коммерческие успехи кого-то или чего-то. Такая газета вмиг превратилась бы в объект сатирического шельмования, неминуемо потеряла бы читателей, и дни ее были бы сочтены. Все, что касалось больших денег, считалось делом нечистым. Как замечательно выразилась Марина Цветаева, «осознание неправды денег в русской душе невытравимо». Такова была русская, как сейчас говорят, «ментальность». Раньше употребляли более осмысленное понятие — «жизнепонимание»...

Почитались люди идеи, «страдальцы», в литературе воспевались «чистые души» униженных и оскорбленных. Эта «надземность» общественных представлений питала и христианское подвижничество, и фронттовую самоотверженность, но одновременно и революционную страстность.

Без обозначения этих «азбучных истин» современному человеку трудно представить, почему же Распутин становился популярным. Сначала в пределах своей деревни, затем волости, позже губернии и в конце концов завоевал столицу.

Поэт Николай Гумилев посвятил общественному триумфу сибирского крестьянина строки своего стихотворения «Мужик».

В гордую нашу столицу
 Входит он — Боже, спаси! —
 Обворожает Царицу
 Необозримой Руси.

Взглядом, улыбкою детской,
 Речью такой озорной, —
 И на груди молодецкой
 Крест просиял золотой.

Известность Распутина базировалась на нескольких «умениях»: врачевании, предсказании и, главное, — на его способности объяснять явления и проблемы жизни, дать совет, как найти праведную дорогу вдали от мир-

ской суеты. Никакие разговоры о «конокрадстве», «хлыстовстве», «половых оргиях» не дают ответа на первый самый важный вопрос: почему к нему тянулись люди. А к нему они действительно тянулись.

Более чем за десять лет до своего появления перед Царем в 1905 году Распутин прошел огромную школу жизни и подвижничества. Достаточно представить, каких огромных сил и испытаний стоило паломничество. Он же отправлялся в далекие дали не в экипаже, не в железнодорожном экспрессе, не с чековой книжкой в нагрудном кармане. Денег не было, пропитания тоже, было одно лишь горячее желание найти путь к свету, к истине.

Долгими неделями и месяцами идти пешком в любую погоду, терпеть холод и голод, преодолевать сотни и тысячи верст — только паломничество пешком из Покровского в Киево-Печерскую лавру продолжалось почти шесть месяцев, за которые ему удалость преодолеть почти три тысячи верст! И, достигнув цели, у алтаря в христианской святыне обрести радость и новые силы.

Питался чем придется, что подадут, а порой и просто травой, а несколько раз чуть не пал жертвой «лихих людей», еле ноги унес. Это был подвиг смирения и самопожертвования, на который способны лишь по-настоящему верующие люди. Никаких выгод, а Распутину часто облыжно приписывали хитрую расчетливость, подобные паломничества принести не могли.

Близкая знакомая последней Царицы Юлия (Лили) Ден, прожив много лет после революции в Англии, в своих воспоминаниях пыталась объяснить английскому читателю духовную атмосферу России. «Если бы какой-то пилигрим решил совершить такое же путешествие из Эдинбурга в Лондон, его бы осудили за бродяжничество и, вероятнее всего, отправили в сумасшедший дом. Случаи такого рода в Англии — неслыханное явление, но в России подобное происходило сплошь и рядом. Мы так привыкли ко всему необычному, что, полагаю, русский обыватель ничуть бы не удивился, если бы встретил на улице Архангела Гавриила!»

У Распутина при всей его духовной ориентированности оставались земные интересы: дом, жена, дети, забота о хозяйстве. Когда сын стал регулярно отправляться странствовать, отец не одобрял, бранил, но Григория это не останавливало. Отец смирился, тем более что постепенно в хозяйстве появлялись добровольные помощники (мужчин в услужение не брали), за кров и стол помогавшие хозяевам.

Вполне возможно, что Распутин со своими способностями и молитвенным усердием так бы и остался в лучшем случае знаменитостью своего края, если бы Божественному Провидению не было угодно свести его с лицами, находившимися на невероятной общественной высоте. Здесь необходимо сделать важное пояснение. Распутин сам специально никогда и никуда «не лез»; ему везде помогали многочисленные покровители и почитатели его

природной естественности и необычных дарований. О том, как ему удавалось появляться в резиденциях высокопоставленных лиц, красочно рассказывал сам Распутин.

«Выхожу из Александро-Невской лавры, спрашиваю некоего епископа Духовной академии Сергия¹¹. Полиция подошла, „какой ты есть епископу друг, ты хулиган, приятель“. По милости Божией пробежал задними воротами, разыскал швейцара с помощью привратников, Швейцар оказал мне милость, дав в шею; я стал перед ним на колени, он что-то особенное понял во мне и доложил епископу, епископ призвал меня, увидел, и вот мы стали беседовать тогда».

Распутину на своем веку удалось очаровать и покорить души нескольких крупных церковных деятелей, имевших и глубокую веру, и кругозор, и разносторонние знания. Именно они выводили в свет этого человека, давая ему наилучшие аттестации. Правда, потом под воздействием общественной истерии некоторые не только порывали свои отношения с Распутиным, дистанцировались от него, но даже принимали участие в кампании по дискредитации, а проще говоря — шельмованию Распутина.

С начала XX века в биографии Григория Распутина появляются уже определенные хронологические ориентиры, позволяющие систематизировать его путь вверх. Впервые в Петербург он приехал в 1903 году, уже успев к тому времени «покорить сердце» казанского епископа Хрисанфа (Щетковского), рекомендовавшего его ректору Петербургской духовной академии епископу Сергию (Страгородскому), который, в свою очередь, представил Распутина инспектору академии (затем ректору), архимандриту Феофану (Быстрову). Последний был приветливым человеком, добрым христианином, целиком занятым благочестивым служением.

В кругах церковных иерархов и учеников академии Распутин вращался довольно долго, прошел здесь «свои университеты» и, обладая живым, цепким умом и прекрасной памятью, многое почерпнул из общения с ними. Уже к началу 1905 года Феофан испытывал глубокую симпатию к этому сибирскому мужику-проповеднику, увидев в нем носителя новой и истинной силы веры.

«Старец Григорий» произвел сильное впечатление и на известного в начале века проповедника, имевшего огромный моральный авторитет в России, — праведного Иоанна Кронштадтского (1829–1908), благословившего его. Распутин благоговел перед памятью «народного батюшки», называл его «великим светильником и чудотворцем». В Покровском на столе у Распутина стоял большой потрет отца Иоанна. Когда Григорий находился в Петербурге, то непременно посещал Иоанновский монастырь на Карповке, основанный Иоанном Кронштадтским, где светильник веры и был похоронен. Там Григорий Распутин не только молился, именно там он нашел приют, когда приехал в Петербург в 1904 году.

¹¹ Речь идет о Сергии (Страгородском; 1867–1945), с 1943 года — Патриархе Московском и всея Руси.

Духовник Великого князя Петра Николаевича и его жены Великой княгини Милицы Николаевны архимандрит Феофан (Быстров) ввел «сибирского старца» в великокняжеские покои. Около черногорских принцесс — Милицы и ее сестры Анастасии (Станы) — существовал небольшой кружок «искателей веры». Центром была Милица, истово преданная поиску глубокого смысла в иррациональном и даже, чтобы ознакомиться с сочинениями восточных мистиков, специально изучившая языки народов Востока.

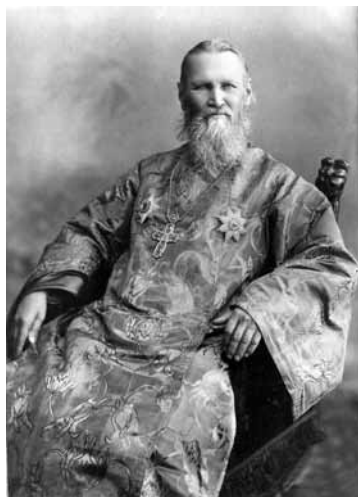
От салона Милицы был всего лишь шаг до Царских чертогов. Встреча должна была состояться, и она состоялась. Это произошло 1 ноября 1905 года в Петергофе. В дневнике Николая II за этот день читаем: «Пили чай с Милицей и Станой. Познакомились с человеком Божьим — Григорием из Тобольской губернии».

Царь и Царица находились в подавленном состоянии духа. Положение дел в стране было безрадостным. Несмотря на Манифест 17 октября, провозгласивший введение в России политических свобод, умиротворение не наступило. Отовсюду шли сигналы о беспорядках и насилии. В такой мрачной атмосфере и появился тот, кто утешил Их беседой, предсказав благоприятное и скорое завершение смут и волнений.

Никаких особых потрясений от первого общения Царь не испытал. Для него как православного христианина беседы с «Божьими людьми» давно стали обычным делом, и некоторые встречи глубоко западали в душу. Например, пророчества юродивой Паши из Саровской пустыни (обители), предсказавшей ему при встрече в 1903 году и войну с Японией, и убийство дяди — Великого князя Сергея Александровича. Исполнялись и другие предсказания.

Черногорки выступали покровительницами Распутина, всячески расхваливая его способности перед Царем и Царицей. 9 декабря 1906 года Николай II записал: «Обедали Милица и Стана. Весь вечер они рассказывали нам о Григории». Трудно сказать, чем поразил этот человек воображение черногорских принцесс, но не исключено, что они действительно хотели использовать его как инструмент своего воздействия на Царя. Однако это утверждение, многократно уже повторенное, все-таки является не более чем предположением. Примерно до 1909 года сестры принимали в Распутине большое участие.

В 1907 году Великая княгиня Милица Николаевна даже совершила паломничество в Верхотурский монастырь и инкогнито посетила Распутина

*Святой праведный
Иоанн Кронштадтский,
начало 1900-х годов*

*Дом Распутиных в селе Покровском,
построенный на деньги,
подаренные Великой княгиней
Милицей Николаевной*

в Покровском. Эта был первый и последний визит родственницы Царя в дом Григория Распутина. Очарованная «простотой и искренностью» Милица даже подарила «провидцу из Сибири» несколько тысяч рублей, на которые был построен в Покровском большой и добротный дом для распутинской семьи.

Распутин далеко не сразу стал для Царя и Царицы тем «дорогим Григорием», которому были открыты Их души. Они с радостью встречались и охотно слушали других носителей «высшей правды». «В 4 часа к нам пришел человек Божий Дмитрий из Козельска около Оптиной пустыни, — записал Император Николай II 13 января 1906 года. — Он принес образ, написанный согласно видению, которое он недавно имел. Разговаривали с ним около полтора часа».

С позиции рационалистичного и циничного XX века может возникнуть недоуменный вопрос: что могло связывать правителя огромной державы и каких-то безграмотных странников и юродивых, с которыми Он и Жена разговаривали часами? Этот вопрос уместен лишь в том случае, если отнять у Николая и Александры право на душевную радость, тот праздник, который давало верующему прикосновение к Божественному свету. По-европейски образованные и воспитанные Царь и Царица как истинно верующие воспринимали таких, внешне часто непрезентабельных людей совершенно иначе, чем те, для кого жизнь — это всего лишь «способ существования белковых тел».

Духовный опыт, поиск праведного жизненного пути, занимавшие и волновавшие Распутина, производили впечатление на все православные натуры. Он был далек от академического богословия, он нес людям трепетное восприятие простоты сердца, что было дорого и ценимо. Как говорила А. А. Вырубова в своих показаниях ЧСК, он «проповедовал Слово Божие, постоянно говорил. Это было довольно интересно. Я даже записывала... Объяснял Святое Писание... Он знал все Святое Писание, Библию, все. Мне он много рассказывал про свои путешествия, массу, в Иерусалим... по всей России он ходил в веригах... По всей России в веригах пешком».

Чрезвычайно эмоционально свое впечатление от знакомства с Распутиным выражала Муња Головина. «Для меня это было входом в новый мир: я обнаружила своего наставника в крестьянине из Сибири, который с самого начала нашей первой беседы поразил меня своей прозорливостью. Царственный взгляд его серых глаз был равносильен его внутренней силе, которая полностью разоблачала стоящего перед ним человека. Это был для меня

великий день: прежде чем сообщить мне истину относительно духовной жизни, Григорий Распутин заставил меня отречься от спиритизма...»

До конца 1907 года встречи Императорской Четы со «старцем Григорием» были случайными и довольно редкими. Вторая встреча произошла через много месяцев после первой, летом 1906 года, когда, посетив усадьбу Анастасии Сергиевку, там «увидели Григория». Возникла радость от общения, как всегда в таких случаях. Вот, например, запись Николая Александровича от 19 июня 1907 года: «В 3 часа поехали с Аликс в ее двуколке на Знаменку... Встретили Стану на террасе перед дворцом, вошли в него и имели радость увидеть Григория. Побеседовали около часа и вернулись к Себе».

Можно уверенно указать на время сближения Царской Четы и сибирского странника. Это произошло в октябре 1906 года, когда Распутин познакомился и с Царскими Детями. Первоначально Николай II согласился ненадолго принять Григория, который собирался передать Венценосцам чудотворственный образ Симеона Верхотурского. Нежданно встреча затянулась, и Григорий впервые покорила Повелителя державы своими откровениями и размышлениями. Венценосцы признали его необычность.

Через три дня после встречи Император рекомендовал премьер-министру П. А. Столыпину пригласить удивительного человека к больной дочери. Она получила тяжелую травму в результате покушения террористов на отца. «Петр Аркадьевич! На днях Я принимал крестьянина Тобольской губернии — Григория Распутина, который поднес Мне икону св. Симеона Верхотурского. Он произвел на Ее Величество и на Меня замечательно сильное впечатление, так что вместо пяти минут разговор с ним длился более часа! Он в скором времени уезжает на родину. У него сильное желание повидать Вас и благословить Вашу больную дочь иконой. Очень надеюсь, что вы найдете минутку принять его на этой неделе. Адрес его следующий: СПб, 2-я Рождественская, 4. Живет у священника Ярослава Медведа»¹².

Распутин вошел в Царский дом и стал там желанным гостем. В 1907 году он впервые молитвой не только облегчил страдания трехлетнего Цесаревича Алексея, но и спас Его от смерти. В том году летом Мальчик упал в Царско-сельском парке, а через несколько часов началось внутреннее кровоизлияние. Дальнейшее рассказала Великая княгиня Ольга Александровна — очевидец события.

«Бедное Дитя так страдало, вокруг глаз были темные круги, тельце Его как-то съежилось, ножка до неузнаваемости распухла. От докторов не было

¹² Речь идет о настоятеле храма при Рождественской больнице в Петербурге, выпускнике Петербургской духовной академии, кандидате богословия, духовном сыне отца Иоанна Кронштадтского Ярославе (Романе) Ивановиче Медведе (1874–1937), который летом 1906 года вместе с женой Анной гостил у Распутина в Покровском. В 1907 году священник переводится настоятелем Свято-Владимирского адмиралтейского собора в Севастополе и становится благочинным (духовно надзирающим) береговых команд Черноморского флота.

Императрица с Цесаревичем

путин даже не прикоснулся к Ребенку, он только стоял в ногах постели и молился».

Именно с этого момента Царица признала в Григории не просто народного толкователя христианских заветов, но и спасителя Ее Сына. С каждым новым случаем явления Распутиным земного чуда Ее признательность лишь увеличивалась. Александра Федоровна называла его Другом и это слово писала с большой буквы...

Последние десять лет существования Монархии Венценосцы встречались с Распутиным регулярно, и это общение приносило Им душевный покой, умиротворение, тихую радость от ощущения благодати Света Небесного. Малограмотный крестьянин из Сибири рассказывал, пояснял, наставлял, и хотя его речь была далека от литературного совершенства, но то, о чем он говорил — о любви, смирении, вере и надежде, — было так желанно этим Людям, было так Им необходимо.

Вскоре в этих вечерних посиделках-собеседованиях стали принимать участие и Царские Дети: сначала старшие (Ольга и Татьяна), а затем и все остальные. Царь и Царица принимали его и в Своих покоях, но лишь тогда, когда вызывали Распутина к заболевшему Наследнику.

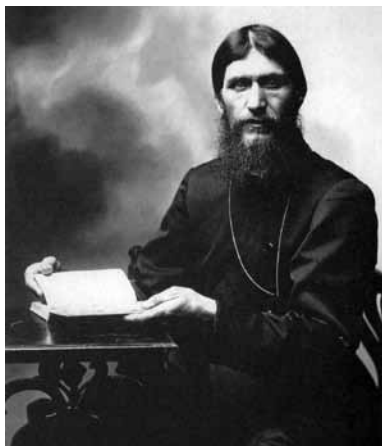
Очень скоро «Друг Григорий» стал своим и для Царских Детей (Они впервые его увидели в конце 1906 года.) Дети, воспитанные глубоко религиозными, беспредельно всегда уважали и ценили все и всех, что было дорого Родителям. Они приняли своими чистыми душами Друга Отца и Матери. У Александры Федоровны не было тут никаких «тайн». В январе 1909 года в коротеньком письме-записочке Она сообщала старшей Дочери Ольге: «Я буду очень счастлива, когда смогу увидеть нашего дорогого Друга».

Радость от общения неизменно испытывали и Дочери. 25 июня 1909 года Ольга Николаевна писала Отцу из Петергофа: «Мой милый дорогой Папа. Сегодня чудесная погода, очень тепло. Маленькие (Анастасия и Алексей. — А. Б.)

совершенно никакого проку... Было уже поздно, и меня уговорили пойти к себе в покои. Тогда Аликс отправил в Петербург телеграмму Распутину. Он приехал во Дворец около полуночи, если не позднее. К тому времени я была уже в своих апартаментах, а поутру Аликс позвала меня в комнату Алексея. Я глазам своим не поверила. Малыш был не только жив, но и здоров. Он сидел на постели, жар словно рукой сняло, от опухоли на ножке не осталось и следа, глаза ясные, светлые... Позднее я узнала от Аликс, что Рас-

бегают босиком. Сегодня вечером у нас будет Григорий. Мы все так чудесно радуемся его еще раз увидеть».

В первые годы знакомства встречи не были частыми. Происходили они, как правило, у Милицы и Станы, но затем, после охлаждения отношений между Царской Семьей и черногорками, наступившего в 1908 году, Распутин стал появляться и во дворце. Хронология этих встреч зафиксирована в дневнике Николая II. В 1906 году они виделись два раза, в 1907 году — три. 1908 год. «Приехал в Петергоф в 6.30. Аликс в это время разговаривала с Григорием, с которым Я тоже виделся полчаса!» (4 августа). «Покатались и заехали к Ане В. (Вырубовой. — А. Б.). Ви-

*Григорий Распутин за чтением книги.
Фотография ателье Буллы, 1910 год*

дели Григория и долго разговаривали» (6 ноября). «Поехали к Ане В., где видели Григория. Зажгли вместе ее елку. Было очень хорошо — вернулись в 12.15» (27 декабря). 1909 год. «В 6 часов к Нам приехали архимандрит Феофан и Григорий. Он видел тоже детей» (4 февраля). «После чая наверху в детской посидели с Григорием, который неожиданно приехал» (29 марта). «От 6 до 7.30 видели Григория вместе с Ольгой¹³... Вечером еще немного посидел с Григорием» (26 апреля). «После чая к нам приехали Феофан, Григорий и Маркарий» (23 июня). «Вечером долго беседовали с Григорием» (15 августа).

Распутин толковал сложные истины и церковные догматы неожиданно просто и убедительно. Он столько интересного рассказывал о своих паломничествах, открывая слушателям красоты мира, природы, России. Речь его была простой, народной, но такой выразительной, сочной, каковой в Царском дворце никогда и не звучало. Вот образец размышлений Распутина той поры¹⁴.

«Когда я стал ходить по святым местам, то стал чувствовать наслаждение в другом мире. Ходил временно не всегда по святым местам: испытывал много чего: видел, как Богу служат в обители святой, и думал, что в миру кто делает со страхом и благословением Божиим тоже участник даже и большой, потому что Сам Самодержец Царь крестьянином живет, питается от его рук трудящихся, и все птицы крестьянином пользуются, даже мышь и та им питается. Всякое дыхание да хвалит Господа и молитва все за крестьянина — только бы он не сквернословил! Велик есть крестьянин перед Господом: он никаких балов не понимает, он в театре редко бывает, он только помнит: Сам Господь подать нес и нам велел — Божий трудовик! У него вместо органов коса в руках; вместо увеселений — соха у сердца; вместо пышной одежды

¹³ Речь идет о Великой княгине Ольге Александровне.

¹⁴ Из его книжки «Житие опытного странника», составленной в 1907 году.

*Святитель Макарий (Невский),
митрополит Московский
и Коломенский*

какой-нибудь твердый армячок; вместо тройки лихой какая-нибудь усталая лошадка... А без Бога хотя и на тройке мчатся, а уныния полный экипаж».

Простота, доходчивость, красочность, но и духовная глубина объяснений довольно отвлеченных категорий и символов поражала многих и совсем не ограничивалась только кругом «истерических столичных дам», как о том все еще нередко пишут. В числе тех, кто симпатизировал Распутину, находились и блестяще образованные церковные иерархи, как архимандрит Феофан, и такой выдающийся проповедник, как протоиерей Иоанн Кронштадтский, и такой благочестивый пастырь, как митрополит Московский (1912–1917) Макарий (Невский)¹⁵.

Здесь естественно может возникнуть вопрос: что же, Царю не с кем было больше о Боге и богоугодной жизни и поговорить, кроме как с «этим Гришкой»? Было с кем. Существовали духовники, имелись в Империи и прекрасно образованные «высоколобые» богословы, от общения с которыми ни Царь, ни Царица не уклонялись. Однако теологическая образованность сама по себе не делает носителя знания сакрального умелым и притягательным собеседником. Как хорошо знал с детства Царь и как с молодых лет усвоила Царица, носителем слова Божия может быть лишь избранный Всевышним, кому Он и посылает сей исключительный дар; Распутин такими даром обладал.

Вопрос о том, «обладал» или «не обладал» Григорий Распутин некими сверхъестественными способностями, занимал умы еще при его жизни. Поклонники «старца» в провидческих и лекарских возможностях своего кумира не сомневались, при личном общении в том не раз убеждались. Большинство же других, к данному кругу не принадлежавших, ни в какие неземные «дарования» не верили.

Не верили в них многие придворные, и, конечно же, их отрицала медицинская корпорация, известные представители которой пользовали членов Императорской Семьи. Тогда наличие сих дарований действительно могло вызывать сомнения. Надежных материалов и объективных свидетельств в обращении не имелось. Позже они стали появляться.

Лишенный всяких мистических настроений следователь ЧСК В. М. Руднев, изучая подробно данный феномен, признал, что «Распутин несомненно обладал в сильной степени какой-то непонятной внутренней силой в смысле

¹⁵ Митрополит Макарий был прославлен в лике святителей в 2000 году.

воздействия на чужую психику, представлявшей род гипноза. Так, между прочим, мной был установлен несомненный факт излечения им припадков пляски св. Витта у сына близкого знакомого Распутина — Симановича, студента Коммерческого института, причем все явления этой болезни исчезли навсегда после двух сеансов, когда Распутин усыплял больного».

«Непонятные способности» существовали не сами по себе; они — сакральный дар, проявление силы веры. Русское «образованное общество» той поры в значительной своей части было или откровенно атеистическим, или религиозно индифферентным. Потому таким загадочным и представлял Распутин, потому была так «непонятна» природа его общения с Монархом и Его Семейей, потому так исступленно в этих отношениях искали (и до сих пор ищут) некую альковную, финансовую или шпионскую «тайну».

*Анна Александровна
Вырубова (Танеева)*

Царь и Царица видели в Распутине простого, глубоко верующего человека, наделенного даром молитвенного чудотворения. Они как православные христиане общались не с «безродным» и с «необразованным», а с братом во Христе. И когда началась Мировая война, Императрица, работая в лазарете, обмывала раны и ухаживала не просто за «чужими мужиками», как о том злословили. Она заботилась о Своих братьях, проливавших кровь на полях сражений за Родину-мать, за Русь Святую...

Конечно, вся эта «метафизика», вся эта «мистика» для самодовольного ума была недостижима. В этом смысле весьма показательный случай произошел во время допроса ЧСК А. А. Вырубовой в мае 1917 года. Председатель Н. К. Муравьев задал подозреваемой «убойный» вопрос: «Какие были у Распутина представления о своей личности, кем он себя считал?» Почитательницу Распутина этот вопрос на минуту озадачил. Но ответ последовал: «Он всегда говорил, что он один из странников одухотворенных. Он сам всегда говорил».

Эта формула для «адвоката» и «социалиста» ничего не значила. В «обществе» уверенно утверждали, что «истерические поклонницы», в числе которых на первом месте стояла Вырубова, считали его «Мессией», «Новым Христом». Понятно было, что подобное величание — богохульство, это то самое «хлыстовство», которое Чрезвычайной комиссии надлежало лишь «задокументировать».

А тут какой-то «странник одухотворенный». Муравьев и понять не мог, о чем речь идет. Ему стало лишь «ясно», что Вырубова пытается скрыть «правду», и потому он решил «внести ясность». Прозвучавшие вопросы во

всей красе отразили дремучую бездуховность дознавателя: «Ну как одухотворенным? Но какая его была задача? Что он, собственно говоря, делал?»

Действительно, если бы Распутин проворачивал какие-нибудь дела или приходил бы в Царский дом в качестве «возлюбленного», то было бы все «понятно». Это целиком вписывалось бы в сочиненные схемы. А так приходил, вел много раз беседы с Царями, и ничего «значительного» не происходило? Так ведь не может быть!

Господа разоблачители так и не смогли понять, невзирая на многочисленные свидетельские показания, что в общении Царя и Распутина ничего предметно-мирского не было. Была радость духовного общения, о существовании которой такие персонажи, как Н. К. Муравьев и его патрон А. Ф. Керенский, и не подозревали...

Самое главное свидетельство Христопреданности Григория Распутина принадлежит Тем, Кто ныне общепризнан в качестве Угодников Божиих. Царь, Царица, Их ангелоподобные Дети воспринимали крестьянина из Сибири человеком, наделенным особым животворным сакральным даром. Все утверждения о том, что Распутин якобы «околдовал», «загипнотизировал» Царскую Семью, иначе как глупостью назвать невозможно. Православного человека, наверное, какой-то маг или чародей и может одновременно «очаровать»,

Святая Царская Семья

но только на миг, в минуту рассеянной слабости. Если же человек признаёт, принимает и ощущает бытие Святого Духа, то темные чары тут же рассеются без следа, как только он отвратит свой взор от суетного земного мира, обратив его к Миру Вечному, к Иисусу Христу. Представители Царской Семьи общались с Григорием Распутиным почти десять лет, и никогда, подчеркнем особо, ни разу это общение не вызвало в душах этих чутких и нравственно чистых Людей ни тени неудовольствия или сомнения. «Имели радость видеть Григория», «посидели с Григорием», «провели вечер с Григорием», «сегодня ждем Григория», «был Григорий», «были у Ани, разговаривали с Григорием» — подобного рода замечаниями пестрят дневники и письма Царя, Царицы и Их Детей. Встречи с Григорием Распутиным становились примечательным событием, которое все члены Царской Семьи непременно фиксировали.

Для человека, признающего истинным только то, что от Бога и для Бога, не может быть сомнения в достоверности свидетельств святых Страсто-терпцев.

Как уже отмечалось, сочинителям скабрёзных пассажей, их менторам и спонсорам подлинный Григорий Распутин не нужен и не интересен. Главная мишень совершенно другая, несравненно выше и значимее — Православная Россия. Корни этого органического неприятия скрыты в стародавних временах.

Начиная с XVI века, когда Западная Европа фактически начала открывать для себя далекую Русь, в различных странах стали появляться первые «записки о Московии», в массе своей по духу глубоко враждебные и русским, и России. Западные страны являлись или католическими, или протестантскими, но в равной степени далекими и враждебными Православию. Православное государствоустройство Русь переняла от Империи Константина Великого, или Империи ромеев — Византии, которую страстно ненавидели все противники истинной веры, в первую очередь из среды католицизма. В 1453 году Византия пала, но Русь осталась; она развивалась, расширялась и укреплялась. Ей суждено было принять на себя вселенскую миссию Константинополя (Царьграда) — быть негасимой свечой Православия, ковчегом спасения рода человеческого. Одновременно Русь-Россия унаследовала и еще одну роль: быть мишенью для поношения многочисленных недругов Православия.

Светские и духовные правители Западной Европы и их многочисленные агенты не желали принимать не только какую-то неведомую им теорию Третьего Рима, но и весь христианизированный уклад мироустройства в чуждой Руси. Именно в далеком XVI веке на Западе начало складываться стойкое неприязненное отношение к России и русским, которые изображались почти дикарями, якобы неспособными ни стать «правильными христианами», ни овладеть «благами цивилизации». Потом появилась «историческая наука», которая эти стереотипы западного восприятия как бы канонизировала. Следом общественным сознанием во многих странах начал овладевать атеизм, который в своих материалистическо-позитивистских течениях, направ-

лениях и партиях продолжил старое дело католических апологетов по дискредитации Православия.

По сей день практически в любом (исключения единичны) сочинении западного автора о России непременно встречаются пассажи, ярлыки и клише, пришедшие в наше время из далекой средневековой эпохи. Россию традиционно изображают дикой и отсталой, а правителей — глупыми, жестокими, кровожадными. Для подобных авторов совершенно неважно, что во всех странах «западного пути развития» показатели жестокостей, насилия и кровопролития были неизмеримо масштабней, чем в Руси-России. Главное — заклеить в бесчисленный уже раз Россию, приписав ей все мыслимые и немыслимые с точки зрения фактографии, да и просто человеческой логики, «грехи» и «преступления».

«Русологи» всех мастей и разных времен, как правило, ничего не знают и ничего не понимают в Православии, но пишут о нем все. Истинная же роль Православия — содержание и смысл русского исторического пути — замалчивается, искажается или трактуется лишь как «обветшалый обряд».

Говоря о России, западные авторы совершенно забывают о всякой толерантности, декларативно выставляемой в качестве неперемennого атрибута современной культуры. В русологии же, по сути дела, господствует русофобия, возникшая в Средние века и преспокойно существующая и поныне. А ведь любая религиозно-культурная или этническая фобия — антисемитизм, русофобия, армянофобия, исламофобия и т. д. — одно из отвратительнейших явлений истории, не раз приводивших к жесточайшим и кровавым последствиям. Современные западные русологи как будто о том и не ведают...

Однако было бы заведомым упрощением искать недоброжелателей и врагов Руси-России исключительно в западных, инославных странах. В начале XVIII века в России Петром I начал реализовываться так называемый западный проект, суть которого замечательно выразил историк Н. М. Карамзин: «Пылкий Монарх с разгоряченным воображением, увидев Европу, захотел сделать Россию Голландией».

Россия Голландией не стала; она оставалась православным Царством-Империей до самого обвала в 1917 году. Однако европеизация наплодила во множестве «голландцев» или, по словам Ф. М. Достоевского, «русских иностранцев», умевших чувствовать и воспринимать окружающий мир именно «по-голландски», «по-французски», «по-немецки», «по-английски», а проще говоря — не по-русски. Потому и явления русской жизни они начинали оценивать с «чужого голоса», не находя ничего положительного ни в прошлой, ни в настоящей русской действительности.

После Петра русские «западники» занимали господствующее положение во многих сферах деятельности в России; в области же истории «западники» доминировали почти безраздельно. Благодаря этому многие страницы и главы истории Отечества написаны, как выразился А. С. Пушкин о сочинении

А. И. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», «желчью напитанным пером».

Возможно, у читателя может возникнуть недоуменный вопрос: какое отношение приведенные историософские ремарки имеют к Распутину? Ответ может быть только один: самое непосредственное! Шельмуя Распутина, тиражируя о нем грязные сплетни, построенные на исторически недостоверных слухах, их распространители фактически продолжают дело своих давних католических и протестантских предшественников из времен Средневековья. Конечно, ныне религиозный фактор не имеет существенного значения для западного и западнического сознания. Практически вся так называемая североатлантическая цивилизация абсолютно дехристианизирована. Сейчас преобладают геополитические интересы небольшой группы стран, называющих себя либеральными, мечтающими сохранить навсегда тот мировой порядок вещей, при котором более 80 % населения земли должны оставаться их данниками и прислужниками.

В этом мировом контексте независимая Православная Россия совершенно не нужна и враждебна миру «торжествующего атлантизма». Потому и появляются книги, фильмы, телепрограммы, скроенные по старому русофобскому шаблону, утвердившемуся в западном сознании многие века назад.

Возрождение Православия в нашей стране после падения коммунистической диктатуры вызывает непримиримое противодействие. И здесь, как кажется русофобам всех мастей, Распутин является одним из удобных поводов для поношения всего православного мироустройства. Смакуя старую ложь, злопыхатели стараются убедить: вот, смотрите, какова «православная страна», где все было пронизано и пропитано «дикостью», «развратом», «лицемерием», «алчностью», «скудоумием». Таковы были правители, таковы были и их близкие! Правду же сказать боятся, не смеют признать, что последний Царь и последняя Царица — эталоны нравственного совершенства; что Они святые. Ничего подобного «страны прогресса» миру не явили и явить не могли.

Подготовлено по книге:

Боханов А. Н. Правда о Григории Распутине. М., 2011.

И. Б. Гаврилов

Страж благословенного Русского царства К 265-летию со дня рождения выдающегося отечественного просветителя Александра Семеновича Шишкова

Александр Семенович Шишков

Александр Семенович Шишков (1754–1841) — выдающийся отечественный мыслитель, основоположник русского консерватизма, государственный деятель, участник русско-шведской войны 1788–1790 годов, первый историограф Военно-морского флота Российской империи (1799), адмирал (1824), популярный детский писатель, один из зачинателей детской литературы в России, основатель и бессменный руководитель литературно-политического общества «Беседа любителей русского слова» (1811–1816), государственный секретарь, автор манифестов и рескриптов императора Александра I (1812–1814), последний президент Российской академии (1813–1841), министр народного просвещения (1824–1828). Шишков оставил огромное литературное, научное и мемуарное наследие — еще при жизни вышло в свет 17-томное собрание его сочинений. Но, к сожалению, в современные учебники мыслитель вошел лишь как «реакционер» и «мракобес».

Современник Шишкова известный историк и дипломат Д. Н. Свербеев изобразил его следующим образом: «Простодушно набожный и всеце-

Александр Семенович Шишков (1754–1841) — выдающийся отечественный мыслитель, основоположник русского консерватизма, государственный деятель, участник русско-шведской войны 1788–1790 годов, первый историограф Военно-морского флота Российской империи (1799), адмирал (1824), популярный детский писатель, один из зачинателей детской литературы в России, основатель и бессменный руководитель литературно-политического общества «Беседа любителей русского

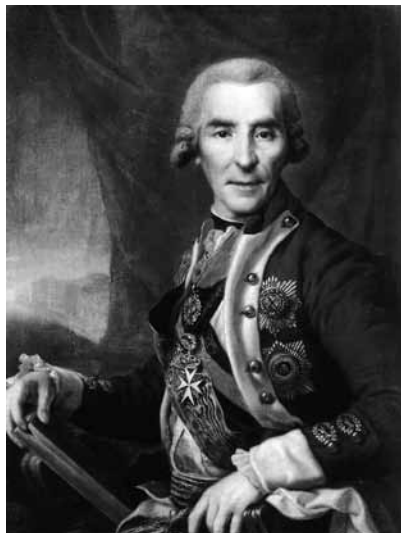

Обложка второго тома собрания сочинений А. С. Шишкова

ло преданный вере отцов, глубоко изучивший богослужебный славянский язык и в нем искусный, не менее преданный прямодушно и искренно самодержавному у нас престолу, ревностный почитатель всех наших народных преданий и не чуждый коренных наших предрассудков против всего иноверного и чужеземного, опасливый и, по временам, ярый борец с наплывом западных европейских идей, прямой, добродушный, честный и скорее кроткий человек»¹.

Будущий адмирал и министр родился в древней первопрестольной столице Русского царства в родовитой, но небогатой дворянской семье. «Я рожден от русского отца, дворянина посредственного состояния, воспитан дома без чужеземных нянек», — свидетельствовал сам Шишков. Детство его прошло в патриархальной домашней обстановке, наполненной любовью к церковной книжности. В этой атмосфере в нем «развивались религиозное чувство и мысль под влиянием чтения церковных книг, священной истории и Четьи-Минеи, а с этим вместе и ухо роднилось с церковным языком <...>, развивалась любовь к Родине под впечатлением рассказов о славных и громких прошедших временах Петра, под впечатлением народных песен, а может быть, и звучных од Ломоносова и других стихотворцев»². Впоследствии Шишков напишет: «Вера, воспитание и язык — суть самые сильнейшие средства к возбуждению и вкоренению в нас любви к Отечеству, которая ведет к силе, твердости, устройству и благополучию»³.

В 1766 году Александр Семенович поступил в Морской кадетский корпус, находившийся в те годы в Кронштадте, где под воздействием своего родственника, «отца всех русских моряков» директора корпуса И. Л. Голенищева-Кутузова и пристрастился к литературному творчеству. По выходе из корпуса в 1769 году он был произведен в гардемарины. В течение последующих двух десятилетий Шишков совмещал препо-

Портрет
И. Л. Голенищева-Кутузова.
Худ. Д. Г. Левицкий,
конец 1780-х — 1790-е годы

¹ Свербеев Д. Н. Первая и последняя моя встреча с А. С. Шишковым. (Из записок Д. Н. Свербеева) // Русский архив. 1871. № 1. С. 170.

² Стоюнин В. Я. Исторические сочинения: В 2 ч. Ч. 1. СПб., 1880. С. 3–4.

³ Шишков А. С. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова Российской Императорской Академии президента и разных ученых обществ члена: [В 17 ч.] Ч. IV. СПб., 1825. С. 187.

давание в Морском корпусе с морскими плаваниями на военных кораблях в качестве офицера, а затем — командира боевых кораблей Военно-морского флота Ее Императорского Величества Екатерины II (35-пушечный фрегат «Ярославец», 38-пушечный фрегат «Святой Николай», 64-пушечный фрегат «Ретвизан»). Будущий адмирал имел множество наград, в том числе был награжден золотой саблей с надписью «За храбрость» и золотой осыпанной бриллиантами табакеркой с пятьюстами золотыми червонцами.

Трудясь долгое время по Морскому ведомству, сначала как преподаватель Морского корпуса, а с 1799 года как председатель для издания собраний, касающихся до кораблестроения и прочего (1799–1804), А. С. Шишков внес огромный вклад в образование и воспитание отечественной военно-морской элиты. Он стремился привить морским офицерам классический литературный вкус, любовь к отечественной словесности и христианские нравственные понятия. В частности, мыслитель наставлял: «Надлежит поступать осторожно и с выбором: ибо сколько хорошие писатели, каковы из старинных суть Прокопович, Кантемир, Ломоносов, Сумароков, Попов, Казицкий, Полетика и им подобные, удобны научать молодых людей красоте русского слога, столько, напротив того, многие из новейших нынешних писателей могут приучить их к той галлицизме, которою, ко вреду прекрасного языка нашего, наполняют они свои писания»⁴.

В одном из плаваний, в 1776–1779 годах, Шишков близко познакомился с жизнью современных Италии, Турции и Греции. Для понимания процесса формирования его консервативных взглядов представляет интерес показательное столкновение в греческом городке Мандра с «безбожной» французской цивилизацией: «Мы видели несколько новейших греческих часовен с написанными на стенах их изображениями святых и не могли надивиться буйству и злочестию безбожных французов, которые, заходя иногда в сей порт, не оставили ни одной часовни без того, чтобы не обезобразить лиц святых и не начертать везде насмешливых и ругательных надписей. Удивительно, до какой злобы и неистовства доводит развращение нравов! Пусть бы сами они утопали в безверии; но зачем же вероисповедание других, подобных им христиан, ненавидеть? Для чего турки не обезобразили сих часовен? Для чего не иной язык читается в сих гнусных надписях, как только французский?»⁵

Последовавшая в 1789 году Французская революция еще более утвердила мыслителя в его антипросветительских воззрениях. Именно в философии французского Просвещения он увидел главный источник революционных

⁴ *Он же.* Морские записки, или Собрание всякого рода касающихся вообще до мореплавания сочинений и переводов, издаваемых учрежденным при Государственной Адмиралтейской Коллегии Комитетом. Ч. 1. СПб., 1800. С. 292–293.

⁵ *Он же.* Записки адмирала А. С. Шишкова, веденные им во время путешеавания его из Кронштадта в Константинополь. СПб., 1834. С. 29.

потрясений и бед современной Европы. В «Оде на покорение Польши», сочиненной «во время лютой свирепствовавшей во Франции революции», Александр Семенович писал:

Знать праведный во гневе Бог,
 К преступникам являясь строг,
 Свои отъял пресветлы очи
 От недостойных оных чад:
 Тогда, изшед из вечной ночи,
 Меж ними воцарился ад.

На этом фоне православная и самодержавная Россия воспринималась им идиллически:

Какая с ней может сравниться
 Земля обилием отрад?
 Российских мужественных чад
 Кто подвигам не удивится?
 Блаженная из всех страна,
 Златая часть тебе дана.
 В любви к царю и Богу тая,
 Какой народ, толико лет
 Спокойны годы провождая,
 В толиком счастья цветет?

В противоположность православной России Франция видится государством, отступившим от Бога и стремящимся распространить свое неверие по всему свету:

Сия страна, что позабыла
 И Бога, и закон, и смерть,
 По всей вселенной распростерть
 Свое учение возмнила.

Всю свою последующую жизнь литератора, ученого и государственного деятеля Шишков посвятит борьбе по защите Отечества от надвигающейся на него «адской» силы «безбожного злочестия».

В 1803 году в «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка» мыслитель скажет о революционной Франции, поверженной его любимым героем А. В. Суворовым: «Сия страна расточена, растерзана, без власти, без законов, без подчинения. <...> Тамо царствуют днесь неистовые, неблагословенные кровопийцы. <...> Народ сей упражняется в бесчисленных новумышляемых суетах, совращающих Европу: <...> мечтает изобретать и не престанно гласит новое просвещение, новые составы всего, новые права

человечества: умы и сердца многих неразумных ядоупоил погибельным своим учением. <...> [Французы] поколебали учрежденное верою, отъяли сладчайшее упование, сладчайшее утешение человечества: <...> О, колико паче зубов змиевых язвительнейший, не сыновний, не отечественный дух!»⁶

Между тем Шишкова нельзя обвинить в невежестве и мракобесии: свободно владея иностранными языками, он весьма успешно занимался переводами с французского, немецкого, итальянского. В 1783–1785 годах по поручению директора Академии наук С. Г. Домашнева Шишков перевел антологию «Детская библиотека» известного немецкого педагога Иоганна-Генриха Кампе, в течение более полувека остававшуюся настольной книгой для обучения и воспитания российского дворянства. Кроме переводов с немецкого, русское издание содержало стихи и нравоучительные рассказы самого переводчика, который характеризовал его как «отчасти перевод, отчасти подражание»: «Книжка моя простым своим слогом увеселяла детей и наставляла их в благонравии; они многие из нее стихи наизусть читали, и родители их принимали оную благосклонно, так что в течение шестнадцати или семнадцати лет была она трехкратно издана»⁷.

Шишков создает песенки, стихи, басни, рассказы, повести, пьесы, где на конкретных ярких примерах дает ребенку уроки нравственности и красоты. Многие его стихи и басни заучивались наизусть и получили поистине всенародное признание. Таким образом, Александр Семенович одним из первых в России обратил внимание на необходимость создания для детей специальной литературы и стал выразителем в ней русского национального духа, характера, склада мыслей и чувств. Материалы его книг «Детская библиотека» и «Собрание детских повестей» использовались отечественными писателями второй половины XIX века, в частности, такими крупными педагогами, как К. Д. Ушинский и Л. Н. Толстой.

За труды по истории российского Военно-морского флота («Трехязычный морской словарь на английском, французском и русском языках» (1795) и др.) в 1796 году Шишкова приняли в Императорскую Российскую акаде-

Обложка
«Детской библиотеки»,
переведенной Шишковым

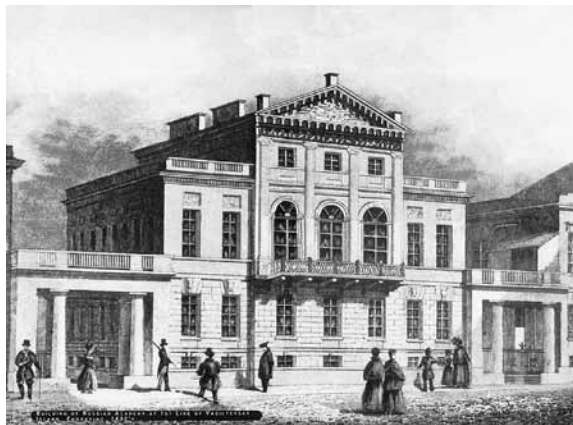
ми использовались отечественными писателями второй половины XIX века, в частности, такими крупными педагогами, как К. Д. Ушинский и Л. Н. Толстой.

За труды по истории российского Военно-морского флота («Трехязычный морской словарь на английском, французском и русском языках» (1795) и др.) в 1796 году Шишкова приняли в Императорскую Российскую акаде-

⁶ Он же. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова Российской Императорской Академии президента и разных ученых обществ члена. Ч. II. СПб., 1824. С. 329–330.

⁷ Там же. Ч. I. Предупреждение.

мию. Академия была основана Екатериной II по образцу Парижской академии еще в 1783 году, по предложению княгини Е. Р. Дашковой, с целью возведения русского языка в статус великого литературного языка Европы («поставить наш язык в независимое положение от иностранных слов и выражений, не имеющих ни энергии, ни силы, свойственных нашему слову»), а также для разработки словаря и грамматики русского литературного языка.

*Здание Российской академии.
Гравюра XVIII века*

*Председатель
Российской академии
княгиня Е. Р. Дашкова.
Гравюра*

В уставе заведения («Краткое начертание Императорской Российской Академии») было прописано: «Императорская Российская Академия долженствует иметь предметом своим вычищение и обогащение русского языка, общее установление употребления слов оного, свойственное оному витийство и стихотворение». Первый председатель Академии Е. Р. Дашкова отмечала: «Многоразличные древности, рассыпанные в пространствах Отечества нашего, обильные летописи, дражайшие памятники деяний праотцев наших, каковыми немногие из существующих ныне европейских народов хвалиться могут, представляют упражнению нашим обширное поле...»

Эти заложенные при основании Академии принципы оказали решающее воздействие на научное творчество и мировоззрение А. С. Шишкова, жизнь которого оказалась неразрывно связанной с ее судьбой. Самое прямое и непосредственное влияние на него имела концепция «Словаря академии Российской» (1789–1794), опирающегося на учение М. В. Ломоносова о трех стилях и содержащего 43 357 слов. В работе над «Словарем» участвовало 47 членов Академии, в том числе Е. Р. Дашкова, Г. Р. Державин, Я. Б. Княжнин, А. И. Мусин-Пушкин, Д. И. Фонвизин.

В недолгое царствование императора Павла I (1796–1801) Шишков успел испытать и возвышение, и опалу. В своих «Записках», написанных с позиций

*Портрет Павла I
в короне, далматике и знаках
Мальтийского ордена.
Худ. В. Л. Боровиковский,
1800 год*

консерватора и «славянофила», он критически оценивает это правление, видя в нем подражание политике свергнутого отца Павла: «Все пошло на прусскую статью: мундиры, большие сапоги, длинные перчатки, высокие треугольные шляпы, косы, пукли, ордонанс-гаузы, экзерцир-гаузы, шлагбаумы (имена доселе неизвестные) и даже крашение, как в Берлине, пестрою краскою мостов, будок и прочего. Сие уничижительное подражание пруссакам напоминало забытые времена Петра III»⁸. Как человек Екатерининской эпохи Шишков противопоставлял правление «бедного» сына «золотому веку» царствования «Северной Минервы». Неудивительно, что, как и многие современники, мыслитель радостно приветствовал приход к власти императора Александра I, который при вступлении на престол обещал «идти по стопам великой своей бабки»:

С ним правосудие воссядет на престоле;
Любя Отечество, храня его покой,
С Екатериной великою душой,
Он будет новый Петр, и на суде, и в поле.

*Портрет императора Александра I.
Худ. Франсуа Паскаль Симон Жерар,
1814 год*

Однако ожидания не оправдались, и довольно скоро вице-адмирал заметил опасность тяги молодого императора к неоднозначным переменам. «Новый порядок и новое преобразование вещей едва ли поведут нас по лучшему пути, нежели тот, который был проложен столь мудрыми монархами», — сетовал Александр Семенович.

Причины измены Александра духу екатерининских традиций Шишков усматривал во влиянии на него «якобинской шайки» — либерального окружения (его воспитателя Ф. С. Лагарпа

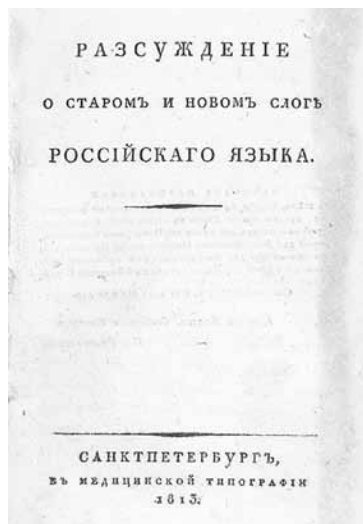
⁸ *Он же*. Избранные труды. М., 2010. С. 361.

и членов «Негласного комитета»). Особенное неприятие вызывала у Шишкова фигура морского министра П. В. Чичагова, с которым он вступает в открытый конфликт. «Молодые наперсники Александровы, напыщенные самолюбием, не имели ни опытности, ни знаний, стали все прежние в России установления, законы и обряды порицать, называть устарелыми, невежественными. Имена вольности и равенства, приемлемые в превратном и уродливом смысле, начали твердить пред младым царем», внушали ему понятия, «возникшие из хаоса чудовищной Французской революции»⁹. В самом Александре мыслитель видел скорее мечтателя-утописта. В свою очередь, и император был чужд консервативных устремлений Шишкова, не принимавшего либеральные реформы нового царствования.

Закономерно, что в этот период вице-адмирал, по его словам, «отстал от двора; уклонился от всех его козней; <...> и предался любимым <...> упражнением в словесности и в науках». Он полностью погружается в научные и литературные труды в Российской академии, связанные с изучением русского языка и истории.

Как активный член Академии, заботящийся о чистоте русского языка, А. С. Шишков ярко проявил себя в научной и литературной полемике 1800-х годов. Программным сочинением этого периода становится «Рассуждение о старом и новом слоге русского языка» (1803), определившее место и значение автора в истории русской словесности. В нем Шишков выступает против «галломании» — «неисцелимой и лишающей всякого рассудка страсти к французскому языку».

По поводу этой проблемы французский философ Жозеф де Местр, проживший в России 14 лет, с 1803 по 1817 год, писал: «У меня нет слов описать

Обложка
«Рассуждения о старом
и новом слоге
русского языка»

Жозеф де Местр

⁹ Там же. С. 323–324.

вам французское влияние в сей стране. Гений Франции оседлал гения России буквально так, как человек обуздывает лошадь».

Шишков ясно сознавал, что проникновение вредной философии осуществляется в первую очередь посредством литературы: «Надлежит с великою осторожностью вдаваться в чтение французских книг, дабы чистоту нравов своих, в сем преисполненном опасностью море, не преткнуть о камень»¹⁰, ибо «нигде столько нет ложных, соблазнительных, суетумудрых, вредных и заразительных умствований, как во французских книгах»¹¹. Поэтому важнейшим средством борьбы с галломанией он считал защиту и утверждение родного языка: «Всякое иностранное слово есть помешательство процветать собственному, и потому чем больше число их, тем больше от них вреда языку»¹²; «Кто бы подумал что мы, оставя сие многими веками утвержденное основание языка своего [то есть церковнославянский язык], начали вновь созидать оный на скудном основании французского языка»¹³.

В стремлении противопоставить церковнославянский язык тогдашнему нашествию иностранных слов в русский язык Александр Семенович опирался на труд М. В. Ломоносова «О пользе книг церковных» (1758 г.), в котором впервые была выдвинута эта идея. Развивая мысль великого русского ученого, Шишков писал: «Под именем славянских, славяно-российских и русских книг можно разуметь различных времен слоги, или язык в смысле слога, как то слоги Библии, Патерика или Четьи-Миней, Слова о полку Игоревом, старинных грамот, Несторовой летописи, Ломоносова и проч.»; «Я не то утверждаю, что должно писать точно славянским слогом, но говорю, что славянский язык есть корень и основание российского языка; он сообщает ему богатство, разум, силу, красоту. Итак, в нем упражняться и из него почерпать должно искусство красноречия, а не из Боннетов, Вольтеров, Юнгов, Томсонов и других иностранных сочинителей»¹⁴.

Шишков полагал, что через причастность к церковнославянскому русский язык является наследником эллинского языка и всей классической греко-византийской образованности: «Древний славянский язык, отец многих наречий, есть корень и начало российского языка, который сам собою всегда изобилен был и богат, но еще более процвел и обогатился красотою, заимствованными от сродного ему эллинского языка, на коем витийствовали гремящие Гомеры, Пиндары, Демосфены, а потом Златоусты, Дамаскины и многие другие христианские проповедники»¹⁵. Мыслитель видел в церковносла-

¹⁰ Он же. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова Российской Императорской Академии президента и разных ученых обществ члена. Ч. II. С. 9–10.

¹¹ Там же. С. 369.

¹² Там же. Ч. V. СПб., 1825. С. 13.

¹³ Там же. Ч. II. С. 2–3.

¹⁴ Там же. С. 81.

¹⁵ Там же. С. 1–2.

вянском языке величайшую святыню и сокровищницу русского национального духа, мистически связанную с Божественной мудростью.

К сожалению, в отечественной филологической науке до сих пор господствуют критические оценки языковой теории Шишкова, не только отрицающие ее современную актуальность и научную значимость, но утверждающие, что ученый являлся утопистом и для своего времени, ибо «интересовавшее его прошлое было на самом деле плодом фантазии»: «Шишков был не традиционалистом, а утопистом. Реальная стихия церковного языка ему отнюдь не была органична, в церковнославянском он допускал ошибки. Даже подлинные архаизмы в его сочинениях часто играли роль неологизмов, поскольку их надо было искусственно вводить в современный реформатору язык»¹⁶.

Но более верной представляется оценка историка литературы второй половины XIX века А. Д. Галахова, полагавшего, что Шишков «добивался русского направления, окрещенного неточным именем славянофильства. Шишков — славянофил, или русофил, потому что стоял за сохранение русской национальности в нравах, обычаях и языке»¹⁷.

Ближайшим предшественником Шишкова можно назвать Д. И. Фонвизина, который в своей комедии «Бригадир» (1769 г.) остроумно высмеивает галломанию, выводя на сцену молодого русского невежду Ивана, презирующего все русское: «Тело мое родилось в России, это правда; однако дух мой принадлежал короне французской». Наименование Александра Семеновича «предтечей славянофильства» вполне оправдано. Спустя четыре десятилетия К. С. Аксаков и его единомышленники также констатировали разрыв между народом и обществом. Но если Аксаков возлагал всю вину за этот разрыв на Петра I, то Шишков считал, что Петр хотел лишь переселить в Россию науки, «но не желал из россиян делать голландцев, немцев или французоз; не желал русских сделать нерусскими».

Многочисленные противники и позднейшие критики высмеивали концепцию языка ученого как пример примитивного изоляционизма, который якобы полностью отрицает любые языковые влияния. Однако на самом деле его позиция, оформившаяся в ходе длительной полемики, не была такой односторонней. Шишков допускал заимствования, но лишь по вынужденной необходимости: «Кто желает действительную пользу приносить языку своему, тот всякого рода чужестранные слова не иначе употреблять должен, как по самой необходимой нужде, не предпочитая их никогда российским названиям там, где как чужое, так и свое название с равной ясностью употреблены быть могут»¹⁸.

¹⁶ Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб., 2002. С. 457.

¹⁷ Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX в. Воронеж, 2011. С. 373–374.

¹⁸ Шишков А. С. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова Российской Императорской Академии президента и разных ученых обществ члена. Ч. II. С. 404.

Журналист и писатель Н. И. Греч следующим образом характеризует полемику 1803 года: «Вдруг вышла книга Шишкова (о старом и новом слоге русского языка) и разделила армию русской словесности на два враждебных стана: один — под знаменем Карамзина, другой — под флагом Шишкова. Приверженцы первого громогласно защищали Карамзина и галлицизмами насмеялись над славянщицной; последователи Шишкова предавали проклятию новый слог, грамматику и коротенькие фразы и только в длинных периодах Ломоносова, в тяжелых оборотах Елагина искали спасения русскому слову»¹⁹.

Однако акцент на противостоянии шишковистов и карамзинистов в литературе представляется преувеличенным: на самом деле оба литератора придерживались консервативных взглядов. Знакомство Шишкова и Карамзина произошло на приеме у великой княгини Екатерины Павловны, во время которого последний сразу же признался: «Я не враг ваш, а ученик: потому что многое высказанное вами было мне полезно, и если не все, то иное принято мною и удержало меня от употребления таких выражений, которые без ваших замечаний были бы употреблены». С этого момента «они были если не друзьями, то по крайней мере добрыми искренними знакомыми»²⁰. По свидетельству А. С. Стурдзы, Шишков впоследствии «чистосердечно и публично отрекся от прежних своих невыгодных мнений о писателе Карамзине. <...> Маститый старец полюбил в нем человека, преклонил голову перед изящной чистотой его слога, одним словом, влюбился в его творения и в него самого»²¹.

Портрет Н. М. Карамзина.
Худ. Е. И. Гейтман, 1820-е годы

Труд Шишкова не только породил бурную полемику, но и положил начало новому направлению в отечественной мысли — православно-самодержавному консерватизму (по определению А. Ю. Минакова). Его представители рассматривали широкий спектр общественно значимых проблем: вопросы о национальном образовании, характере подлинно самодержавной власти, отношениях Церкви и государства, цензуре, самобытной национальной культуре, опирающейся прежде всего на определенные языковые традиции, сословный вопрос, университетскую политику, внешнюю политику и т. д. В это течение после 1811 года

¹⁹ Греч Н. И. Записки о моей жизни. М., 1990. С. 156.

²⁰ Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX в. С. 215.

²¹ Стурдза А. С. «Беседа любителей русского слова» и «Арзамас» в царствование Александра I и мои воспоминания // Арзамас: Сб.: В 2 кн. Кн. 1. М., 1994. С. 146–147.

влился и Н. М. Карамзин, создав наиболее полный и разработанный консервативный проект первой четверти XIX века — «Записку о древней и новой России».

А. С. Шишков же, как справедливо отмечает Минаков, сформулировал некоторые основные аксиомы нарождавшегося русского консерватизма: недопустимость подражательства революционным и либеральным западноевропейским образцам, необходимость опоры на собственные традиции (языковые, религиозные, политические, культурные, бытовые), патриотизм, включающий культивирование национального чувства и преданность самодержавной монархии.

В первое десятилетие XIX века рассматриваемое направление консерватизма имело оппозиционный характер — его представители вели активную полемику с членами «Негласного комитета», М. М. Сперанским и другими либеральными приближенными императора Александра I.

В феврале 1807 года А. С. Шишков выступает инициатором литературных вечеров, которые с 1810 года принимают публичный характер, собирая до 300–500 слушателей, цвет петербургского светского и церковного общества. Вечера проводились в доме крупного екатерининского вельможи, генерал-прокурора и министра юстиции в отставке (с 1803 г.), известного поэта Г. Р. Державина, бывшего в 1807–1812 годах одним из лидеров консервативной партии и находившегося в оппозиции к либеральному курсу молодого императора. Знаменитый «певец Фелицы» по своим литературным взглядам являлся классицистом и ближайшим единомышленником Шишкова.

Г. Р. Державин.
Гравюра Ф. Иордана
с портрета Н. Тончи 1801 года

В собраниях принимали участие С. А. Ширинский-Шихматов, И. А. Крылов, Н. И. Гнедич, А. А. Шаховской, А. С. Хвостов, Д. И. Хвостов. Ядро активных участников заседаний составляли члены Российской академии. Разработанный Шишковым устав общества, названного им «Беседой любителей русского слова», в феврале 1811 года получил высочайшее утверждение. В число действующих и почетных членов входили выдающиеся современники: И. И. Дмитриев, Н. С. Мордвинов, А. К. Разумовский, А. Н. Оленин, Ф. В. Ростопчин, С. С. Уваров, митрополит Амвросий (Подобедов), епископ Евгений (Болховитинов) и др. Гостем Державинского особняка был и вышеупомянутый знаменитый французский консерватор Жозеф де Местр, «пламенный реакционер», критик

Чтение И. А. Крыловым басни «Демьянова уха» в «Беседе любителей русского слова».
Худ. И. Храбров (И. Грабарь)

Французской революции, собеседник многих русских мыслителей и государственных деятелей, в центре внимания которого также находились вопросы народного просвещения и образования. Покровительницей общества считалась вдовствующая императрица Мария Федоровна.

Шишков видел в «Беседе» рупор для выражения консервативных идей: «Беседа не присвоила себе никогда прав Академии, и большей частью состояла из ее членов. <...> Вся цель ее была только та, чтобы читать перед публикою (чего Академия делать не могла) избранные произведения писателей,

*Зал заседаний «Беседы любителей русского слова»
в Музее Г. Р. Державина и русской словесности его времени*

доставляя им через то ободрение и приятность публике, в которой старалась она распространять вкус и охоту к отечественной словесности»²².

«Беседа» стремилась укрепить в русском обществе патриотические чувства при помощи русского языка и словесности, торжество которых должно было предшествовать торжеству веры и Отечества. Как вспоминал другой видный консерватор Александровской эпохи А. С. Стурдза, она «была выражением пламенной любви ко всему отечественному, родному — любви, пробужденной роковыми событиями того времени».

Беспорно, значительным общественным явлением стало выступление Шишкова в 1811 году с программным докладом «Рассуждение о любви к Отечеству». В нем ученый разоблачал космополитизм образованного общества, в преддверии военного столкновения представлявший для России серьезную угрозу: «Человек, почитающий себя гражданином света, т. е. не принадлежащим никакому народу, делает то же, как бы он не признавал у себя ни отца, ни матери, ни роду, ни племени. Он, исторгаясь из рода людей, причисляет сам себя к роду животных. <...> Все веки, все народы, земля и небеса возопияли бы против него: один ад стал бы ему рукоплескать»²³.

Накануне войны с Наполеоном Шишков озвучил главные принципы русского патриотизма: православная вера, русское воспитание и русский язык, тем самым почти на два десятилетия предвосхитив знаменитую формулу графа С. С. Уварова «Православие. Самодержавие. Народность».

В «Рассуждении» мыслитель писал: «Воспитание должно быть отечественное, а не чужеземное. Ученый чужестранец может преподавать нам, когда нужно, некоторые знания свои в науках; но не может вложить в душу нашу огня народной гордости, огня любви к Отечеству, точно так же, как я не могу вложить в него чувствований моих к моей матери. <...> У него своя мать, свое гнездо, свое Отечество. Любовь к оному почерпается не из хладных рассуждений, не из принужденной благовидности, нет! Она должна пламенною рекою литься из души моего учителя в мою, пылать в его лице, сверкать из его очей»²⁴.

Шишков отводит национальному образованию и воспитанию государственное значение, отмечая прямую зависимость от него процветания и будущего России: «Народное воспитание есть весьма важное дело, требующее великой прозорливости и предусмотрения. Оно не действует в настоящее время, но prepares счастье или несчастье предбудущих времен и призывает на главу нашу или благословение, или клятву потомков»²⁵.

²² Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Т. 2. С. 158–159.

²³ Он же. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова Российской Императорской Академии президента и разных ученых обществ члена. Ч. IV. С. 148–149.

²⁴ Там же. С. 180–181.

²⁵ Там же. С. 183.

Либеральные и атеистические сочинения европейских философов он сравнивает с ядами, убивающими живую народную душу: «Сия нравственная чума, заражающая умы, истребляющая жизненные соки общества, — распускание ядовитых писателей, злочестивых книг — не только не пугает нас, но находит почти равнодушными, и мы не боимся, что общественное тело, напитанное ядами, по истощении в судорогах оставшейся силы своей, истлеет и, сгнившее, падет»²⁶.

Мощный охранительный пафос, яркий образный язык Шишкова пробуждали самые «затвердевшие» сердца отцов семейств, хранивших в старинных семейных библиотеках бронзовый бюст Вольтера и полные собрания сочинений знаменитого французского вольнодумца: «Отцы и матери, трепещите своей беспечности, трепещите сделаться сообщниками злочестия! Вы, конечно, вырвали бы из детских рук ядовитую чашу — и оставляете пред их очами книги, могущие развратить разум и сердце, тщательно сохраняете в домах нечестивые сочинения, наследственную отраву, переходящую из рода в род»²⁷.

Как справедливо подчеркивает А. Ю. Минаков, именно в ходе борьбы с галломанией оформляется первоначальная программа русских консерваторов, в создании которой, кроме А. С. Шишкова, участвовали и другие литераторы — Н. М. Карамзин, Ф. В. Ростопчин, С. Н. Глинка, С. А. Ширинский-Шихматов, а также представите-

ли православного клира.

Угроза неизбежной войны с наполеоновской Францией, стремившейся к политическому господству на европейском континенте, вынудила российскую верховную власть на время отступить от республиканских идей и обратиться за поддержкой к консерватору-оппозиционеру. «Я читал рассуждение Ваше о любви к Отечеству, — сказал Александр I А. С. Шишкову. — Имея таковые чувства, Вы можете быть ему полезны. Кажется, у нас не обойдется без войны с французами, нужно сделать рекрутский набор; я бы желал, чтобы Вы написали о том манифест»²⁸.

Вице-адмирал Шишков назначается на важный пост государствен-

Текст Манифеста Александра I о сборе внутри государства земского ополчения

²⁶ Он же. Огонь любви к Отечеству. М., 2011. С. 605.

²⁷ Там же.

²⁸ Он же. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Т. 1. С. 121.

ного секретаря — вместо отправленного в ссылку знаменитого либерала-реформатора М. М. Сперанского, обвиненного в преклонении перед всем французским и даже в заговоре в пользу Наполеона. «Перед началом отечественной войны понадобилось другое перо, более народное, более русское»²⁹. Этим шагом Александр I как бы признавал ошибкой прежний курс внешней и внутренней политики, ориентированный на идеалы европейского либерализма.

В течение двух с половиной лет почти 60-летний Александр Семенович практически постоянно находился «при особе государя», сопутствуя ему в многочисленных разъездах, неизбежных для длительной военной кампании; трудился «над изложением <...> монарших повелений»³⁰, написав в общей сложности более 80 манифестов, приказов и рескриптов.

Первым указом царя, составленным Шишковым, стал «Манифест о рекрутском наборе». С апреля 1812 и до конца 1814 года Шишков был патриотическим голосом России, поднимавшим и укреплявшим дух русского народа, которому жадно внимали все сословия: «Да встретит враг в каждом дворянине — Пожарского, в каждом духовном — Палицына, в каждом гражданине — Минина. Благородное дворянское сословие! Ты во все времена было спасителем Отечества; Святейший Синод и духовенство! Вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу России; народ русский! Храброе потомство храбрых славян! Ты неоднократно сокрушал зубы укрепившихся на тебя львов и тигров. Соединитесь все: со крестом в сердце и с оружием в руках никакие силы человеческие вас не одолеют»³¹.

Записки А. С. Шишкова, веденные им во время пребывания при Александре I в период Отечественной войны

Аллегорическое изображение народного ополчения 1812 года

²⁹ Свербеев Д. Н. Первая и последняя моя встреча с А. С. Шишковым. С. 170.

³⁰ Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Т. 1. С. 120.

³¹ Там же. С. 426–427.

Отечественная война еще более утвердила Шишкова в сознании истинности своих давних воззрений на безбожную французскую цивилизацию и воспринималась им в религиозном свете: «Я всегда имел такое мнение, что всеобщая война сия была не о землях или границах; главное дело состояло в том, чтобы привести все царства в их прежнее состояние, низринуть беззаконие, воцарить истину и благонравие, низложить пример соблазна»³².

Вот как передает впечатление от чтения шишковских манифестов тогдашний московский генерал-губернатор граф Ф. В. Ростопчин: «Сначала — внимание, потом — гнев; но когда Шишков произнес слова, в которых говорилось, что неприятель с лестью на устах несет в руках оковы, тогда негодование выразилось в сильнейшей степени: ударяли себя в голову, рвали на себе волосы, ломали руки, видны были слезы гнева, струившиеся по этим лицам, напоминавшим древних. Я видел одного, который скрежетал зубами»³³. Как свидетельствует С. Т. Аксаков, «писанные им манифесты действовали электрически на целую Русь. Несмотря на книжные, иногда несколько напыщенные выражения, русское чувство, которым они были проникнуты, сильно отзывалось в сердцах русских людей»³⁴. Даже такой всегда скептически настроенный к Александру Семеновичу интеллигент, как князь П. А. Вяземский под конец жизни в своих записках признавал: «Я пом-

*Возвращение Санкт-Петербургского ополчения.
Худ. И. А. Иванов, 1814 год*

³² Там же. С. 266.

³³ Ростопчин Ф. В. Ох, французы! М., 1992. С. 270.

³⁴ Аксаков С. Т. Воспоминание об Александре Семеновиче Шишкове // Аксаков С. Т. Собрание сочинений: В 5 т. М., 1966. Т. 2. С. 271.

ню, что во время оно мы смеялись нелепости его манифестов и ужасались их государственной неблагопристойности, но между тем большинство, народ, Россия, читали их с восторгом и умилением, и теперь многие восхищаются их красноречием. Следовательно, они были кстати».

По авторитетному мнению официального историка эпохи Александра I Н. К. Шильдера, благодаря написанным секретарем Шишковым от имени императора воззваниям «борьба с Наполеоном получила значение народной и священной войны».

В посланиях войскам мыслитель раскрывает христианский характер и дух воинского служения, постоянно подчеркивая, что русская армия — это прежде всего православное воинство Христово, которое не должно уподобляться армии безбожников: «Вы — русские! Вы — христиане! <...> Я не угрожаю вам наказаниями; ибо знаю, что никто из вас не подвергнется оным. Вы видели в земле нашей грабителей, расхищавших дома невинных поселян. Вы праведно кипели на них гневом и наказали злодеев! Кто ж захочет им уподобиться? Если же кто, паче чаяния, таковой същется, да не будет он русский! Да исторгнется из среды вас!»³⁵

А. С. Шишков внес огромный вклад в победу над Наполеоном, однако к 1814 году его национальная и патриотическая риторика вновь перестала быть востребованной в связи с влиянием на императора Александра I идей универсального христианства и космополитизма.

30 августа 1814 года вице-адмирал был уволен от должности государственного секретаря и «в воздаяние долговременной службы и трудов, понесенных в минувшую войну» назначен членом Государственного Совета, в котором оставался до своей смерти. На заседаниях Совета Шишков отличался самостоятельностью суждений, часто оказываясь со своим другом, первым российским морским министром Н. С. Мордвиновым³⁶ в меньшинстве среди более либерально настроенных членов.

Самое активное участие Александр Семенович принимал в обсуждении вопросов цензуры и народного образования, подавая записки, которые вплоть до 1824 года не получали официальной поддержки в силу господства в то время категорически не поддерживаемых им идей мистического христианства.

Ключевое положение в религиозной и образовательной политике Российской империи во второй половине александровского царствования занимал князь А. Н. Голицын. С 1817 года он возглавлял Министерство духовных дел и народного просвещения, объединившее два ведомства — духовных дел и народного просвещения, но, по меткому слову Н. М. Карамзина, представлявшее собой «министерство затмения».

³⁵ Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Т. 1. С. 173.

³⁶ О нем А. С. Пушкин сказал: «Мордвинов заключает в себе одним всю русскую оппозицию».

Князь А. Н. Голицын

Одним из наиболее ярких воплощений нового «экуменического» курса стало открытие в России Библейского общества (РБО, 1813–1826). Первое собрание РБО состоялось в Санкт-Петербурге в январе 1813 года, в доме князя Голицына на Фонтанке, под его председательством и при участии представителей разных именующих себя христианскими вероисповеданий.

Шишков в мистицизме Голицына видел проявление «духа времени», который, по его мнению, повел начало от знаменитого просветителя и масона Екатерининской эпохи Н. И. Новикова, связанного с французскими революционными учениями.

Как отмечает прот. Г. Флоровский, «по Библейскому делу у Шишкова было свое и очень твердое мнение. Для него сама мысль о переводе Библии представлялась злейшей ересью, — но это была, прежде всего, „литературная ересь“ (по остроумному замечанию Свербеева). Ибо Шишков отрицал само существование русского языка, — „как будто бы некий особый, — говорил он в недоумении. — У нас славянский и русский язык один и тот же, он различается только на высокий и простой“, — это была основная религиозно-филологическая теза Шишкова. <...> В последнем счете Шишков различает два языка: „язык веры“ и „язык страстей“, или „язык Церкви“ и „язык театра“. Библейский перевод и представлялся Шишкову „перекладкою“ Слова Божия с наречия высокого и важного на этот низкий стиль, на этот язык театра и страстей. Это было умышленным умалением священного достоинства Библии, думал он»³⁷.

Однако представляется, что первостепенными для мыслителя были не литературные мотивы — по его мнению, речь шла о глобальном подрыве вероисповедных основ. Особое неприятие православного консерватора вызвала концепция христианского экуменизма с его идеей «внутренней Церкви», насаждаемой министерством Голицына: «Все эти лжеумствования о так называемой внутренней Церкви (т. е. никакой), о народной свободе и равенстве состояний, о конституциях, об истреблении царей <...> — все эти адские мысли суть плоды самолюбия и гордости, порождаемые безверием и отступлением от Бога». Шишков так понимал и характеризовал цель РБО: «Составить из всего рода человеческого одну какую-то общую республику и одну религию: мнение мечтательное, безрассудное».

«Русская православная оппозиция», возглавляемая вице-адмиралом, объединяла литераторов-«архаистов», крупных государственных чиновни-

³⁷ Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Киев, 1991. С. 161–162.

ков (граф А. А. Аракчеев, М. Л. Магницкий), а также ряд священнослужителей-консерваторов (архимандрит Иннокентий (Смирнов), архимандрит Фотий (Спасский), митрополит Серафим (Глаголевский) и др.). Оппозиция активно выступала с критикой конфессиональной политики правительства и особенно голицинского «двойного министерства», неоднократно обращаясь в посланиях, книгах и при личных аудиенциях непосредственно к императору Александру I.

В своих письмах к государю А. С. Шишков стремился разоблачить коварные замыслы вольнодумцев и защитить православие: «Главный обман Библейских обществ состоит в проповедовании какой-то иной веры, не той, которая в России со времен Владимира исповедуется, дабы ослепить народ и, воспламеня в нем под именами сей мечтательной веры и вольности безверие и своеволие, ополчить его против Бога, царей и всякого порядка»³⁸.

В своей автобиографии архимандрит Фотий (Спасский) дал краткую характеристику лиц, участвовавших вместе с ним «в борьбе за веру». Шишков, по его словам, — знатный вельможа и писатель, преданный царю и Церкви: «Он один стоил больше, нежели все ученые Церкви пользы могли принести. Несмотря на старость лет, против лжеучений писал и говорил». Помощника Александра Семеновича князя П. А. Ширинского-Шихматова отец Фотий характеризует как патриота и ревнителя православия: «Он был не весьма велик среди людей, но велик перед очами Божиими. Был правой рукой А. С. Шишкова и во всем ему помогал»³⁹.

Усилия Шишкова и православной оппозиции увенчались успехом: 15 марта 1824 года государь упразднил «двуединое» министерство и отпра-

*Портрет архимандрита
Фотия (Спасского).
Неизвестный художник,
1820-е годы*

*Князь Платон Андреевич
Ширинский-Шихматов*

³⁸ Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Т. 2. С. 265.

³⁹ Кондаков Ю. Е. Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801–1825). СПб., 1998. С. 153.

Портрет императора Николая I.
Худ. В. А. Голике, 1843 год

вил князя Голицына в отставку. А в 1826 году уже новый монарх, Николай I, прекращает деятельность Библейского общества в России.

15 мая 1824 года Александр I назначил 70-летнего старца главой реформированного Министерства народного просвещения. Искренний монархист и верноподданный государя, Шишков беспрекословно принимает его решение, как и 12 лет тому назад: «Угодно было монаршей воле Твоей, без всякого у меня вопроса и без всякого искания моего, наименовать меня министром народного просвещения в самое многотруднейшее время. Я повиновался священному гласу Твоему в 1812 году, когда враг Отечества шел с оружием на Россию. С тем же пламенным усердием повинуюсь

и ныне, когда тайная вражда умышляет против Церкви и Престола»⁴⁰. Как вспоминал С. Т. Аксаков, «никогда Шишков для себя ничего не искал, ни одному царю лично он не льстил; он искренне верил, что цари — от Бога, и был предан всею душою царскому сану, благоговел перед ним. Шишков без всякого унижения мог поклониться в ноги природному своему царю; но, стоя на коленях, он говорил: „Не делай этого, государь, это нехорошо“».

В новой должности мыслитель не только стремился послужить России, но и желал воплотить те принципы православного просвещения, которые неоднократно выражал в своих публичных выступлениях и в частной переписке: «Мне поручено Министерство просвещения. Но какое просвещение может быть там, где колеблется вера? <...> Книги, сеющие безверие и разврат, продолжают переводиться и публично продаваться. Духовенство знает о них, и не только молчит и не отвращает сего зла, — но многие нововоспитанные священнослужители (кроме некоторых истинно усердных и благочестивых), под личиною веры, споспешествуют ему»⁴¹.

Возглавляя министерство, А. С. Шишков задал народному просвещению тот вектор, который получил дальнейшее развитие при С. С. Уварове: «Народное образование должно быть национальным» — таков был провозглашенный им идеал. Новые программы предполагали приоритетное изучение русского языка и русской истории. Причем, как отмечает А. Ю. Минаков, такие политические антагонисты, как Шишков, Магницкий и другие консерваторы, с одной стороны, и С. С. Уваров — с другой, были устремлены к об-

⁴⁰ Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Т. 2. С. 164.

⁴¹ Там же. С. 184.

щей цели, активно преодолевая мистико-космополитический вектор, заданный отечественной системе образования после 1812 года Александром I и Голицыным⁴². Повея с первых своих шагов решительную борьбу с мистическим направлением голицынского министерства, Шишков смог расчистить путь «конструктивной программе Уварова», основанной на использовании современных научных знаний и концепций образования. Так, в своем первом докладе императору от 15 мая 1824 года Александр Семенович выдвинул против министерства Голицына обвинение в том, что «поголовное удаление преподавателей, в которых так нуждались наши учебные заведения, и назначение на кафедры людей малосведующих, но прикинувшихся благонамеренными, принизило уровень научного образования. Раблепство и лицемерие проникли в ученое сословие».

*Министр просвещения
Александр Шишков.
Худ. О. А. Кипренский, 1825 год*

Образовательная программа Шишкова базировалась на идее приоритета религиозного образования, православия и самодержавия, а также следовании принципам сословности и народности. В частности, выделяют две его программные декларации — речь 11 сентября 1824 года в Главном правлении училищ и обращение к Главному правлению училищ 11 декабря 1824 года.

Председательствуя на первом заседании Главного правления училищ, ученый сформулировал основную задачу министерства в том, чтобы «оберегать юношество от заразы лжемудрыми умствованиями, ветротленными мечтаниями, пухлою гордостью и пагубным самолюбием, вовлекающим человека в опасное заблуждение думать, что он в юности старик, и чрез то делающим его в старости юношею».

В первой речи Шишков проводит принцип сословности в образовании: «Науки полезны только тогда, когда, как соль, употребляются и преподаются в меру, смотря по состоянию людей и по надобности, какую всякое звание в них имеет. Излишество их, равно как и недостаток, противны истинному просвещению. Обучать грамоте весь народ или несоразмерное числу оного количества людей принесло бы более вреда, нежели пользы. Наставлять земледельческого сына в риторике — было бы приуготовлять его быть худым и бесполезным или еще вредным гражданином. Но правила и наставления

⁴² Минаков А. Ю. Предтечи С. С. Уварова в поисках идеологического обоснования правительственной политики в области народного просвещения в 1817–1825 гг. // Тетради по консерватизму. № 1. 2018.

в христианских добродетелях, в доброй нравственности нужны всякому, не выводят никого из определенного ему судьбою места и во всех состояниях и случаях делают его и почтенным, и кротким, и довольным, и благополучным»⁴³.

По утверждению историка С. В. Рождественского, министерство А. С. Шишкова отличалось «спокойным и планомерным обсуждением основ университетского строя, попытками так или иначе сочетать его особенности с началами общего политического режима данной эпохи».

Основные принципы государственной политики в сфере образования мыслитель изложил в обращении к Главному правлению училищ от 11 декабря 1824 года: «I. Воспитание народное во всей империи нашей, несмотря на розность вер, ниже языков, должно быть русское. II. Греко-католик, римско-католик и лютеранин должны быть воспитаны: первый — в твердом и незыблемом православии, а второй и третий — во всей точности положительного исповедания своей веры. III. Все иноверное российское юношество должно учиться нашему языку и знать его. Оно должно преимущественно изучать нашу историю и законы. IV. Все науки должны быть очищены от всяких не принадлежащих к ним умствований. V. Излишнее множество и великое разнообразие учебных предметов должно быть благоразумно ограничено и сосредоточено, во-первых, на тех познаниях, кои самим учреждением разных учебных заведений постановлены, и, во-вторых, сообразно с званиями, к которым учащиеся предназначаются. VI. Язык славянский, т. е. высокий, и классическая российская словесность повсеместно должны быть вводимы и ободраемы. VII. Язык греческий должен везде, кроме училищ иноверных, иметь преимущество пред латинским. VIII. <...> Одно обучение не есть воспитание и даже вредно без возделания нравственности, которой христианину вне Церкви найти не можно»⁴⁴.

В своей речи Шишков особо подчеркнул зависимость государства от системы образования: «Когда государство или народ желает благоденствовать, то первое попечение его долженствует быть о воспитании юных чад своих». Сущность воспитания мыслитель видит «в страхе Господнем, в напоении сердец детских любовью к вере, откуда проистекает любовь к Государю, сему поставленному от Бога отцу и главе народной; любовь к Отечеству, сему телу великому, но не крепкому без соединения с главой своей; и, наконец, любовь к ближнему, под которым разумеются сперва сограждане, а потом и весь род человеческий»⁴⁵.

В позиции ученого следует усматривать не инфернальный обскурантизм, не проявление невежества, своекорыстия и аморализма, а попытку соз-

⁴³ Он же. Русский консерватизм в первой четверти XIX в. С. 441.

⁴⁴ Там же. С. 442.

⁴⁵ Шишков А. С. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова Российской Императорской Академии президента и разных ученых обществ члена. Ч. IV. С. 179–180.

дания особого типа образованности и системы ценностей, которая лежала бы в основе учебных программ и могла бы противостоять рационализму, материализму, атеизму, революционаризму и т. п. негативным явлениям. Однако, как отмечает А. Ю. Минаков, используемый русскими консерваторами для реализации своей программы метод административных запретов компрометировал их в глазах образованных людей того времени, по большей части принадлежавших к либеральному лагерю⁴⁶.

Хотя Шишкова постоянно упрекали в ретроградстве и реакционности, он, в отличие от своего предшественника князя Голицына, за четыре года управления министерством ни разу не позволил поставить вопрос о закрытии какого-либо российского университета. С другой стороны, он не стремился ломать здравые предложения Голицына, поэтому дал ход циркуляру от 17 апреля 1824 года, в соответствии с которым все преподаватели обязывались предоставить в министерство полные конспекты лекций. По дополнительному требованию министра в представленных конспектах требовалось указать использованную литературу, особенно иностранную. Уже через два года, в 1826 году, университеты смогли опубликовать такие конспекты. Также Шишков выступил с инициативой выпуска учебников по различным дисциплинам.

Вообще в своей министерской политике ученый отдавал явное предпочтение университетам перед лицеями и благородными пансионами, которые при двух последних министерствах (графа А. К. Разумовского (1810–1816) и князя А. Н. Голицына (1817–1824)) получили большие привилегии. Он полагал, что эти частные дворянские заведения лишь отвлекают юношество от университетского образования. Кроме того, Шишков признавал вредным чисто домашнее обучение с гувернерами и в этом вопросе также предвосхищал политику графа С. С. Уварова.

А. С. Шишков в течение многих лет серьезно изучал вопросы цензуры и неоднократно подавал верховной власти официальные записки с конкретными предложениями, которые, как правило, ложились под сукно. Еще в 1816 году он направил в Государственный Совет записку о цензуре, где отмечал, что «худая цензура ведет к тому, что на одну хорошую книгу выпускается двадцать вредных. Они пытаются обмануть читателя, мешая ложь с правдой. Они используют язык, полный иносказательных и темных слов, делающих непонятным содержание, и исподволь развращают читателя»⁴⁷.

После 1824 года новый министерский статус Шишкова, а еще больше — сложная политическая ситуация в Российской империи и в Европе — уже не позволяли императору игнорировать его инициативы. 25 мая 1824 года Александр Семенович подает Александру I записку, в которой предлагает разработать новый Цензурный устав, взамен устаревшего либерального

⁴⁶ Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX в. С. 443.

⁴⁷ Шишков А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова. Т. 2. С. 44.

А. С. Шишков.
Неизвестный художник,
1828 год

Устава 1804 года. По замыслу мыслителя, цензура, которая в России до его времени «можно сказать не существовала», должна служить «к обузданию своевольных и неосновательных мыслей, предписывая о наблюдении, чтоб издаваемые сочинения были в правилах нравственности, в правилах истинного просвещения, никому не обидны, всякому для чтения или полезны, или по крайней мере забавны, но без всякого вреда нравам, наукам и языку»⁴⁸.

Главным деянием Шишкова на посту министра просвещения стало создание Цензурного устава 1826 года, прозванного либеральными публицистами «чугунным». В сравнении с предыдущим этот Устав был более подробным и основательным — 19 глав, 230 параграфов, 60 страниц, тогда как прошлый имел 47 параграфов и занимал всего 12 страниц. На Устав возлагались три главнейшие попечения: о науках и воспитании юношества, о нравах и внутренней безопасности и о направлении общественного мнения согласно с политическими обстоятельствами и видами правительства. В качестве основного органа цензуры был утвержден Верховный цензурный комитет, состоявший из трех членов-министров — народного просвещения, внутренних дел и иностранных дел. Среди наиболее примечательных статей Устава выделим параграфы об умозрительных науках (философии), где запрещалась «всякая вредная теория, таковая как, например, о первобытном зверском состоянии человека, будто бы естественном, о мнимом составлении первобытными гражданами обществ посредством договоров, о происхождении законной власти не от Бога» (параграф 190). В результате в Российской империи объявлялись вне закона сочинения таких знаменитых просветителей-вольнодумцев, как Гельвеций, Гольбах, Дидро, Ламетри и Руссо.

«Чугунный устав» вошел в историю дореволюционной отечественной цензуры как наиболее строгий и консервативный, или «реакционный» с точки зрения либеральной историографии. В 1828 году он был смягчен императором Николаем I согласно предложениям С. С. Уварова.

По выходе в отставку Шишков полностью посвятил себя Российской академии, которой он в качестве президента руководил с 1813 года до самой смерти.

⁴⁸ Там же. С. 167.

Еще в 1818 году Александр Семенович написал устав Академии, где сформировал ее основную цель — быть «охранительницей» языка «от могущих повреждать и потрясать оный худых навыков, несправедливых толков и вводимых в него злоупотреблений». При Шишкове в десять раз было увеличено финансирование заведения, выходил периодический журнал «Известия Российской Академии». В члены Академии были приняты лучшие русские писатели — Н. М. Карамзин, П. А. Вяземский, В. А. Жуковский, А. С. Пушкин и др.; установились научные контакты с крупнейшими европейскими филологами, организовались научные экспедиции в Болгарию, Валахию, Сербию, Черногорию.

После кончины мыслителя по приказу Николая I Российская академия была присоединена к Академии наук в виде ее второго отделения, получившего название «Отделение русского языка и литературы».

На склоне дней постепенно полностью ослепший старец занимался составлением «Собрания сочинений и переводов адмирала Шишкова», которое было выпущено в 17-ти томах в Российской академии с 1818 по 1839 год.

Свидетели последних лет жизни Шишкова, с одной стороны, отмечали физическую немощь, болезненность, практически полную потерю зрения у 80-летнего ученого, но, с другой стороны, поражались силе и бодрости его духа, верности идеалам православия и самодержавия, беспримерной заботе о своем главном детище — Российской академии. Так, навестивший старца в его доме на Фурштатской С. Т. Аксаков вспоминал: «В 1836 году я опять ездил в Петербург. Здоровье Александра Семеныча Шишкова и особенно зрение очень ослабели, но я нашел его бодрым духовно и даже иногда веселым. Он почти ощупью отыскивал в шкафе нужную ему книгу, доставал ее и заставлял меня кое-что прочесть вслух. В одной рукописной его книге (не помню, как она называлась) читал я, признаюсь, с предубеждением и недоверчивостью, предсказание Шишкова о будущей судьбе Европы, о всех ее революциях и безвыходных неурядицах. Увы! Все исполнилось и исполняется с поразительной верностью».

Выдающийся русский православный просветитель, страж «благословенного Русского царства»⁴⁹, верный слуга Отечества и государя, к которому он относился как к «отцу и главе народной», «поставленному от Бога»⁵⁰, адмирал Александр Семенович

*Могила А. С. Шишкова
в Лазаревской усыпальнице
Александро-Невской лавры
(Некрополь XVIII века)*

⁴⁹ Там же. С. 269.

⁵⁰ Он же. Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова Российской Императорской Академии президента и разных ученых обществ члена. Ч. IV. С. 179.

Портрет А. С. Шишкова.
Худ. Д. Доу, 1827 год

вич Шишков был похоронен в Лазаревской усыпальнице Александро-Невской лавры.

В конце жизни он писал: «Имя усердно-го царю и Отечеству слуги <...> я ни за какие золотые горы не променяю, ни для каких угрожающих мне бедствий [его] не отступлюсь».

Подводя итоги нашего исследования, необходимо отметить, что А. С. Шишков являлся непосредственным предшественником двух наиболее значительных православно-русских направлений отечественной мысли Николаевской эпохи — концепции «русской триады» (приоритет русского языка, русской народности и отечественного права, принципы сословности и «русского воспитания»; С. С. Уваров, С. П. Шевырев)

и классического славянофильства (А. С. Хомяков — «Мы не стыдимся Шишкова и его славянофильства. <...> Он много принес пользы и много кинул добрых семян»⁵¹, К. С. Аксаков).

Еще Д. Н. Свербеев писал: «Шишков не сопоставлял для себя трех главных идей всей своей жизни <...>, невзирая на то, он, так сказать, бессознательно первый воплотил в себе тричастный русский символ „православия, самодержавия и народности“, который потом сделался в одно и то же время программой царствования императора Николая, девизом графа Уварова и, наконец, надписью на знамени позднейших славянофилов»⁵².

Выступая предшественником С. С. Уварова и славянофилов, Александр Семенович смог подготовить почву для ярчайшего расцвета Золотого века русской культуры. И совсем не случайно, что главный русский поэт Золотого века посвятил ему эти строки, которые, хочется верить, украсят памятную доску на его доме в Санкт-Петербурге:

Сей старец дорог нам: он блещет средь народа
Священной памятью двенадцатого года.
Один в толпе вельмож он русских муз любил,
Их незамеченных созвал, соединил...

*Публикация подготовлена по материалам статьи:
Гаврилов И. Б. К характеристике философии образования
А. С. Шишкова // Христианское чтение. 2019. № 3. С. 181–203.*

⁵¹ Хомяков А. С. О старом и новом: Статьи и очерки. М., 1988. С. 256.

⁵² Свербеев Д. Н. Первая и последняя моя встреча с А. С. Шишковым. С. 178.

В. А. Воропаев

Михаил Михайлович Дунаев как историк русской литературы

Михаил Михайлович Дунаев

В данной статье охарактеризована шеститомная монография М. М. Дунаева «Православие и русская литература», название которой точно выражает идею, которая подвигла автора на труд. Это не только его личный взгляд и не только одна из возможных концепций, а единственно верный подход к истории отечественной словесности, ключ к ее правильному пониманию. Дунаев осмыслил, развил и обобщил намеченное другими и создал фундаментальный труд, охватывающий историю русской литературы почти на всем ее протяжении: с XVII по XX столетие. Это первое исследование такого масштаба. В статье поставлен также вопрос о содержании та-

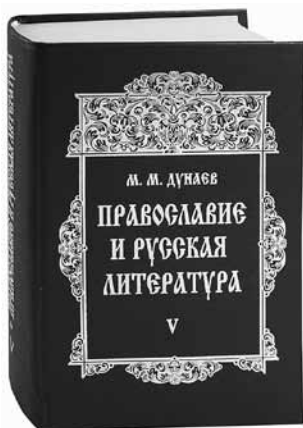
ких понятий, как православный писатель, духовная поэзия, духовная литература, религиозное литературоведение и т. п.

В наше время литературоведы все чаще обращаются к изучению духовных традиций тысячелетней русской словесности. Русская классическая литература по духу всегда была христианской. К сожалению, эту очевидную истину сегодня приходится доказывать. Как пишет современный ученый, «со всей определенностью необходимо заявить: нужна новая концепция русской литературы, которая учитывала бы ее подлинные национальные и духовные истоки и традиции»¹. Шеститомная монография Михаила Михайловича Дунаева, доктора филологических наук, доктора богословия, профессо-

¹ Захаров В. Н. Русская литература и христианство // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: сб. научных трудов. Петрозаводск, 1994. С. 5.

ра Московской духовной академии, и являет собой первый опыт воплощения такой концепции².

Труд Дунаева вырос из курса лекций, который был прочитан им в московских духовных школах. В изданном виде он является значительно более фундаментальным, и это естественно, так как ученый каждое свое положение разработал в наибольшей полноте. Известен не один случай, когда лекции становились основой для научного труда и в этом своем качестве получали признание среди ученых и общественности (например, курс лекций В. О. Ключевского по русской истории).

Один из томов монографии
М. М. Дунаева

Важнейшей задачей исторического познания отечественной словесности Дунаев считает переход от бытовавшего до последнего времени социального или чисто эстетического ее анализа к религиозному. Наша классическая литература, — пишет он, — «преимущественно отразила то испытание верой которое совершалось в жизни народа и отдельного человека, которое, собственно, и есть главное испытание, коему подвержены мы в земной жизни»³. Подобный взгляд на русскую литературу, естественный для православного ученого, позволяет увидеть в настоящем виде как историко-литературный процесс в целом, так и отдельные произведения. После многотомного монографического труда Дунаева можно говорить о начале создания новой

концепции истории русской литературы.

Не имея возможности в кратком выступлении охватить содержание всех шести томов монографического исследования, скажем несколько слов о главе, посвященной А. С. Пушкину (едва ли не лучшей в книге). Великий русский поэт с его гениальной одаренностью, безусловно, — центральное явление нашей культуры. Он, образно говоря, является вершиной, откуда хорошо просматривается все историческое поле литературы. В этой связи, обращаясь к известной формуле Аполлона Григорьева «Пушкин — это наше все», Дунаев толкует ее в том смысле, что «наше все» — не только всенародная слава, стремление к постижению истины, гармоническое восприятие

² Дунаев М. М. Православие и русская литература: В 6 ч. Изд. 2-е, исправ., доп. М.: Христианская литература, 2001–2004. См. также: *Он же*. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII–XX веках. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2002. 1056 с.; *Он же*. Православие и русская литература: Учебное пособие для духовных семинарий / Под общ. ред. В. Л. Шленова; Учебный комитет Русской Православной Церкви. Сергиев Посад: Московская духовная академия, 2009. 512 с.

³ *Он же*. Православие и русская литература: В 6 ч. Ч. 1–2. С. 8.

мира, но и нравственные падения, ощущение безысходности бытия, утрата смысла жизни. И такое представление о Пушкине — единственно правильное. Национальный гений не нуждается в наших оправданиях, но мы сами нуждаемся в глубоком постижении его творчества, которое отразило не только духовную высоту, но и греховность.

Глава о Пушкине, занимающая примерно половину первого тома монографии и отличающаяся строгостью мысли, без сомнения, представляет собой новое слово в пушкинистике. При этом автором учтены и немногочисленные работы (как дореволюционные, так и последнего времени), в которых творчество Пушкина освещается с духовной, церковной точки зрения. С большим тактом говорит он о «Гавриилиаде», отмечая, что прямых доказательств авторства Пушкина не имеется, хотя по своему душевному настрою в ранние поэтические годы поэт на подобное сочинительство был способен⁴. Однако большой вред для читателя в духовном отношении автор усматривает в таких стихотворениях, как «Дар напрасный, дар случайный...», — в них кроется соблазн, губительный для душ незащищенных и нестойких.

В хрестоматийных произведениях, известных всем со школьной скамьи, Дунаев открывает новый пласт — духовное содержание. Казалось бы, в «Евгении Онегине» нет ни слова о Боге, о религии. Как можно говорить о христианском взгляде Пушкина? Оказывается, можно. Онегин, на первый взгляд, имеет все, что нужно человеку для счастья: богатство, здоровье, молодость. Однако он хандрит и, как часто случалось с русским человеком, не приемлет идеалов общества, к которому принадлежит (отсюда и его разочарованность). Отвергнув ценности современной ему жизни, Онегин других обрести не смог. В этом трагедия героя.

«Русскую хандру» Онегина, если перевести это понятие на язык православной аскетики, можно назвать *духом уныния*, который, как известно, пристекает из духа праздности. Так пушкинский герой, не имея никакого понятия о святоотеческой мудрости, всей своей жизнью стал ее зримым подтверждением (ведь, как мы знаем, «труд упорный ему был тошен»).

Когда иностранцы говорят о загадочной русской душе, то понимают эту загадочность всегда неверно, не там ищут ее корни. Им следовало бы знать православие — основу русского государства, веру, для которой характерно отрицание стремления к стяжанию земных благ и, напротив, присуще стремление к приобретению благ духовных. Поэтому русский (православный) человек никогда не находил удовлетворения в собирании сокровищ на земле.

⁴ Правильная *духовная* оценка этой истории, на наш взгляд, такова: Пушкин умер примиренный с Церковью, покаявшись и причастившись Святых Таин. Поэт, если он был автором поэмы, безусловно, раскаялся в содеянном. Судит его Господь, а не мы. Недаром пословица назидает: «С грехом бранись, а с грешником мирись». Известен случай, когда одной благочестивой женщине, очень почитавшей Пушкина, во сне явился поэт и поблагодарил ее за то, что она вырвала «Гавриилиаду» из его собрания сочинений.

Материальное благополучие — как цель земного бытия — изначально было отвергнуто нашим народом. Некогда Иван Киреевский писал: «Русский человек больше золотой парчи придворного уважал лохмотья юродивого. Роскошь проникала в Россию, но как зараза от соседей. В ней извинялись, ей поддавались как пороку, всегда чувствуя ее незаконность, не только религиозную, но и нравственную и общественную. Западный человек искал развитием внешних средств облегчить тяжесть внутренних недостатков. Русский человек стремился внутренним возвышением над внешними потребностями избегать тяжести внешних нужд» («О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России»)⁵.

По-новому освещает Дунаев и такую традиционную проблему в русской литературе, как проблема «лишнего человека». Пушкинский Евгений Онегин начинает собой череду героев, которых принято называть лишними людьми. Таково их собственное мироощущение: они чувствуют бессцельность своего существования, ненужность своих, часто недюжинных сил. Но проблема «лишнего человека», как справедливо утверждает автор монографии, самым непосредственным образом связана с пониманием (или отсутствием понимания) смысла жизни. Между тем проблема смысла земного бытия есть проблема исключительно религиозная. Всякий атеист, если отважится довести свои убеждения до логического конца, не может не прийти к трагическому выводу, что жизнь его бессмысленна. «Лопух из меня расти будет», как говорит тургеневский Базаров. Проблема Онегина — это проблема человека, которому кажется, что он все уже постиг, все познал. Но, как оказывается, главного в жизни так и не смог понять. Смысл жизни может быть только у человека, оживотворенного Духом Святым. В образе «лишнего человека» (который всегда незауряден, всегда имеет неординарные внутренние запросы, — иначе его удовлетворили бы ценности мира сего) Дунаев видит, в частности, своеобразие русской литературы в сравнении с западноевропейской.

Глубоко и оригинально анализируется в книге трагедия «Борис Годунов». Именно в ней впервые проявилось пророческое служение Пушкина в литературе. Противодействие человека воле Создателя — вот главная тема трагедии. Всякое толкование этого произведения как исключительно исторического, политического или социального, считает автор, неверно, — только осмысление созданного Пушкиным в религиозном плане может быть правильным.

Ярким примером произведения, написанного с уже утвердившихся православных позиций, служит повесть «Капитанская дочка», в которой

⁵ Киреевский И. В. Разум на пути к Истине. Философские статьи, публицистика, письма. Переписка с преподобными Макарием (Ивановым), старцем Оптиной пустыни. Дневник / Сост. и вступ. статья Н. Лазаревой. М.: Правило веры, 2002. С. 204.

всеми действиями главного героя руководит Промысл Божий. И самую гибель поэта автор, вслед за В. А. Жуковским, рассматривает как отход в вечность православного человека.

Важно отметить, что монографическое исследование Дунаева — литературоведение, а не богословие. К содержанию, смыслу автор идет через анализ формы, образной системы произведения. Подробно рассмотрены, в частности,

«Страшная месть», «Шинель» Н. В. Гоголя, «Война и мир», «Анна Каренина» Л. Н. Толстого, «В овраге» А. П. Чехова. Другое дело, что русская классическая литература, в силу стечения разных обстоятельств, как бы обобщила в себе философию, богословие, социологию — все то, что в западной культуре существовало в раздельности. Так уж сложилась у нас литературная традиция, что писатель делался и философом, и социологом, а часто и богословом (вспомним Ф. М. Достоевского), и почти ни один не избежал политики. Вся эта разносторонность держалась на православном фундаменте. И потому название выдержавшей два издания шеститомной монографии — «Православие и русская литература» — точно выражает идею, которая подвигла автора на труд. Это не только его личный взгляд и не только одна из возможных концепций, а единственно верный подход к истории отечественной словесности, ключ к ее правильному пониманию.

Нельзя сказать, что Дунаев начал работу на пустом месте. В последние десятилетия вышли специальные исследования, в которых мы находим разработку отдельных вопросов по данной проблематике. Достоинство книг автора заключается в том, что он осмыслил, развил и обобщил намеченное другими и создал труд, охватывающий историю русской литературы почти на всем ее протяжении: с XVII по XX столетие. Это первое исследование такого масштаба. Разумеется, не лишённое недостатков (об этом особый разговор). И судить сегодня Дунаева как историка русской литературы мы должны не за то, чего в его труде нет, а за то, что в нем есть существенного. Нет никаких сомнений, что это труд этапный, основополагающий, прокладывающий пути дальнейшим исследованиям.

Вот еще о чем хотелось бы сказать в этой аудитории. Сегодня широкое распространение имеют такие термины, как православный писатель, религиозное литературоведение, духовная литература. Но что стоит за этими понятиями? Можно сказать «православный человек», но сказать «православный писатель» язык не поворачивается. Тогда должен быть и протестантский писатель или мусульманский... Другое дело, что православное мировоззре-

А. С. Пушкин на смертном одре.
Худ. Ф. А. Бруни, 1837 год

ние писателя не может не отразиться в его творчестве. «Человек — это его вера», — говорил Иван Киреевский⁶. Все русские писатели в той или иной степени православные. Даже Лев Толстой, который, к сожалению, так и не сумел наладить свои отношения с Церковью, по своему воспитанию и миро-созерцанию был христианским писателем, причем православным христианским писателем. Но вот сознательной церковности почти ни у кого из русских писателей-классиков (может быть, за исключением Н. В. Гоголя и отчасти Ф. М. Достоевского) мы не находим. Об этом, в частности, свидетельствует со всей очевидностью труд Дунаева.

Или возьмем, к примеру, такой широко распространенный сегодня термин, как «религиозное литературоведение». Еще совсем недавно в науке о литературе бытовало понятие «марксистское литературоведение». Но подобное литературоведение хотя бы претендовало на теоретическое обоснование своих методологических (марксистских) принципов изучения литературы. Насколько мне известно, ни один из литературоведов, которых сегодня причисляют к «религиозному литературоведению», не пытался выработать или сформулировать религиозные принципы изучения русской литературы. Наука (а литературоведение — это наука, что бы ни говорили скептики) по определению не может быть религиозной, как не может быть атеистической. Критерии научности применимы к любому литературоведу, верующему или неверующему. Можно изучать древнерусскую литературу, по преимуществу церковную, и быть человеком неверующим. Физик или математик могут быть людьми религиозными, но не может быть физики или математики религиозной. Может быть православный литературовед, но нет православного литературоведения.

По-настоящему «религиозным литературоведением» можно назвать разбор литературных достоинств писаний святых отцов, духовных, церковных произведений (отчасти богослужебных текстов; есть даже такое понятие: церковная поэзия). Анализ таких сочинений может быть назван «религиозным литературоведением». Все остальное, на наш взгляд, не является таковым. Литературоведение как часть филологии, науки синтетической, изучающей духовную культуру (в широком смысле слова) во всех ее языковых и письменных, в том числе литературных, проявлениях, предполагает анализ эстетический, лингвистический, социальный, философский, религиозный и т. д. Нельзя постигнуть глубинный смысл русской литературы, не имея точного знания ее духовного контекста, не зная произведений духовной литературы, оказавших на нее прямое или косвенное влияние. При этом само понятие «русская литература» нуждается в уточнении. Огромный пласт ее был насильственно отторгнут, причем это «заслуга» не только советского литературоведения, но и многих историков литературы старого времени.

⁶ Там же. С. 284.

Между тем очевидно, что в России до революции существовал единый литературный процесс, который образовывали светская и духовная литература, находившиеся в тесном, хотя и сложном взаимодействии (вспомним, например, стихотворную переписку Пушкина и святителя Филарета, митрополита Московского). Подлинно народными писателями были не Пушкин и Гоголь, а святители Тихон Задонский и Димитрий Ростовский (жития святых которого читала вся грамотная Россия); высокие образцы художественного слова оставили нам святители Игнатий (Брянчанинов), Иннокентий (Борисов), Амвросий (Ключарев) и многие другие.

Вообще в этой терминологии нет никакого порядка. Теоретики литературы должны тут разобраться. Духовный писатель, церковный писатель, духовная проза, духовная поэзия — что это такое? И здесь тоже есть чему поучиться у Дунаева. Так, говоря о поэтическом наследии приснопамятного монаха Лазаря (Афанасьева), доктор богословия и одновременно доктор филологии пронизательно указывает на характерные черты подлинно духовной поэзии: «Истинно православное религиозное чувство, нужно помнить, отличается всегда сдержанностью, строгостью выражения и отсутствием какой бы то ни было экзальтации и слащавости (что весьма ощутимо бывает у католиков), — и это составляет важную особенность Афанасьева как поэта (данный раздел монографии написан до его пострижения. — В. В.). Также и в том особенность его стихов, что при всей искренней индивидуальности выраженных в них переживаний — они всегда могут быть соотнесены с мудростью надличностной. Это укорененное в православном сознании свойство миропонимания: ничего не вносить в него слишком от себя, от своего мудрствования, от стремления выпятить неповторимость собственного взгляда на мир. Православная вера поверяется всегда истинами Писания и духовным опытом святых отцов. Оттого она и истинна. Потому-то автор «Лествицы» и не боится сопоставления его стихов со святоотеческой мудростью: они, напротив, рассчитаны на такое сопоставление»⁷.

Итак, подводя итоги сказанному, можно заключить, что монография Дунаева, оценивающая русскую литературу с христианской — православной — точки зрения, без сомнения, внесла весомый вклад в отечественную науку о литературе. Этот фундаментальный труд насущно необходим не только студентам и преподавателям духовных школ, но и светских учебных заведений.

В основе статьи — доклад, прочитанный на научно-богословской конференции, посвященной памяти проф. МДА М. М. Дунаева (Московская духовная академия).

Источник: Духовно-нравственное воспитание. 2018. № 3. С. 62–68.

⁷ Дунаев М. М. Православие и русская литература: В 6 ч. Ч. 6. Кн. 2. С. 486.

Православие и русская литература (вступление к учебному пособию МДА)

Наша отечественная словесность неотделима от православного миропонимания, сам характер реальности, запечатленной ею, религиозен. Религиозность же нашей литературы проявляется не в прямой связи с церковной жизнью, равно как и не в исключительном внимании к сюжетам, почерпнутым из Священного Писания, но в особом типе воззрения на мир. Литература нового времени принадлежит секулярной культуре и в принципе не может быть сугубо церковной. Однако православие на протяжении веков так воспитывало русского человека, так учило его осмыслять свое бытие, что, даже внешне порывая с верою, он не мог совсем отрешиться от укорененного в народной душе мирозерцания.

Именно православие способствовало пристальному вниманию русского человека к своей духовной сущности, его внутреннему самоуглублению, запечатленному литературой. Православие стало вообще основой русского миропонимания и русского образа бытия в мире.

Православие дает единственно истинную отправную точку зрения на жизнь — и это-то усвоила (к сожалению, не всегда в полноте) русская литература в качестве основной идеи, становясь таким образом по самому духу своему православною. Русская литература учит православному же воззрению на человека, устанавливает правильный взгляд на внутренний мир человека, определяет важнейшую особенность, характеризующую доброкачественность внутреннего бытия человека, — смирение.

Вот почему новая русская литература (вслед за древнерусскою) свою задачу и смысл существования видела в возжигании и поддержании духовного огня в сердцах человеческих. Вот откуда идет и признание ею совести мерилом всех жизненных ценностей. Свое творчество русские писатели сознавали как служение пророческое (чего остальная Европа, католическая и протестантская, в такой степени не знала). Отношение к деятелям литературы как к пророкам и мудрецам, постигшим суть мироздания, присутствует в русском сознании и до сих пор.

Важно отметить, что и те процессы в литературе XIX столетия, которые развивались как бы вне православной традиции, отличаются вовсе не индифферентизмом, не безразличием по отношению к религии, но активным отталкиванием от нее, упорным противостоянием православию. Это дает возможность рассматривать и подобные процессы в тесной связи с общим ходом всего литературного творчества русских классиков.

Отечественная литература была для многих людей (воспользуемся гоголевским образом) «незримой ступенью» ко Христу, она преимущественно отразила то испытание верой, которое совершалось как в жизни народа, так и в жизни отдельного человека.

На что следует нам опереться в размышлениях о важнейшем в отечественной литературе, чтобы понять сущностное ее содержание? Конечно же, на Евангелие. Это осознавали и сами русские писатели. Как указывал Гоголь, «выше того не выдумать, что уже есть в Евангелии». Каждый православный человек должен стремиться обрести критерий истины в Евангельском Откровении, должен поверять все свои рассуждения, как и все вообще, порожденное человеческим разумом, — словом Спасителя, сказанным на все времена.

В православии нет критериев, которые не покоились бы на незыблемом основании Священного Писания и Священного Предания Церкви Христовой.

Краеугольный камень для осмысления русской литературы найдем в заповеди Христовой, возвещенной Им в Нагорной проповеди: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкопывают и крадут; но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкопывают и не крадут...» (Мф. 6: 19, 20).

В этой великой заповеди определена сокровенная суть, открывающая возможность двух пониманий смысла человеческой жизни, как и двух мировоззрений, двух различных типов мышления, двух типов культуры. В этих словах Христа дано указание на смысл того разделения, которое Он принес в мир (Лк. 12: 51–53). Две разные системы жизненных ценностей связаны с тою или иною ориентацией человека в земном мире, они обуславливают и глубинное различие в понимании добра и зла.

Ведь если не мудрствовать лукаво, всякий из нас понимает под добром то, что так или иначе способствует достижению сознаваемой нами цели бытия. А под злом — то, что препятствует такому достижению. И когда кто-либо ставит перед собою исключительно материальные цели (собрание сокровищ на земле), то все духовное будет только мешать ему и восприниматься им как зло. И наоборот.

Культурологи выделяют в связи с этим два типа культуры — сотериологический (от греческого слова, означающего спасение) и эвдемонический (от греческого слова, означающего счастье). Переходом от первого ко второму в европейской истории стала, как известно, эпоха Возрождения, возродившая именно пристальное внимание к земным сокровищам — и предпочтение их. На Руси это совершилось гораздо позднее. И совершенно логично, что приверженцы сокровищ земных объявили тяготение к духовному, возвышение небесного над земным — косностью и отсталостью.

Предпочтение того или иного — дело совести и свободы каждого. Нужно лишь ясно сознавать, что столь прославляемая ныне западная цивилизация есть не что иное, как стремление к абсолютной полноте наслаждения сокро-

вищами на земле. И так называемый прогресс — отыскание все более совершенных средств к овладению такими сокровищами.

Так или иначе, но тяга к сокровищам земным наблюдается на всех уровнях нашего земного существования. И она не может не стать предметом философского и эстетического осмысления.

Но где критерий собирания сокровищ? Как точно определить, что именно собирает человек? Ведь в силу необходимости каждый вынужден существовать в земном мире и не может обходиться вовсе без земных, материальных вещей, связей, мыслей. Христос Спаситель обозначил такой критерий ясно и просто: «Ибо, где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф. 6: 21).

Вот главная тема русской литературы — противоборство двух раздирающих душу и сердце наших стремлений — к сокровищам небесным и сокровищам земным. Тема эта — проблема не одной только литературы исключительно, но проблема жизни, творческих поисков (нередко — метаний) и самих писателей, путь которых был отнюдь непрямым и направленным лишь к Горным высотам, но отмеченным многими ошибками, падениями, отступлениями от Истины.

Но — что есть Истина? Вопрос вековечный. Однако для православного сознания такой проблемы нет и не может быть: это вопрос Понтийского Пилата. В православии Истина есть полнота Личности Христа Спасителя. Православие не занято поиском Истины, но ставит каждого человека перед мучительным осознанием своей удаленности от Истины, направляет внимание ко внутреннему человеку. И каждый начинает сознавать в себе (а не вне себя) то страшное противостояние добра и зла, какое определяет конечную судьбу нашу не во времени, но в вечности.

Человек обречен на выбор между добром и злом, но он усугубляет заключенный в этом трагизм своего существования еще и метаниями между различными пониманиями добра и зла. Эту смятенность души высветила русская литература, сделав ее, по сути, главным предметом своего сострадательного исследования. Она сумела приобщить читателя к таким внутренним переживаниям, таким терзаниям совести, погрузить его в такие бездны души, о каких имела весьма малое представление литература около-европейская.

Все проблемы русской литературы многократно усугублены и тем, что гармоничное обладание небесными дарами искусству секулярному вообще недоступно. Или, сделаем уступку самолюбию художников, почти недоступно. Искусство чувствует себя свободным и всесильным лишь в стихии противоречий и конфликтов. Мы должны ясно сознавать: сфера художественного творчества ограничена областью души — в системе христианской трихотомии: тело, душа, дух. Это вовсе не оскорбляет и не принижает искусство, но лишь точно определяет границы его возможностей. Однако само пространство душевное столь обширно и необозримо, что искусство и в столь строго ограниченных пределах едва ли сможет когда-либо исчерпать предназначенное ему. Точно так — корабль может плавать лишь внутри простран-

ства, очерченного береговой линией, да океан-то слишком необозрим. Вопрос лишь в том — куда и зачем плыть.

Искусство и литература, в частности, могут в необозримом пространстве души замкнуться в тех областях, где душа соприкасается с телесным естеством, но способны подчас возвыситься и до сфер, пограничных с пребыванием духа. Такова в высших своих достижениях — русская литература.

Однако знать Истину и следовать Истине — какая пропасть порою между двумя этими состояниями. И какая мука человеку от ощущения, что эта бездна отверзается не где-нибудь, а в самой душе его. Об этом именно говорил святой праведный Иоанн Кронштадтский: «Быть духом, иметь духовные потребности и стремления и не находить им удовлетворения — какое мучение для души!»

Внутренним терзаниям русского человека наблюдатели со стороны нередко дивились, недоумевали над ними и даже насмехались, но они-то и давали прочную закалку, укрепляли душевные силы, распространяли очищающее влияние на окружающий мир. Это и запечатлела в себе прежде всего литература наша.

Мы, изучая историю русской литературы, обязаны трезво осмыслять все отступления от Истины в творчестве и жизни любого писателя (как и любого человека): но не для осуждения его, ибо нам заповедано не осуждать (Мф. 7: 1). Мы должны ясно сознавать: в личности и творчестве великого художника обостренно и ярко могут быть выявлены те дурные свойства человеческой натуры, которые в прикровенном виде таятся и в нас же. Человек, как правило, узнает грех в другом человеке, если имеет такой грех в себе самом. Я могу, в силу слабости или боязни, не подозревать о своей собственной порабощенности этому греху, но как только я узнал его в другом — я становлюсь в состоянии познать его и в себе.

Когда мы трезвенно распознаем грех в творчестве и в жизни великого художника не для осуждения его, но более для осуждения себя, — тогда мы получаем несомненную духовную пользу от общения с литературой: она помогает распознать то, о чем сами мы порою даже не подозревали. Не нужно только забывать, что это всегда мучительно. Оттого-то многие и не хотят читать про «темные» стороны бытия: ведь в себя бывает заглянуть страшно.

Наша литература глубоко запечатлела в слове и образе религиозный опыт русского человека: и светлый, и темный, и спасительный, и опасный для души. Опыт веры и опыт безверия.

**«Представитель духа своего народа»
К 250-летию со дня рождения
Ивана Андреевича Крылова (1769–1844)**

В 1812 году всероссийскую славу приобрели два поэта, сумевших послужить общему делу именно своими стихами, словом своим. Но если «Певец во стане русских воинов» Жуковского — произведение все-таки корпоративное, отразившее (как и «Слово о полку», но только с меньшим совершенством) дружинный дух — дух вождей армии, дух офицерского корпуса, — то басни Крылова проникали с одинаковой легкостью в царский дворец и в крестьянскую избу, в кабинет ученого и в военную палатку. Они цементировали русское общество. Страна оживала от столетнего духовного обморока, множеству русских людей Крылов помог найти кратчайшую дорогу к себе, к своей заповедной русскости.

Хотя басни Крылова воевали с французами не хуже какого-нибудь Н-ского корпуса, хотя Кутузов в самом деле читал своим офицерам «Волка на псарне» после сражения под Красным, читал по рукописи и при словах:

Ты сер, а я, приятель, сед, —

снял картуз с седой головы, — но Крылов стал Крыловым задолго до войны, принесшей ему всенародное признание. «Ворона и Лисица», «Лягушки, просящие Царя», «Музыканты», «Пустынник и Медведь» — все это написано в мирной обстановке.

Мы привычно говорим о том, что победа в войне с Наполеоном дала мощный толчок развитию национальной литературы, и редко вспоминаем о том, что в 1812 году приходилось в отчаянной борьбе спасать наличную литературу, в которой существовали уже такие капитальные ценности. «Смерть за отечество отрадна и славна», и благословен любой дикарь, защищающий вооруженной рукой свой очаг и могилы предков, но слава русских ратников, не пустивших цивилизованных живодедов, мастеров штыкового боя и кучной артиллерийской стрельбы, в тихую квартиру петербургского библиотекаря Крылова, — эта слава, конечно, благороднее и законченнее. Совершеннее.

Пушкин назвал Крылова «представителем духа своего народа». Нешуточный отзыв, требующий от нас предельной собранности и серьезности. Попробуем?

Детство Крылова было опалено пугачевщиной. Его отец руководил оборонной Яицкого городка, проявив большое мужество. Пушкин сообщает в «Истории Пугачевского бунта», что Пугачев, взбешенный неудачей очередного приступа, «покаялся повесить не только <...> Крылова, но и все семейство последнего, находившееся в то время в Оренбурге». Будущий баснописец, таким образом, не только перенес вместе с матерью все ужасы шестимесячной осады Оренбурга, но и был в четырехлетнем возрасте заочно приговорен к смерти. Известно, что у Пугачева в этом отношении («повесить») слово с делом не расходилось. Вышло, однако, по-другому. Пугачев сгинул, мальчик остался жить.

Чудом уцелев в огненной печи русского бунта, семья Крыловых перебирается на жительство в тихую Тверь, и вот здесь ее подстерегает несчастье, тоже тихое, обыденное, непоправимое, — смерть отца.

«Горька судьба поэтов...» — всех без исключения, но судьба Крылова складывается на заре его жизни как-то особенно горько. Раннее сиротство, неудача с пенсией (Андрей Прохорович, добровольно расставшись с военной службой, на гражданской просто не успел ничего выслужить), беспросветная нужда. Служба в канцелярии с десятилетнего возраста, глухая провинция, чиновники — персонажи капнистовской «Ябеды». Живой, любознательный ребенок на побегушках у этих чиновников...

На таких картинах выросла у нас во второй половине XIX века целая литература, и требуется немалый труд, требуется настоящее духовное мужество, чтобы обуздать воображение, этой литературой распаленное, и не унести мечтами в тот волшебный край, где детство Крылова, детство Ваньки Жукова и «Детство» Максима Горького сольются воедино. Где жизнь нескольких поколений православных русских людей представится нам в виде лубочной мелодрамы, которую две-три марионетки («Гриша Добросклонов» и «Салтычиха») ломают на фоне задника, расписанного под цвет «свинцовых мерзостей русской жизни».

Есть, однако, авторы более древние, чем Максим Горький, есть авторитеты более надежные. Есть царь Давид, сказавший: «Юнейший бых, ибо составился, и не видех праведника оставлена, ниже семене его просяща хлеба». Есть Промысл, есть предусмотренное Им честное вдовство, честное сиротство. И есть Россия — страна великого страдания и великой святости, где

Портрет И. А. Крылова.
Худ. О. А. Кипренский, 1816 год

жизнь очень часто бывала трудной и горькой, законы — суровыми, а люди зато — добрыми, поразительно чуткими к чужому горю, талантливо сострадательными. Где во времена Крылова еще твердо помнили о том, что грехи роняют род, а не смерть старшего в роде, не отсутствие денег или сильной протекции.

Род Крыловых именно после несчастья резко пошел вверх, дав России неподражаемого поэта и мудреца.

«...Не видал праведника оставленным и потомков его просящими хлеба». Андрей Прохорович и Мария Алексеевна Крыловы были праведники не праведники, но хорошие русские люди, каких много было у нас во все времена, и Бог не оставил их детей, о чем они, конечно же, и просили в своих молитвах, на что и надеялись.

И здесь не обошлось без Львовых.

Федор Петрович увез способного мальчугана из Твери в Петербург, в доме у Николая Александровича Львова Крылов первое время жил. Обнаружился литературный талант (сам Бецкой одобрил какой-то ученический перевод, выполненный тринадцатилетним Крыловым), начали завязываться знакомства в театральном и журнальном мире, отыскался заработок... Уже через год Крылов смог выписать к себе младшего брата, затем и мать. Талант оказался скромным, но достаточно прочным и продуктивным: театральные сочинения, сатирическая проза, стихи — все это отвечало запросам общества, обеспечивало стабильное и независимое существование. Так оно и тянулось год за годом — десять лет, пятнадцать лет... Все это время литературная известность Крылова была достаточно велика, прочна, и только одной мелочи ему не хватало — своего читателя, читателя-друга.

Век Просвещения получил в революционном Париже неисцелимую рану. Конвент перевел просветительскую сатиру в область практических дел; гильотина, однажды появившись, не могла уже развоплотиться и спрятаться назад в книжку.

Но лязганье и хрясканье революционной жатвы не долетают до петербургских салонов с далекой площади Людовика XV, и русское просветительство еще держится какое-то время. Жалко так сразу расставаться с красивыми и в общем-то правильными идеями. Надо подождать: возможно, учителя одумаются, отложат в сторону зазубрившийся топор и возьмутся опять за указку.

Один из лучших русских сатириков (а после смерти Фонвизина, пожалуй, и самый лучший), Крылов участвует в этом безнадежном ожидании. С годами накапливается усталость, нарастает разочарование. Правильные идеи, как парус, высоко подняты над плоским морским горизонтом, но корабль не двигается вперед, скорее пятится — ветер дует неправильный.

Крылов наконец выходит из игры — просто прекращает на время профессиональную писательскую деятельность. Около десяти лет его нет

в наличной литературе; за это время успевает появиться, справить свой скромный триумф и закатиться русский сентиментализм, сменяется литературная эпоха — и вдруг ни с того ни с сего начинают с 1805 года появляться басни: «Дуб и Трость», «Ворона и Лисица», «Ларчик». Спустя четыре года выходит из печати первое отдельное издание крыловских басен. Как-то незаметно, бесшумно родилась одна из главных книг в русской литературе.

Жизнеописание Крылова, составленное П. А. Плетневым по свежим следам, в 1847 году, остается до сих пор лучшим. Из него вы можете узнать о некоторых живописных причудах стареющего Крылова. Хотя слава его уже при жизни была легендарной, хотя Крылов считался своим человеком и в «Беседе любителей русского слова», и в Академии наук, и при дворе Марии Федоровны, и в семействе ее сына-императора, а среди современников-литераторов не знал ни соперников, ни врагов, ни даже обычных недоброжелателей (поскольку никому не вредил и не мешал, имея притом благую привычку «машинально соглашаться со всяким, что бы кто ни говорил») — нежелание пускать посторонних в свою внутреннюю крепость, безгневное и оригинальное юродство оставались для него во всю вторую половину жизни наиболее характерны.

Во вступлении к своему труду Плетнев называет Крылова «в полном смысле русским человеком». Здесь это только признание очевидного для всех факта и ни в коем случае не похвала. Благородный Плетнев до глубокой старости сохранял верность Карамзину — его идеалам, его стилю, — и для Плетнева русский человек оставался разновидностью Человека Европейского, чуть недоделанным европейцем.

По мысли Плетнева, Крылов обладал громадным внутренним потенциалом, но рано успокоился, почил на лаврах, не сделав «ни одного покушения расширить тесную раму своих трудов», и «в своем праздном благоразумии, в своей безжизненной мудрости <...> похоронил, может быть, нескольких Крыловых».

Крылов, другими словами, виноват в том, что не пытался на старости лет освоить передовой опыт новейших европейских знаменитостей (Байрон, Ламартин, Г. Гейне), а так и писал до самого конца одни басни.

Образ Крылова, хоронящего в себе романтическую поэму или драму, восхитительно нелеп. Воображение наше способно ведь «расширить тесную раму» любых трудов — и почему бы нам не укорить Крылова в придачу за то, что он не стал великим химиком, не совершил географических открытий, убил в себе борца за освобождение Северной Италии от австрийского владычества и т. п.? Но в гениальной натуре Крылова имелись действительно такие стороны, которые никак не вписываются в иконописный образ «дедушки Крылова». Многие удивятся, узнав, что Крылов был одним из лучших скрипачей-любителей своего времени, что он, подобно Пушкину и Достоевскому, родился страстным игроком и около десяти лет жизни погубил за кар-

тами («Жаль будет, если он проиграет талант свой» — слова Александра I о Крылове) и проч.

М. Гордин, которому принадлежит статья о Крылове в современном «Биографическом словаре» (кстати сказать, одна из лучших статей в этом пестром издании), попытался сформулировать основные положения жизненной философии Крылова, ставшей результатом тяжелого духовного кризиса, пережитого им в 90-е годы. И вот что получилось у М. Гордина.

Крылов, «сохранив веру в справедливость просветительских идеалов, утратил веру в способность человечества следовать разумным идеалам и разочаровался в самой человеческой природе». Отныне Крылов «наперекор своему собственному просвещенному интеллекту постоянно станет делать упор на вековечный настрой здравого смысла, зачастую весьма наивно-го и убогого».

Выводы Гордина фатальным образом воскрешают в памяти давний упрек, сделанный Гоголем своему анонимному Близорукому приятелю: «Выводы твои — гниль; они сделаны без Бога». Фатальным — потому что упрек этот вообще страшно злободневен. Редкое современное исследование, редкая новая книга о классическом русском авторе могут быть им обнесены.

«Бесы влагают помыслы в сердце человека, тайны его не зная; Бог один знает сердце человека», — читаем в одном из памятников древнерусской литературы. Вот высота и тонкость мирочувствия, заведомо превышающая возможности современного литературоведения, которое дальше помыслов не идет. Ищут вошь, затаившуюся у корня волос, и думают, что проникают в тайну богосозданной человеческой личности.

Крылова отличала независимость, почти беспримерная в истории нашей литературы: он не нуждался в единомышленниках, не искал понимания, он рано замкнул от людей свою внутреннюю клетку. Современники только одно знали о нем твердо: Крылов — загадочный человек, «Крылов никому не говорит правды» (то есть не говорит правды о себе). Несравненная житейская опытность и большой ум помогли ему создать уникальную систему защиты. Сам же Гордин пишет о том, что «от последних пятидесяти лет жизни Крылова не осталось никаких документов, содержащих его прямые суждения по каким-либо политическим, нравственным или литературным вопросам».

Тем не менее отважный исследователь решил не пасовать перед загадкой, которая была не по силам Жуковскому, Пушкину, Грибоедову и прочим корифеям Золотого века, и, как вы только что слышали, шутя раскрыл все тайны Крылова. Великий писатель, «представитель духа своего народа», на поверку оказался циником, скрывавшим под маской добряка и обжоры опустошенную душу.

Поэт, написавший «Крестьянина и Работника», не мог быть разочарован в человеческой природе уже просто потому, что неплохо знал себя самого — знал человека, которому Бог дал радость вылепить не спеша такую бесподобную вещь.

Крестьянин ахнуть не успел,
 Как на него медведь наслел.
 Подмял Крестьянина, ворочает, ломает
 И, где б его почать, лишь место выбирает:
 Конец приходит Старику.
 «Степанушка, родной, не выдай, милый!»
 Из-под медведя он взмолился Батраку.
 Вот новый Геркулес, со всей собравшись силой,
 Что только было в нём,
 Отнёс полчерепа медведю топором,
 И брюхо проколот ему железной вилой.

Водопад звуков, живописующих торжество расправы над лесным людоедом, изумителен, но вообще-то тема басни очень проста. Она о человеческой неблагодарности. Неблагодарность присуща ведь и нам с вами, она присуща (в неодинаковой степени, конечно) любому человеку: «Несть бо человека, иже поживет и не согрешит». Такова наша природа после грехопадения, глупо разочаровываться в ней, не менее глупо ею очаровываться и, например, называть неблагодарность «вынужденным проявлением свободы» (как это делает Р. Барт). Неблагодарность уродлива и смешна при свете вечной правды, и наша задача — действительно увидеть ее такой хотя бы однажды, получить опытное представление об этом уродстве и этой сраме, чтобы потом узнавать их под любой маской. И здесь искусство незаменимо. Неблагодарность осуждалась до Крылова тысячу раз, но никто, кроме Крылова, не написал бы этих именно строк:

Чему обрадовался сдуру?
 Знай колет: всю испортил шкуру! —

а они превосходны. Чутьочку светлее стало в мире в тот день, когда они родились.

Волнение и радость, которые мы испытываем сегодня, читая Крылова, дают нам представление (очень слабое, конечно) о тех чувствах, которые испытывал в процессе творчества сам мастер.

Трудно, наверное, не замечать мажорной основы крыловского мирочувствия, не замечать той благодарности за поздний и прекрасный дар, которая присутствует почти осязательно в тридцатилетних трудах и — насколько они нам открыты — днях баснописца Крылова. Еще труднее поверить в то, что Крылов испытал разочарование в прекрасной человеческой природе своих современников.

Крылова любили, и он, по свидетельству Плетнева, к народной любви, которая его окружала, не был равнодушен: «Он, при всей осторожности своей и наружном хладнокровии, с большим чувством и как бы с умилением рассказывал о следующем. Однажды летом шел он по какой-то улице, где

перед домами были разведены садики. Он издали заметил, что за одною отгородкою играли дети, и с ними была дама, вероятно мать их. Прошедши это место, случайно взглянул он назад — и видит, что дама брала детей поочередно на руки, поднимала их над заборчиком и глазами своими указывала на Крылова каждому из них».

К числу активных почитателей крыловского таланта относились вдовствующая императрица, министр финансов Канкрин, Оленин, Перовский, Жуковский, Плетнев, другие сановные знаменитости достопамятной николаевской эпохи, сам император подарил однажды сыну-цесаревичу бюст Крылова на Новый год (причем произошло это лет за пятнадцать до смерти модели) — и тем не менее у Крылова не выходил из головы этот незначительный эпизод с петербургской дамой, которая никогда не приближалась к Крылову, не пыталась навалить на его старые плечи груз своих восторгов, — она занималась делом у себя в палисаднике, и она отнеслась к Крылову с той деликатной, благородной, незаметной миру любовью, о которой только и может мечтать художник, когда на досуге размышляется о возможных наградах за труды свои.

Пресловутая русская лень именно в Крылове нашла, кажется, свое высшее выражение и оправдание.

На эту тему существуют десятки анекдотов, приведу здесь один из наиболее характерных (в изложении Плетнева):

«Когда-то приобрел он для украшения жилища своего несколько картин <...> Из них одна висела в средней комнате над диваном, где случалось сидеть и хозяину. Сперва картина держалась на двух гвоздиках. После один из них выпал — и она повисла боком. Долго ее все видели в этом положении. Что же отвечал Крылов, когда начали его предостерегать, чтобы не досталось голове его от картины? „Ежели действительно придется ей упасть, то рама, по косвенному положению своему, должна в падении описать кривую линию и, следовательно, она минует мою голову“».

Что тут скажешь? Конечно, забавно...

Но вот по телевидению нашему недавно показывали французский документальный фильм про одного из выдающихся артистов современности. Этот заботился о своем быте, выстроил даже несколько дворцов, где не было выпавших гвоздиков и повисших боком картин, жил там один (то есть не во всех дворцах сразу, а поочередно), имел

И. А. Крылов. Худ. П. Оленин, 1824 год

вышколенную прислугу, охранников, личного врача — и умер в пятьдесят лет от дурной болезни; дворцы же стали предметом судебного разбирательства между троюродной племянницей артиста и каким-то собаколюбивым Обществом, которому артист неосмотрительно покровительствовал.

Крылов, как вы слышали, не захотел утруждать себя хлопотами по перевеске повиснувшей боком картины. Имея много других занятий, он рассчитал, что это дело терпит, что от этой картины его голове не достанется, — и в общем-то оказался прав. Он умер от воспаления легких в семьдесят шесть лет, оставив все свои дела (имущественные, творческие, личные) в полном порядке, причастившись в последний день жизни Святых Таин, сохранив «спокойствие и даже некоторую веселость» перед лицом смерти.

О «христианской кончине живота нашего, безболезненной, непостыдной, мирной», молятся все без исключения православные христиане за каждой литургией — не все ее достигают. Крылов такую смерть заслужил, работал — и что значат перед этим фактом досужие пересуды о безалаберности Крылова, о его лени?

Тот же Плетнев проникательно замечает: «Беспечность и празднолюбие Крылова происходили более от равнодушия к тому, чем жизнь увлекает других, нежели от истощения душевных его сил».

Вообще, русская лень не так проста, как может показаться кому-то с первого взгляда. И хотя американская деловитость, немецкая методичность, всепобеждающий динамизм еврейского племени по-своему неплохи (сегодня только ленивый не ставит эти качества в пример русскому человеку), но здравый смысл и Евангелие рекомендуют оценивать всякую деятельность по ее плодам. Плоды современной деловитости, к сожалению, редко бывают съедобными. Согласитесь, по крайней мере, что вот это «равнодушие к тому, чем жизнь увлекает других», — равнодушие к дарам современной цивилизации, равнодушие к ее целям — далеко не всегда может быть исчерпывающе объяснено неспособностью, отсталостью и ленью.

Русский человек не ленив. Правда, он медленно запрягает, но едит порой очень быстро. И примеров тому можно привести великое множество, вспомним пока что один — из области художественной литературы, к которой давно бы следовало нам возвратиться. Иван Александрович Гончаров, создатель классического образа Обломова и сам человек не деловой, продремывший большую часть жизни в холостяцкой квартире на Моховой, написал три главные книги своего огромного романа за семь недель — труд, после которого отдыхать, дремать одну только человеческую жизнь — явно недостаточно. Сегодня, как и во времена Гончарова, есть множество романистов, которые не спят и не едят, а все хлопочут, «собирают материал», все трудятся и потеют, — но кто из них подарит нам нового «Обломова»?

Ключевский объяснял способность русского человека к кратковременным вспышкам нечеловеческого по своей интенсивности труда, сменяющимся опять и опять длительными периодами застоя и спячки, географическими

условиями (суровая зима, весенний разлив рек запирали русского крестьянина в четырех стенах на долгие месяцы, зато время, благоприятное для посева или уборки урожая, сжималось для него нередко до двух-трех дней). Возможно. Мы мало знаем о таких вещах и никогда не будем знать больше. Возможно, географические условия сформировали великорусский характер, а может быть, наши предки в свое время выбрали для жизни географические условия, сродные своему племенному характеру. Может быть, Бог помог им сделать правильный выбор, приведя на эту землю и утвердив на ней.

Русский человек не ленив, хотя и проводит иногда на покойном, слегка продавленном диване целые недели. Ленинь, «мать всех пороков», всегда презиралась на Руси. Но и трудолюбие само по себе (а уж тем более связанное с ним материальное преуспеяние) никогда не являлось в глазах наших предков какой-то абсолютной добродетелью. (Кстати сказать, поговорка «Лень — мать всех пороков», несмотря на широкое распространение у нас, имеет западное происхождение. По-русски же, как и по учению отцов церкви, корнем всех страстей и пороков в человеке является гордость.)

Западный человек, гордый успехами своей громоздкой цивилизации, и думать давно забыл о том, что же могут означать ретроградные и обидные для народного самолюбия слова Спасителя: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?», «Если и малейшего сделать не можете, что заботитесь о прочем?», «Не заботьтесь о завтрашнем дне».

Можно (и нужно) хвалить мастерство Крылова, но очень непросто вести об этом предмете содержательный разговор. Басенный стих Крылова растет из родной почвы, как куст какой-нибудь смородины: скромно цветет, обильно плодоносит, не дичает, не вымерзает, разрастается понемногу... Формальному анализу эти стихи не поддаются.

Современной науке почти что и нечего сказать о Крылове. Список государственных мужей и второстепенных поэтов первой четверти XIX века, в которых мог метить Крылов, создавая тот или другой басенный персонаж, давно составлен — тема для кандидатских диссертаций исчерпана, вопрос закрыт. Остаются, правда, нелитературоведы — множество простецов, которые зачитываются Крыловым, не понимая того, что в «Квартете» выведен под видом Медведя сам граф Аракчеев, не пытаясь даже разобраться в том, граф ли Разумовский изображен под видом Осли в басне «Осел и Соловей» или все-таки князь А. Н. Голицын. Но что говорить о простецах? Должны же и они чем-то утешаться — эти бедолаги, которым недоступна высшая алхимия Бахыта Кенжеева и Елены Шварц.

В литературной жизни сегодня Крылов незаметен, как незаметен был Слон в его Кунсткамере. Ведущие наши литературоведы — идеологи, критики, молодые штурманы и великие кормчие литературного процесса — никогда о нем не вспоминают. В специальной литературе с трудом можно отыскать две-три страницы, где говорилось бы ясно и твердо о том, насколько велики чисто формальные достижения Крылова. И не теоретиками литера-

туры написаны эти страницы — они составились сами собою из отдельных высказываний практиков. Пушкин, Жуковский, Батюшков, Катенин, Гоголь (все самоучки, лишенные благодати современного филологического образования) не стеснялись говорить вслух о «красотах стихотворенья», коими одолжил русскую поэзию Крылов.

Тем не менее жизнь и труды Крылова неплохо изучены русской наукой. У литературоведения были и будут всегда свои скромные герои, свои «капитаны Тушины» — их трудом и создается тот капитал, который идеологи транжируют потом в журнальных спекуляциях. Академики Плетнев и Грот, Михаил Ефстафьевич Лобанов (товарищ Крылова по Публичной библиотеке и его биограф, тоже академик) заложили прочный фундамент для будущих исследований. Изучение басенных автографов Крылова, начатое в середине XIX века В. Ф. Кеневичем, увенчалось в 1956 году академическим изданием крыловских басен. Заслуживают уважения многолетние полезные труды советского ученого Н. Л. Степанова, хотя он, по условиям своего времени, делал излишний нажим на сатирическую составляющую крыловского творчества, в целом все же эпического, а не лирического.

Малый жанр эпоса, басня имела глубокие и разветвленные корни в допетровской культурной традиции; первые сто лет русского регулярного стихотворства также ознаменованы усиленным вниманием к басне. Публика охотно читает ее. Все крупные поэты, от Кантемира и Тредиаковского до Дениса Давыдова, Озерова, Батюшкова и Жуковского, ее пишут.

И вот Крылов, немолодой уже человек и немолодой писатель, скромно вступает в эту исхоженную область словесности — где трудились до него десятки талантливых людей, а Сумароков, Хемницер и Дмитриев, не повторяя и не заслоняя один другого, нашли каждый своего читателя, добились славы — и с первой попытки исчерпывает жанр русской басни, закрывает его.

Писать басни после Крылова оказалось невозможным. Единственное исключение за сто шестьдесят лет — исключение, подтверждающее правило, — пять-шесть басен в наследии Козьмы Прутова.

Крылов не только лучший, но и последний, абсолютный русский баснописец.

Наши предки высоко ценили древнейшую разновидность басни — притчу. Уже в «Изборнике» Святослава сборники притч характеризуются — наравне с Книгой Иова — как книги «хитростная и творитвная», «в них же всякая твари и ухыштрени большую остроу умьную обряшттеши, яко Господа единого мудрого речи суть».

То есть в этом памятнике XI века утверждается без каких-либо оговорок и обиняков, что искусство баснописца способно производить ту же «остроту умьную», которой запечатлена Книга Иова, включаемая Церковью в состав книг Ветхого Завета. (Тем самым Церковь свидетельствует и удостоверяет, что данная книга создана под непосредственным наитием Святого Духа.)

И современные исследователи древнерусской притчи говорят в один голос об очень важном — срединном! — ее положении между двумя группами жанров, на которые распадается для нас вся литература Древней Руси, — между «заземленными» жанрами (историческая повесть, послание) и жанрами «чудесными» (житийная литература). Место между обыденностью и чудом, между землей и небом занимает притча, басня — именно она становится центром равновесия древнерусской литературы.

Аллегорический метод препятствует разгулу самовыражения, набрасывает узду на страстную человеческую природу создателя басни; вместе с тем, степень художественного обобщения, «умная острога» в басне достигается средствами искусства, полностью зависит от личного мастерства художника.

Все писавшие о Крылове с умом писали в первую очередь об уме Крылова. Подвижный, насмешливый, стыдливый, любящий и умеющий выразить себя живописно ум русского народа и ум Крылова как-то сливаются: народный ум материализуется в басне Крылова.

При этом понятно, что любой сборник русских пословиц содержит множество красот и глубин, не давшихся Крылову, и что в народе нашем тем более сохранялись (да и до сих пор таятся) целые пласты самобытной мудрости, не учтенной даже и в знаменитом собрании Даля. Что Крылов, короче говоря, не присвоил себе весь ум русского народа количественно. Но он овладел методом — довольно элементарным творческим методом, — суть которого я вам постараюсь сейчас изложить.

Вспомним слова Спасителя: «Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» — что любишь, тому и уподобишься, при том и останешься в вечности. Любовь к русскому слову, к русскому складу ума и сделала Крылова «представителем духа своего народа», одним из главных выразителей национального духовного типа в нашей литературе.

Однако люди, любящие родное слово, встречаются на земле гораздо чаще, чем великие национальные поэты. Одной любви мало для создания признанных литературных шедевров, точнее сказать, — не всякая любовь к истинным даже ценностям является совершенной. Представьте себе человека, не свободного от страстей, в первую очередь — от гордости, который полюбил русскую духовность и сделал ее изучение своей специальностью. Опыт показывает, что любовь такого человека при ближайшем рассмотрении окажется состоящей из целого ряда антипатий. Тут будет неприязнь к товарищам по профессии, карьеристам и интриганам, неприязнь к русскому народу, погрязнувшему в пьянстве и не читающему книг о русской духовности, наконец — острая неприязнь к России, этой стране, где выдающемуся исследователю национального духовного типа не создают условий для научной работы.

По мысли отцов церкви, гордость — медная стена, отделяющая человека от Бога, а следовательно, и от людей. Разрушить медную стену, смириться, позволить многомиллионному народу говорить через себя — такова в самых общих

чертах суть крыловского метода. Это в самом деле элементарно: любой ученик двухлетней церковно-приходской школы в прошлом веке знал о том, что смиренномудрие и чистота — качества похвальные, помогающие во всяком деле. Но это трудно: Крылов один в России, и его басни — единичное, штучное явление в литературе. («Народные рассказы» Л. Толстого с их образцовой, щегольской простотой напоминают крыловскую басню только по внешности. Еще Баратынский сказал: «Нет явления без творческой причины» — причины указанных выше литературных явлений строго противоположны. Противоположно, стало быть, и воздействие, оказываемое ими на читателя. Крылов любит народную речь, народный склад ума, смиренно покоряется их стихии и — незаметно, может быть, для себя самого — становится ее орудием. Толстой ненавидит современную ему искусственную цивилизацию, и народный язык послужил тут всего лишь первой попавшейся дубиной, которую великий писатель поднял с земли и гвоздил ею «жизнь богатых классов с ее глупым матерьяльным благополучием» до тех пор, пока не был назван «зеркалом русской революции» и не добился многими и лютыми трудами отлучения от Церкви.)

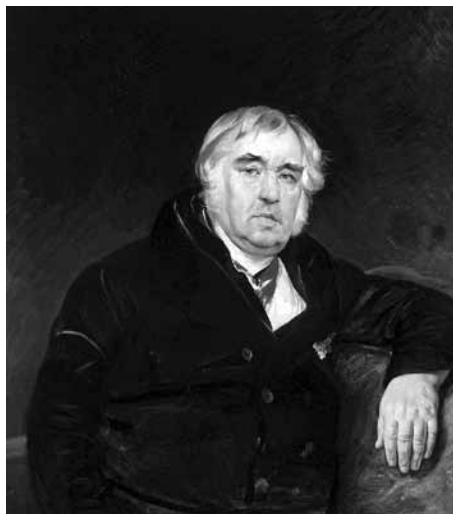
В соборе оптинских старцев, канонизированных Церковью, двое должны быть упомянуты здесь из-за своего особого отношения к Крылову. Но сначала напомним о том, что старец, иеросхимонах, духовник крупного монастыря — это, помимо всего прочего, человек безмерно занятый, имеющий в сутки не более пятнадцати минут личного времени. И вот известно, что преподобные Амвросий (Гренков) и Нектарий (Тихонов) любили в эти короткие минуты отдыха слушать чтение басен Крылова.

И это очень странно! Мы знаем, что святой находится в непрерывном молитвенном общении с Богом; духовное просветление его настолько велико, что малейшая пылинка тщеславия, рассеянности, малодушия так же невыносима для души святого, как для нас с вами был бы тяжел груз воспоминаний о каком-нибудь зверском убийстве. И вот мы видим, как святой Амвросий, святой Нектарий регулярно принимают в душу к себе стихи Крылова — эти стихи ничему там не мешают.

Крылов, который был привязан к земле всеми привычками, симпатиями, самим своим весом, — «заветной лирой» приходит в монастырь и прочно там поселяется. Это удивительно. Постараемся понять, как такое могло произойти.

Умною остротой крыловских басен мы все напитаны с детства. Они вошли в плоть и кровь нашу, повлияли на выражение наших лиц. «И даже хаживал один на паука», «А куму не сенца, хотелось бы мяснова», «Про жизнь пустынную как сладко ни пиши, а в одиночестве способен жить не всякой», «С чего ты взял, что я охотник до лещей?» — из этого мы и состоим во многом, это в нас до конца.

Удивительно то, что Крылов, «сгорев душою», утратив интерес к тому, чем жизнь увлекает многих: пылких юношей, прозаичных дельцов, хищных политиков, озлобленных интеллигентов, — сохранил страстную привязанность

*Портрет баснописца
Ивана Андреевича Крылова.
Худ. К. П. Брюллов, 1839 год*

к народному слову, непереводамому на язык цивилизованного общения, но точному, вкусному, живо-трепещущему и громокипящему, озаряющему унылую русскую равнину целой радугой смысловых и фонетических оттенков. В зрелом творчестве Крылова не осталось ничего личного — оттого-то и могли им подкрепляться преподобные Амвросий и Нектарий. Самоотречение Крылова, отказ от драматургии, отказ от горделивых притязаний на роль общественного деятеля и привели к рождению того мудреца, того великого национального поэта, которого мы знаем под именем Крылова.

Многие думают, что освоили Крылова в детстве и потом переросли его, поднялись выше. Это иллюзия. Постарайтесь разгадать и исполнить Божий замысел о себе, найдите к себе дорогу — только тогда вы с Крыловым сравняетесь. «Никто не больше никого», говорят испанцы, и нельзя перерасти человека, который равен самому себе.

Михаил Матвеевич Херасков был назван современниками «русским Гомером» за те громоздкие эпические поэмы из русской истории, которые он старательно составлял по лучшим иностранным образцам («Освобожденный Иерусалим», «Генриада») и в которых герои Троянского цикла выглядели очень мило в русском и татарском платье:

Отвсюду зрится смерть, отвсюду и победа.
Князь Курбский копием ударил в грудь Мирседа...
И се! бежит Бразин, как молнией гоним;
Оборонялся он еще мечом своим.
Микулинский у рва злодея достигает,
Но он в глубокий ров стремглав себя ввергает.

И не его вина в том, что заветный ларчик, где сохранялась до срока русская эпическая поэзия, открывался по-другому — «просто открывался». Когда сроки исполнились, пришел человек, не искавший славы русского Гомера или славянского Вергилия, выпустил на волю своих зверюшек, поселя, вельмож — и оказалось, что тяжелого эпического золота в этих забавных фигурках больше, чем во всех богах и героях имперского российского Пантеона.

Западноевропейское Возрождение плохо прививается к древнему стволу русской культуры; гипсовые Дианы, Аполлоны, Роланды быстро портятся в нашем климате, «нарядно обнажаясь» до проволочного каркаса.

В своем послесловии к академическому изданию гнедичевской «Илиады» петербургский профессор А. И. Зайцев писал недавно, что «интерес к поэмам Гомера и их эмоциональное восприятие должны рассматриваться как надежный признак здоровья всей человеческой культуры».

Что-то похожее следует думать и о Крылове. До тех пор, пока мы у себя в России любим Крылова, все слухи о вырождении и скорой гибели русского народа следует считать преждевременными.

*Могила И. А. Крылова
на Тихвинском кладбище
Алекса́ндро-Невской лавры.
Фото начала XX века*

Два стихотворения А. С. Пушкина О духоносном слове поэта К 220-летию со дня рождения

Автопортрет А. С. Пушкина
из альбома Е. Н. Ушаковой,
1829 год

Предлагается размышление о человеке, способном создавать художественные образы, — о поэте. Поэт в истории человеческой культуры фигура уникальная, легендарная. Истинных, великих поэтов человечество помнит и почитает.

А. Блок в речи, произнесенной в 84-ю годовщину смерти Пушкина и названной им «О назначении поэта» (1921) вопрошает: «Что такое поэт? Человек, который пишет стихами? Нет, конечно. Он называется поэтом не потому, что он пишет стихами; но он пишет стихами, т. е. приводит в гармонию слова и звуки, потому что он — сын гармонии, поэт». «У поэзии

таинственное назначение, а у поэта есть миссия», — продолжает Блок.

Отец Сергей Булгаков в книге «Философия имени» видит отличие искусства слова от других искусств в действенности слова по природе его, — оно есть форма и смысл, звук и значение. «Вот это соединение форм звука, ритма, смысла, образа делает стихотворение формой форм, внедряет в него исключительное могущество красоты, дает искусству слова царственное место среди искусств как искусству самого логоса».

О тайне, связанной с образом поэта, рассказывает миф об Орфее, первом поэте, который был сыном Аполлона, бога гармонии и музыки, наследником чудесного дара (в Древней Греции слово и музыка были слиты). Песни Орфея действовали магически не только на людей, но и на всю природу. Он обладал могущественной силой: умирлял морские волны и диких зверей, он смягчил даже железное сердце бога смерти, спустившись в Аид за своей женой Эвридикой. С именем Орфея связывается и религиозно-философское учение «Орфизм», адепты которого утверждали, что именно этот «небесный посланник» создал в Греции храмовое жречество и наделил его таинственной, магической силой.

Этот миф, как и всякий миф, хранит тайну божественного происхождения человека и великого дара слова. Поэт же обладает словом, исполненным особой силы и действующим неотразимо. Этот образ поэта пройдет через

тысячелетия. А. С. Пушкин утверждает: «Слова поэта суть уже его дела». В этом афористическом выражении сжат глубочайший смысл тысячелетней традиции.

Изначально в истории европейской культуры поэты были учителями своего народа. «Гомер воспитал всю Элладу», — в этом не сомневался Платон. Такое же значение имели и великие драматурги Эсхил и Софокл, профиль греческой поэтессы Сапфо чеканили на монетах — так ей приписывали царское достоинство. Современники Данте назвали его поэму божественной.

Но к началу XIX века картина станет иной, потому что то была традиция культуры религиозной, т. е. античной и средневековой. Поэтический гений создавал прекрасные образы, наполняя их высшим духовным смыслом. Древние трагики были своего рода катехизаторами, трактуя мифы своего народа, облекая их в драматическую форму. Христианские поэты создавали гимнографию, которую и сегодня мы уподобляем ангельскому пению.

Но затем культура принимает светский характер, и начинается ее обмирщение, предметом ее интереса становится все земное и человеческое, «слишком человеческое» (как скажет Ницше). И традиционные образы теперь служат для выражения не духовного, а по преимуществу психологического и социального содержания.

И так как западноевропейское общество в развитии своем устремляется в сторону материально-экономических и научно-рациональных интересов, делая их центром жизни, то и культурное сознание, вся сфера художественного творчества претерпевает радикальные изменения. Искусство, лишенное духовного основания, так же мельчает, как и суетливая бытовая жизнь, протекающая вне обрядового, церковного смысла и ритма.

В силу этого место и роль поэта в обществе становятся весьма проблематичными. Художник по многовековой инерции в глазах современников продолжает оставаться вестником смысла и света. Секуляризованное (или светское) общество, потерявшее религиозную истину, ожидает последних ответов от культуры, оно впадает в культуророботию: в иерархии ценностей культура занимает место Бога и становится кумиром для европейского человечества. Но беда в том, что творческая личность, этот одаренный человек, в какой бы сфере культуры он себя ни проявлял, будь то наука или искусство, и сам не уверен в том, что существует объективная, а значит, вечная истина, он дитя своей больной эпохи, и он предлагает теперь вместо истины свои субъективные, личные построения, не захватывая в своем видении мира онтологической глубины.

В итоге разворачивается драма обоюдного обманутого доверия между художником и публикой. Этот конфликт углубляется, и к началу XIX века романтическая эстетика создает образ непонятого и одинокого гения, горделиво презирающего примитивных обывателей, не способных к восприятию его творческой игры. Это противостояние оформится в романтическое клише «гений и толпа», а затем, к концу века, ситуация развернется еще острее

и приведет к ницшеанскому сверхчеловеку, воспринятому как выражение крайней формы индивидуализма.

Но обратимся теперь к русской культуре, которая вплоть до начала XX века благодаря православию и промыслительному попечению хранила иерархическое, религиозное сознание, хотя и испытывала сильнейшее воздействие западных идей, в том числе и романтических. А романтизм, если дать ему самое короткое определение, это выражение индивидуализма, культура собственного «я». Это явление сугубо западное по происхождению своему, пересаженное на русскую почву, но не давшее таких обильных плодов, как в Западной Европе, где романтизм стал эпохальным явлением, проявил себя во всех сферах культуры (поэзии, музыке, философии, истории, живописи, архитектуре и даже в социально-политических проектах). Романтизм собрал под свои знамена огромное количество молодых талантливых людей, кумиром которых стал Наполеон: кровавый гений, посвятивший свою жизнь реализации собственного «я» на глазах у всего мира.

Романтическое сознание чужеродно русскому духу, всему укладу национальной жизни и традициям русской культуры. Романтизм как привнесенное явление оставил свой след в русской литературе, но тем интереснее посмотреть, какую метаморфозу претерпевает романтическая идея, попав на русскую почву. Конечно же, эталоном нам здесь будет служить А. С. Пушкин, который в 1828 году пишет свое знаменитое программное стихотворение «Поэт и толпа».

Итак, резко заостренное название представляет собой выработанную романтической эстетикой формулу, которой пользуется великий русский поэт, не являющийся романтиком ни по своему мировоззрению, ни по художественному стилю. «Истинный художник, — пишет П. Флоренский, — хочет не своего, <...> а объективно-прекрасного, т. е. художественного воплощения истины вещей». Значит, великим художника делает мера его вхождения в истину, которая есть божественное откровение.

О Пушкине как «глубочайшем гении русского христианского духа» впервые в полный голос заговорили русские философы, и в первую очередь Семен Людвигович Франк, в 1933 году в эмиграции написавший статью «Религиозность Пушкина» и начавший ее так: «В русской мысли и литературе господствует какое-то странное, частью пренебрежительное, частью равнодушное отношение к духовному содержанию поэзии и мысли Пушкина <...>, учеными пушкиноведами исследованы каждая строка и каждый день жизни поэта, <...> но мирозерцание величайшего русского поэта и „умнейшего человека России“ (выражение Николая I) остается до сих пор не изученным и малоизвестным большинству русских людей. Между тем это есть тема величайшей важности не только для почитателей Пушкина — это есть в известном смысле проблема русского национального самосознания. Ибо гений — и в первую очередь гений поэта — есть всегда самое яркое и показательное выражение народной души в ее субстанциональной первооснове.

Можно прямо сказать: если бы имело основание обычное равнодушное ощущение, что у Пушкина нельзя найти сколько-нибудь яркого и глубокого религиозного чувства и мироощущения — то было бы поставлено под серьезное сомнение само убеждение в религиозной одаренности русского народа».

Посмотрите, на какой глубине проходит это смелое обобщение. Великий поэт — выразитель народной души, и если не видеть в мирозерцании поэта религиозной основы — это значит ставить под сомнение и религиозную одаренность народа.

И вот теперь приведем первые строчки стихотворения, которые звучат парадоксально по отношению к этой несомненной мысли философа:

Поэт по лире вдохновенной
 Рукой рассеянной бряцал.
 Он пел — а хладный и надменный
 Кругом народ непосвященный
 Ему бессмысленно внимал.

И толковала чернь тупая:
 «Зачем так звучно он поёт?
 Напрасно ухо поражая,
 К какой он цели нас ведёт?
 О чём бренчит? Чему нас учит?
 Зачем сердца волнует, мучит,
 Как своенравный чародей?
 Как ветер, песнь его свободна,
 Зато как ветер и бесплодна:
 Какая польза нам от ней?»

Стихотворение и по внешнему оформлению, и внутренне драматично, оно являет открытое столкновение, конфликт поэта и тех, для кого он поет (лат. *confligere* — биться, сражаться). Это духовное сражение, противостояние.

По тону — редкое: открыто гневное, нескрываемо резкое, обличительное. Это стихотворение — ответ на вызов, который бросило поэту либеральное общество после того, как он опубликовал в том же 1828 году стихотворное обращение «Друзьям», где, будучи монархистом и державником по своим убеждениям, обладая мудростью гения и далеко видя, Пушкин воспел хвалу русскому царю Николаю I, подавившему в 1825 году гибельное для России восстание декабристов.

Нет, я не льстец, когда царю
 Хвалу свободную слагаю:
 Я смело чувства выражаю,
 Языком сердца говорю.
 Его я просто полюбил:
 Он бодро, честно правит нами...

И еще:

О нет, хоть юность в нём кипит,
Но не жесток в нём дух державный:
Тому, кого карает явно,
Он втайне милости творит.

Друзьями он не был понят, хотя говорит Пушкин по-детски открыто и доверительно. На него обрушились насмешки, подозрения, критика, обвинения.

И вот тогда появляется стихотворение «Поэт и толпа». О чем оно? О том, что поэта не слышат, не понимают. «Он пел» — а народ «ему бессмысленно внимал». Его пение «напрасно ухо поражает», его песнь «как ветер бесплодна», она несется мимо слуха тех, к кому поэт обращает свое слово. Так было почти 200 лет назад, изменилось ли что-нибудь сегодня? Пожалуй, нам стало еще труднее общаться с душой истинного поэта, каким был и остается А. С. Пушкин.

Возникает вопрос: почему? И ответ на него ведет нас к тайне поэтического слова. Существует два вида оформления словесного творчества — поэзия и проза. Первичнее, а значит, намного раньше возникла поэзия. Были времена, и достаточно долгие, особенно в дописьменной культуре, когда существовала только поэтическая образность. Проза оформилась очень поздно и в античной культуре, и в западноевропейской. В Европе, например, поэзия царствовала почти до конца XVIII века: ведущими и высокими жанрами были поэмы, стихотворные драмы (Шекспир — это прежде всего великий поэт, комедия «Горе от ума» еще тоже написана стихами), а роман считался жанром низким до тех пор, пока существовала нормативная эстетика классицизма. Но уже к середине XIX века проза решительно вытесняет поэзию.

А что такое проза? «Ratio» в переводе с латинского означает «свободная речь», а древнегреческое слово «поэзия» переводится как «творчество», поэт — творец, созидатель.

Каково происхождение поэзии? Культовое, как и всей культуры (слово «культура» хранит в корне своем свидетельство о религиозном основании). Первоначально поэзия была неотделима от ритуальной пляски, сопровождаемой пением: танец, музыка и слово были слиты. Что такое хор? Это не просто многоголосное пение, это прежде всего хоровод — движение: греческое слово «хорейя» есть «танец», а «хорей» — «круговой танец» и только во вторых — двусложная стихотворная стопа, отсюда и «хореография» как искусство танца. То же происхождение и у такого знакомого всем стихотворного жанра, как баллада: «ballare» — «танцевать, плясать». Так возникло и само слово «балет».

Танец основан на ритмике движений, все убыстряющаяся ритуальная пляска приводила участников религиозного действия в состояние экстаза (исступления): дух человеческий выступал, выходил за пределы физического тела и соединялся с духами природы — божествами языческими.

Энергия ритма, пронизывающего танец и музыку, захватывает в свою орбиту и слово: поэзия — ритмически организованная речь. Энергия ритма придает поэтическому слову особенную силу воздействия. Ведь ритм есть пульс самой жизни, потому что жизнь материи проявляется в движении, а всякое движение обладает своей метрической природой, начиная с атома, вокруг которого пульсируют электроны в круговом движении, и завершая космическими периодами, тем вселенским ритмом, который был заложен божественным семидневным творением.

Итак, через ритмическую организацию поэтическое слово получает дополнительную мощь, как бы включаясь в ритм вселенского движения и вбирая в себя его энергию. Но это энергия природная, психофизическая, энергия материи. Хорошо известно магическое воздействие обнаженного ритма в языческих культах (африканские там-тамы, шаманский бубен).

Но слово прежде всего хранит в себе энергию духовного смысла. Это духовный дар человеку от Бога. И все мы помним таинственное евангельское изречение, принадлежащее Иоанну Богослову: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Больше и глубже о том, что такое слово, никто, кроме него, не сказал.

Это трудно осознавать, потому что мы владем этим словом и не догадываемся, чем обладаем. Через слово мы богоподобны. Животные бессловесны. Поэтому слово, данное человеку как духоносному существу для того, чтобы он общался с Богом — Логосом, это слово по природе своей сущностно, исполнено священного смысла, — это прежде всего молитвенное слово. Как чудно сказал Лермонтов о молитве: «Есть сила благодатная / В созвучье слов живых». И вот это высокое, живое и крылатое слово летит в небо как птица, и вслед за ним взлетает и наша душа, потому что она тоже крылатая и с древности уподоблялась то ласточке, то медоточивой пчеле.

Но слово — живой организм, оно тоже, как и человек, обладает телом — морфемой (или структурой, корнем), душой — психическим содержанием и духовным смыслом. Такое слово является символом, хранящим в себе божественную энергию, оно мост, соединяющий землю с небом.

Но если из человеческого сознания, а значит и из слова, уходит священный духовный смысл, то наше слово становится сугубо бытовым, приземленным, однозначным, тяжелым и грубым и переходит в грязь сквернословия, невыносимого для слуха, оскорбительного для человеческого достоинства.

Каков язык — таков и человек, а значит и общество, и в целом его культура. Приведу цитату из книги Светланы Макуренковой «Онтология слова: апология поэта»: «Слово заболевает как всякий живой организм, что... выражает себя в обремененности его наростами, накипиями, опухолевыми образованиями <...> Тело его становится дряблым, мускулатура безжизненной — язык впадает в некое подобие летаргического сна. От него начинает тянуть затхлостью, нечистотой, гнилью. Язык теряет упругость, звонкую

силу и мощь — подобно парусам, лишенным ветра, у которых ниспадают крыла, некогда возносившие мысль к заоблачным далям. Последняя степень падения слова — мат. Это нижняя, предельная граница существования языка. Мат является предельным выражением отчаяния, за порогом которого — только смерть. Матерное слово — это язык несчастья, стыда, оголенный язык, лишенный всякого духовного смысла, в нем живет только физиология, ставшая грязью, грехом».

Итак, классическая культура, поэзия еще хранит духовную традицию, возводя слово к символу, а механическая цивилизация переводит жизнь и сознание в экономический, утилитарный, безрелигиозный ряд. И вот она суть конфликта между поэтом, одаренным духовным слухом, и городской толпой, с головой погруженной в нужды и заботы суетного дня и из всех даров жизни ценящей дороже всего «печной горшок».

Печной горшок тебе дороже:
Ты пищу в нём себе варишь.

Да, надо отдать должное гениальной прозорливости поэта, увидевшего ту магистраль, на которую свернет человечество XIX, XX и XXI веков и которую Ф. М. Достоевский назовет «пищеварительной философией». Европейское человечество поведут не духовные вожди, а люди науки: К. Маркс, Ч. Дарвин, З. Фрейд, которые станут настойчиво понижать богоподобный статус человека, определяя его то в «экономическое животное» (по Марксу), то в «высшее животное» (по Фрейду) и сравнивая его с обезьяной (как это делал Дарвин).

«Ты червь земли, не сын небес», — с горьким гневом скажет поэт дерзкой толпе, не видящей для себя никакой пользы в поэтическом даре гениального человека. В этой строке сосредоточена суть размышлений А. С. Пушкина о том, что есть человек, каково его назначение и в чем состоит миссия поэта. Много раз непонимающих его современников Пушкин назовет «народом бессмысленным», чернью, сравнит их, цитируя Евангелие, с гробами, уподобит духовным мертвецам:

В разврате каменейте смело,
Не оживит вас лиры глас.

И гонит от себя поэт бессмысленную толпу:

Подите прочь — какое дело
Поэту мирному до вас!

Как это все понять? Уж не романтическое ли высокомерие гения, следующего западноевропейским стандартам, перед нами? Для великого русского поэта романтическая поза пуста и мелковата. Ведь он увидел самую страш-

ную болезнь, которая может поразить человека и превратить народ в толпу. И он взывает, он усиливает голос, бьет словами, как бьют в набат, он, слышащий, предупреждает об опасности людей, потерявших слух, оглохших.

У стихотворения есть эпиграф, где сфокусирована, как и в названии, центральная тема, главная мысль поэта. Эпиграф латинский: «Procul este, profani» — «Прочь, непосвященные». Латынь отсылает нас к античной древности, когда языческие жрецы этим возгласом изгоняли из храма, где совершалась мистерия (то есть таинство) тех, кто не приобщен к религиозному действию, не посвящен в его тайну. Этот возглас близок тому моменту литургического служения, когда диакон произносит: «Изыдите, оглашенные». Это те, кто оглашены проповедью слова Божиего, но еще не прошли через таинство крещения и не стали причастны самой тайне, хотя о христианстве и знают. В христианском храме мы приобщаемся к бессмертию через великое таинство Евхаристии, предназначенное для посвященных, для христиан.

Но вот А. С. Пушкин, обращаясь к современникам в стихотворении «Поэт и толпа», называет их «народом непосвященным» и потому бессмысленно внимающим поэту, а эпиграф звучит еще резче: «Прочь, непосвященные». Но тогда возникает вопрос: Русь-то была крещена, и в начале XIX века еще все были христианами, кто же тогда эти «непосвященные» и почему они названы «чернью»?

Для прояснения этого вопроса вернемся к тайне той гениальной интуиции, которой одарен поэт. У Пушкина есть несколько стихотворений, в которых он говорит о миссии поэта на земле, прямо в заглавии указывая на эту важную не только для него тему («Поэт», «Поэту», «Пророк», «Памятник»). А в чем же назначение поэта? Так поставил вопрос А. Блок, произнося речь, посвященную А. С. Пушкину. «Сущность поэзии, — говорил он — неизменна. Назначение ее таинственно. Дело поэта совершенно несоизмеримо с порядком внешнего мира. Ему открыты бездонные глубины духа. Поэт — сын гармонии, и служение его состоит в том, что он вносит в мир, которому постоянно грозит хаос, звуки гармонии; его слова проявляют неожиданное могущество, они испытывают человеческие сердца».

Здесь особенно интересна мысль Блока о «неожиданном могуществе» поэтического слова. А что есть могущество или мощь, которой обладает человек? Это ведь не наше личное достояние, все — дар нам от Бога и в первую очередь — дар слова, через который мы становимся богоподобными. Но поэтическому гению дается особая действенная сила слова, которая «испытывает человеческие сердца». В стихотворении А. С. Пушкина «Поэт» есть строки:

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснётся,
Душа поэта встрепенётся,
Как пробудившийся орёл.

Ф. И. Тютчев скажет о Пушкине: «Он был богов орган живой». Какой потютчевски мощный, космический образ: поэт — живой музыкальный инструмент, тонко восприимчивый, мгновенно отзывающийся прекрасным звучанием на божественное прикосновение.

Но вы можете сказать, что поэты бывают разные, и не каждому из них можно довериться, открыться навстречу. Бывает ведь и злая, недобрая, хоть и ослепительная и упоительная, демоническая красота. И это тоже правда. Рядом с Пушкиным по времени, например, жил и покорял мир гениальный английский поэт Дж. Г. Байрон, говоривший о себе, что он «падший ангел», а Ш. Бодлер, несомненно одареннейший поэт, откровенно назвал свой сборник стихов «Цветы зла».

Бог одаривает талантами всех людей: кому пять, кому два, а может, и один: мы все помним эту притчу. Но каждая ли душа может и хочет умножать вверенное ей дарование в соответствии с волей Божией, соизмеряя свой внутренний строй по звуку самого чистого и высокого камертона? Есть души, подобные красивым, но расстроенным инструментам, расстроенным духовно и издающим больные и темные звуки.

Великие, светоносные поэты — явление достаточно редкое в человечестве, потому-то А. С. Пушкин и занимает в нашей культуре уникальное, центральное место. В его творческом даре проявилась духовная генетика, заданная культурой древней, Святой Руси с ее молитвенным опытом, утонченной формой духовного уклада жизни, умением молчаливо, с внутренним упованием вслушиваться в слово Божие.

Недаром Пушкин так часто называет дело поэта подвигом служения, а лиру его — святой лирой. Такое виденье миссии поэта позволяет Пушкину смотреть на мир не свысока, но с высоты, с такой высоты, которая для многих его современников оказалась недоступной.

Когда и почему оказалось утерянным это взаимопонимание поэта, которого называют «сыном небес», и современников? И второй вопрос, связанный с первым: каким образом и при каких условиях народ превращается в толпу?

Эти вопросы напрашиваются сами собой при чтении стихотворения, и уже в начальных строчках его, в названии и особенно в эпиграфе дан ключ к глубочайшим размышлениям Пушкина о путях человечества. Это размышления гениального поэта, пронизательного историка, глубокого мыслителя и православного человека.

Обратимся, прежде всего, к словосочетанию «народ непосвященный», к этим первым вступительным аккордам главной темы, которая будет развиваться от начала и до самого конца стихотворения:

Он пел, а хладный и надменный
 Кругом народ непосвященный
 Ему бессмысленно внимал.

Народ непосвященный, а потому и бессмысленный, и хладный, и надменный. А что значит непосвященный? Если обратиться к основе, то в праславянском языке корни *свет-* и *свят-* оказываются едиными по происхождению. Значит, все слова с корнем *свят-* (святость, святой, священник, освятить, освященный, которые непонятны людям с нерелигиозным сознанием), все эти слова выходят к свету как божественному сиянию.

У всех народов, начиная с языческих времен, представление о верховном боге связывалось с источником света, а значит жизни: Юпитер — молния, Ра — солнце, Брахман — сияющий, Ветхозаветный Бог являет себя в огненных образах неопалимого горящего куста и пламенного столба, сопровождающего древних иудеев в их скитаниях по пустыне. И Христос называет себя светом миру и на горе Фавор преображается в свет.

Священник П. Флоренский так пишет о свете: «Бог есть свет, и это не в смысле нравоучительном, а как суждение восприятия — духовного, но конкретного, непосредственного восприятия славы Божией: созерцая её, мы зрим единый, непрерывный, неделимый свет, беспримесный, чистый свет, в коем “несть тьмы не единыя”. Определение света есть только то, что свет есть свет, не содержащий никакой тьмы, ибо в нем — все просветлено, и всякая тьма от века побеждена, преодолена и просвещена».

Слово «посвящённый» означало человека, который опытно, через храмовое священнодействие введен в тайну высокого призвания человека — быть «сыном небес», служить свету и самому становиться светом через преобразование своей природы.

Святой Макарий Египетский говорит, что огонь благодати, возжённый Святым Духом в сердцах христиан, заставляет их сиять как светильники перед Богом. Этот Божий огонь то оживляется и сияет ярким светом, то уменьшается и не дает больше света в сердцах, омраченных страстями. Цитирую слово Святого Макария: «Невещественный и Божий огонь освещает души <...> Сей огонь действовал в апостолах, когда возлагали огненными языками <...> Сей огонь в виде огненной колесницы восхитил Илию с земли. И ангелы, и служебные духи причащаются светлости сего огня <...> Огонь сей прогоняет бесов, истребляет грех, он есть сила воскресения, действительность бессмертия, просвещение святых душ, утверждение умных сил».

Таким образом, свет — это категория духовная, божественная. Освящать — значит изгонять греховную тьму, мрак, черноту.

И когда А. С. Пушкин говорит о «народе непосвященном» и называет его чернью (то есть чёрным, а значит бесцветным: ночь черна потому, что в ней нет света), то поэт говорит о состоянии духовной помраченности.

На латыни, языке древних римлян, слово «непосвященные» звучит как «profani». Пушкин взял в качестве эпитафии латинское выражение: «Proculeste, profani» — «Прочь, непосвященные».

Прилагательное profanus означает:

во-первых, лишенный святости, неосвященный;

во-вторых, непосвященный, темный (синоним *vulgus*);
в-третьих, нечестивый, кощунственный, зловещий.

Здесь даны логические смысловые ступени: все то, что не освящено, темнеет, становится грубым (вульгарным), затем нечестивым (не почитающим Бога), кощунственным (оскорбляющим чистоту и святость), а потом и зловещим (несущим зло миру и людям).

Слово «профанация» означает «лишение святости» — перевод, снижение высокого и духовного до уровня материального и низкого. То есть профаны (как мы говорим), или непосвященные — это люди, забывшие о своем божественном призвании, которые угасили в себе духовный огонь, стремящий человека к восхождению, это люди, которые отвратили глаза от небес и устремили свою волю к земным, а значит, земляным заботам, уподобившись животным и насекомым.

Вот от чего негодует поэт:

Молчи, бессмысленный народ,
Поденщик, раб нужды, забот!
Несносен мне твой ропот дерзкий.
Ты червь земли, не сын небес.
Тебе бы пользы все — на вес
Кумир ты ценишь Бельведерский.

Приведу слова архиепископа Иоанна (Шаховского) (из его замечательной книги: «Апокалипсис мелкого греха»): «Если бы видимое небо не отделяло нас от неба невидимого, мы бы содрогались от тех несоответствий духа, которые существуют меж ангельской торжествующей церковью и нашей земной церковью почти не воинствующих, дряблых человеческих душ. Мы бы ужаснулись и поняли бы ясно ту истину, которая нам сейчас непонятна: что сделал для нас Господь Иисус Христос и что Он делает для каждого из нас. Его спасение мы представляем себе почти теоретически, абстрактно. Но когда бы мы увидели, с одной стороны, белоснежные сонмы молниелучных чистых духов, огненных, пламенных, горящих невообразимой любовью к Богу и устремленных ко спасению всего творения и, с другой стороны, увидели бы землю с ее сотнями миллионов полулюдей-полунасекомых с сердцами, устремленными только к земле, людей, пожирающих друг друга, самолюбивых, сластолюбивых, деньголюбивых, несговорчивых, одержимых прилипшими к ним темными силами, мы бы ужаснулись и вострепетали. И нам бы предстала ясная картина безусловной невозможности спасения “естественными путями”».

У Пушкина непосвященный и бессмысленный — понятия идентичные, синонимичные. Здесь он опирается на древнейшую духовную традицию. В «Экклезиасте» читаем: «Мудрый — кто понимает значение вещей. Мудрость человека просветляет лицо его. // Глупый же ходит во тьме. По какой бы дороге ни шел глупый, у него всегда не достает смысла, и всякому он

выскажет, что он глуп. // Все дела рук человека — для рта его, душа же не насыщается. // Все суета сует и томление духа».

Духовная непросветленность сознания, темнота души заставляет человека быть «поденщиком, рабом нужды и забот». Как не вспомнить евангельские слова Христа: «Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем <...> Ищите же прежде Царство Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф. 6: 34, 33).

Но поденщик, ставший «червем земли», уже не слышит духовного слова. И это духовное нечувствие уподобляется в стихотворении состоянию омертвения:

Подите прочь — какое дело
 Поэту мирному до вас!
 В разврате каменейте смело
 Не оживит вас лиры глас!
 Душе противны вы, как гробы.

Здесь у Пушкина очень прозрачны евангельские аналогии: что в человеке каменеет? Сердце. А нечувствие сердца ко греху превращает евангельских фарисеев, по слову Христа, в «гробы раскрашенные», которых не оживит Бога глас. Ведь как объясняет Иисус Христос, почему многие слушают Его притчи, но мало кто слышит, то есть понимает их. Он каждый раз повторяет: «Имеющий уши, да слышит». Но уши есть у всех, как и глаза.

В словаре Даля приведена такая поговорка: «Не глаза видят, а человек, не ухо слышит, а душа». Можно слушать и не слышать, можно смотреть, но не видеть, то есть ведать, потому что органы восприятия — всего лишь физические орудия нашей духовной субстанции, души нашей. Глаза направлены во вне, но видим мы очами сердца, ухо воспринимает внешние звуки, но смысл их внятен только душе.

Христос так объясняет своим ученикам, почему люди не понимают смысла Его притчи «ибо огрубело сердце людей сих <...> да не увидят глазами, и не услышат ушами и не уразумеют сердцем, и да не обратятся, чтобы Я исцелил их» (Мф. 13:15).

Да, но во времена Пушкина все русские люди были освящены «водой и Духом» и через таинство миропомазания, «Печать Дара Духа Святого», не только душа, но и тело, и зрение, и слух, и мысли, и чувства, — все было открыто для ведения, для уразумения Божией Истины. А для посвященного в Истину человека, для христианина вся Вселенная должна увидеться храмом Божиим, мирообъемлющим собором, где обитает сам Бог, Который объединяет и благословляет всю тварь и ангелов, и человеков, и всякое дыхание земное. И высшее назначение человека, его духовное призвание в том и состоит, чтобы помогать этому преобразению Вселенной во храм. Вся жизнь человека должна стать богослужением. И так же, как маковки русских церквей, возвышаясь над городами, подобно огромным многосвешникам «жаром горят»

навстречу небесам, так и душа человеческая должна исполниться молитвенным горением несказанной любви к Богу, чтобы только на Него и уповать и устремляться к Нему всеми силами своего естества. Таков христианский идеал, потому что христианство религия не земная, а небесная. А спастись душу свою можно только в Церкви Божьей, для того она и дана человечеству.

Без духовной аскезы, без молитвенного труда темнеет человеческое естество, слух загрязняется, зарастает плесенью, глаза покрываются духовной катарактой, а сердце без духовного питания обрастает мхом и каменеет. Человек становится «чернью», а народ, как единство многих, превращается в толпу, или народ «непосвященный», как говорит Пушкин. Ведь истоки народа таинственны, народное самосознание не определяется до конца ни единством языка, ни единством места, культуры или экономики. По словам митрополита Антония (Храповицкого), «оно — не расовое, не племенное, а религиозное. Россия вечна Православием».

Пушкин скажет: «Там русский дух, там Русью пахнет». Разве это можно объяснить в рациональных категориях?

Тютчев подхватит: «Умом Россию не понять <...> В Россию можно только верить». Часто гениальная поэтическая интуиция очень близко подходит к религиозному откровению, и слово поэта «проявляет неожиданное могущество».

Но вернемся к вопросу о том, когда же русский православный народ стал превращаться в «чернь», то есть стал терять религиозное, церковное сознание, и кого Пушкин называет «чернью»?

На самом деле это процесс общеевропейский, только бурные волны европейской истории докатываются до русских земель с опозданием и сдерживаются национальным укладом жизни.

Речь идет о переходе традиционной европейской культуры, обладающей иерархическим (то есть религиозным аристократическим) сознанием, в технократическую цивилизацию, утверждающую демократическую систему ценностей. Обратите внимание, в слове культура мы слышим корень культ-, связанный с религиозным основанием. В слове цивилизация — латинский корень *civilis* — гражданский, государственный, *civis* — гражданин.

Если общество, находясь в стадии культурного развития, еще соизмеряет движение земной истории с Божественным Провидением, еще помнит о Страшном суде, то цивилизация утверждает человеческую самостоятельность, замыкая жизнь человека земными пределами, а в качестве цели цивилизация предлагает гражданам заниматься устройением комфортной личной жизни в рамках определенного государства, а государство для того и существует, чтобы обеспечить социальный порядок, позволяющий человеку максимально удобно устроиться в этой жизни, трудясь с пользой для себя и общества. Отныне всю Богом данную мощь сознания человечество вкладывает в научно-технический прогресс, умножающий в мире бесконечное количество машин и вещей и ведущий планету к экологической катастрофе и гибели.

Архиепископ Иоанн (Шаховской) пишет: «Техника ускоряет производство материальных ценностей, ускоряя и процесс их уничтожения. Змея материального пожирает свой хвост. Цивилизация, не уравновешенная и не скрепленная высшим смыслом жизни, ведет к гибели человечество, все больше усложняет, затрудняет и разоряет свой собственный мир. Не желающее причащаться Тела и Крови Христовой, человечество пожирает свою собственную плоть и пьет свою кровь».

Утверждается же такой демократический, или буржуазный тип сознания в Европе в XVI веке через первую буржуазную революцию, которая происходит сначала в духовной сфере, а потом провоцирует и социальные потрясения. Речь идет о немецкой Реформации или Протестантизме. Мартин Лютер приспособливает католическую (вселенскую) веру к нуждам третьего низового сословия и возводит труд — житейскую необходимость — в ранг сакральной ценности, божие наказание — в призвание, хотя «Все дела рук человека — для рта его, а душа не насыщается». Отныне труд для протестанта становится едва ли не главным средством спасения. Произошла профанация, то есть понижение, обмирщение церкви и веры; зато те государства, которые приняли новую веру, опираясь на протестантскую трудовую этику, быстро нарастили свою промышленную и военную мощь, оснастили себя стальными челюстями, по выражению Е. Н. Трубецкого: «Когда появляются на мировой арене народы, которые все свои помыслы сосредотачивают преимущественно на этой одной цели создания большой челюсти для сокрушения и пожирания других народов, то все остальные в целях самообороны вынуждены им подражать, потому что отстать в вооружении — значит рисковать быть съеденным. Все другие заботятся о том, чтобы иметь челюсть не меньшую, чем у противника. В большей или меньшей степени все должны усвоить себе образ звериный».

Что оставалось делать Петру I? Это трагические страницы в русской истории. И он проводит Русскую реформацию, укрепляя государство и опираясь на опыт западного протестантизма.

В желании сделать из России мощное имперское государство Петр I идет на то, чтобы утвердить светскую, государственную власть как тотальную силу и верховную ценность. Для этого он проводит церковную реформу, в которой все исходит не из мистической природы Церкви, а из принципа государственной пользы.

А дальше я процитирую одного из лучших богословов XX века прот. Георгия Флоровского, написавшего книгу «Пути русского богословия»: «Новизна Петровской реформы не в западничестве, но в секуляризации. Именно с Петра и начинается великий и подлинный русский раскол между властью и Церковью. Государственная власть самоутверждается в своем самодавлении, утверждает свою суверенную самодостаточность. Государство отрицает независимость церковных прав и полномочий, и сама мысль о церковной независимости объявляется и обзывается папизмом. У Церкви

не остается и Ей не оставляется самостоятельного и независимого круга дел, ибо государство все дела считает своими. Государство берет от Церкви на себя ее собственные задачи <...> берет на себя безраздельную заботу о религиозном и духовном благополучии народа <...> Само государство определяет объем и пределы обязательного и допустимого даже в вероучении. Церкви отводится в системе народно-государственной жизни свое место, но только в меру и по мотиву государственной полезности и нужды. Духовенство обращается в своеобразный служащий класс, выполняющий государственное поручение.

Таков смысл «Духовного регламента», торжественно провозглашенного в России при Петре I, составленного Феофаном Прокоповичем (по образцу тех регламентов или «церковных уставов», каких много было составлено после Реформации в разных княжествах для вновь заведенных «местных генеральных консисторий»). Это есть программа Русской Реформации, которая в целом не удалась, потому что не все оказалось исполнимо, но русская Церковь была глубоко встревожена и сотрясена этой «реформацией».

Для прояснения пушкинской темы толпы, состоящей из «черни», важно понять истоки формирования этого мещанского сословия, исповедующего буржуазный принцип материальной пользы. Весь дух протестантизма в форме Петра проявился прежде всего в нечувствии духовного организма Церкви, когда тускнеет и выветривается мистическое чувство церковности, в Церкви привыкают видеть эмпирическое учреждение, функционирующее в рамках государственности. Именно городское чиновничество, будь это служилое дворянство или мещанство, формирует ряды «черни», когда причается главным делом жизни считать служение не Богу, а государственному механизму, исходя из принципа общественной пользы как верховного принципа, потому что петровская реформа поставила государство выше Церкви. И тогда вероучение превращается в полезную для общества мораль, а собирательная личность народа превращается в толпу, потому что каждый отдельный человек, ее составляющий, перестает быть личностью, он останавливается в своем развитии, так как личность — понятие духовное, христианское. Чем отличается личность от индивидуальности? Человек, будучи природной индивидуальностью, то есть отличаясь от других людей внешностью, характером, темпераментом, становится богоподобной личностью только в процессе общения с Богом как Божественной личностью.

Когда Адам и Ева, сотворенные по духу подобными Богу, отвернулись от своего Творца, они рассыпались на миллионы и миллиарды индивидуальностей (или индивидуумов), в которых, конечно же, остался вложенный Богом в человека личностный, то есть духовный, потенциал. Но когда человек не возрастает в благодати через сознательное молитвенное общение с Богом, он деградирует, становится пустым и пошлым — становится «чернью», которая ищет в жизни только материального насыщения и даже от искусства требует только пользы для себя.

В стихах Пушкина «чернь» дерзко диктует поэту, как ему употреблять свой дар во благо обществу. Именно употреблять — иного назначения поэтического слова толпа уже не знает. Недаром к концу XX века общество уже открыто будет называть себя «обществом потребления», что равнозначно истреблению.

Нет, если ты небес избранник,
 Свой дар, божественный посланник,
 Во благо нам употребляй:
 Сердца собратьев исправляй <...>
 Гнездятся клубом в нас пороки.
 Ты можешь, ближнего любя,
 Давать нам смелые уроки,
 А мы послушаем тебя.

Поэту предлагается словом, как метлой, вымести душевную грязь сограждан, трудиться ради общественного блага, а иначе зачем же ему дан дар и какая от него может быть польза государству и народу.

Мартин Лютер называл нищих «хитрыми шельмами» и предлагал вместо подаяния применять к ним трудовую терапию. В советские времена неугодных поэтов объявляли тунеядцами. Неустанно трудящийся муравей скажет легкой, радужной стрекозе: «Ах, ты пела? Это дело! Так поди же, попляши».

А наш великий поэт произнесет: «Цель поэзии идеал, а не нравоучение». На дерзкий вызов толпы он ответит:

Во градах ваших с улиц шумных
 Сметают сор — полезный труд! —
 Но, позабыв своё служенье,
 Алтарь и жертвоприношенье,
 Жрецы ль у вас метлу берут?

Призвание поэта как и всякого истинного христианина — служить алтарю и приносить в жертву Богу «дух сокрушен» и сердце смиренное. «Марфа! Марфа! — скажет Христос, — ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно. Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у нее». (Лк. 10: 41,42)

А как духовно высоко видит Пушкин человека:

Не для житейского волненья,
 Не для корысти, не для битв,
 Мы рождены для вдохновения,
 Для звуков сладких и молитв.

Так говорит поэт, но так чувствуем и мы в те минуты, когда, оставляя «всякое житейское попечение», наполняем сердце свое благодарностью Богу.

*Автопортрет поэта верхом,
из альбома Е. Н. Ушаковой.
Подпись карандашом рукой Пушкина:
«А. С. Пушкин во вр пут в Арз», 1829 год*

«Жил на свете рыцарь бедный...»

Стихотворение это А. С. Пушкин написал в 1829 году и называл его одним из самых любимых своих произведений: несколько необычное — оно исповедальное и одновременно облечено в шутивную форму, может быть, чтобы скрыть лирическое откровение души.

Александр Сергеевич был воспитан европейской культурой, любил ее старинный облик, ценил классику и был внима-

тельным читателем западных новинок. В его творчестве можно найти многочисленные отклики-комментарии к истории западноевропейского искусства. Предлагаемое стихотворение принадлежит к этому ряду впечатлений гениально-чуткого читателя: его можно определить как русский взгляд на одно из самых характерных и ярких явлений западной культуры XI–XII веков — эпохи рыцарских крестовых походов.

Рыцарство связано с европейским Средневековьем, потом оно как историческое явление вытесняется наемными войсками, огнестрельным оружием и меркантильными задачами нового времени. Уже в конце XVI века Сервантес создает свой знаменитый роман о бедном идальго Дон Кихоте, который, начитавшись рыцарских романов, выходит в путь, чтобы осуществлять в жизни кодекс рыцарской чести, но попадает в нелепые, смешные и одновременно унижительные и жестокие ситуации. Роман вызывает «смех сквозь слезы», образ новоявленного рыцаря и пародиен и печален — так может увидеть человека только гениальная интуиция.

После Сервантеса жанр рыцарского романа перестал существовать, но сам дух рыцарства оказался необыкновенно устойчивым: символика рыцарской, аристократической культуры и сегодня обладает несомненной притягательностью. Облик рыцаря связывается с понятиями чести, благородства, верности слову, храбрости, великодушия — всех тех черт, которые когда-то выражались забытым словом «доблесть» (интересно, что в старославянском языке «доблесть» означала храбрость, но однокоренным ему было и слово «добрый»: значит «доблесть» — храбрость, сочетающаяся с великодушием, это смелость доброго человека).

Жил на свете рыцарь бедный,
Молчаливый и простой,
С виду сумрачный и бледный,
Духом смелый и прямой

— так начинает свой рассказ Пушкин и в четырех строчках несколькими эпитетами как бы вытаскивает образ своего рыцаря, отвечающий идеалу человеческой доблести: духом он смелый и прямой, а душа у него простая, а значит отзывчивая. В каком-то смысле это и автопортрет. Сказать о человеке «духом смелый и прямой» — это сказать изнутри собственного духа.

Но ведь на Руси не было рыцарей и быть не могло. Это сугубо западное явление. И возникает вопрос: «Почему не было и быть не могло рыцарской культуры в православном государстве в XII веке?»

Это очень большая тема: чем отличается западный католический тип культуры от восточного, православного. На эту тему написано много талантливых книг, в которых приводятся самые разные обоснования этого различия: богословские, философские, исторические, социально-экономические. Мы же рассмотрим только тот аспект, который имеет прямое отношение к стихотворению А. С. Пушкина, а речь идет о рыцарском служении, но не в его реальном историческом бытовании, а в тех символических формах, которые нашли воплощение в самой рыцарской поэзии.

А что такое рыцарская литература и каково ее место в истории западно-европейской культуры? Ее главная особенность заключается в том, что это практически первая форма светской, куртуазной, то есть придворной, а не той церковной культуры, которая существовала в продолжение всего Средневековья. С этого момента культура Запада начинает развиваться в том направлении, которое приведет ее к сегодняшнему состоянию. Интересно всмотреться в эти первые ростки светской поэзии, на что она ориентируется и каковы ее темы.

Рыцарская поэзия заявляет о себе в двух жанровых формах: это лирика и стихотворный роман. Церковная гимнография, или духовная поэзия, выражала соборное сознание, христиане поют «Отче наш...» и Богородицу славят: «Яко Спаса родила еси душ наших». В лирике трубадуров, придворных поэтов, мы находим самые разнообразные формы лирического самовыражения. Поэт рассказывает нам о себе, мы погружаемся в мир его души.

О чем же рассказывает нам поэт рыцарской эпохи, кому адресованы его стихи?

Вся средневековая духовная поэзия возносила любовное благодарение Богу за его великую жертвенную любовь к человеку, Богородице-Деве посвящались самые высокие и благоуханные слова, идущие от коленапреклоненного сердца.

Лирика трубадуров по преимуществу любовная, хотя в ней есть и другие жанровые формы, но кансона, то есть любовная песня, получила самую большую известность. Любовные стихи обращены к земной женщине — Прекрасной даме на языке трубадуров. И вот здесь явно проступают те внутренние смещения, которые происходят в культуре, когда она выходит из церковной ограды и пускается в самостоятельное, очень опасное, смертельно опасное плавание.

Как же проявляется болезненный сдвиг культурного сознания, отраженный в рыцарской поэзии?

Жизнь христианина в полноте своей есть богослужение, то есть постоянное благодарное проявление любви к Небесному Отцу нашему. А любовь по сути своей религиозна. Душа не любить не может, иначе она несчастна. Любовь к другому человеку — это всегда лишь ответ любви небесной, потому что истинно любить умеет только Бог, он это открыл человеку, приняв за него жертвенную, жестокую смерть. Любить мы учимся через служение Тому, кто есть Любовь. Кому же служит рыцарь?

Традиционно он служит прежде всего Богу как христианин, затем господину земному, своему сеньору, и, наконец, госпоже, то есть супруге сеньора. К ней он испытывает не просто почтение, но рыцарский этикет обязывает его к любовному служению госпоже, которая является чужой женой. В рыцарской литературе именно это служение выходит на первый план, во всяком случае, рыцарь сражается с именем дамы на устах, а все победные трофеи складывает к ее ногам. Рыцарский роман рассказывает о приключениях рыцаря и о его любви, это любовно-приключенческий роман.

Таким образом, еще христианский мир рыцарской поэзии, а это время позднего Средневековья, уже являет нам деформацию самих основ христианской жизни, явные сдвиги в ней и подмены.

Кульм Прекрасной дамы, например, утвердившийся в рыцарском круге, исходит из первоначального поклонения Богородице, поэтому рыцарская любовь к даме облечена в почтительные формы, включает традиционно высокую лексику. Придворный этикет вменяет рыцарю быть рабом своей госпожи, покорно исполнять все ее прихоти: в основе этой куртуазной игры лежит религиозное послушание, претерпевшее как бы понижение, обмирщение, обытовление. Сама идея любви вассала к супруге своего господина — не христианская, такая любовь в пределе своем стремится к адюльтеру, супружеской измене. И хотя, как правило, в поэзии она носит платонический характер, но формы ее выражения отличаются особой страстностью. Но как красивы эти изящные стихи, как наслаждается слух игрой прихотливых рифм, как изобретателен поэт в воспевании своей тайной и мучительной страсти. А на самом деле эта красивая жемчужина является проводником греха, разрушающим институт брака, подтачивающим сами основы европейского общества. А корни этого заболевания духовные.

Вернемся к Прекрасной даме, узурпировавшей место Божьей Матери, Девы Марии. Как же мог произойти такой обмен небесного на земное, такая профанация, низведение священного до уровня житейского или эстетического? И здесь надо обратить внимание на характер почитания икон на Западе, на то, как Богородица превращается в Мадонну, а икона — в картину. Запад не прошел через иконоборчество, поразившее Восточную Православную Церковь. На защиту святых икон встали монахи, оказавшие упорное и в итоге победное сопротивление ереси иконоборчества, поддержанной им-

ператорским двором и силой земного воинства. Духовные воины-монахи отстояли мистическую сущность иконопочитания. А потом VII Вселенский Собор подтвердил, что икона есть проводник Божьей благодати, что ее образ связан с первообразом, и она может являть его присутствие, участвовать в тайне чудотворения. О чем Библия говорит нам через священное слово, о том икона сообщает нам с помощью красок. Икона приближает нас к сверхчувственному миру.

Этот догмат, выстраданный столетием драматической, а подчас и кровавой борьбы, не был осознан во всей его глубине Западной Церковью. Он был отвергнут ею. Западная богословская мысль сочла, что иконы не имеют никакой принадлежности к первообразу, они служат лишь целям иллюстративно-педагогическим и являются украшением церковного пространства. И этой десакрализацией икон был открыт путь к превращению их в картины на религиозные темы.

Процитирую фрагмент из книги современного богослова Павла Евдокимова «Православие»: «Художники XIV века вводят оптическую искусственность (перспективу глубины, освещение), и это уже более не является искусством трансцендентного. Искусство порывает с <...> канонами, обретает свою независимость, и в этом — секуляризация XIV века. Персонажи — даже ангелы — являются до предела реальными индивидуумами, сотворенными из плоти и крови. Они одеты, как все вокруг, и так же ведут себя, так что образ становится современником художника. Еще немного — и священный сюжет становится лишь поводом, чтобы умело изобразить пейзаж или строение тела. Когда художник начинает угождать восторгам души, духовный диалог умолкает и уступает место эмоции, церковное искусство вырождается в просто религиозное искусство. Это полностью человеческое искусство: от направленности на трансцендентное оно переходит к портрету, пейзажу и орнаменту».

О разности между ликом и лицом (иконой и картиной) очень убедительно написал С. Н. Булгаков в статье, которая называется «Две встречи». Речь идет о знаменитой картине Рафаэля «Сикстинская мадонна». Первая встреча с ней произошла в то время, когда Булгаков был молодым человеком и считал себя марксистом. «Я увидел и с первого же взгляда принял в сердце Сикстинскую мадонну Рафаэля в Дрездене. Это не было чисто художественное впечатление, эта встреча явилась событием моей жизни <...> Я не помнил себя, голова у меня кружилась, из глаз текли радостные и вместе горькие слезы <...> Я (тогда марксист!) невольно называл это созерцание молитвою...»

Через 10 лет, когда определилась его церковная судьба, С. Н. Булгаков снова оказался проездом в Дрездене и с бьющимся сердцем пришел на свидание с ней, с той, которая вызвала в душе его потрясение. «С трудом от волнения подымаю глаза. Первое впечатление было, что я не туда попал и передо мной не она. Но скоро узнаю и убеждаюсь, что это она и, однако, действи-

тельно, но она, или я уже не он. Увы! К чему таить и лукавить: я не увидел Богоматери. Здесь — красота, лишь дивная человеческая красота, но <...> безблагодатность. Молиться перед этим изображением? — да это хула и невозможность! Одно стало для меня несомненно: это не есть образ Богоматери, Пречистой Приснодевы, не есть икона. Это картина, сверхчеловечески гениальная, однако совсем иного смысла и содержания, нежели икона <...> Этим определяется судьба всего Ренессанса как в живописи, так и в скульптуре, и в архитектуре. Он создал искусство человеческой гениальности, но не религиозного вдохновения. Его красота не есть святость...»

В православии строгость незыблемых канонов сохранила духовное измерение иконы еще на несколько столетий. На Руси почитание Девы Марии было прежде всего почитанием в ней Матери Христа, Богородицы-Девы. В западную сакральную традицию через картинное изображение привносятся смыслы, чуждые церковному почитанию. Культ Богоматери начинает тяготеть к перевесу девства над материнством. На картинах символический образ Девы Марии наделяется чертами привлекательной женщины, чертами земной красоты, она становится Мадонной. Мадонна — моя госпожа. Это сокращенный вариант традиционного молитвенного почитания Божией Матери: «Пресвятая Владычица наша Богородица». Владычица есть Госпожа. А когда от этой развернутой формы всеобщего почитания остается сокращенное обращение «мадонна», то оно сближается со специфическим пиететом служения рыцаря своей даме: «моей госпоже».

Чтобы яснее увидеть корни этого западного явления, следует обратиться к еще одной стороне жизни католической церковной традиции. Речь идет о психологизации культа, о крайне эмоциональных формах выражения религиозных чувств. Здесь вообще наблюдается казалось бы неожиданное сочетание схоластического рационализма с его формулой «Понимаю, чтобы верить» и напряженной чувствительности. Если это святость, то она принимает такие экстаичные формы, что на руках и ногах святого появляются язвы, как на теле распятого Христа (так называемые «стигмы»). Если это культ Девы Марии, то доводится он до полного изъятия Богоматери из первоначального человеческого греха. Если строится храм в готическом стиле, то он так неудержимо рвется к небу, что его остроконечные шпили как будто хотят пронзить небесную твердь.

Иван Васильевич Киреевский, написавший в 1852 году замечательно глубокую статью «О характере просвещения Европы», увидел в этом явлении нарушение внутреннего равновесия и, характеризуя западный тип сознания, заметил: «Бесчувственный холод рассуждения и крайнее увлечение сердечных движений почитают они равно законными состояниями человека». Все это отразилось и на характере почитания Богородицы в католической церковной традиции.

И можно в который раз поразиться пушкинскому гению, проникающему в самую суть явления, запечатленного им в поэтическом образе. Ведь в сти-

хотворении, которое является предметом нашего размышления, А. С. Пушкин рассказывает о рыцаре, влюбленно почитающем Деву Марию, как если бы она была его Прекрасной дамой. Это настолько странная для православного сознания ситуация, что А. С. Пушкин облакает свой рассказ в полушутливую форму. Но тайна этого удивительного стихотворения состоит в том, что пушкинского «бедного рыцаря» нам уже забыть невозможно. Его щемяще-печальный образ достигает каких-то заветных пределов нашего сердца и хранится там, на этих глубинах.

О таком впечатлении поведал Ф. М. Достоевский в романе «Идиот», сказав, что ничего нет лучше и выше этого образа.

Как же возводит А. С. Пушкин влюбленного рыцаря к той высоте, о которой говорит Достоевский?

А перед нами тот случай, когда к традиционному литературному образу прикоснулся не просто гений, а гений духовный, великий поэт, и как неожиданно преобразил он привычную схему, наполнив ее религиозным смыслом. Пушкин дерзнул дойти до самой сути, то есть поэтическим языком выразить невыразимое: тайну отношений человеческой души с Богом, самую сокровенную, самую интимную тайну. Он дерзнул перейти порог иного мира, его рыцарь встречается с образом Пресвятой и Пречистой Богородицы. Об этом рассказано так:

Он имел одно виденье,
Непостижное уму,
И глубоко впечатленье
В сердце врезалось ему.

Как удивительно сказалось у Пушкина: «виденье, непостижное уму». Умом познают: знание и сознание — слова однородные, а вот постичь, то есть проникнуть мгновенно, молниеносно в самую суть явления, можно только зрячей глубиной сердца.

Впечатлению, этому эмоциональному движению души, придается здесь сила физического действия. Впечатление, как печать, глубоко врезается в сердце и, как неизгладимый оттиск, навсегда оставляет там свой след.

С той поры, сгорев душою,
Он на женщин не смотрел,
И до гроба ни с одною
Молвить слова не хотел.

Что значит «сгорев душою»? В сердце рыцаря вошел святой образ Пречистой Девы Марии, и сердце его возгорелось духовным пламенем, и пламя это выжгло все страстные стихии души. Душа сгорела как вместилище чувственных ощущений. Он на женщин больше не смотрел никогда, до самого конца, до гроба. Точно раз и навсегда вошло в его сознание, в его внутреннее

зрение видение такой бесконечной красоты, исполненное такого света, что уже нестерпимой кажется всякая измена ему в этом обыденном мире.

Возвратясь в свой замок дальний,
Жил он строго заключён.

И чувство его достигло такой степени аскетизма, такого полного самоотвержения, что освободилось от всего вещного и суетного в абсолютной сосредоточенности на святом лице:

Проводил он целы ночи,
Перед ликом Пресвятой,
Устремив к ней скорбны очи,
Тихо слёзы лья рекой.

Какая высокая душа открывается нам в этих чудных словах о тихих слезах, льющихся из скорбных очей, устремленных на светлый лик Богородицы в ночной тишине. Как пронзительно, как трепетно и обнаженно это предстояние лицом к лицу со святыней в ночном молчании. И как через этот образ приоткрывается нам душа самого поэта, эта интимная глубина его личных отношений с Богом и Пречистой Его Матерью. И какая же это высокая и религиозная душа. Свет и печаль одновременно входят в душу, ощутившую божественное присутствие.

Вот как говорит о молитвенном предстоянии человека перед Богом архиепископ Иоанн (Шаховской): «Что обычно ценится в молитве? Ценят возможность что-нибудь попросить у Бога. Избежать болезней, страданий, смерти — своей или близких людей. Ценят возможность получить какое-либо осязаемое благо, ценное в мире: так называемое жизненное счастье, мирную семью, близкого человека, хороших детей, приятную работу, здоровье, то или другое дело.

Но не только земные нужды одолевают человека и влекут к предстоянию перед Богом. Многие люди ищут и просят в молитве только ценностей духовных: самой молитвы, терпения, любви, кротости, смирения, веры, чистоты, правды. Просят узнать и услышать волю Божью и, услышав, исполнить ее. Достойна всякого почитания высокая, нематериальная цель молитвы.

Самая же высокая молитва, которую не знаешь, какими словами и восхвалить, это молитва, когда человек забывает все цели свои, даже самые высокие, горя одним желанием, как можно ближе придвинуться к Господу, положить к ногам Его голову свою, отдать все сердце свое.

Это есть совершенная любовь и совершенная молитва. Когда хочется лишь Господом дышать, только им жить, Его любить, укрываться в Его близости, в Его неизреченной любви».

И рыцарь бедный отдает все сердце свое и хочет дышать и жить только Ею, Пречистой, Пресвятой, Пренепорочной Матерью Божьей. Так и умер он

«полон верой и любовью // Верен набожной мечте», и Богородица в смертный его час «заступилась за него // И впустила в царство вечно // Паладина своего».

Что в пушкинском рыцаре подкупает прежде всего? — Верность. Вера и верность слова однокоренные. Героиня романа Достоевского «Идиот» Аглая говорит с величайшим уважением, которое вызывает в ней рыцарь бедный, и объясняет это так: «...потому что в стихах этих прямо изображен человек, способный иметь идеал, во-вторых, раз поставив себе идеал, поведать ему, а поверив, слепо отдать ему всю свою жизнь. Это не всегда в нашем веке встречается <...>, а рыцарь выбрал светлый образ чистой красоты, а затем уже преклонился пред нею навеки.» Завершает же свою речь Аглая сравнением пушкинского рыцаря с Дон Кихотом:

«Рыцарь бедный» — тот же Дон Кихот, но только серьезный, не комический. Я сначала не понимала и смеялась, а теперь люблю "рыцаря бедного", а главное, уважаю его подвиги».

С этой трактовкой Достоевского не согласился, правда, другой внимательный читатель Пушкина о. Сергей Булгаков. Он назвал стихотворение Пушкина одним из удивительных его прозрений, но суть этого прозрения выражена у него так: «В этом небольшом романе столь неожиданно бросается ослепительный свет на тайны католического Средневековья и рыцарства, на ложную и греховную мистическую эротику, которая делала Приснодеву, Пречистую и Пренепорочную, предметом мужских чувств и воздыханий, чего вообще не бывало на Востоке, кроме как в туманных низинах гностицизма, но глубоко проникло в душу Западного Христианства, вместе с духом рыцарства и его культом.»

То есть о. С. Булгаков подошел к шедевру А. С. Пушкина как философ — аналитически — и увидел в нем только одну сторону, которая касается тайн католичества, но не принял в образе рыцаря того, что Достоевский назвал подвигом служения идеалу. Это спор религиозного философа с религиозным писателем. О. Сергей Булгаков восхитился способностью пушкинского гения войти в глубину культурно-религиозной проблематики, Достоевский же творческой интуицией проник в тайну самого художественного образа и преклонился перед красотой высокой человеческой души.

Ведь А. С. Пушкин, взявшись рассказать о влюбленном рыцаре, поведал нам о мистической тайне веры как любви. Да, поэт балансирует на опасной тонкой грани, создавая очень сильное смысловое и эмоциональное напряжение, он переходит ту границу, которую опасно переходить, — но все это придает пушкинскому шедевру какую-то особую неотразимость воздействия. И кто хоть раз услышал о печальном рыцаре, чьего слуха хоть раз коснулась чарующая мелодия начальных строк, тот уже никогда не забудет испытанной силы впечатления: таково свойство пушкинского поэтического гения, таково свойство его высокого духа.

В. В. Медушевский

Музыкальное образование в контексте православной цивилизации

Слава Богу, Россия начинает понимать, что иного контекста для нее нет и быть не может. Православная цивилизация — русло ее истории; река ее будущего не прыгает, как зайцы, по полям.

Что иное может быть контекстом? Неужели то, что силой продавливаются в Россию с Запада: жизнь в стиле хищного эгоизма, бешеного наслаждения и разврата, услужение машине, превращающей людей в животных? Но цивилизация животных есть абсурд. Ее обреченность ничем нагляднее не доказывается, нежели фактом стремительного вымирания коренного населения христианских стран, пошедших путем мерзостей. Вот уже США — наполовину не белая страна; ее черная составляющая исламизируется и радикализуется. 60 % французских школьников составляют арабы. Факт вымирания населения России признал ее президент. Цивилизационно-демографическая карта мира меняется на глазах. Куда катится Западный мир?

Не услышит ли вскоре планета ангельский глас: «Пал, пал Вавилон, великая блудница, сделался жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу, пристанищем всякой нечистой и отвратительной птице; ибо яростным

вином блудодеяния своего она напоила все народы»? (Откр. 18: 2–3) Земля будет потрясена — «ибо в один час погибло такое богатство!» (Откр. 18: 17). Кто эта блудница? Как бы нам не оказаться заодно с ней! Как и Христос говорит: «Выйди от нее, народ Мой, чтобы не участвовать вам в грехах ее и не подвергнуться язвам ее» (Откр. 18: 4).

Пробуждению от кошмара безобразий и должно послужить музыкальное образование.

Сопоставимы ли эти величины: пока подспудные, но грозные глобальные изменения демографического лица земли — и музыкальное образование? Не мелочь ли последнее?

Нет, не мелочь. Напротив! Платон говорил: не бывает сдвигов в мусическом искусстве, чтобы тут же не поменялись важнейшие государственные установления¹. Ничто не изменилось с тех пор. Вот только на полградуса снизится духовный тонус цивилизации — и она тут же начинает рассыпаться со стократным ускорением. Чернеет язык музыки, с ней и всей культуры, — и тут же наглет международное законодательство, принуждающее страны и людей ко греху².

Ключ к тайне синхронности дают слова Христа: «От избытка сердца говорят уста. Добрый человек из доброго сокровища выносит доброе, а злой человек из злого сокровища выносит злое» (Мф. 12: 34–35).

Сокровище — это последняя цель, ради которой живут человек, народ, человечество; жизненная программа, стратегия, судьба в мире сем и будущем. Цель выстраивает собой силы души (ума, сердца, воли и внимания), пробуждает или убивает силы духа (совесть, жажду Бога, благоговейный страх Божий), стимулирует или утаскает добродетели веры, надежды, любви, призывает или отторгает благодать (и тогда народом овладевают inferнальные силы разрушения). И вот вся эта потрясающая глубина стратегической установки жизни, которую невозможно охватить и выразить в словах, с документальной точностью запечатлевается интонацией культуры. Музыка, главный ее язык, либо восторгает нас в вечность (потому и волнует, приподымает, рождает крылья), либо низводит до уровня «поколения, которое выбирает пепси», — до животного уровня.

Поучителен пример, которым Господь иллюстрирует мысль о сокровище: «Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда» (Мф. 12: 36). «Праздное» на церковнославянском и по-гречески — «ленивое». Что может быть страшнее холодных слов и дел,

¹ Платон. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 3. М., 1994. С. 193.

² Как еще в середине XIX века показал Данилевский, лишь православная цивилизация истинно толерантна. Для западной, основанной на насилии, толерантность может быть лишь маской. Вот и ныне она прикрывает свирепый тоталитаризм греха: только он вправе вопить о себе на весь мир, и это не называется проповедью, а голос чистоты почитается нарушением демократии.

не наполненных живым смыслом, не вынесенных из истинной сокровищницы сердца, из веры и вдохновения. Этот тягчайший грех — преступное распространение равнодушия и неверия в обществе — тянет за собой всю бездну тьмы, и тогда жизнь окрашивается в цвета крови.

Как бороться с тьмой? С ней не борются — не с чем бороться, ибо не существует в природе лучей тьмы. Наше дело — смиренно загореться светом Божиим, — и тогда тьма отступит. Еще в начале XIX века свт. Иннокентий Херсонский писал о преступном равнодушии к вере в жизни общества. Вот — корень, вот — начало тайны беззакония. Именно здесь, а не в происках врагов — нерв неуклонного разрушения великой державы. Равнодушие — от малости любви. Горячая действенная любовь зарождается в храме, но обязательное условие ее сохранения — свидетельствовать о ней делами жизни. Иначе дар отбирается.

Где наши дела? Отчего мы медлительны в выполнении воли Божией? Разве возвращение страны в уготованное ей от века русло православной цивилизации — не благая участь и не великая творческая задача, обещающая вдохновение? Пророчества однозначно говорят, что воскресшая после мировой бойни Россия воссияет светом надежды для народов. Ждать ли грома, чтоб пробудиться от кошмара лжи? Нет, чем раньше мы проснемся, тем легче и победоноснее пройдем предстоящие испытания.

Какие задачи музыкального образования высвечиваются сверхзадачей становления православной цивилизации?

Прежде всего нужно яснее осознать величие уже достигнутого. Взглянем на факты: двухмиллиардный Восток посылает своих музыкантов учиться в демографически вымирающую (пока не опомнится) Россию. Почему? Потому что сердцем чувствует высоту нашей культуры. И с далекого Запада мы слышим признание великого скрипача, лорда Иегуди Менухина: «Учиться играть можно только у русских!»

Благодатную силу, которая вызвала на свет красоту русской цивилизации, мы и должны раскрыть в первую очередь. Не трезвонить о ней, а стараться лучше разглядеть ее в анализах и выявить в интерпретации.

Но православие — исходно и сущностно — вселенская вера. Дух православной цивилизации требует осознания ее вселенского масштаба. Где появляются границы, там умалется Христос и Его дело на земле. Нельзя православную культуру ограничивать Россией и странами исторически православной ориентации. Народы Запада исторически и сущностно причастны радости вселенского православия, заложившего основы христианской культуры. Каких великих православных святых имеет Запад! Святую Геновеву, молитвой спасшую Париж, прогнавшую от его стен полчища Аттилы, свт. Льва Великого, защитившего Рим от разграбления гуннами... И последующие шедевры западной культуры: произведения Баха, Бетховена, Шопена выростали не столько из повреждений веры, сколько из православной глубины онтологической памяти сердца. И эту православную глубину их музыки

нужно открывать и показывать миру. Идея вселенскости православной веры должна вновь зазвучать победной песней! Собственно, так и делают замечательные исполнители. Вот в последних тактах 24-го этюда Шопена (с *moll*) в исполнении Г. Соколова вдруг открылись мощные, энергичные православные колокола! На какую же высоту пасхальной радости подняли они гениальную музыку Шопена! Сходным образом Рахманинов как исполнитель поднимает на православную высоту всю западную культуру. Православие опытно знает силу «радостотворного плача», когда, подобно меду в сотах (сравнение преп. Иоанна Лествичника), из глубин святой печали проступает такая несказанная сладость любви Божией, которая делает сладостным и само страдание, ибо оно открывается как страдание Божественной любви. Не здесь ли секрет могучей доброты русской музыки, ревностно желающей весь мир видеть спасенным в вечности?!

Метод православного музыкального воспитания — восхождение к божественным основаниям силы и красоты музыки.

Важная задача — выработка теории музыки, адекватной нашей цивилизации. В святой теории музыки должна быть правильно отражена последняя цель жизни. И этим правильным пониманием должны быть пропитаны все ее частные разделы: теория интонации как основного средства музыки, теория сфер храмовой (молитвенной) и внехрамовой музыки, теории жанра, стиля, языка и всех частных сторон муз организации (гармонии, композиции, формы), теория исполнительского искусства.

В правильном истолковании нуждается музыкальная история в контексте общей истории человечества.

Огромные перспективы открываются перед музыкальной антропологией, психологией и педагогикой.

Всякая теория погружена в сферу своей конкретики. Без сотен анализов, дающих видение, общие идеи будут казаться абстракцией. Где не достигается достоверность видения, там нет и доверия теории.

Такой же конкретности жаждет педагогика. И хотя православие позволяет открыть абсолютное начало, которое может быть положено в основу саморазвертывания всей системы музыкальных и гуманитарных дисциплин от начального ядра до цельной картины мировидения, все же одних программ мало. Но и предельно конкретные методички, сводящие ныне скулы зевотой, соединившись с огнем веры, заиграют красками радости.

Возрождение и преображение музыкального образования случится как бы само собой — силой Божией. Цивилизация — не вымученное школьное сочинение. Она — творение Божие при нашем желании сотрудничества. А Господь творит в нас, когда мы нищи духом, то есть, не имея в себе обжигающей Божественной любви и горячо переживая свою немощь, свою неполноту без Бога, всеусильно жаждем близости Божией. И тогда тут же получаем искомое: вдохновение осеняет нас; Святой Дух наставляет наше сердце на всякую истину, какая потребна в наших условиях. Так силой Божией догматика православной цивилизации облекается в цветение культуры и благоухает красотой.

Источник:

*Современное музыкальное образование:
перспективы развития.*

*Материалы всероссийской научно-практической конференции
23–24 ноября 2006 г. Пенза, 2006. С. 32–37.*

Экология творчества в системе К. С. Станиславского

*Константин Сергеевич
Станиславский*

В наши дни катастрофически тревожно звучит слово «экология». И все очевидней становится параллелизм процессов, происходящих в природной и духовно-нравственной среде. В погибающий природный мир мы можем смотреться как в зеркало... К сожалению, эта горькая истина большинством (да и большинством ли?) людей осознается лишь сейчас, когда многие болезненные процессы зашли слишком далеко. Однако уже в начале XX века одно из ключевых мест в русской и мировой культуре занял человек, который обладал удивительной интуицией в сфере изучения природы и нравственной экологии художественного творчества, почти никому тогда еще не знакомой. Это был основатель русского режиссерского театра К. С. Станиславский.

Он говорил о коренной связи отечественной культуры с родной землей: «Чтобы понять нас, а следовательно, и то искусство, которое мы создаем, надо иметь в виду землю, природу, корни, от которых растет наше родовое древо, которого мы являемся сучьями и листьями. Наше искусство еще пахнет землей. Ее аромат ощущается и в произведениях Глинки, Даргомыжского, Мусоргского, и в картинах, и в творчестве Пушкина, Гоголя, Толстого, и в игре Ермоловой, Щепкина, Садовского, Шаляпина...»¹

На этом основании великий русский режиссер считал необходимым заботиться о тщательной разработке природной среды вокруг человека на сцене. Издержки натурализма в его творческих поисках были кратковременным

¹ Станиславский К. С. Из подготовительных материалов к книге «Моя жизнь в искусстве». Музей Московского художественного академического театра. Архив К. С. Станиславского.

и преодоленным этапом. Между тем великого режиссера и его театр продолжали, да и по сей день продолжают попрекать в «бытовизме» и «внешнем жизнеподобии».

Станиславский с горечью писал: «Нас однажды и навсегда объявили театром быта, натуралистических и музейных подробностей и внешней постановки. Это недоразумение укоренилось, живет в обществе до сих пор, хотя за последние четверть века мы успели пройти долгий путь по самым разнообразным, противоположным друг другу этапам художественного развития и пережить целый ряд эволюций и обновлений. Но таково уж свойство общественного мнения: раз уставившись в одну точку, оно только ее одну и видит. Утвердившаяся тогда за нами репутация оказалась непоколебимой. На самом деле наш театр всегда был иным, чем о нем думают многие. Он возник и существует *ради высших задач в искусстве*²».

Одной из таких «высших задач» было утверждение внутренней взаимосвязи Богом созданного природного мира и человеческой души, «по природе своей христианки». Принципиальным было в нашем отечественном искусстве возвышенно-одухотворенное отношение к природе, преклонение перед ее живой гармонической тайной. Столь же присущим ему было покаянное признание, что человек разрушает и окружающую, и внутреннюю природу (природу души) на путях своей «призрачной свободы».

Режиссура Станиславского в этом отношении оказалась глубоко родственной драматургии А. П. Чехова (вспомним: едва ли не в каждой его пьесе есть символически осмысленная тема страдающей и гибнущей природы). Чеховские пьесы на сцене Московского художественного театра предвосхищали то, что потом оказалось в центре научной проблематики XX века, когда человек был осознан как основной, наиболее ответственный участник судьбы всего природного космоса, создатель так называемой «ноосферы». Об этом писал в книге «Размышления натуралиста» академик В. И. Вернадский. И еще в 1917–1922 годы другой ученый-энциклопедист, о. П. А. Флоренский, утверждал, что человек есть сумма мира, сокращенный конспект его; мир есть раскрытие человека, его проекция...

Созидание на мхатовской сцене тщательно проработанной природной и бытовой среды означало, таким образом, не внешнее жизнеподобие, а стремление как можно полнее раскрыть внутренний образ человека.

Однако природа волновала Станиславского и в совсем ином, наиболее таинственном своем аспекте: по сути дела, он всю жизнь занимался поиском и выявлением органической творческой природы человека-артиста. Именно из этого источника, считал режиссер, могли рождаться высшие и всегда неповторимые минуты вдохновения, объединяющие сцену и зал. Он был убежден, что для творческой природы нет искусственных заменителей. Он протестовал против всякого рода насилия над нею и стремился создать наиболее

² Станиславский К. С. Моя жизнь в искусстве. М., 1983. С. 219.

благоприятные условия для высвобождения ее колоссальной духовной энергии. «Как можно ближе подойти к природе творчества — вот в чем заключается забота всей моей жизни»³, — говорил он.

Станиславский считал, что органическая творческая природа человека скрыта в самых заповедных тайниках его личности. Поэтому основным принципом его системы был выход через сознательную психотехнику к под-сознательному творчеству артиста. «...Без подсознательного творчества нашей душевной органической природы, — предостерегал он, — игра артиста рассудочна, фальшива, условна, суха, безжизненна, формальна. Старайтесь же открыть на сцене широкий доступ творческому подсознанию!»⁴

В области защиты творческой природы человека нравственно-экологическая интуиция Станиславского оказалась изумительно чуткой, опередив не только свое, но и наше время. Режиссер словно предвидел, под какой угрозой загрязнения, иссушения окажется в XX веке заповедный творческий родник, какие неистовые атаки зла испытает именно эта важнейшая духовная зона человеческого существования, сколько здесь окажется ложных приманок. Он предугадал, как искусно и искусственно будет смешиваться добро и зло, как их будут менять местами, как исказятся и нарушатся все нравственные нормы бытового и творческого поведения, как начнет ослеплять людей фальшивый блеск эпатажных зрелищ и одурманивающих шумовых эффектов, как истерзает их пошлая суета мелких амбиций и модных мнений...

Пафос Станиславского в сфере экологии творчества был — и остается — непонятен многим. Но это не значит, что он — одинокий чужак, донкихотствующий мечтатель. Напротив, его художественная «система» оказалась на пересечении, во-первых, магистральных поисков европейской философской мысли, во-вторых, наиболее ценных наблюдений, накопленных мудростью Востока, и, наконец, в-третьих, основного русла нашей отечественной — в истоках своих православной — духовно-эстетической традиции. Попробуем вкратце проследить эти пути.

В содержательной статье А. В. Маркидонова, в которой исследуются проблемы творчества в свете христианского мировоззрения, есть важное напоминание о том, «какой подчеркнуто бессознательный (безвольный) и тем самым божественный характер являет творчество в до и вне христианской, например греческой, духовной традиции»⁵.

Далее приводятся мысли Платона о том, что «все хорошие эпические поэты слагают свои прекрасные поэмы не благодаря искусству, а лишь в состо-

³ См.: Прокофьев В. Н. В спорах о Станиславском. М., 1976. С. 42.

⁴ Станиславский К. С. Собр. соч.: В 8 т. М., 1954. Т. 2. С. 355.

⁵ Маркидонов А. В. Риск эстетического: к вопросу о возможности христианской культуры // Христианство и культура: Сб. науч. трудов. СПб., 2001. С. 71.

янии вдохновения...» (Платон. Ион. 553-е), что красноречие Гомера было движимо божественной силой, сравнимой с силой магнита.

«Именно магнетический характер „творческого процесса“ здесь (как, впрочем, архетипически, и для всякого христиански не преображенного вдохновения) задает поляризацию человеческого искусства (умения) и божественной творческой силы. “Ведь не от умения они говорят, а благодаря божественной силе <...>. Ради того Бог и отнимает у них рассудок и делает их своими слугами, божественными вещателями и пророками, чтобы мы, слушая их, знали, что не они, лишенные рассудка, говорят столь драгоценные слова, а говорит сам Бог и через них подает нам свой голос (Ин. 5:34)”⁶.

Проблема соотношения «сознание — бессознательное» в творчестве вновь была поставлена европейскими философами в XIX веке. И с тех пор интенсивно разрабатывалась⁷.

Первым был А. Шопенгауэр. Он считал своей главной заслугой то, что ему удалось «впервые за тысячелетия философского искания совершить перестановку исходной точки зрения»⁸ и сделать вывод, что первична бессознательная воля, а не сознание. Однако бессознательная воля к жизни не обладает, по Шопенгауэру, творческой активностью. Ее активность вожделеющая, эгоистическая, слепая. Нередко, излагая учение немецкого философа, исследователи умалчивают о его оценке бессознательной воли, искажая тем самым смысл учения. Между тем Шопенгауэр находил «ужасным» устройство жизни только на биологических основаниях, в которой «всякий охотится и за всяким охотятся», где царят нужда, горе и страх, бесконечный труд ради «удовлетворения голода и полового инстинкта».

Освобождение от вожделеющей бессознательной воли получает в виде исключения «гений», поскольку он наделен неординарным интеллектом и потому способен достичь свободы, безмятежности, созерцательности, Такое «безвольное», «чистое» созерцание, по Шопенгауэру, творчески активно.

Однако гений, замечает философ, может стать высокомерным, жить в «гордом и заносчивом пренебрежении другими». Поэтому гораздо выше гения «человек с добрым сердцем»: «Доброта сердца <...> несравнима ни с каким совершенством»; «что в сравнении с этим остроумие и гениальность?»⁹ Такие люди испытывают «беспредельное благоговение» к другим, они «в жизни не отступали от тяжких жертв, чтобы хранить честь и верность, оказывали помощь, прощали, лучше относились к людям, чем

⁶ Там же.

⁷ Подробнее об этом см.: Сокурова О. Б., Флегонтова С. М. Сознание и бессознательное в структуре творческой личности // Диалектика сознательного и бессознательного: Межвузовский сб. науч. трудов. Л., 1988.

⁸ Шопенгауэр А. Собр. соч. М., 1902. Т. 2. С. 197.

⁹ Там же. С. 233, 234.

они к ним»¹⁰. Для них характерна глубокая серьезность и тихая радость. Нравственный человек («доброе сердце») определяется в своем поведении ясным и твердым сознанием. Парадоксально именно то, что, будучи по распространенному мнению иррационалистом, Шопенгауэр плодотворно исследовал типы сознания. При этом он не усматривал многообразной качественности в бессознательном. Последователи философа пытались восполнить пробелы его концепции, но в итоге, как правило, обедняли и упрощали взгляды учителя.

Э. Гартман, ближайший по времени последователь Шопенгауэра, в книге «Сущность мирового процесса, или Философия бессознательного» увидел именно в бессознательном источник творческой активности. Напротив, «сознательный разум <...> никогда не действует произвольно, творчески, никогда не изобретает»¹¹. Таким образом, он как бы вывернул концепцию Шопенгауэра наизнанку, оценив прямо противоположным образом творческую значимость сознания и бессознательного. При этом, сведя мировой процесс к дуализму сознания и бессознательного, он исключил из него нравственное сознание и тем самым открыл дорогу пессимистическому нигилизму во взглядах европейских мыслителей XX века.

Проблема соотношения сознания и бессознательного получила дальнейшую разработку в философских трудах Ф. Ницше, А. Бергсона, З. Фрейда, К. Юнга и их последователей.

Бессознательное, считал Ницше, — это «творческая единственность», которую каждый человек несет в себе, но не каждый ее в себе открывает. Для этого нужно личное мужество, «безбоязненное самопознание», риск одиночества. Такими качествами обладают «спасительные люди», «освободители». Это не тихие, сострадательные образы философских размышлений А. Шопенгауэра. Основное их качество — «победительность». Что победил такой человек? Чем он спасает других? Он отважился быть собой, соединил в себе сознание и творческое бессознательное, обрел здоровую целостность, отказался от лицемерия современной образованности: «Быть образованным значит ныне — не давать заметить, как жалок и дурён современный человек, как он хищен в своих стремлениях, как ненасытен в накоплении, как своекорыстен и бесстыден в наслаждении»¹². Сохраняя цельность, «спасительный человек» чувствует себя постоянно растущим, бесконечным. По мнению Ницше, «гений сильнее других стремится к святости»¹³. Однако стремиться — не значит достигать.

Делая акцент на единственности, исключительности творческой личности, Ницше вел ее не столько к самосознанию, сколько к самоутверждению,

¹⁰ Там же. С. 294.

¹¹ Гартман Э. Сущность мирового процесса, или Философия бессознательного. М., 1873. С. 287.

¹² Ницше Ф. Полн. собр. соч. М., 1909. Т. 2. С. 229.

¹³ Там же. С. 201.

духовной гордыне, порождающей презрение «спасительного человека» к тем, кого он собирается спасать. (Еще Ф. М. Достоевский в связи с проблемой Ивана Карамазова писал: «Вопрос ставится у стены: Уважаете вы человечество или презираете, вы, будущие его спасители?») «Веселость победителя» вытеснила в учении Ницше чувство сострадания к людям и трезвого внимания к себе. Это, как свидетельствует судьба философа, был смертельно опасный путь...

К. Юнг и как психолог, и как философ пытался уточнить «путь к себе» через «путь к другим», через связь сознания и бессознательного. Целостность, ясное самосознание, творческая активность, считал он, становятся органичным достоянием человека только тогда, когда он достигает глубин «коллективного бессознательного», которое «братолюбиво» по своей сути. Юнг утверждал: «Безмерно древнее психическое начало образует основу нашего разума»¹⁴.

Поначалу в своих размышлениях о природе бессознательного Юнг следовал за основоположником психоанализа З. Фрейдом, но затем в ряде принципиальных положений разошелся с ним. Он пришел к выводу, что предложенная фрейдизмом модель духовной жизни опирается на методологически сомнительное допущение, будто все высокие и сложные формы бытия и культуры непременно должны быть без остатка сведены к некоему простейшему началу и тем самым «разоблачены» в качестве иллюзий. Высшее нельзя сводить к низшему.

Фрейд фактически перечеркнул ценностную вертикаль культуры. Он оставил личности лишь горизонтальное пространство «вожделений», описанное впервые Шопенгауэром. Творческий человек, считает Фрейд, эмоционально холоден, и потому он объективен в своем исследовании мира. У него нет страха перед бессознательным, нет авторитета, задерживающего его познавательный интерес. Он словно бы разорван между двумя полюсами: с одной стороны, у него свободное от эмоций сознание, холодный и потому лишенный страха беззащитный интеллект, с другой стороны — хаос эмоций и страстей, порожденных животными инстинктами. Единственно доступная «высота» для творческого человека — знание об этом разрыве, о изменности бессознательного, «общего всем людям».

Казалось бы, целый ряд художественных направлений в искусстве XX века подтвердил обоснованность фрейдистской концепции. Они словно бы устремились к двум полюсам: рационализации, схематизации образа (например, в конструктивизме или отчасти кубизме) или изображению хаоса, распада, иррациональных начал бытия (экспрессионизм, дадаизм, сюрреализм и т. д.). В этой болезненной поляризации отразился внутренний разлад в человеке и мире.

¹⁴ Юнг К. Г. Архетип и символ. М., 1991. С. 64.

В начале века у нас, в России, Андрей Белый дал емкую и точную формулу: «**В числе и хаосе разорванное бытие**». Образная конкретизация этой формулы была осуществлена Белым в его романе «Петербург». Тема разрыва между «сознательным» и «стихийным» оказалась одним из главных лейтмотивов романа. Сама «душа города», построенного над зыбкой бездной болот и расчерченного безукоризненно прямыми рациональными «перспективами», содержит в себе, как показывает писатель, противоречие, грозящее катастрофой. С холодной точностью работает государственная бюрократическая машина, а тем временем в туманном мареве столицы, в сырых и темных закоулках то и дело мелькает убийца в красном домино. Город, мир, история словно бы повисли над бездной и несут в себе тот же трагический разлад, какой проник даже в отношения близких людей (отца и сына Абреуховых), и еще глубже — в их души. (Пресловутая бомба-сардинница — не только внешняя угроза: она «тикает» едва ли не в каждом персонаже романа, грозя разорвать его внутренний мир).

«Петербург, — писал А. Белый Р. В. Иванову-Разумнику 13 декабря 1913 года, — есть в сущности зафиксированная мгновенно жизнь подсознательная людей, сознанием оторванных от своей стихийности <...>, кто сознанием не жвивается в мир стихийности, того сознание разорвется в стихийном»¹⁵.

Над этой же проблемой (как сознанием «вживаться» в мир стихийности), взятой в аспекте творчества, работал в первые десятилетия XX века К. С. Станиславский. С помощью сознательно разработанных приемов психотехники он словно бы пробуравливал скважину в глубины человеческой личности — с тем, чтобы оттуда забил живой ключ творческой бессознательной природы. Знание путей выхода к творческой стихии, умение не потеряться в ней, управлять ею, создавать на ее основе образцы высокого искусства, сохраняющие, однако, бесконечную подвижность самой жизни, ее теплоту и тайну, — вот чего хотел добиться режиссер, создавая свою «систему». При ее разработке он учитывал не только теоретические разработки Запада, но и практический опыт Востока.

Одно время он искал пути освобождения актера от ненужных физических и психологических «зажимов» и обратил внимание на то, что в некоторых восточных системах для достижения подобного «освобождения» в течение определенного времени стремились выработать положительные навыки и привычки, на которых очень сильно было сосредоточено сознание. Закрепив эти навыки, восточные учителя занимали сознание чем-то другим, более важным, передав подсознательной сфере дальнейшую работу в заданном направлении. Станиславский обнаружил, что таким образом они приближались к бессознательному через сознательные приемы, и взял этот способ на вооружение, творчески развив и преобразовав его.

¹⁵ Цит. по: Максимов Д. Е. Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1975. С. 54.

Он сделал открытие, что сосредоточенность сознания актера на больших содержательных задачах раскрепощает его, дает возможность творческому бессознательному точно и вдохновенно находить единственно верную форму актерского поведения. Поэтому Станиславский направил сознание актера на «что» (содержательный аспект) сверхзадачи, доверив «как» (способ актерской игры) его творческому бессознательному. «Как» может варьироваться, приобретать каждый раз новые краски и оттенки. Должна быть застолблена смысловая линия действия, все остальное — вплоть до мизансцен — может и должно быть живым, подвижным, неповторимым.

Это замечательное прозрение отнюдь не утратило художественной перспективности. Станиславский утверждал: «Экспромты бессознания в выполнении *как* каждый раз и при каждом повторе творчества гарантируют роль от застывания. Они освежают, дают жизнь и непосредственность нашему творчеству. Есть актеры, которых гораздо больше интересует не *что*, а *как*. Они доводят это *как* до виртуозности, до сознательного и однажды и навсегда зафиксированного трюка. Это трюкачество. Тем, кто хочет избежать такой участи, надо рекомендовать как раз обратный путь творчества: пусть они в момент творчества думают только об основных задачах, указующих творческий путь вехах (*что*). Остальное (*как*) придет само собой, бессознательно»¹⁶.

Творческие возможности бессознательного Станиславский считал поистине неисчерпаемыми. Именно в умении довериться бессознательному (которое он отождествлял с подсознанием) он видел возможность для актера быть поднятым на волну вдохновения. Выступая в Оперно-драматической студии 11 ноября 1935 года, он предложил слушателям такой образ: «Вот вы подошли к океану подсознания, одна волна смочила вам ступни ног, потом другая охватила вас до колен, наконец, третья унесла в океан, а затем опять выбросила на берег. Все это моменты подсознательного творчества... Я верю, что у Ермоловой были такие моменты, а у Сары Бернар, конечно, нет. Сыграть спектакль, имея 3–4 таких момента, уже хорошо»¹⁷.

Однако погружаться в стихию подсознательного без содействия оценивающего, опытного, имеющего четкие нравственные ориентиры сознания чрезвычайно опасно. Зрелый Станиславский хорошо понимал это. Именно в период работы над «Этикой» (необходимой и основополагающей частью системы) становится очевидной прочная генетическая связь великого реформатора русского театра с духовными традициями отечественной культуры. В ее православной почве прочно укоренено учение о «низведении ума

¹⁶ Станиславский К. С. Собр. соч. Т. 4. С. 458–459.

¹⁷ Станиславский К. С. Стенограмма беседы в Оперно-драматической студии от 11 ноября 1935 г. Музей Московского художественного академического театра. Архив К. С. Станиславского.

в сердце», об очищении сердца от всякой скверны сосредоточенным и взыскающим умом, о восстановлении целостного человека.

Станиславский, наследуя эту традицию (быть может, на уровне бессознательного), неоднократно говорил о единстве ума, чувства, воли. Он считал, что цельность, «целомудрие» свойственны человеческой духовной природе в ее первозданном состоянии. И подобно другим русским художникам, он с неколебимой твердостью верил в то, что эта природа является не только творческой в своей основе, но еще и изначально доброй (именно поэтому несовместимы «гений и злодейство»). Но первозданность утрачена. Природа человека повреждена грехом. Поэтому и природа творчества нуждается в своего рода «экологической защите». Станиславский требовал, чтобы актер неустанно заботился о своем «душевном хозяйстве», призывал его к постоянному бодрствованию совести: только уничтожая сорняки зла на сердечном поле, можно ожидать, что это поле принесет обильный творческий плод.

Очень значимой представляется в данном отношении роль сознания — то, как понимал ее Станиславский. С одной стороны, она была служебной, поскольку сознание обеспечивало подготовительную работу для создания наиболее благоприятных условий, в которых должна выявиться бессознательная творческая стихия. С другой стороны, сознание выполняло направляющую, главенствующую роль, когда после большой предварительной работы предоставляло этой стихии находить верную форму («как») исполнения роли, а само всецело сосредоточивалось на содержании («что»), на сверхзадаче спектакля.

Эта диалектика функций сознательной деятельности представляется глубоко верной и здоровой. Сознание — одновременно и слуга, и господин, что не дает ему ни превозноситься (впасть в гордыню), ни терять своего ведущего — и потому очень ответственного — значения. Это отчасти напоминает (разумеется, на совсем другом уровне «умного художества») православную исихастскую традицию: ум смиренно «нисходит» в сердце, чтобы по органически свойственной ему способности контролировать сердечные движения и направлять продвижение личности к «сверхзадаче» духовного преобразования в божественном Фаворском свете. Еще раз оговоримся, что в разговоре о светском, даже великом, искусстве не может идти речи о такой духовной высоте, но нельзя не признать, что и здесь (на своем месте и в своих границах) может существовать осознанная устремленность к триаде Красоты, Истины и Добра.

Станиславский часто отождествлял понятия подсознательного и сверхсознательного. Потому что существует духовный парадокс единства глубины и высоты — в подсознательных глубинах личности как раз и обнаруживается сверхличное, божественное начало.

В учении Станиславского вырастает духовная творческая вертикаль, устремленная одновременно вглубь и вверх. Такая вертикаль характерна для

нашей отечественной культурной традиции, и она всегда была по сути своей христианской, призывая к пути спасительного восхождения каждого человека. Станиславский не раз говорил, что ему нужен зритель, который ищет в театре не развлечения, а направляющий «ключ к жизни».

Будучи режиссером по призванию, то есть человеком, обладающим особым даром «сопрягать» взаимоотношения людей, явлений, событий, обеспечивать единство разнородных эстетических сфер, Станиславский был особенно чуток именно к проблеме универсальных связей и в жизни, и в искусстве. Его теоретические работы ценны тем, что постоянно напоминают нам о взаимной необходимости друг другу ума и сердца, сознания и бессознательного, божественного вдохновения и отточенной техники. Всякое обособление каждого из членов таких «бинарных единств» грозит неправдой и бедою.

Личность, творчество и мысли Станиславского напоминают о всеобщей гармонии. И самого его нужно изучать, понимать не «на особинку», а в связи с общечеловеческим и национально-культурным поиском решения некоторых жизненно важных проблем.

Пришло время для свежего, непредвзятого, свободного от критических и теоретических штампов взгляда на то, что сделано этим по-рыцарски благородным и бескомпромиссным художником. Пришло время понять, насколько необходима и неотложна в наши дни его экологически чуткая забота о сохранении, защите, очищении творческой природы личности.

Георгий Свиридов и традиции русской духовной культуры

Георгий Васильевич Свиридов

Музыка Георгия Васильевича Свиридова одухотворена поэзией, звучанием русского слова и его смыслом, композитор чувствовал слово и как музыкант, и как писатель. Мои оценки словесного дара Свиридова можно считать преувеличенными, если бы подтверждения тому не исходили от таких писателей как Валентин Распутин и Владимир Крушин.

Чувство слова, его формы и сути сказались, разумеется, в сотворенной им музыке, но публикация записей, дневников композитора открыла Георгия Свиридова — мыслителя, продолжающего тот особый род русской литературы и философии, который хорошо известен «Дневником писателя» Ф. М. Достоевского, «Окаянными днями» И. А. Бунина, «Нашими задачами» И. А. Ильина.

Русская философия — это поэзия мысли, реализованная в соединении глубины смысла и совершенства формы, это чувственно-просветленная стихия мыслей и стихи мыслей.

Если тождество философа и писателя — неоспоримый факт русской духовной истории (Достоевский, Толстой, Хомяков, Константин Леонтьев), то соединение композиторского дара с даром писательским и философским — уникально выразилось лишь у Георгия Свиридова. Разумеется, можно припомнить примеры словесного таланта композиторов XIX столетия, равно как и поэтов, даровито выразивших чувства в музыке (вальс А. Грибоедова — наиболее известен), оставили великие композиторы и любопытные мемуары, однако записи Свиридова лишь внешне могут напоминать мемуары.

Свиридов жил в тот период нашей истории, когда русских мыслителей в России не было — именно как национальных мыслителей, не было в том сообществе, которое именовалось «советскими философами», представители которого подчас достойно, весьма квалифицированно трудились в Институте философии АН СССР или в университетах, но на поверку оказались

либо национальными евнухами, либо вовсе ненавистниками национальной русской традиции в философии, либо, в лучшем случае, не вполне сознавали свое предназначение. Философы советского периода, в большинстве своем, оказались мотыльками, подобными эстрадным звездам, кратковременно популярным, но исчезающим бесследно в следующем поколении. Конечно, были А. Ф. Лосев и М. М. Бахтин, но их и не отнесешь к советским философам — оба прошли через лагеря, оба обрублены были в проявлении заложенной в них мощи национального мыслителя; были Э. В. Ильенков и Г. С. Батищев, однако почти все их творчество развивало немецкую традицию философской культуры, лишь в последние годы жизни Батищев осознал себя православным русским человеком и пытался направить свой талант в русло национальной традиции. Национальное самосознание русского народа если и пытались выразить, то вовсе не профессиональные философы (напомню о трудах В. Кожина, Ю. Селезнева, И. Шафаревича).

Свиридов мыслил органично, ему чужды были всякие попытки вычурно, наукообразно, модернистски выразить что-либо в слове, равно как и в музыке. Это свидетельство огромной самостоятельности личности, которая ничего не имитирует, не упражняется в иноязычных словах, дабы продемонстрировать некую элитарность, осведомленность в сверхсовременных течениях. В действительности же имитаторы, бойко рассуждающие о сюрреализме, экзистенциализме, отличающие трансцендентальное от трансцендентного, остаются пустышками в творчестве. Только тот и шагнул к вершинам творчества, кто смолоду избежал имитаторства. Так было с Шукшиным, который во вступительном сочинении на режиссерское отделение института кинематографии разглядел никчемность молодых людей, пускающих пыль в глаза заумью слов, но не несущих в себе глубины культуры.

Беда состоит в том, что это лишенное корней псевдоинтеллигентное, спянное неприятием исторической русской традиции в музыке, литературе, в бытовой и религиозной культуре, коррумпированное этим неприятием общество изображает свое превосходство над народом и его историей, диктует вкусы. Псевдоинтеллигенция всячески насаждает антитрадицию, «искусство агрессии, насилия и воинствующего зла, попирает человеческое и национальное достоинство, любовь народа во имя торжества военизированно организованного меньшинства, желающего духовно править миром»¹.

То, что Свиридов еще в конце 70-х годов XX столетия называл дурновкушем, заполонило к началу XXI столетия все программы русского телевидения, всю массовую прессу и даже литературу, а уж тем паче — сцены, арены, где звучит музыка для наркотизированной толпы. Они не ведают, что, убивая культуру, готовят и собственную гибель, ибо у толпы, в отличие от народа, зоологизм проявляется не только в эстетических вкусах.

¹ Свиридов Г. Музыка как судьба. М., 2002. С. 231.

Эти мотыльки, тем не менее, развращают народ, превращая его в толпу, в население, танцующее под чужую музыку, разучившееся петь колыбельные песни, не знающее народных песен, порвавшее родство с исторически определившей всю судьбу России религией — православием.

Свиридов был русским интеллигентом, а не российским, он четко и чутко чувствовал, что подлинное в культуре всегда национально, будь то хорошая народная музыка, сочинение профессионала-композитора, литература или живопись.

Модернизм, антитрадция, презрение к преемственности в культуре — для Свиридова синонимы разложения, агрессивной наглости, бездушия и бездуховности. Были Бурлюки, «никто не помнит их стихов, — отмечает Свиридов, — но их создавали не для вечности»². Они бурлят, а нынче еще и каждодневно мельтешат на телевизионном экране, их имена на слуху, хотя никто по-прежнему не может сказать, а что же такое значительное создано ими. «Их удел, — продолжает размышлять Георгий Свиридов, — не в создании бессмертных ценностей, а в унижении, в оплевывании созданного великого <...>, задушить в колыбели живые творческие чувства, живые проявления человечности, национального характера, их желание — лишить нас чувства родства со своим прошлым, чувства своей истории, чувства связи с прошлым и грядущим»³.

Мыслитель ведет речь о самой возможности существования русского человека, ибо постепенное анти- и псевдонациональное воспитание фактически убивает русскость в культуре. Попробуйте посмотреть детские телевизионные, музыкальные хотя бы, конкурсы, фестивали, шоу с тех позиций, о которых столь напряженно и систематически писал Свиридов. Бесконечное подражательство блудливым взрослым кумирам, торжество биологизма в ритмике, а если и использование национальных мелодий, то ерническое, карикатурное.

Порой Свиридовым овладевает отчаяние, а может быть, строками своими он силится призвать русского человека к гордости, к творческому пробуждению, к желанию не исчезнуть с лика земли. Он пишет о народе, «который без веры, без идеи бредет по свету и с которым можно делать все, что угодно, ибо он утратил высший смысл существования и обеспокоен лишь заботой о куске хлеба. Это — великое унижение, в которое впал наш народ, и пока он не возьмется за ум, не стряхнет с себя рабство и жирных пауков, присосавшихся к его телу, он останется униженным рабом и будет истреблен, что может произойти гораздо быстрее, чем мы думаем»⁴. «Нации Русской — больше нет, — горько восклицает он. — <...> Кто же поддержит тебя? Кто укрепит твой Дух?»⁵

² Там же. С. 232.

³ Там же. С. 373.

⁴ Там же. С. 284.

⁵ Там же. С. 552.

Ответ на этот вопрос дает многократно сам Георгий Свиридов.

Обыватель, поверхностный человек, убежден, что он знает все на свете, отмечал Свиридов, мыслящий же человек сознает, что мир наполнен тайнами, и «самая же великая тайна есть — Христос»⁶.

В том, что Свиридов умел преодолевать обыденный, привычный взгляд на события, людей, книги — убеждаешься едва ли не на всякой странице его записей. Кто, допустим, из старшего поколения не помнит бездумно лозунг Ленина «превратить империалистическую войну в войну гражданскую», Свиридов же обнажил зловещую суть этого лозунга, разжигающего вражду внутри народа, натравливающего одни народы или слои народа на другие, породившего тотальную «эпоху Террора, не прекращающуюся до сего дня»⁷.

Конечно, Свиридов более всего проник в тайны русскости через музыку. Русская нация — это поющая нация, без хорового пения не было ни свадьбы, ни церковного праздника, ни прощания — будь то прощание перед походом на войну или прощание с земным бытием человека. Исчезновение пения, особенно хорового пения, для Свиридова — симптом угасания русскости, русской культуры, знак того, что с русским человеком происходит болезненная деформация.

Сколь высоко он видел идеалы духовности в их музыкальном воплощении, ясно по написанному о «Всенощной» Рахманинова. Свиридов признается, что безумно любит музыку Рахманинова, но не прячет и высшего измерения музыки, «того, что составляет главное, Божественное в Христе», а в музыке Рахманинова «нет Таинства, мистичности Его Страшных Тайн, нет чувства Запредельного Восторга, Космического Вселенского пространства»⁸. Правда, тут же Свиридов признает всю недостижимость идеала, которая во все не относится только к Рахманинову: «Этого вообще нет ни в какой музыке». Но все же Свиридов, словно вслушавшись мысленно или припомнив, замечает: «Зато одна песнь — „Ныне отпускаеши“, песнь Симеона-Богоприимца — представляет собой шедевр наивысшего достоинства по красоте, по глубине, по Христианству...»⁹ Не знаю, слушал ли Свиридов «Всенощную» в звучании хора Владислава Чернушенко до этой своей заметки, но чувства «изумления, потрясения, внезапной тишины» все-таки при этом звучании возникают не однажды, и, возможно, тут мы можем поспорить с великим композитором.

Свиридов определенно связывал назначение искусства с духовностью: «Искусство — то, чем питаются духовно»¹⁰. Следует при этом избежать двусмысленности, размытости в постижении духовности, столь распростра-

⁶ Там же. С. 396.

⁷ Там же. С. 401.

⁸ Там же. С. 408.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 392.

нившейся в мире нынешних растекшихся в неопределенность ценностей жизни и культуры.

Духовность в русской традиции означала стремление к идеалу и его утверждение в жизненных поступках, делах на путях православия. Народное и церковное искусство во все века держалось стержня духовности, но профессиональное искусство, особенно XIX–XX веков часто становилось искусом и предавало забвению то, что сделало русскую культуру русской, своеобразной. Находились все-таки, по мысли Свиридова, композиторы — особенно Мусоргский, который открыл заново корневое русское музыкальное искусство, «оно получилось из слияния древнего Византийства, попавшего в Россию, попавшего в глушь ее (на Север), в раскол, в культурную изоляцию, и там расцветшее невиданным цветом. Его не коснулось секуляризованное, обмирщенное, филистерское искусство Европы, абсолютно лишенное Божьего Духа»¹¹.

Традиция для Свиридова — вовсе не косность, «традиция — есть живой, бесконечно меняющийся механизм. Одна лишь сердцевина его цельна. Она подобна цельному ядру, излучающему грандиозную энергию. Это ядро — суть нравственная идея жизни, смысл ее существования»¹².

Вал псевдокультуры потому и враждебен подлинной культуре, что деформирует, сокрушает духовно-нравственные основания национального бытия.

Свиридов знал, что постиг истинное различие между духовностью и псевдодуховностью, между культурой и суррогатами культуры, он многократно искал лишь точной формы выражения этих мыслей. Еще в 70-е годы, то есть за четверть века до капитализации нашей страны, он писал о лавочном, коммерческом духе господствующих веяний в музыке, поэзии («претенциозные глупости и совершенно ничтожные мысли Вознесенского» и т. д.), но и это ему казалось еще не точным выражением сути происходящего: «Дело не в коммерции, — находит он верные слова, — а во власти над душами людей, над миром»¹³.

Европеизация России, осуществляемая активно и подчас насильственно со времен Петра I, выражается, в частности, в рационализации жизни и мышления. Свиридов чувствовал пагубу рационализма в творчестве, в самом образе жизни и мыслей русского человека. Творчество не может быть рационализировано, даже «творческая идея — плод колоссального осознания труда и бессознательного вдохновения, <...> она несет в себе черты неосознанного, бессознательного, интуитивного»¹⁴. Эта мысль, разумеется, не впервые высказывается, но то, что русская культура обостреннее, ярче

¹¹ Там же. С. 407.

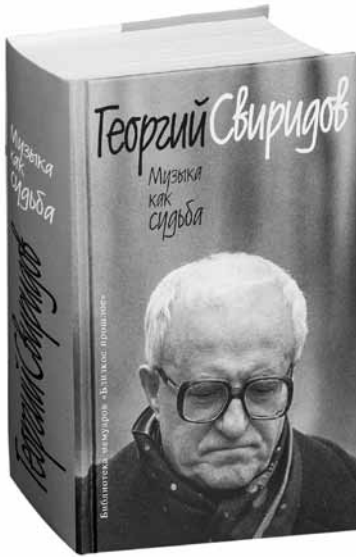
¹² Там же. С. 137.

¹³ Там же. С. 47.

¹⁴ Там же. С. 141.

выразила во всех своих проявлениях начало, противоположное рационализму — эта мысль сближает Свиридова со славянофилами, с почвенниками в русской философии, которые сознавали, что даже в религии Европа не случайно пришла к протестантизму, а в философии — к бесконечному просвещенному критицизму, — все это звенья рационализации человека и его творчества.

Немецкая классическая философия — это фактически рефлексия протестантизма. Свиридов же и в католицизме усматривает основания рационализации музыки: «Европейская (католическая) хоровая музыка не имеет связи с живым языком. Она поется на мертвом латинском языке и сама приобретает от этого мертвый характер. В ней нет живого слова с его конкретным смыслом, эмоцией и тайной глубиной»¹⁵. Слиянность в русской хоровой культуре слова и мелодии, слова и музыки приобретает особый смысл, и высшие достижения хоровой музыки Свиридов связывает с высшей поэзией, будь то народная поэзия или поэзия, имеющая авторство.

Книга дневниковых записей
Г. В. Свиридова «Музыка как судьба»

Свиридов глубоко знал русскую поэзию, его оценки поэтов и поэзии несопоставимы с оценками литературоведов или литературных критиков, их можно по праву включить в антологию русских философов, размышлявших о поэзии, о русской литературе. В свое время Константин Леонтьев поразил всех знатоков творчества Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского своими статьями «Наши новые христиане», нечто подобное встречаем мы в записях Г. В. Свиридова о Маяковском, Блоке, Есенине, Ахматовой, Пастернаке, Гумилеве, А. Белом, Рубцове. Причем и в поэзии, и в изобразительном искусстве, а уж тем более в музыке Свиридов безошибочно улавливал тенденции как разрушительства национальной культуры, так и ее подъема, оживления. Он отвергает расхожие оценки периода 60–70-х годов XX столетия как застоя в духовной сфере, —

напротив, в глубине происходили, с его точки зрения, сдвиги в сторону традиционной русской религиозности, к истокам национальной культуры, «это сулило большие результаты, но, как видно, напугало»¹⁶. Произошел поворот всей информационной машины государства, все более контроли-

¹⁵ Там же. С. 140.

¹⁶ Там же. С. 419.

руемой антирусскими силами, в сторону утверждения общечеловеческих ценностей, цивилизационной усредненности, лишенной подлинности в национальных проявлениях. Воцарились имитаторство, эстрадное зубоскальство, с экранов исчезла даже эстетика русского лица, русской внешности, не говоря уж о забвении, умалчивании всего достойного в русской культуре.

Записи Георгия Свиридова как раз помогают заблудившемуся в посулах и суррогатах культуры русскому народу обрести верный компас для отыскания направлений национального выздоровления, позволяют укрепиться в вере и уверенности, что «мы достойны лучшей участи», при всем том, что великий композитор и мыслитель сознавал недостатки русской нации, «прористекающее от отчаяния безумное легковерие, вялость ума, отсутствие всякой морали». Свиридов собственной жизнью, всем творчеством доказал, что русский человек способен вознестись над растрепанием, бескультурьем и безверием.

Напев как организующее ядро русской традиционной и классической музыкальной культуры

Памяти С. А. Королева, первого завуча Епархиальных курсов религиозного образования и катехизации имени св. прав. Иоанна Кронштадтского

...Греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер.

А. С. Пушкин

Преамбула

Русская классическая музыка XIX века с ее мелодическим богатством и ладовым своеобразием давно является не просто национальным достоянием, но занимает особое место в мировой художественной культуре. И несмотря на то что своеобразие творчества русских композиторов, сумевших в кратчайший срок (70–80 лет) создать уникальный синтез национального и европейского в музыке, стало общим местом в системе оценок и суждений, оно (творчество) продолжает привлекать нас своей непостижимостью, глубокой искренностью и каким-то несвойственным для иных культур светом. Особенно эта привлекательность ощущается при соприкосновении с нашими оперными шедеврами. Иван Сусанин и Борис Годунов, Ярославна и Феврония, Ленский и Герман — все эти образы золотого века русской оперы не перестают волновать и заставляют о многом задуматься.

Когда мы говорим о русской музыке, соизмеряя ее значение в контексте мировой культуры и задумываясь о ее месте и роли в национальном и общекультурном пространстве, мы, так или иначе, наталкиваемся на ряд несообразностей в ее оценке. При поверхностном взгляде мы видим постоянное восхищение по отношению к шедеврам русской музыки XIX века, но при более глубоком проникновении понимаем, что кроме апелляции к национальному своеобразию и оригинальности, при отсутствии серьезного анализа духовных основ и доминант, наложивших столь глубокий отпечаток на нашу классическую музыку, эти оценки выглядят достаточно поверхностными. Главной причиной этой поверхностности, на наш взгляд, является отсутствие выявления связи между музыкальным языком, ставшим основанием нашей музыкальной классики, и теми духовными императивами, которые обусловили данный язык.

При сравнении русской музыки с творениями музыкальных культур других европейских стран мы наталкиваемся на некоторую несообразность. С одной стороны, обладание христианскими корнями и развитие, основанное на одних, казалось бы, духовных императивах и законах музыкальной композиции, должно было обусловить общую линию этого развития, как историческую, так и смысловую. С другой стороны, мы наблюдаем огромную разницу между русской музыкой и музыкой западноевропейских стран как на уровне мышления, так и в императивно-смысловом контексте. Особенно эти различия видны при взгляде на оперу как на искусство, наиболее точно отображающее через драматическое действие и через ритмоинтонационную сферу особенности каждой из культур.

Наиболее точно и ясно это различие русской и западноевропейской музыки на сущностном уровне почувствовал академик Б. В. Асафьев: «Именно русская музыка выдвинула в опере хоровой ансамбль как действующее лицо, а не пассивно присутствующую на сцене толпу хористов. В сценах-фресках лучших русских опер чувствуется, что диктующая действие воля принадлежит народу. Оперные действия музыкально-фрескового стиля содержат в себе что-то сильное, могучее, упорное, в чуждых нам оперных культурах никогда не мыслимое. От них давно ушла народная жизнь как опора искусства, тогда как русская опера, выйдя из пеленок развлекательного придворного зрелища, сразу укрепилась на героико-демократическом стиле и развитии, на интонациях народной речи и песни»¹. Если убрать за скобки слово «демократическом» (первая публикация цитируемой статьи относится к 1948 году), то ясно видно, что автор ощущал то внутреннее основание, которое послужило источником, напитавшим всю русскую классическую культуру, — многовековой опыт народа, включающий в себя укорененную в сознании традицию, весь опыт церкви и основанные на нем высшие императивы: любовь к Богу и упование на Него (упомянем хотя бы Ивана Сусанина или сцену с боярами из оперы А. П. Бородина «Князь Игорь»), отношение к власти как к гаранту Божественного порядка и основанию для размеренной жизни (в тех же операх), внутренняя чистота и цельность (в той или иной степени свойственна большинству персонажей русской

Михаил Иванович Глинка

¹ Асафьев Б. В. О хоровом искусстве. Л., 1980. С. 43.

оперы), отношение к любви как к Дару Божьему (Татьяна из «Евгения Онегина» и Феврония из «Китежа»), взгляд на семейные ценности как на опору спасительного мирского бытия (семья в «Жизни за Царя», Татьяна из «Евгения Онегина», Любава из оперы «Садко»), любовь к земле своей и отечеству (свойственна большинству русских эпических опер).

Возвращаясь к выводу Б. В. Асафьева, хочется более подробно остановиться на мысли о «народной жизни». За высказыванием М. И. Глинки: «Создает музыку народ, а мы, художники, только ее аранжируем» — Е. В. Лобанкова, ссылаясь на М. С. Друскина, видит лишь то, что, «усвоив особенности отечественной народной музыки, следует их далее развить в соответствии с общеевропейскими профессиональными нормами музыкального языка»², но, имея в виду цитату Б. В. Асафьева, мы должны понять, что речь

Петр Ильич Чайковский

в высказывании Глинки идет не только и не столько об элементе музыкальном, а прежде всего о бытийной сущности, сокрытой за звучащей традицией. Только тогда мы осознаем причину и природу той художественной высоты, которая как бы ниоткуда явилась нам в творениях основоположника русской классической музыки. Да и кто такой основоположник? Это тот, кто полагает основы художественного постижения истины, то есть, опираясь на многовековой опыт, выраженный в мелосе, и опыт европейской культуры, отражает внутреннюю сущность бытия и пути человека и мира в соответствии с нормами и порядком, присущими той или иной форме и культуре.

Это явление, то есть «народная жизнь», имеет еще одну важную грань, отраженную П. И. Чайковским в письме к своему другу и композитору С. И. Танееву от 2 (14) января 1878 года: «...очень может быть, что вы и правы, говоря, что моя опера не-сценична³. Но я вам на это отвечу, что мне на несценичность плевать... Плевать мне на эффекты. Да и что такое эффекты! Если Вы их находите, например, в какой-нибудь „Аиде“, то я вас уверяю, что ни за какие богатства в мире я не мог бы теперь написать оперу с подобным сюжетом, *ибо мне нужны люди, а не куклы; я охотно примусь за всякую оперу, где, хотя и без сильных*

² Лобанкова Е. В. Национальные мифы в русской музыкальной культуре. СПб., 2014. С. 49.

³ Речь идет об опере «Евгений Онегин».

и неожиданных эффектов, но существа, подобные мне, испытывают ощущения, мною тоже испытанные и понимаемые (курсив наш. — С. Т.). Ощущений египетской принцессы, фараона, какого-то бешеного нубийца я не знаю, не понимаю... Мне нужно, чтобы не было царей, цариц, народных бунтов, битв, маршей — словом, всего того, что составляет атрибут Grand opera. Я ищу интимной, но сильной драмы, основанной на конфликте положений, мною испытанных или виденных, могущих задеть меня за живое»⁴. Эта столь пространная цитата дает ключ к наиболее ясному пониманию смысла «народной жизни» как жизни внутренней, касающейся жизни каждого человека, независимо от его отношения к вере. Делая акцент на словах «существа, подобные мне» и «интимной, но сильной драмы, основанной на конфликте положений, мною испытанных или виденных», композитор настаивает на одном из основополагающих принципов русской культуры, а именно на художественной правде. Причем, при всей типичности собирательных образов нашей оперы, в них сочетаются как элементы реального, явленного через реакцию на сюжетные коллизии, так и идеального, явленного через стержневую интонационную сферу (обратимся хотя бы к арии Шакловитого из «Хованщины» или к любовным сценам из «Пиковой дамы»). И здесь на первый план выступает уже правда личностного бытия с непреложностью христианского нравственного закона.

Есть в письме П. И. Чайковского и отсыл к «чуждым оперным культурам», в которых автор почувствовал прежде всего фальшь духовную, ощущаемую как на уровне сюжетном, так и на уровне ритмоинтонационном. Говоря о западноевропейской опере, всегда нужно помнить, что она никогда не выходила за рамки развлекательного искусства, и хотя христианские императивы присутствуют и в ней, но наличие этих императивов ощущается прежде всего в контекстном осмыслении сюжета оперы в целом, тогда как в русской опере весь массив музыкальной ткани отсылает как раз к истокам и духовным корням. Так в чем здесь дело? Если русская опера зиждется на «интонациях народной песни и речи» и ее широта, обусловленная этими интонациями, давно признана отличительной чертой всей русской музыки, то одной из главных черт европейской музыки является опора на танец как на элемент, организующий и упорядочивающий всю музыкальную ткань. Формирование этой опоры произошло не вдруг, а продолжалось на протяжении нескольких столетий, начиная с позднего Средневековья. Появление танцевальных ритмов в культовой музыке Запада связано с именем Перотина — великого французского композитора конца XII — первой трети XIII века, представителя школы Нотр-Дам. «Перотин возвел на музыкальный амвон низовое искусство менестрелей задолго до того, как Фома Аквинский смягчил традиционную позицию патристики в отношении увеселений: „Среди

⁴ Домбаев Г. С. Творчество П. И. Чайковского в материалах и документах. М., 1958. С. 71.

всех вещей, для утешения пригодных, можно назвать несколько пристойных ремесел, например менестрелей, устраивающих людям потеху. Ремесло менестрелей само по себе не предосудительно, если только заниматься им в меру, то есть без непозволительных словес и действий во время игрищ... Попав в нотную запись, метрические рисунки смогли избавиться от „потешных“ ассоциаций еще и потому, что превратились в такой же объект творческой манипуляции, каким после реформы Гвидо Аретинского стали высоты звуков: сочинять их оказалось возможным и без какой-либо оглядки на танцевальные формулы»⁵ (танцевальные ритмы мы встречаем, например, в мессах Палестрины). То есть танец получил «прописку» как в культовой, так и в светской музыке. Но несмотря на то что по представлениям Запада эпохи Возрождения танец являл собой один из символов Божественного порядка⁶, его «потешная», развлекательная сущность никуда не исчезла, расцветая с каждым новым столетием все более пышным цветом и «въедаясь» на смысловом уровне в плоть и кровь европейской культуры (притом никто, я думаю, не посмеет покушаться на гениальные творения И.-С. Баха и других столпов европейской музыки, изобилующие танцевальными ритмами). Вот что пишет об этом «расцвете» в эпоху короля Людовика XIV в своей работе В. В. Березин: «Музыка королевского двора — прежде всего привилегия и развлечение короля, но вряд ли в ней можно видеть лишь прихоти скучающего баловня судьбы. Недаром Людовик XIV в „мемуарах“ пояснял сыну, что развлечения короля — это развлечения всего его народа. Во времена и в условиях, когда писались эти строки, развлечения стали почти синонимом просвещения. Утверждаемые и поощряемые вкусами и предпочтениями королей и детей Франции, как именовали юных принцев и принцесс, художественные и в целом культурные традиции государственной элиты, распространяясь, формировали культурный менталитет нации»⁷. То есть если развлечение становилось организующей сущностью бытия и его доминантой, то танец — главенствующим способом музыкального мышления, характеристикой этого бытия. И даже наличие в музыке Запада хоральных и гимнических интонаций не выглядит как доминирующее начало на фоне той организующей роли, которую играет танцевальность как носительница мирской бытийности. Русская же культура, являясь до середины XVII века достаточно монолитной и закрытой, избежала в целом каких-либо «композиторских» влияний, так как ее основанием являлись богослужебный канон и уклад традиционной культуры. И даже несмотря на те катастрофические

⁵ *Чередниченко Т. В.* Музыкальный запас, 70-е, проблемы, портреты, случаи. М., 2002. С. 154-155.

⁶ «...собственно, как раз об этом писал Туан Арбот в трактате „Оркезография“ (1588): „Занимайся танцами усердно, и ты станешь подходящим партнером для планет, которые танцуют сообразно своей природе“» (цит. по: *Чередниченко Т.* Музыкальный запас... С. 493).

⁷ *Березин В. В.* Музыканты королей Франции. М., 2013. С. 9.

изменения, которые произошли вследствие реформ патриарха Никона, и обилие западных влияний в XVIII веке, она непостижимым образом умудрилась сохранить общезначимые христианские императивы как на уровне сознания, так и на знаковом уровне. Причем, несмотря на постепенную секуляризацию всех сторон жизни и отторжение духовного бытия как доминанты высшими слоями общества, крестьянская среда, тоже подвергшаяся секулярным влияниям, продолжала хранить и культивировать опыт духовного наследия прошлого. И именно эта среда и стала той благодатной почвой, на которой выросло древо великой русской культуры XIX века, одной из вершин которой и является русская опера. Акцентируя различие временного развития Европы и России, мыслитель Г. П. Федотов писал: «В России — в народных слоях ее — средневековье удержалось до середины XIX века. Европа XIV–XV столетий представляла бы более близкую аналогию императорской России. Но зато и крушение русского средневековья особенно бурно и разрушительно»⁸. Говоря о музыкальной культуре русского Средневековья, Т. Ф. Владышевская писала: «Своеобразие развития древнерусской музыки заключается в параллельном развитии и взаимодействии двух культур — народной и церковной. Они существовали раздельно и подчас были антагонистичны по отношению друг к другу, но все же это были глубоко родственные культуры, соприкасавшиеся друг с другом, имевшие общее музыкальное мышление, интонационный язык, родственную ритмику»⁹. На наш взгляд, это сродство было еще более глубоким, что частично подтверждается хотя бы фактом параллельного сосуществования, отголоски которого сохранились и поныне. Это сродство стало основой для творческого мышления композиторов и предопределило ту нерасторжимую цельность, что свойственна всей русской классической музыке XIX века. Целью данной статьи является не анализ музыкального языка, подтверждающий это сродство (такой труд требует особого исследования, более пространного, чем статья), а расстановка некоторых акцентов, обусловивших эту цельность и предопределивших ту недостижимую для иных культур этическую высоту. Проблема идентификации русской оперы как одной из вершин православной культуры наталкивается на проблему понимания сущности и функционально-смысловых императивов основных элементов, являющихся стержнем всей русской музыкальной культуры, а именно церковного пения и песенного комплекса традиционной культуры. Если сравнивать народную и церковную традицию с классической музыкой, то необходимо всегда помнить, что в службе и ритуале музыка — это всегда процесс (молитвы или ритуала), а в оперном или ином произведении — знак, символ, маркер, отсылающий нас к глубинной памяти, к той или иной эпохе или традиции. Именно система подобных отсылов, свойственных прежде всего русской опере, создает ощущение целостности традиции и неразрывной связи с ней.

⁸ Федотов Г. П. Собрание сочинений: В 12 т. М., 2013. Т. 6. С. 373.

⁹ Владышевская Т. Ф. Древнерусская певческая культура и история. М., 2012. С. 209.

Богослужбное пение

Восприятие Киевской Русью христианского вероучения от Византии предопределило развитие ее культуры, менталитета и идеологии. Высокие идеи духовного смысла бытия и соборного братства людей в разной степени были свойственны русскому самосознанию на протяжении всех исторических эпох. Ни распри князей, ни остатки языческих верований, ни монголо-татарское иго, ни Смутное время и другие проблемы и потрясения не смогли поколебать в русских людях той устремленности к горнему, что утвердилась в них вместе с византийским обрядом. О сем свидетельствует факт высочайшего авторитета, что сопровождал деятельность святых подвижников церкви на протяжении всей истории Древней Руси. Личности святых Феодосия Печерского, Сергия Радонежского и патриарха Гермогена, как и многих других, были почитаемы народом еще во время их земной жизни. Блестяще об этом написал в своей работе композитор и культуролог В. И. Мартынов: «Сколь велико было влияние аскетического подвижника на судьбы России, можно видеть на примере преподобного Сергия Радонежского, не только воспитавшего поколение победителей и выковавшего победу на Куликовом поле, но и определившего духовный облик России и русского человека на многие столетия вперед. Пример преподобного Сергия является, может быть, наиболее ярким, но отнюдь не единственным в русской истории. Слово юродивого Христа ради — то есть человека, несущего особый монашеский подвиг, удержало самого Иоанна Васильевича Грозного от разорения Пскова. Благословение (или отсутствие благословения) монахом великого князя предопределяло действия и поступки последнего. Многие цари и великие князья перед самой своей смертью принимали схиму. Все это свидетельствует о том, что фигура монаха являлась реальным центром не только духовной, но и социально-политической и культурной жизни и что вся общественная жизнь была ориентирована на аскетический подвиг»¹⁰. Эта ориентация и обусловила ту высоту, которую мы ощущаем, соприкасаясь с шедеврами древнерусского зодчества, иконописи и богослужбного пения.

Знаменное пение, созданное в процессе молитвы, для молитвы и само являющееся молитвой, было образом того внутреннего бытия, которое обеспечивало аскетическое возрастание человека. В нем, то есть в знаменном пении, в силу его величественной простоты, спокойствия движения, четкого чеканного ритма, законченности построения и монодийного (то есть одноголосного) принципа пения, был сконцентрирован тот высший внутренний порядок, который только и может способствовать такому возрастанию. Особо хотелось бы остановиться на модальности ладовой структуры этого пения. Для современного человека, взрощенного на мажорно-минорной ладо-

¹⁰ Мартынов В. И. Культура, иконосфера и богослужбное пение Московской Руси. М., 2000. С. 181.

вой структуре, знаменное пение производит чаще всего угнетающее впечатление в силу отсутствия в нем (то есть в пении) привычного для современного слуха мелодико-гармонического развития, с его спадами, напряжениями и разрешениями. Этот принцип, ныне использующийся и для создания новых церковно-музыкальных сочинений, является лишь способом воспроизведения изменчивости человеческих чувств, пусть часто и высоких. Спокойное же напряжение знаменного распева зиждется на модальных, замкнутых ладовых структурах, внутри которых невозможны эмоциональные градации. Спокойная смиренная сила и постоянное напряжение как бы «разлиты» внутри напева, неизбежно пребывая в нем, настраивая внутреннее бытие человека и помогая сохранять его¹¹.

Вот этот внутренний стержень и стал краеугольным камнем русской музыкальной культуры XIX века, которая восприняла его опосредованно, через укоренение в народной традиции и — пусть и достаточно сильно измененное — церковное пение. Этот стержень и обусловил тот мощнейший отсыл в русской опере, с ее несценичностью, отсутствием развлекательности, с ее медленным течением, к такому понятию, как Святая Русь. «Именно эту всеобщую ориентацию, именно эту всеобщую народную затронутость идеалами аскетики следует видеть в несколько затертом ныне словосочетании Святая Русь. Святая Русь — это не красивый образ или поэтическая метафора. Святая Русь — это наименование иконосферы, образуемой деятельностью многих поколений русских подвижников и людей, втянутых в силовое поле их подвига. Святая Русь — это конкретная, реально существующая форма синергийной культуры. Святая Русь — это русская версия преобразования земного мира в икону мира небесного»¹². Этот отсыл ощущается как на уровне образов (Сусанин и Феврония, Пимен и Юродивый), так и на уровне внутреннего движения почти всех русских опер. Вот как об этом, касаясь оперы М. П. Мусоргского «Хованщина», писала Е. А. Ручьевская: «Идея ПУТИ в хованщине связана не только с судьбой народа и отдельных личностей. Это ПУТЬ ЖИЗНИ, путь к воскресению или путь к катастрофе. Об этом свидетельствует и музыкальный материал и даже незавершенность 2-го и 5-го действий — многоточие в конце оперы уже после того, как все свершилось и остался только путь, не имеющий „земного“ конца»¹³.

Говоря о знаменном пении, нельзя не коснуться такого важного, на наш взгляд, вопроса, как уставное и неуставное пение. Раскрывая этот вопрос, И. А. Гарднер писал: «Под „уставным пением“, понятно, подразумевалось пение, предписанное Уставом — не только в мелодическом отношении, но и в отноше-

¹¹ Лучше всего это бытие выражено словами херувимской песни: «Всякое ныне житейское отложим *попечение*» (в дореформенных текстах — *печаль*).

¹² Мартынов В. И. Культура, иконосфера и богослужбное пение... С. 181-182.

¹³ Ручьевская Е. А. «Хованщина» Мусоргского как художественный феномен. СПб., 2005. С. 49.

нии способов исполнения, о которых было у нас сказано раньше. Каноническим это пение еще можно назвать потому, что, будучи зафиксировано письменным образом, а также передаваемо изустным преданием, находясь в богослужебных певческих книгах и рукописях, признанных и одобренных высшими церковными властями, оно канонизировано, то есть признано такими властями правильным и образцовым для совершения богослужения»¹⁴. Законодательная закреплённость напевов (в частности, указание гласа) способствовало внутреннему устроению человека и правильной организации его молитвенного делания. Она также препятствовала проникновению в богослужебное пение личностной «эзегезы» богослужебных текстов, повсеместно присутствующей в композиторском творчестве, что подтверждается дальнейшими словами ученого по поводу неуставного пения: «Под таким пением понимаются свободно сочиненные хоровые композиции для богослужебного употребления, никак не основывающиеся на напевах уставного пения и не следующие богослужебным требованиям церковного устава»¹⁵. Именно это, на наш взгляд, объясняет то активное противодействие исполнению церковно-музыкальных сочинений (так называемых «концертов»), что имело и частично имеет место в церковной среде.

Постоянное соприкосновение нашего народа с уставным пением и ориентация на аскетический образ бытия обусловили тот неброский, внутренне собранный строй мелоса, что свойственен как русской традиционной культуре, так и общему «тону» русской классической музыки. Но прежде чем перейти к разговору о народной культуре, нужно затронуть еще ряд элементов, повлиявших на становление этого общего «тона».

Партесное пение (в частности, хоровой концерт) также повлияло на становление русской музыки. То гимническое начало, что поражает слушателя в массовых народных сценах русских опер, все торжественно-радостное, что слышится в финалах их, наряду с народной основой содержит в себе тот могучий импульс, что был заложен композиторами XVIII века в свои произведения, традиционно исполняемые большими хорами. Их музыкальный язык был близок аристократическим и интеллигентским кругам, а также массовому сознанию городского населения и, по сути, ассоциировался с понятиями Соборности и Церковности, что свидетельствует о большой степени секуляризации «верхов» и города. Стилистика партесного концерта XVIII века и народное творчество и стали той основой, что определила характер музыкального языка нашей культуры. Этому способствовал и тот факт, что начало создания синодального обихода церковного пения, основанного на гармонизации древних напевов и соответствующей русской ментальности, приходится на конец XIX века, что и отражено в творчестве С. В. Рахманинова

¹⁴ *Гарднер И. А.* Богослужебное пение Русской Православной Церкви: В 2 т. М., 2004. Т. 1. С. 103.

¹⁵ Там же.

с его «Всенощным бдением». Но творчество других столпов русской музыки пришлось на время господства Придворного Обихода, ориентированного на гармонический язык западноевропейских классиков. На наш взгляд, композиторы не воспринимали Придворный Обиход как исконно русский, как часть укорененной традиции.

За редким исключением, русские композиторы не использовали в своих произведениях уставные напевы¹⁶, кроме, конечно, упоминавшегося здесь С. В. Рахманинова. В большинстве случаев композитор как бы стилизовал молитвенное состояние, сообразуясь с объективным отражением сюжета и своими художественными представлениями. Самыми интересными, на наш взгляд, являются два обращения композиторов к одноголосной стилистике знаменного распева: это молитва князя Игоря из пролога оперы А. П. Бородина и молитва китежан из 3-го действия оперы Н. А. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии». Оба примера демонстрируют хотя и различающиеся по музыкальному решению, но сходные по пониманию внутренней сути молитвы подходы.

Сергей Васильевич Рахманинов

Колокольные звоны

Появление колокола на Руси, датируемое XI веком и связываемое с католической традицией (как известно, Византийская традиция использовала для призыва к богослужению било), имело огромное значение как для жизни русского человека, так и для развития русской музыки. Об этом свидетельствуют как сами наименования звонов: благовест, красный или праздничный, водосвятный, встречный, погребальный, набат, метельный, так и самих колоколов: благовестник, вечеровой, часовой, набатный или всполошный. Многочисленные письменные свидетельства и устные легенды и предания также говорят о том пиетете, что испытывал всякий русский перед колокольным звоном. Вот как писал Н. Н. Корсунский в своей книге «Благовест», ка-

¹⁶ Список этих исключений достаточно лаконичен: П. И. Чайковский — «В церкви» из «Детского альбома» (напев 6-го гласа), увертюра «1812 год» (напев 1-го гласа), 1-я часть 6-й симфонии («Со святыми упокой»), этот же напев в кантате С. И. Танеева «Иоанн Дамаскин», Н. А. Римский-Корсаков «Светлый праздник».

саясь роли колокольного звона: «Кто исчислит толпы взрослых и детей, под их звон из года в год во дни праздников и в будни в наши храмы приходящих? Сколько сердец о мире с Богом под звуки их вздыхают и о ниспослании его в душу к небу вопиют! Мертвых кто сочтет, коих с наших колоколен звон к вечному покою провожал и провожает? Сколько в течение последних двух-трех столетий победного звона с наших колоколен раздавалось»¹⁷.

Глубокую связь между звоном и церковным пением достаточно ясно отразил в своей работе этномузыковед А. С. Ярешко: «Состав колоколов, подбираемый звонарями эмпирически, исходя из собственных эстетических представлений и критериев, прочно базировался на их слуховом опыте, связанном с народно-музыкальной и церковно-певческой традициями. Структура раннего церковного многоголосия („троестрочное пение“), в котором ведущий основную мелодию голос занимал в партитуре среднее место, подобно общей структуре многоголосия русской народной песни. Это не могло не сказаться на психологии звонарей, которые интуитивно или осознанно претворяли указанные стилистические элементы в колокольном многоголосии. Деление колокольных голосов на зазвонные, альтовые и басовые, с основной темой у средних (альтовых), диапазон которых, как правило, соответствовал диапазону человеческого голоса, полностью отвечало эстетическим критериям исполнителей-звонарей и слушателей в лице народа и духовенства. Не случайно в основе многих дошедших до нас типов звонов существовали песенные прообразы в виде небольшой попевки с афористичным текстом»¹⁸.

Остинатность, то есть равномерная повторяемость ритмической фигуры, организующей пространство и несущей сигнальную функцию, является неотъемлемой особенностью колокольной музыки и ее первоосновой. Ритм как стержневой остов звона¹⁹ не просто настраивал человека на определенное состояние, но в сочетании с тембровой палитрой задавал некий сущностный континуум высшего порядка. «Весь ход развития колокольности от утилитарно-прикладного использования к собственно искусству представляет собой процесс синтезирования различных видов остинатности и постепенное преодоление ее на новом формообразующем уровне путем сочетания с вариационным принципом развития. Основу, своеобразный фундамент звона составляет басовый органный пункт в виде одного звука или созвучия, как правило, на протяжении всего звона составляющих колористи-

¹⁷ Корсунский Н. Н. Благовест. 3-е изд. Ярославль, 1887; цит. по: Оловянишников Н. И. История колоколов и колоколотейное искусство. М., 2010. С. 366.

¹⁸ Ярешко А. С. Канон, импровизация и новаторство в искусстве колокольного звона // Музыка колоколов / отв. ред. и сост. А. Б. Никаноров. СПб., 1999. Вып. 2. С. 42.

¹⁹ Известно, что в католической традиции в колокольных звонах делался акцент на развитие мелодического начала (куранты, карильон), тогда как в православной — ритмического.

ческий звуковой комплекс»²⁰. Через наложение других ритмических и мелодических фигураций, различие в комплектовании колокольных ансамблей и различие звуковысотных соотношений в этих ансамблях и ощущается неповторимость каждого звона. Любой человек способен ощутить эту индивидуальность как на уровне различных колокольных ансамблей, так и в исполнении одного и того же оперного фрагмента с колокольным звоном различными оркестрами (например, в сцене венчания на царство из пролога оперы М. П. Мусоргского «Борис Годунов»).

Колокольность в творчестве русских композиторов давно стала одним из маркеров нашей музыкальной культуры (прежде всего творений С. В. Рахманинова). Во многих операх, прямо или опосредованно, звон присутствует как сам по себе, маркируя тот или иной сюжетный комплекс (финал «Жизни за царя», венчание на царство, монастырское утро и смерть в «Борисе Годунове», набат и праздничный звон в «Князе Игоре» и др.), так и в общей метроритмической организации всего музыкального пространства²¹. Это пространство, впитавшее в себя и мерность колокольного звона, и аскетическую глубину знаменного пения, и широту протяжной песни, и является основанием всей нашей музыкальной классики.

Возвращаясь к колокольному звону, хотелось бы привести мнение о его роли в опере Н. А. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии» Б. В. Асафьева: «Еще крайне важным элементом, сцепляющим ход действия „Сказания“, является колокольный звон в нескольких фигурационных аспектах его, порой сочетаемых одновременно и обычно с основным мотивом „славословия“ Февронии из первого акта. Не представляя активной силы, звон выступает как символ победы веры и радостного упования, и в этом смысле он так же, как и все остальные стилистические элементы дивного „Сказания“, растет и трансформируется... в последней картине „Сказания“ звон уже сочтен и с темой „славословия и радости“, и с темой Китежа, и с секвенцией перезвона одновременно»²².

Николай Андреевич
Римский-Корсаков

²⁰ Ярешко А. С. Канон, импровизация и новаторство в искусстве... С. 44.

²¹ Мерность «благовеста» соответствует мерности шага, то есть естественного бытия человека, то есть здорового образа жизни. Полным антиподом этой естественности являются возбуждающие ритмы рок-музыки.

²² Асафьев Б. В. Симфонические этюды. Л., 1970. С. 109, 110.

Символическое представление о колокольном звоне как о трубном глазе, как о глазе ангела, призывающего грешников на Страшный суд²³, также нашло отражение в русской опере (вспомним хотя бы сцену с боем часов из «Бориса» и неумолчно гудящий в сознании Гришки Кутерьмы звон в «Китеже»).

Традиционная культура

Жизнь русского человека «в миру», полном сложностей, а подчас и опасностей, была обусловлена и подчинена интересам семьи, рода и крестьянской общины. Суровый климат, большие расстояния, сложные условия хозяйственной деятельности требовали от людей сплоченности и организованности для преодоления трудностей и достижения результата, обеспечивающего благополучие, то есть хорошего урожая и плодovitости скота.

Несмотря на всю антагонистичность церковной и народной культуры, в обеих наблюдается одно из важнейших, на наш взгляд, сходств. Если церковный уклад ориентировал человека на возрастание в духовной жизни, то уклад традиционной культуры, в свою очередь, направлял его на упорядоченность в хозяйственной деятельности и семейных отношениях. Оба уклада, несмотря на все противоречия, дисциплинировали человека, жестко регламентируя его жизнь сообразно законам бытия церковной и крестьянской общины. Известным образом эта регламентация распространялась и на музицирование.

Одним из самых важных вопросов, возникающих при соприкосновении с данной темой, является вопрос о соотношении христианского и языческого начал в традиционной культуре. Различие религиозного и этнографического подходов в освещении этого вопроса требует отдельного разговора, но для понимания внутренних связей в рамках данной статьи важен именно второй подход. Упреки исследователей народной культуры в чрезмерном увлечении язычеством проистекают «из неоднозначности, заключенной в самом понятии язычества, из неразличения язычества как исторической формы славянской культуры, характерной для дохристианской эпохи, и язычества как культурной модели, которой соответствует определенная „картина мира“, аксиология, стереотипы поведения, символика и т. п. Язычество как культурная модель осваивает и усваивает культурный материал независимо от его генетической природы, в том числе и „чужеродный“, привнесенный христианством или заимствованный из иных, например, восточных традиций»²⁴.

²³ Подробнее об этом см.: Макарова С. Е. Трубы, била и колокола как сакральные музыкальные инструменты // Музыка колоколов / отв. ред. и сост. А. Б. Никаноров. СПб., 1999. Вып. 2.

²⁴ Толстая С. Христианское и языческое в славянском народном календаре (к проблеме двоеверия) // Конференция «Истоки русской культуры (археология и лингвистика)». Тезисы докладов. М., 1993. С. 66; цит. по: Пашина О. А. Календарно-песенный цикл у восточных славян. СПб., 2006. С. 10.

Эта способность к усвоению и предопределила в целом ту относительную легкость, с которой на Руси произошла смена духовной доминанты с языческой на христианскую. И хотя, как писал Г. П. Федотов, «... русская религиозность таит в себе и неправославные пласты, раскрывающиеся в сектантстве, а еще глубже под ними — пласты языческие, причудливо переплетенные с народной верой»²⁵, однако всякий русский, при всех его заблуждениях, считал себя христианином, а язычество никогда не было доминирующим императивом в русском сознании. Его элементы являлись организующим фактором мирского бытия как квинтэссенция векового опыта и воспринимались как традиция. Постоянная борьба Церкви против остатков языческих верований, которая никогда не прекращалась, зависела от активности приходской жизни и удаленности прихожан от храма (наиболее полно языческий элемент обрядности сохранился в глухих местностях Брянской, Смоленской областей и прилегающих районах Белоруссии и Украины). Следы этого переплетения, наблюдающиеся и в наши дни²⁶ практически во всех слоях общества, отражают эту причудливость и вместе с тем являют ту укорененность традиции, что свойственна многим русским людям.

Музыкальный элемент традиционной обрядности, оформляющий узловые моменты сельскохозяйственного календаря и различные этапы жизни человека, являлся важнейшей составной частью ритуала и маркировал определенные временные узлы, упорядочивая бытие. «Музыкальный порядок ощущался человеком как некое орудие или некий инструмент для познания космического порядка и даже более того: как средство поддержания этого порядка и преодоления хаоса»²⁷. Направленность звукового общения человека на взаимодействие с потусторонним миром (усиление природных процессов, как желательных, так и нежелательных) обуславливает ту жесткую регламентацию для исполнения обрядовых песен, что сложилась в крестьянской среде. Специфический тембр, экспрессивное интонирование, громкость и сила звука, полная бесстрастность, монотонность, часто высокая tessitura — вот отличительные особенности обрядового пения, имеющего прежде всего сакральную направленность (обращает на себя внимание некое сходство этих установок с некоторыми принципами православной аскетики). Приуроченность таких жанров календарного фольклора, как колядки, масленки, весенние заклички и хороводы, колыбельные песни, свадебные песни и плачи, никогда не подвергалась сомнению народными исполнителями, что подтверждает и бытующая в их среде поговорка: «Каждая песня — в свое место».

²⁵ Федотов Г. П. Стихи духовные // Собр. соч.: В 12 т. М., 2013. Т. 6. С. 81.

²⁶ Оглядка на приметы, «кормление» усопших, втыкание иголки или булавки в одежду и т. д.

²⁷ Мартынов В. И. Конец времени композиторов. М., 2002. С. 29.

Напевы календарных песен, достаточно простые и емкие, подобные разговорным формулам, являют собой звуковое пространство, характеризующее континуум постоянного поддержания порядка, свойственный хорошо организованной общине и дошедший до нас через века с дохристианских времен. «Отправными точками в познании космического порядка служили понятия тотема и табу, в познании же музыкального порядка служило понятие устоя... устой вносил порядок в мир звуков путем выделения из всего доступного человеку звукового высотного диапазона некоего привилегированного высотного уровня, служащего смысловым стержнем, вокруг которого могли складываться ориентированные на этот стержень мелодические образования»²⁸. Этот архетипический порядок и являлся основным императивом для большинства русских людей и, несмотря на антагонизм христианского и языческого начал, постоянно формировал в них преемственность и дисциплинировал. Кроме того, естественность биоритмов — дыхания, биения сердца, сокращения мышц при движении и работе — определенным образом отражалась в музыкальном языке обрядовой культуры, влияя на его

ритмическую организацию и мелодическую структуру. Этот ритм естественного бытия, хотя и контрастировал с ритмом вневременного в церковной службе (свойственным, прежде всего, знаменному распеву), в какой-то мере и способствовал приятию его как наивысшего ритма Жизни Вечной и выстраиванию иерархичности бытия.

В творчестве русских композиторов календарные песни или стилизации под них встречаются довольно часто, выполняя стабилизирующую роль и являясь символом незыблемости упорядоченного бытия или нарушения порядка. В музыкально-ведческой практике обычно принято говорить об их красоте, не заостряя внимание на функциональной значимости (опорные точки, ориентирующие на традиционные

ценности). Хочется упомянуть хор девушек из оперы М. И. Глинки «Жизнь за царя», оттеняющий своей размеренностью следующая за ним романс Антонины и усиливающий отсыл к внутренней чистоте девства, или групповой причет девушек «Ты помилуй нас, не во гнев тебе», жалующихся на своеволие князя Владимира Галицкого, из оперы А. П. Бородина «Князь Игорь», подчеркивающий их возбужденность. Подобные примеры характерны для большин-

*Александр Порфирьевич
Бородин*

²⁸ Там же.

ства русских опер, созданных на основе национального сюжета. Особо хотелось бы отметить «шутейное» величание из сцены под Кромами в «Борисе»: «Не сокол летит по поднебесью» (разработка русской народной песни «То не ястреб совыкался»). Размеренность свадебного величания как бы подчеркивает нестроение народной жизни, возникшее вследствие бунта.

Одним из важнейших жанров русского фольклора, к которым обращались авторы опер, являются колыбельные песни. Их мерность и монотонность, исключая резкие контрасты, стала не просто характеристикой сюжетного изыска, но символом истинно христианского бытия. Такова колыбельная Волховы из оперы «Садко» Н. А. Римского-Корсакова, ставшая одним из популярнейших шедевров композиторского мышления в традиционном ключе. «В мифе о Волхове Римский-Корсаков повторяет миф о Снегурочке, но только в более значительном, углубленном смысле: рождая в ней не только человека, но ведя ее как любящую девушку к подвигу самопожертвования»²⁹, — писал Б. В. Асафьев. Колыбельная как итог развития образа и являет нам императив смиренного приятия воли Божией.

От разговора о приуроченных жанрах русского фольклора следует теперь перейти к разговору о неприуроченных жанрах, то есть о былинах, духовных стихах, лирической песне, и отдельно затронуть тему скоморошества. Характерной чертой календарных песен и песен жизненного цикла является их прикрепленность к какому-либо событию. Чаще всего в русской опере мы видим маркировку времен года и свадебного обряда. В противоположность сему, неприкрепленность названных выше жанров обусловила их всесезонность, а исполнение таких песен было обусловлено внутренней потребностью исполнителей.

Былины — эти развернутые повествования о героях и их деяниях — с гиперболическим языком, выражающим черты силы, благородства и надежности, являются неотъемлемой составляющей русской народной традиции. Их повествовательный характер, закругленные напевы с заложенными в них интонациями плавной и спокойной речи и размеренным движением, положительный внутренний «тон» составляют основу эпического стиля русской оперы с ее мелодической ясностью и широтой души героев. От Баяна из «Руслана» М. И. Глинки через всю русскую оперу прошел образ сказителя, поэта, носителя векового опыта народа, с его умудренностью и рассудительностью. Эта эпичность свойственна не только отдельным действующим лицам, но и операм в целом. «Как убежденнейший стилист, Римский-Корсаков искал музыкального претворения народного звукоязыка во всех его формообразованиях и назвал своего „Садко“ оперой-былиной, базируясь на определенной идее: использовать народный былинный сказ как своеобразный речитатив и этим придать произведению единство, организованность и сплоченность элементов»³⁰.

²⁹ Асафьев Б. В. Симфонические этюды. С. 95.

³⁰ Там же. С. 89.

Плодом соприкосновения традиционной и книжной культур являются духовные стихи, впитавшие в себя как библейские сюжеты, так и сюжеты из житийной и апокрифической литературы. Темы памяти смертной, смирения и покаяния, свойственные христианскому мировоззрению и значимые для осознания иерархии бытийных ценностей, также нашли свое отражение в большом количестве духовных стихов. В силу неграмотности большинства крестьянского населения они стали своеобразным источником познания христианской этики, народной Библией. Исполняемые и распространяемые каликами переходжими, богомольцами, ходившими по святым местам, а также слепыми нищими музыкантами, которые зарабатывали на жизнь их исполнением, распеваемые людьми как коллективно, так и сольно во время постов, похоронно-поминальных обрядов, они являли концентрированное выражение идеала духовного бытия и нравственной чистоты. «Для нашей цели достаточно признать, что духовный стих сложился в допетровской Руси и представляет уцелевший обломок московской культуры в чуждой и разлагающей его цивилизации нового времени»³¹. Если вслушаться в напевы духовных стихов, они либо былинного склада, распространенные в большей степени на Русском Севере, либо находятся на пересечении с другими фольклорными и песенными жанрами (особо это ощутимо в стихах покаянной тематики), часто с большой долей европейских влияний.

Большую приязнь к мелосу и тематике духовных стихов в своем творчестве выказал Н. А. Римский-Корсаков, что отражает созданный им «Стих об Алексее божием человеке» для хора и симфонического оркестра (использован позднее при создании новой редакции оперы «Псковитянка»). В 4-й картине оперы «Садко», в сцене торжища калики переходжие поют стих о голубиной книге (о его роли будет сказано ниже). Образ калик переходжих мы встретим и в прологе «Бориса». Эти примеры по большей части отсылают нас к тому праведному образу жизни, который выглядит забытым в контексте сюжета.

Сложно переоценить ту роль, которую сыграла в становлении русской культуры протяжная песня. «В лирической песне проявились важные черты русского национального характера. В них ярко и правдиво отразился душевный мир русского народа. Именно поэтому протяжные песни вдохновляли многих писателей, поэтов. Особенное значение протяжные песни имели в формировании музыкального языка русских композиторов от XVIII до XX века»³². Несчастливая любовь, измена, разлука с любимым, неудачный брак — все эти сложности жизни встречались у многих людей и были близки им. Выплескивание своего личного через пение помогало людям духовно очищаться, о чем свидетельствуют такие высказывания: «печаль в песне проходит», «песня горе раскаивает». Доминирование личного внутреннего со-

³¹ Федотов Г. П. Стихи духовные... С. 84.

³² Владышевская Т. Ф. Древнерусская певческая культура и история. С. 205.

стояния постепенно привело к усилению роли мелодии, увеличению временных масштабов напева, к замедлению темпа исполнения. По большей части коллективный характер исполнения являет нам соборность, помогающую человеку переживать и преодолевать свои тяжелые душевные состояния. Именно протяжная песня стала той основой, тем остовом и той характеристической доминантой, что наиболее полно выразила внутреннюю сущность бытия русского человека (смирненное терпение скорбей).

Роль лирического начала в русской культуре огромна, причем постоянная апелляция личностного к соборному и наоборот создает ощущение непрерывного преодоления. Слушая плач Ярославны, мы слышим всех русских женщин, а в следующем за ним хоре крестьян ощущается горе каждого человека. Личностный тон у героев наших опер различен, но у большинства из них, несмотря на противоречивость, есть тот целостно-гармоничный сплав чувственного и соборного, который не позволяет нам причислить их к однозначно отрицательным.

Очень интересен подход к личностному началу у П. И. Чайковского в опере «Евгений Онегин». Главная интонационная опора — романс, являющийся по сути плодом и отражением секуляризации общества. Но в «Онегине» он выступает как некий эквивалент традиции (вспомним начальный квартет из 1-го действия), недаром венцом экспозиции оперы является сцена с крестьянами. И весь дальнейший комплекс интонаций отсылает нас к чистоте традиционной культуры. Лирическому герою наших опер по большей части чуждо индивидуалистическое самокопание, так характерное для иных оперных культур. «В русской классической опере всегда одним из стержневых устремлений композиторов было, в противовес буржуазно-мещанскому „колорированию любовничества“ в опере на Западе, создать вокруг влюбления атмосферу глубокой человечности и эмоционально-этической атмосферы, повышающей рост и смысл чувства, и это в особенности через идею верности и развитие ее в образах самопожертвования и даже трагического самоотречения. Так выткалась нить от Гориславы у Глинки до Февронии у Римского-Корсакова, от Татьяны к Орлеанской девице, через Марию в „Мазепе“, Лизу в „Пиковую даму“ — к осеннему цветку лирики Чайковского (а как известно, „цветы осенние милей роскошных первенцев полей“) — к Иоланте»³³. Говоря о высоте женских образов русских опер, невозмож-

Модест Петрович Мусоргский

³³ Асафьев Б. В. Об опере. Л., 1976. С. 55.

но пройти мимо Марфы из «Хованщины» М. П. Мусоргского. Ее исповедальная «Исходила младешенька» — неповторимый шедевр нашей лирики, где смирение, страдание и надежда сплетаются в единое пространство нескончаемого пути.

Еще один фактор, существенно повлиявший на сюжетно-смысловую стержень русских опер, хотелось бы отразить в рамках данной статьи — это отношение Церкви к скоморошеству. На протяжении всей многовековой русской истории Церковь вела активную борьбу за чистоту нравов, что отражено в многочисленных свидетельствах и исторических документах. «В житии преподобного Феодосия Печерского есть место, в котором описывается приход преподобного на пир к князю Святославу Ярославичу, окруженному многими играющими на различных инструментах: „овы гусельныя гласы испущающим, и инем мусикийския гласящим, иные же органныя,— и тако всемь играющим и веселящимся“. Преподобный Феодосий, обратившись к князю, тихо сказал: „будеть ли сице въ он век будущий?“; то есть „Будет ли так в том будущем веке?“ — после чего тотчас же князь приказал прекратить игру»³⁴. Подобное отношение князя обусловлено постоянным соизмерением истинными христианами своих поступков с ценностями Жизни Вечной, а отношение Церкви к скоморошеству — аскетической строгостью требований и языческой природой народной инструментальной музыки. Вот как описывает купальскую ночь игумен псковского Елеазарова монастыря Памфил в своем послании в 1505 году: «Еда бо приходит велий праздник день Рождества Предтечева, и тогда, во святую ту ноц, мало не весь град взмятется и възбесится, бубны и сопели, и гудением струнным, и всякими неподобными играми сотонинскими, плесканием и плясанием, и того ради двинется и всяка възстанет неприязненная угодиа, яко в поругание и в бесчестье Рождеству Предтечеву...»³⁵. Такой взгляд на скоморошью «потеху» отразился в постановлениях и решениях Стоглавого Собора 1551 года и в указах царских грамотах 1648-1649 годов³⁶, направленных против скоморошества.

Иную грань скоморошьего музицирования мы можем ощутить, вслушавшись в 1-ю картину из оперы «Садко», где скоморохи Дуда и Сопель высмеивают Садка. Это высмеивание, с одной стороны, отражает творческую способность скоморохов мгновенно реагировать на какие-либо отрицательные проявления в народной среде (совесть народа) в угодной для публики форме, а с другой — ту иерархическую разницу, что сложилась в русском сознании между сказителем (гусяром, носителем векового опыта) и потешником (скоморохом). «В советское время возникла и развивалась идея, что

³⁴ Мартынов В. И. История Богослужебного пения. М., 1994. С. 94-95.

³⁵ Петровская И. Ф. Другой взгляд на русскую культуру XVII века. Об инструментальной музыке и о скоморохах: исторический очерк. СПб., 2013. С. 32.

³⁶ Подробнее см.: Там же.

скоморох в России больше чем скоморох. Придумана их значительнейшая роль в идейно-политической жизни. Без всякого документального подтверждения, поскольку его не существует. Скоморохи представлены идеологами и вождями народных масс в антифеодальной борьбе и антицерковной оппозиции, активными участниками народных восстаний. Это ни в какой мере не подтверждают исторические источники»³⁷.

Отношение к скоморошьей «потехе» как к греху интересным образом повлияло на оперный сюжет и его художественное воплощение. В большинстве русских опер присутствует идея противопоставления праведного образа бытия неправедному (вспомним князя Владимира Галицкого и скоморохов, Скулу и Еремку из «Князя Игоря», или упоминавшаяся уже сцена торжища из «Садко», где духовный стих как образ праведности противопоставляется разгульной песне торжища «Про хмеля ярого»). Причем тот образ жизни, который ведут скоморохи, — безделье, пьянство, разгул и непотребство — часто приводит к плачевным и трагическим результатам (предательство и безумие Гришки Кутерьмы из «Сказания...»). Интересный пример, демонстрирующий иерархичность бытия, есть в опере А. С. Даргомыжского «Русалка». Народная сцена на мельнице, где протяжная песня сменяется хороводом, а его, в свою очередь, сменяет плясовая, развертывает перед нами в поступенном понижении все элементы бытия: терпение скорбей, труд и разгул (обращает на себя внимание текст плясовой, являющий его последствия).

*Александр Сергеевич
Даргомыжский*

М. П. Мусоргский в 1873 году писал И. Е. Репину: «Народ хочется сделать: сплю и вижу его, ем и помышляю о нем, пью — мерещится мне он, он один цельный, большой, неподкрашенный и без сусального»³⁸ (опять принцип духовного реализма). И две его великие оперы — прямое свидетельство «неподкрашенности». Языком разгула и скоморошьей потехи Мусоргский гениально характеризует ту неизбывную пропасть, куда приводит нарушение традиционного уклада и самовластие (конечно, только этим не исчерпывается высший смысл народных сцен его опер, но данная идея здесь, на наш взгляд, бесспорна). Венчает же эту линию в русской культуре «Золотой петушок» Н. А. Римского-Корсакова, образ «скоморошьего царства». Размыш-

³⁷ Там же. С. 123.

³⁸ Мусоргский М. П. Литературное наследие: письма, биографические материалы и документы. М., 1971. С. 148.

ляя об этой опере, Б. В. Асафьев писал: «...зачем столь ничтожного человека, как Додон, и столь послушное людское стадо, как его народ и войско, смущать и искушать такими хитроумными выдумками, как зоркий сторож-петушок и лукавая чаровница-женщина, в которой все хищно-женское так доминирует над женственным, что кажется, будто это — дьявол сладострастия, принявший обольстительную внешность, дьявол, о котором повествуют так красочно сказания про старцев-отшельников»³⁹. Композитор показал низшую точку падения общества, при которой бытие превращается просто в мираж.

Есть у бытийного противостояния еще одна грань, касающаяся культуры Запада. Это противопоставление жизни как пути к Спасению и жизни как пути удовольствий. Можно вспомнить крестьянскую общину (песня) и польский акт в «Жизни за царя» (танец), монастырь и польский акт в «Борисе» (там язык противостояния сложнее), деревенский быт (теплые романсовые интонации) и мишурно-блестящий бал в «Онегине». Эта линия в нашей музыке обращает на себя меньше внимания (кто сейчас задумывается об образе своей жизни), но отказ от духовных и традиционных ценностей, гениально показанный П. И. Чайковским в его «Пиковой даме», и последовавшее за ним падение государства ясно свидетельствуют о ее значимости.

Русская музыка как целостный срез внутреннего бытия

Конечно, в рамках небольшой статьи невозможно полновесно затронуть все грани восприятия русской культуры. Эта статья — попытка взглянуть на нашу культуру без сусальности (по Мусоргскому) и воспринять ее целостно, в максимально возможной полноте (как известно, все о музыке сказать невозможно). А во-вторых, и сама музыка, и музыковедческая литература в той или иной степени подтверждают это.

Теперь хотелось бы взглянуть на шедевры нашей оперной классики с позиций прошедшего времени и обозначить их главенствующие императивы. Оглядываясь на русскую музыку в целом, видишь две оперы-литургии⁴⁰ — «Жизнь за царя» М. И. Глинки (премьера состоялась в 1837 году) в начале пути ее и «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии» Н. А. Римского-Корсакова при завершении классического периода (1907 год). А что между этими датами? Мелодическое богатство «Руслана и Людмилы» (со стойкостью героев в стремлении к чистой любви и единению), «Русалка» А. С. Даргомыжского как антипод «Жизни за царя» (с императивом мирского мудрования в жизни героя), «Князь Игорь» А. П. Бородина (глубокое рассмотрение взаимоотношений России и Востока), оперы М. П. Мусоргского

³⁹ Асафьев Б. В. Симфонические этюды. Л., 1970. С. 121.

⁴⁰ Термин встречен нами у В. В. Медушевского и Т. В. Чередниченко.

(со сложными внутренними конфликтами у героев на фоне народного бунта), страшные оперы по «Маленьким трагедиям» А. С. Пушкина, поэтичность «Снегурочки» (с ее чистотой и почти детской непосредственностью), эпическое совершенство «Садко» (с его поиском себя), драма «Царской невесты», жертвенная чистота «Иоланты», глубина и непостижимость «Пиковой дамы», и все это венчает апокалиптическая опера-предупреждение «Золотой петушок» Н. А. Римского-Корсакова. Даже такое простое перечисление достаточно точно отражает уникальность русской оперы как феномена мировой музыкальной и духовной культуры.

Важным, на наш взгляд, является вопрос: в какое время появляется русская классическая культура? Пушкин и Глинка — это 20-е, 30-е годы XIX века, времени, которому предшествовали разгул вольнодумства и либерализма, обилие масонских лож и бурная секуляризация. Русская культура — это ответ и предупреждение секулярному обществу, с его небрежением нормами христианской нравственности и национальной традицией. Вдумайтесь: Россия — единственная православная держава, сумевшая создать оригинальную и значимую в мировом контексте культуру, отличную от других и для большинства иностранцев непостижимую.

«Итак, объект русской классической оперы — народная жизнь как то, что разворачивается мерно, стадийно и в чем личные драмы растворяются в быстром-быстром беге. „Огромность“ объекта воспринимается как мерно длящееся состояние, и потому возникает противопоставление между мнимой статичностью действия и динамизмом отдельных „психических событий“ с их напряженной эмоциональной поступью: это жизнь личностей с их драмами. Она тает, подобно Снегурочке, внутри медленно свершающейся жизни народа, как нечто переходящее и случайное среди монолитного, неразрывного»⁴¹. Напев как ее основание и организующая сила, являясь выражением императива христианской бытийности, постоянно отсылает нас к ней, помогая постижению непреложности нравственного закона и провоцируя на анализ собственной внутренней жизни.

*Впервые опубликовано:
Христианское чтение. 2017. № 1. С. 212–237.*

⁴¹ Асафьев Б. В. Об опере. С. 52.

В. О. Гусакова

«Верю!»

Педагогические основы театра святителя Димитрия Ростовского

Лекция по истории педагогики

Цель лекции: познакомить студентов с педагогическим наследием святителя Димитрия Ростовского, ученого-энциклопедиста, и на его основе сформировать устойчивые представления о театре как средстве проповеди учения Христа.

Вводная часть

Тема настоящей лекции актуальна ввиду наблюдаемых тенденций к визуализации исторических событий и культурных явлений.

Особенно это касается сферы образования: человеку уже недостаточно услышать, прочесть или увидеть статичный образ. Ему требуется проследить событие или явление в его временном и пространственном развитии, а нередко и стать его частью, прочувствовать и пережить его, унести с собой впечатление и воспоминание.

Этот прием оказания максимального воздействия на все органы чувств человека использовали древние греки — создатели театра, а после, но уже на ином высшем нравственном уровне, — применяли святые отцы церкви — создатели литургии.

«Сама литургика построена на фундаменте античного театра. Святые отцы отобрали из него то, что годится для литургии. Антифонное пение, чтец, возгласы — всё то, что мы видим в храме, — это тоже театральные приемы»¹.

В средние века литургическая драма и миракль были традиционными жанрами западноевропейского театра. В России с начала XVI и вплоть до XVII столетия бытовали отдельные инсценировки, такие как «Пещное действие» или «Шествие на осляти». Примерно в этот же период популярность

¹ Из интервью с режиссером Театра народной драмы А. В. Грунтовским / Духовная сцена в ожидании зрителя // Вода живая. 2015. № 11 (ноябрь).

приобретают вертепные театры. Только в 1672 году был основан первый придворный театр. Его первоначальный репертуар включал пьесы на библейские сюжеты.

С развитием драматического искусства театр не утратил своей функции проповеди, а в период СССР активно использовался для пропаганды новой идеологии.

С возрождением православия в России театр снова стали рассматривать как средство проповеди, как возможность словом, жестом и мимикой зародить в зрителе светлые помыслы, побудить к добрым делам, рассказать о Боге и показать путь к Истине.

Как у всякого вида деятельности, способствующей обращению человека к Богу, у театра есть свой небесный покровитель.

Им избран святитель Димитрий Ростовский, автор многочисленных пьес и создатель не одного театра.

І. Избранные вехи жития

Будущий епископ Димитрий Ростовский, в миру — Данила Саввич Туптало, родился 11/21 декабря 1651 года в местечке Макаров по Житомирскому тракту, в сорока верстах от Киева, где располагался Киевский полк Запорожского войска.

Отцом будущего святителя был рядовой Запорожского войска, а впоследствии сотник Киевского полка Савва Григорьевич Туптало.

Первоначально Данила обучался дома, а с 12 лет — в Киево-Могилянской коллегии (с 1701 года — Киево-Могилянская академия)

В 1688 году он принял постриг с именем Димитрий в Кирилловском монастыре в Киеве. В 1675 года в Густыньском монастыре архиепископ Черниговский Лазарь (Баранович) посвятил Димитрия в иеромонахи, и с этого времени он, еще совсем молодой человек, быстро обрел известность талантливого проповедника. Около двух лет будущий святитель путешествовал с проповедью по разным монастырям Российской империи. По благословению архиепископа Лазаря, иеромонах Димитрий написал свое первое историческое сочинение: «Руно орошенное», которое представляет собой сборник чудес, происходивших у иконы Божией Матери «Нечаянная радость» в черниговском Свято-Ильинском монастыре в XVII веке.

Период с 1679 по 1683 год в жизни будущего святителя отмечен игуменством. После он переехал в Киево-Печерскую лавру, где его утвердили офи-

*Свт. Димитрий Ростовский.
Портрет-парсуна.
Начало XVIII века*

циальным проповедником. Вскоре 6 мая 1684 года он получил «послушание писать жития святых», которое он горячо полюбил.

В 1697 году архиепископ Иоанн (Максимович) возвёл Димитрия в сан архимандрита и назначил его настоятелем Елецкого Успенского монастыря, но уже через два года перевёл его настоятелем в Новгород-Северский Преображенский монастырь.

10 февраля 1701 года архимандрит Димитрий в качестве кандидата на Тобольскую кафедру переехал в Москву. 8 марта он произнес приветственное слово государю Петру I, а 23 марта его рукоположили во епископа с возведением в сан митрополита Тобольского и всея Сибири. После святитель Димитрий около года жил в Москве на Сибирском подворье в Чудовом монастыре, а 4 января 1702 года по причине болезни указом царя Петра I его перевели на Ростовскую митрополию.

Прибыв в Ростов и отслужив молебен в Зачатьевской церкви Спасо-Яковлевского монастыря, святитель Димитрий Ростовский определил себе место погребения: «се покой мой, zde вселюся во век века».

II. Славяно-греко-латинская школа

На ростовской кафедре святитель Димитрий занимался просвещением священнослужителей и нравственным воспитанием народа. Он боролся с невежеством и пьянством, старообрядческими и католическими настроениями.

В 1702 году он основал в Ростове славяно-греко-латинскую школу, в которой обучались все сословия, преимущественно дети священников, так как все священнослужители епархии были обязаны отдавать сыновей в учебу. Всего в ростовской школе учились около двухсот человек.

Школа была светской, но подчинялась церкви. Срок обучения составлял три года и включал три класса: низший (*infima classis* или грамматический), средний (*media classis* или латинский), высший (*suprema classis* или философский). Обучение начиналось с освоения русской азбуки и получения навыков чтения и письма. Наиболее способные ученики посещали особый класс для изучения латинского и греческого языков. В школе также преподавали катехизис, пение по нотам, стихосложение, практиковался метод написания школьных и домашних сочинений, которые делились на обыкновенные (безотносительные) и спорные — конкурсные за звание лучшего ученика.

Лучших учеников называли аудиторам, первого из них — сеньором. В обязанности сеньора входило наблюдение за порядком и тишиной в классе в отсутствие учителя, объяснение и повторение уроков.

По праздникам и в дни именин учителей ученики произносили речи в стихах и прозе, разыгрывали пьесы и диалоги.

Святитель Димитрий лично вел некоторые занятия, принимал экзамены, занимался с наиболее способными учениками. Каникулы его воспитанники проводили на архиерейской даче в селе Демьяны близ Ростова.

С 1704 по 1705 год по инициативе и непосредственном участии святителя Димитрия в школе существовал театр, в котором актерами и художниками были школьники. Святитель Димитрий лично писал для него драмы и декламации. Известно, что 26 октября 1704 года, в день именин святителя, было представлено действо «Венец Димитрию», предполагаемым автором которого был учитель Евфимий Морогин.

В 1705 году школу закрыли, так как глава Монастырского приказа граф И. А. Мусин-Пушкин и стольник В. Воейков посчитали школу слишком затратной и отказались ее финансировать. Спустя несколько лет, уже после кончины святителя Димитрия, в 1739 году ростовский архиепископ Иоаким восстановил школу, но и она просуществовала всего три года.

III. Духовное и педагогическое наследие

Главный труд святителя Димитрия Ростовского — Книга житий святых (Четьи Минеи) составлен в 1685–1704 годы, а после регулярно переиздавался периодичностью раз в пять лет. Это самое большое по объему внебогослужебное старопечатное издание кирилловской печати. Оно состоит из четырех томов, каждый из которых содержит агиографический материал, относящийся к трем месяцам, дидактические и педагогические тексты.

Всего в Четьях Минеях святителя Димитрия Ростовского 664 жития, из которых 24 жития описывают жизнь и подвиги ветхозаветных святых, 571 — общеправославных, 65 — русских и 4 — южнославянских.

Дидактический и повествовательный материал представлен в порядке месяцеслова и включает в себя: «22 слова, посвященных истории и прославлению важнейших христианских праздников и некоторых святых; 22 сказания о различных воспоминаемых Церковью священных событиях и чудесных проявлениях милости Божией к человеческому роду; шесть заимствованных из богослужебных книг синаксарей и семь назидательных повестей, взятых из второй части Пролога»².

Основной текст сопровождается ссылками на источники и авторскими пояснениями святителя Димитрия Ростовского, включающими перечень других святых, чья память также отмечается в этот день, с указанием кратких сведений о них и примечаниями, в которых разъясняются и исправляются ошибки, допущенные в источниках; комментарии по истории и географии; указания на сходные сюжеты в житиях и чудесах разных святых, таких как, например, великомученика Георгия Победоносца и святителя Николая Мирликийского; исторические справки, которые нередко носят характер научной статьи, например, «О хазарах» в Житии равноапостольных Константина (Кирилла) и Мефодия в третьем томе.

² Державин А. М., *прот.* «Радуются верных сердца»: Четьи Минеи Димитрия, митр. Ростовского, как церковно-исторический и литературный памятник. М., 2006. Ч. 2. С. 8.

Святитель Димитрий Ростовский составлял свои Четьи Минеи с особым тщанием и научным подходом. Стараясь раскрыть жизненный путь святого в максимальной полноте и с разных сторон, святитель использовал несколько, иногда разноязычных, источников. В числе источников можно назвать: Великие или Макарьевские Четьи Минеи, Киево-Печерский патерик (1661 г.), Пролог (1685 г.), греческие жития Симеона Метафраста в латинском переводе и др. Кроме этого, святитель Димитрий анализировал славянские, византийские и латинские исторические сочинения и на основе их записывал свои размышления.

В целом труд святителя Димитрия Ростовского представляет собой не столько полное собрание житий, сколько новое самостоятельное научно-энциклопедическое издание.

В педагогическом плане значимость Четьи Минеи заключается в том, что в них убедительно и ярко раскрыто содержание святости как высшей степени проявления «человеческого в человеке».

Лейтмотивом наследия святителя Димитрия Ростовского была тема мученичества, которая в его трудах сопрягается с темой любви.

Святитель писал: «Выше всего — любовь, а любовь Божественная есть и самая сильная, и самая прочная, крепкая», но «неистинна любовь без креста, без страдания за любимого»³.

Любовь — главная добродетель, которую святые умножают на протяжении всего жития и которая помогает им преодолевать мучения и творить чудеса. Однако способность к чудотворению в трудах святителя не получает широкого освещения в назидательных целях. Святитель оберегает читателя от соблазна увлечься подражанием святому. По неразумию человек может утратить бдительность в своих грехах и «впасть в прелесть». Тогда стяжание дара чудотворения может обернуться стремлением исполнять не волю Божию, а свои желания, и привести к тяжким последствиям.

Следует заметить, что составление Четьей Минеи или «собрание свято-сти» в православной традиции подразумевает не столько научный труд, сколько духовную встречу со святым, перенимание его опыта, научения от него и пребывания с ним в диалоге. Не случайно, что в «Диариуше» (дневнике) самого составителя Четьей Минеи содержится повествование о явлении во сне святителю Димитрию мученика Ореста, в котором мученик с улыбкой укорил святителя в том, что он недостаточно описал его страдания.

Все жития укладываются в единую назидательную линию, указывающую направление жизненного пути человека — восхождение к Богу и стяжание святости как полноты реализации предназначения человека.

При этом святитель Димитрий подчеркивает, что святой, еще не прославленный Церковью, в своей земной жизни одновременно находится как

³ Симфония по творениям святителя Димитрия Ростовского. Электронный ресурс. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/simfonija-po-tvorenijam-svjatitelja-dimitrija-rostovskogo/98

бы на пересечении трех миров: человеческого (земного), божественного (небесного) и дьявольского (преисподней). Рядом с ним пребывают Господь, Пресвятая Богородица, ангелы и другие, уже стяжавшие венец святости, святые, но также и суеятся бесы, которые всячески пытаются сбить его с истинного пути. Поэтому вокруг святого происходят разные чудеса как божественного, так и демонического характера.

После же кончины святые являются посредниками между небом и землей, они молятся в Небесном Отечестве о мире и благе земного Отечества, посещают храмы, основанные в их честь, заботятся об их украшении и благополучии, оказывают помощь людям в деле их спасения.

Однако, чтобы стать святым, недостаточно вести добродетельную жизнь, страдать, быть аскетом и совершать чудеса. Внешняя жизнь может оказаться лишь красивой картинкой, за которой будут скрываться гордыня и самолюбование, и принести человеку земную славу и почет, но не спасение на небесах. Поэтому святитель ставит акцент на состоянии «внутреннего человека», его невидимой для многих духовной жизни и тому, как **«изобразится в вас Христос!»** (Гал. 4:19).

В одной своей проповеди святитель Димитрий Ростовский ясно обосновал качества «внутреннего человека: «Если «овцы во аде» (Пс. 48:15) — это люди, творившие добрые дела, но неугодившие Богу, то истинные овцы Христовы имеют три отличительных признака.

Первый — они знают своего Пастыря — Христа Спасителя. Знают — значит верят и любят. А любовь проявляется в устранении от грехов и незамедлительном покаянии.

Второй признак — исполнение заповедей Господних.

Третий признак: ни что не может отторгнуть истинных овец от руки Пастыря, они хранят верность Богу в скорбях и искушениях»⁴.

Тема тайного, скрытого от людских глаз, служения Богу получает в «Книге житий святых» особое развитие.

Используя контрастные сопоставления внешнего и внутреннего мира человека, святитель описывает жития юродивых, удалившихся в пустыню и ставших похожими внешне на диких зверей аскетов, тайных христиан. Много внимания святитель Димитрий уделял исповеди, которая в педагогике может рассматриваться как способность человека к самоанализу, критической самооценке и самовоспитанию.

Раскаявшийся грешник, по мнению святителя Димитрия, не просто избавляется от грехов, он исправляет и преображает свою помраченную грехом человеческую природу и становится праведником, святым. Даже самый

⁴ Крылов А. О. Понимание святости в творениях святителя Димитрия Ростовского: некоторые наблюдения. URL. <https://medieval.hse.ru/data/2016/09/22/1123883947>. (дата обращения: 21.10.2019).

большой грешник, глубоко и искренне раскаивающийся в своих грехах, может стать праведником, а навсегда оставив путь неправды и зла, наследовать святость.

В проповеди на День всех святых святитель Димитрий Ростовский говорил: «Кто из грешников внимает глаголемым, кто слышит сия, кто из святых покаянием своим возвеселити, и сам свят быть хочет, начни отселе истинное покаяние. Аз же недостойный, начну к ликам Святых приписовати грешников и кающихся новыми святыми их нарицати»⁵. Далее он продолжал: «Да радуются убо святые якои грешницы импричисляются, и недостаточество ликов их наполняется! Да радуютсяи грешнии, яко и им место между святыми обретается!»⁶

IV. Драматургия и театр

Святитель Димитрий Ростовский известен и как талантливый автор духовной драмы. Среди его пьес можно выделить «Плач на погребение Христова», декламации «На Воскресение Христова», «Комедию на Рождество Христова».

Изначально театр мыслился святителем Димитрием Ростовским как средство духовно-нравственного воспитания.

В Ростове святитель Димитрий ставил свои пьесы-«диалоги» вместе с учениками ростовской славяно-греко-латинской школы. В 1702 году на святках воспитанники впервые сыграли «Комедию на Рождество Христова», или «Рождественскую драму». Подлинное название комедии звучало так: «Перемена непостоянного мира сего, гордости сетми в маловременной жизни человека уловляющая, в вечную муку посылающая, на трекоаянном Ироде, за гордость ищущем рожденного всех царя Христа убити, изображенная в преславный праздник Рождества Христова в богоспасаемом граде Ростове от благочестивых новоначинающихся учити греколатинского языка отроков».

Премьера состоялась 27 декабря в столовой палате Ростовского кремля.

Кратко ее содержание можно изложить следующим образом: Человеку, мучимому сомнениями о своей грешной двойственной природе, встречаются семь пар добродетелей и семь пар грехов, которые поочередно тянут его к себе; осознав свое грехопадение после изгнания из рая, Человек полагает Смерть единственным мерилем всего земного и отказывается верить в вечную жизнь; однако, когда перед ним открывается история рождения Христа, Человек понимает, что ничто не способно отрешить его от жизни вечной, и прославляет ее.

⁵ Димитрий Ростовский, свт. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 2. СПб. 1995. С. 304

⁶ Там же. С. 313.

В спектакле звучали церковные песнопения и народные колядки. В нем участвовали 53 ученика и старший ученик — аудитор в роли царя Ирода.

Впоследствии эта «комедия» стала одной из любимых пьес в народных театрах и кукольных вертепах. Она дожила до XX века. Известно, что ее разыгрывали солдаты на фронтах Первой мировой войны, а спустя десятилетия, в 1982 году ее под именем «Ростовское действо» возобновили в Московском государственном академическом камерном музыкальном театре.

Ростовское действо.

Фото спектакля театра Камерная сцена Б. Покровского

В педагогическом плане драматические произведения святителя Димитрия Ростовского интересны тем, что в них он продолжает развивать тему спасения человека в триипостасном мире (мир преисподней, земной и небесный), начатую в «Книге житий...».

На сцене жизненный путь человека разворачивается так, чтобы зритель смог увидеть, что происходит с ним самим, в зависимости от того, к какой ипостаси мироздания тяготеет человек и как формируется его природа — грешная или праведная.

Все драмы святителя вызывают у зрителя многообразие эмоционально-ценностных переживаний (от скорби и плача к ликованию и радости), пробуждают в нем «внутреннего человека», способного к экзистенциальным размышлениям о своей греховности и действию по искоренению зла. Для этого святитель применял все доступные ему средства сценической выразительности: театр теней, шумовые (завывание ветра, вращение колеса, эхо, гром, голос из «гроба») и световые (молния, солнечные лучи) эффекты, цветовую символику. Достижению катарсиса способствовали канонические песнопения и поэтические декламации. Святитель Димитрий был автором значительного числа молитв, кантов и псалмов. Наиболее известны «Иисусе

мой прелюбезный», плач Марии Магдалины у ног Христовых, кант великомученику Димитрию Солунскому.

В пьесах святителя Димитрия широко применяются разные виды аллегорий для изображения пространства и времени, знаменая, сущности человеческой природы и т. д. Аллегории могут выступать как действующие лица или быть текстовыми (краткими и развернутыми), но всегда концептуальными, расширяющими символично-догматический круг персонажей.

Смысловое и сематическое многообразие в пьесах усиливают цвет, который по значению соответствует канонической символике цвета в иконописи, и свет.

Красный в драматических произведениях святителя Димитрия обозначает мученичество Христа, Его победу над смертью и радость; синий — Божественную природу, боль и печаль; белый — святость, добро, чистоту помыслов и жизни; черный — зло, грех и смерть.

Если белый выступает в сочетании с красным, то в паре они обозначают невинность и мученичество; белый с голубым — Царствие Небесное; смена черного белым — преображение героя; перемена коричневого на голубой указывает, что тленность обретает благодать, а земное «становится причастником небесного».

Цвета металлов (золотой, серебряный, железный) и связанные с ними эпитеты использовались в буквальном значении материальных ценностей, а в символическом: золотой означал святость, добродетель и добрые времена; серебряный — красоту звука, музыкальность; железный — времена невзгод.

Световые эффекты и приемы освещения в театре святителя Димитрия были направлены на усиление символики трехипостасного мира. Преобладание цветности указывало на земное пространство, затемнение — на мир преисподней, яркость света — на небесные сферы. Сам свет являлся знаком Божественного присутствия, Благодатью, которые являются знаком подлинной реальности.

Кроме всего, святитель Димитрий умело применял эпитеты, метафоры, олицетворения, перифразы, сравнения, синекдохи. Для создания эффекта реальности совершающихся чудес и невероятных явлений он использовал гиперболы, а для показа несовместимости двух содержаний или состояний одного образа — оксюмороны.

Заключение

Подводя итог, можно отметить, что драматургическое наследие святителя Димитрия проникнуто дидактическими идеями и преследует педагогическую цель — воспитание человека. Театр святителя Димитрия Ростовского говорил с человеком о Боге, направлял человека по пути к Богу, помогал противостоять соблазнам и бороться с грехами.

Можно сказать, что святитель Димитрий разработал новаторский и до сих пор еще не освоенный метод визуализации духовно-нравственных категорий (добра и зла, правды и лжи) и внутреннего состояния человека (греховности, покаяния, праведности, святости). Этот метод был основан на глубоком изучении жизненного пути человека, устремленного к Богу, — житиях святых, и этот метод оказался эффективным.

Многие писатели последующих эпох, ссылаясь на наследие святителя Димитрия, использовали драматургию в качестве средства воспитания общества и возвращения человека в лоно православия. В частности, Н. В. Гоголь в ответ на предъявляемые к театру обвинения в «пустоте и разврате» писал: «Наш Димитрий Ростовский, справедливо поставляемый в ряд святых отцов церкви, слагал у нас пьесы для представления в лицах. Стало быть, не театр виноват. Все можно извратить и всему можно дать дурной смысл, человек же на это способен. Но надобно смотреть на вещь в ее основе и на то, чем она должна быть, а не судить о ней по карикатуре, которую на нее сделали. Театр ничуть не безделица и вовсе не пустая вещь, если примешь в соображение то, что в нем может поместиться вдруг толпа из пяти, шести тысяч человек и что вся эта толпа, ни в чем не сходная между собою, разбирая по единицам, может вдруг потрястись одним потрясением, зарыдать одними слезами и засмеяться одним всеобщим смехом. Это такая кафедра, с которой можно много сказать миру добра. Отделите только собственно называемый высший театр от всяких балетных скаканий, водевилей, мелодрам и тех мишурно-великолепных зрелищ для глаз, угрожающих разврату вкуса или разврату сердца, и тогда посмотрите на театр. Театр, на котором представляются высокая трагедия и комедии, должен быть в совершенной независимости от всего <...> Есть много среди света такого, которое для всех, отделившихся от христианства, служит незримой ступенью к христианству. В том числе может быть и театр, если будет обращен к своему высшему назначению. Нужно ввести на сцену во всем блеске все совершеннейшие драматические произведения всех веков и народов. Нужно давать их чаще, как можно чаще, повторяя беспрерывно одну и ту же пьесу. И это можно сделать»⁷.

Вспоминая известную реплику К. С. Станиславского «Не верю!», приносимую им на репетициях, когда ему игра актеров ему не нравилась, можно сказать, что театр святителя Димитрия Ростовского пробуждал в человеке его лучшие качества, укреплял его в добре и вере и способствовал достижению главной цели земного бытия — обнаружению человеком своего жизненного пути как пути к Богу и святости.

⁷ Гоголь Н. В. О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности (Письмо к гр. А. П. Т...му) // Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями. Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1978. С. 233.

Литература

Труды святителя Димитрия Ростовского, рекомендованные для чтения

1. Алфавит духовный. URL. http://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/alfavit/.
2. Внутренний человек, в клети сердца своего уединенный, поучающийся и молящийся втайне. URL. http://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/vnutrennij-chelovek/.
3. Жития святых. URL. http://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/zhitija-svjatykh/.
4. Зерцало православного вероисповедания. URL. http://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/zertsalo-pravoslavnogo-ispovedanija/.
6. Краткие вопросы и ответы о вере и других важнейших для христианина предметах знания. URL. http://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/kratkie-voprosy-i-otvety/.
7. Руно орошенное. URL. http://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/runo-oroshennoe/ и др.

Труды о святителе Димитрии Ростовском

1. *Державин А. М., прот.* «Радуются верных сердца»: Четии-Минеи Димитрия, митрополита Ростовского, как церковно-исторический и литературный памятник. В 2-х частях. М., 2006.
2. *Крылов А. О.* Понимание святости в творениях святителя Димитрия Ростовского: некоторые наблюдения. URL. <https://medieval.hse.ru/data/2016/09/22/1123883947>. (дата обращения: 21.10.2019).
3. *Шляпкин И. А.* Святой Димитрий Ростовский и его время (1651–1709 г.). СПб., 1891.

В. К. Невярович

Портрет Сергея Бехтеева

К 140-летию со дня рождения русского поэта-пророка, певца Святой Руси

*Портрет
Сергея Бехтеева
работы Ксении
Вышпольской*

Почившая совсем недавно художник-иконописец и мастер духовного портрета из Санкт-Петербурга Ксения Вышпольская (25.01.1958 — 19.08.2019) как-то призналась, что старается писать в основном уже окончивших свой земной путь людей. По ее мнению, именно в таком случае художественные и особенно духовные портреты способны передать всю завершенную сущность личности, раскрыть сложившиеся окончательно наиболее яркие ее ипостаси, отразить грани дарований, доведенных их носителями трудами праведными и молитвами до доступного предела совершенства. А те, кто пока еще живы на земле, несмотря на любые предыдущие заслуги и даже всеобщее людское признание и возношение, способны бывают внезапно упасть в бездну, иногда уже почти с небесных высот, иска-

жив свой духовный образ до неузнаваемости. И напротив, некоторые из падших в самые глубины порока могут порой в одно лишь чудесное мановение преобразиться, шагнуть в небесные выси и спастись, как это произошло с евангельским разбойником на кресте, первым из людей вошедшим в рай.

Портрет русского поэта Сергея Бехтеева (1879–1954) был написан Ксенией Вышпольской незадолго перед изданием моей книги «Певец Святой Руси» в начале 2000-х годов. Он прочно вошел в число наиболее часто публикуемых ныне изображений, посвященных поэту. Работа художницы, на мой взгляд, в целом удалась, хотя в тот период времени ей и не был доступен ряд фотографических изображений царского гусяра (так называли Бехтеева

*Фото Сергея Бехтеева.
Предположительно
40-е годы XX века.
Из личного архива
В. К. Невяровича*

еще при жизни его современники), появившихся у автора этих строк годами позднее. Из современных работ могу отметить еще портрет Бехтеева кисти воронежского художника Александра Фролова, вероятно, хронологически еще более ранний, нежели портрет Вышпольской. Были и другие попытки у наших современных живописцев, а также скульпторов (к примеру, у Людмилы Богатовой из Калининграда). Думаю, что появятся и новые достойные изображения нашего замечательного поэта.

Однако гораздо сложнее воссоздать его портрет не в красках и камне, а в живом слове. Причем выполнить его правдиво, без искажений и уже примелькавшихся шаблонов. Более двадцати лет, в контексте своих поисков по путеводной теме «Русская Атлантида», занимаюсь я исследованием жизни и творчества горячо любимого мною поэта

Сергея Бехтеева. С 2008 года до последнего времени руковожу благотворительным Фондом любителей русской старины, носящим имя Бехтеева и аккумулирующим всю доступную информацию о нем. Почти за четверть века личных поисков накопилось довольно много фактических материалов о поэте, но по-прежнему остается недоступным посмертный архив Сергея Сергеевича, хранящийся в Италии у его дальнего родственника. Учитывая факт неослабного интереса к поэзии Бехтеева в России (особенно среди православных), решился я в очередной раз внести свою посильную лепту в дело воссоздания объемного и емкого образа русского национального поэта-патриота.

Преимущественно хочется мне в данной статье выделить его наиболее яркие и отличительные черты. Родной брат поэта, бывший полтавский вице-губернатор Алексей Сергеевич Бехтеев (1883–1967) в своих мемуарах, любезно предоставленных мне его внуками (священником отцом Николаем Семеновым и Натальей Георгиевной Семеновой), писал о брате-поэте следующее: «Он не стеснялся говорить, что думал, называя вещи и людей соответствующими им именами. Газетные монополисты, прочтя его произведения и найдя их прекрасными, узнав фамилию автора, отказывались их печатать, так как за прямооту имя брата стало одиозным в либеральных <...> кругах...»

Итак, отличительной чертой Сергея Бехтеева была правдивость, которая, естественно, очень близка к понятию совестливости. Еще в 1902 году, в период обучения в лицее, раскрывая тему о блаженствах, поэт писал:

[Блажен:]
 Кто до конца любил и верил,
 Не покидал былых надежд,
 Не льстил, не лгал, не лицемерил
 Для жалких суетных невежд.

Эта тема нашла свое логическое продолжение в более позднем его стихотворении «Немногим» (1921):

Блажен, кто в дни борьбы мятежной,
 В дни общей мерзости людской
 Остался с чистой, белоснежной,
 Неопороченной душой.

Блажен, кто в годы преступлений,
 Храня священный идеал,
 От повседневных искушений
 Умом и сердцем устоял.

Блажен, кто, вписывая повесть
 В скрижали чёткие веков,
 Сберег, как девственница, совесть
 И веру дедов-стариков.

Тема правды и ее попрания присутствует и в одноименном стихотворении «Правда», написанном поэтом в ноябре 1917 года после Октябрьского переворота в столице:

Тяжела ты нам,
 Правда-матушка;
 Не под силу ты
 Миру лживому;
 Нет великих душ
 Для семьи твоей,
 Твёрдой стойкости,
 Слова верного.
 Где ни кинешь взор —
 Все враги твои
 Сеют день и ночь
 Злые плевелы...

Второй отличительной особенностью Сергея Бехтеева является глубокая и неподдельная религиозность. Предки Бехтеева по отцовской линии (дед и прадед отца) были дружны со святителем Тихоном Задонским. А род-

*Портрет Сергея Бехтеева
с его автографом из книги
(романа в стихах) «Два письма»*

ной брат дедушки, бывший гвардейский офицер Никандр Алексеевич, выбрал монашескую стезю, став учеником и сотаинником святителя Тихона. В семье также особо почитали преподобного Сергия Радонежского. Многие из сыновей в роду Бехтеевых носили имя Сергей. Дома хранился древний чудотворный образ Пресвятой Богородицы, чудесным образом появившийся в семье до 1812 года. Перед своей кончиной отец поэта, тоже Сергей Сергеевич, завещал детям любить Бога, Царя и Россию. И этот отцовский завет все многочисленное потомство Бехтеевых достойно выполнило...

Сергею Бехтееву принадлежит целый ряд поэтических сборников, которые он обозначал и надписывал как «православно-патриотические», а четыре самостоятельных выпуска стихотворений изданы им под единым названием «Святая Русь» в организованном им одноименном изда-

тельстве. У себя в имении до 1917 года Сергей Бехтеев являлся старостой Сергиевского храма, а в эмиграции, в Ницце, долгие годы состоял ктитором храма во имя Державной иконы Пресвятой Богородицы. Поэт, исцеленный в отрочестве от тяжелого недуга святым Иоанном Кронштадтским, имел в эмиграции близкие связи с афонскими старцами, посвящал им стихи и называл их в печати своими сотрудниками. Детали этого сотрудничества и их уровень, к сожалению, нам неизвестны, но духовная связь с Афоном в поэзии царского гуслера явно прослеживается...

Третья особенность поэта Бехтеева — царелюбие. Это был, действительно, царский поэт от Бога. Не придворный, не официальный, не «по службе», а по совести, по велению сердца и души. И вот что интересно: если горячая и искренняя вера в Бога есть дар Божий (по мысли богословов), то в не меньшей степени это можно отнести и к царелюбию как к особому качеству души. Так, очень многие из русских святых имели огромную любовь к помазанникам Божиим — царям православным. Преподобный Серафим Саровский, например, мог часами вести душеполезные беседы на столь любезную его сердцу тему. «После православия они (цари) суть первый долг наш русский и главное основание истинного христианского благочестия», — подчеркивал святой. «Мы любим царя потому, что любим Бога», — пояснял оптинский старец отец Варсонофий (Плиханков). Призывал не только любить, но и всячески охранять царскую власть в России святой праведный Иоанн Крон-

штадтский, всенародный пастырь нашего Отечества, грозно предупреждая при этом: «Не будет царя – не будет и России!..»

Любовь и преданность к царю и его августейшей семье ярко проявилась у поэта Бехтеева еще в лицейские времена. Лицейист Сережа Бехтеев удостоился чести не только зреть воочию царя Николая II, но и в его присутствии прочесть от имени всех лицейстов поэтическое приветствие собственного сочинения (11 марта 1900 года при первом посещении государем императором и государыней императрицей Александровского лицея). Воспоминания о той незабвенной встрече отражены поэтом в стихотворении «Святой Царь» (1942):

Скажу я по долгу, скажу я по праву,
Да ведает русский народ:
Я видел России величье и славу,
Державного солнца восход.

Я видел Святого Царя на Престоле,
Обласкан радушно Им был,
В дни сказочной жизни, в дни истинной воли
Сыновне я с ним говорил.

И очи Царёвы любовно глядели,
И голос Монарший звучал,
Как песня волшебная нежной свирели,
Как сладостно плещущий вал...

Нам известен целый ряд русских стихотворцев, начиная с М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина, В. А. Жуковского, графа А. К. Толстого и кончая А. С. Пушкиным, которые были лично знакомы с русскими царями и посвящали им возвышенные поэтические произведения (вспомним хотя бы державинские оды «Фелица» и «Изображение Фелицы», написанные в честь императрицы Екатерины II; пушкинские «Стансы» и «К друзьям», где воспевается государь император Николай I). Но никто из известных русских поэтов, даже лучших времен расцвета и процветания русского царства, не высказал в своих стихах столько искренних сыновних чувств и не выразил такой преданной любви к царю, как поэт XX века — века крушения и гибели Российской империи — Сергей Сергеевич Бехтеев!

В своих четырех итоговых поэтических сборниках «Святая Русь» (пятый задуманный сборник поэт не смог завершить по причине внезапной кончины) непосредственно царской теме Бехтеев посвятил более десятка стихотворений. Это в том числе произведения, написанные в честь государя Николая II и его венценосной семьи, а также вдовствующей императрицы Марии Федоровны и других русских царей (Александра III, Николая I и Павла I). Все это мы находим почти во всех поэтических сборниках Бехтеева.

В стихах, посвященных святому царю-страстотерпцу Николаю II, поэт художественно запечатлел дивный хриstopодобный образ последнего русского царя. Его улыбку он сравнивает с улыбкой небесного ангела, в царских очах видит кротость и смирение. О царских глазах, столь запомнившихся почти всем, кому посчастливилось близко видеть государя Николая II, поэт слагает проникновенное и трогательное стихотворение (1929):

Кто видел в жизни только раз
Сиянье кротких Царских глаз,
Тому их век не позабыть
И тех очей не разлюбить...
Глаза, которым равных нет
В греховном мире слёз и бед...

Император Николай II с семьей под арестом

После фактически насильственного отречения государя Николая II от престола и последовавших за этим пленения и ссылки царской семьи в Сибирь поэт остался по-прежнему верен присяге и возвышенным свято-русским идеалам. Октябрьский переворот 1917 года не только не поколебал, но и укрепил искренние чувства верноподданного к низвергнутому государю. Под впечатлением произошедших событий Бехтеев написал ряд стихотворений, объединенных страшными предчувствиями о грядущей судьбе России. Вскоре эти предчувствия и воистину пророческие слова о гибели Белой Святой Руси стали оправдываться. Осенью и зимой 1917 года через графиню Анастасию Гендрикову поэту удалось переслать царственным страстотерпцам в Тобольск несколько своих стихотворений («Молитва», «Россия», «Верноподанным», «Святая ночь», «Боже, Царя сохрани»). Каждый из перечисленных стихов по-своему характерно отличителен и несет глубокий смысл,

в котором раскрываются и верноподданнические чувства поэта к любимому монарху, и слова утешения царственным узникам, и вера в грядущее воскресение Державной Руси. В одном из названных стихотворений есть и такие горькие пророческие строки:

Владыка мира, Бог вселенной!
 Благослови молитвой нас
 И дай покой душе смиренной
 В невыносимый, смертный час.

И у преддверия могилы
 Вдохни в уста твоих рабов
 Нечеловеческие силы
 Молиться кротко за врагов!
 («Молитва». Елец. 1917)

Листок со стихотворением «Молитва», переписанный рукой великой княжны Ольги, старшей дочери царя, был найден среди вещей расстрелянной царской семьи (в английской книге с названием «And Mary Sings Magnificat»). Эту книгу подарила своей дочери государыня Александра Федоровна, сделав на оборотной стороне обложки надпись: «В. К. Ольге 1917 г. Мама. Тобольск»). Стихотворение поэт посвятил великим княжнам Ольге и Татьяне. Как выяснилось, государыня Александра Федоровна тоже собственноручно переписала бехтеевскую «Молитву» на почтовую открытку с репродукцией картины Барбьери «Христос» и послала это проникновенное стихотворение доблестному русскому воину полковнику (а с 1920 года генерал-майору) А. В. Сырбоярскому, который в годы Первой мировой войны проходил лечение в Ее Величества лазарете Царского Села. Авторство стихотворения долгие годы ошибочно приписывали целому ряду лиц, в том числе самой великой княжне Ольге. При чтении стихов Бехтеева государь Николай II, по свидетельству графини А. В. Гендриковой, «неволью прослезился» и просил графиню передать поэту свою благодарность.

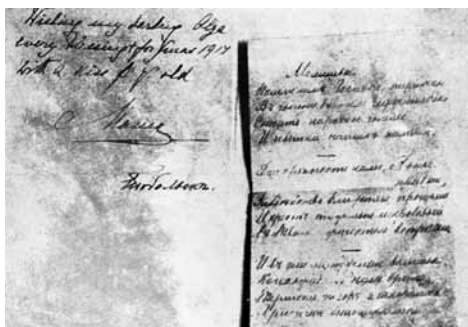

Фото рукописи
 стихотворения «Молитва»,
 сделанной рукой
 великой княжны Ольги Николаевны

Следующей отличительной чертой поэзии Сергея Сергеевича является ее пророческий характер. Бехтеева неслучайно ныне называют поэтом-про-

роком и провидцем, и это не пустые слова. О пророческих мотивах в его творчестве зрелого периода написано немало. Но и в юношеских стихах поэта порой проскальзывали (пусть неосознанные) мотивы предчувствий и грозных предзнаменований, касающихся его собственной судьбы (1892):

Скитанья праздные по свету
 Меня не тянут, не манят,
 И пальмы пышные поэту
 Родной сосны не заменят.
 Моим мечтам страшна чужбина...

И тем не менее именно на чужбине, в краю пышных пальм и лазурного моря, во французском городе Ницце довелось прожить поэту около 25 лет своей жизни. Здесь он начнет и завершит свое церковное служение, именно в Ницце издаст пять поэтических сборников (первому из которых — 1934 года — даст название «Царский гусяр»).

Вероятно, постоянное стремление к поиску правды, точнее Правды Божией, приблизило Бехтеева к ощущению этой правды на каком-то запретном космическом уровне. Может быть, поэтому и открылся у царского поэта столь редкий для мирских стихотворцев пророческий дар, который прежде всего касался судеб России. Еще в 1917 году он без всяких колебаний называет царя Николая II и членов его семьи «святыми царскими страсто-терпцами» (напомню, что вокруг решения о прославлении царской семьи, принятого только в 2000 году на Архиерейском Соборе в Москве, велось немало споров. То есть поэт опередил время почти на век!). При этом Бехтеев использует словосочетание «царская Голгофа», которое вошло в употребление в нашей литературе только в конце XX века.

Пророчески точно Бехтеев предсказывал в стихотворении «Цареубийцы», что на месте сожжения тел царственных мучеников в новой России будет воздвигнут «Победоносный Божий Храм». Правда поэта пересилила ложь времени почти по всем принципиальным позициям, которых он придерживался. Восторжествовала православная вера на Руси, вернулись колокольные звоны, молитвы, почитание святых русских, воскресла тяга у народа к нашей русской старине, которую Бехтеев называл не иначе как «святой».

Провидческими воспринимаются в наши дни и слова Сергея Сергеевича, касающиеся Европы, ныне откровенно и агрессивно злобствующей по отношению к России:

Ударит час — родной слепец
 От красных белым своих прозреет
 И всё постигнет наконец,
 И козни вражии рассеет.

Крестом сажённым осеняясь,
 Спокойно, вдумчиво и кротко
 Он с правдой установит связь
 И истину запишет чётко.

К Европе подлой став спиной
 И углубясь во мглу преданий,
 Он вынет гордо быт родной
 Из погребов воспоминаний. <...>

И будет мир, и будет лад,
 Хлеба оденут гладь пустыни,
 И чернь найдёт зарытый клад
 В обломках погранной святыни...

(«Грядущее». Старый Футог (Сербия), 1927)

Сбылись во многом и предсказания Бехтеева в отношении почитания благочестивых русских царей, основавших саму Державу Российскую и оставивших нам в наследие великое государство, населенное многими народами и народностями... В своих стихах он также уверенно именовал святыми ряд подвижников православной веры, прославленных Русской Церковью в последние десятилетия.

Наделенный редким поэтическим даром провидения, Сергей Бехтеев остро чувствовал свою миссию поэта-проповедника, обличителя и даже пророка (вспомним пушкинского «Пророка», дабы понять состояние души поэта, осознавшего свое высокое предназначение). Но пронзительно яркое слово поэта-изгнанника, к сожалению, не было услышано не только в России (причины здесь, думаю, понятны), но и его современниками за рубежом. Голос поэта-патриота был поистине гласом «вопиющего в пустыне». Не способствовали распространению бехтеевских стихов и скудные тиражи его поэтических сборников, да и имя Бехтеева в России перед эмиграцией не было на слуху (всего один сборник стихов молодого выпускника Царского лицея с малым тиражом!). Поэт переживал по этому поводу, но всю оставшуюся жизнь в изгнании (имею в виду жизнь сокровенную, куда направлял все лучшие силы своей души) посвятил своим песням скорби и слез, Святой Руси, России Державной, Белой, Царской. Нам неизвестно, состоял ли Бехтеев в последний французский период своей эмигрантской жизни (1929–1954) в каких-либо политических организациях. Известно только о его 16-летнем ктиторстве в православной церкви в Ницце, о тесной связи с афонскими иноками, а также об активном участии в сборе средств для установления Креста-памятника, посвященного царской семье, в Александро-Невском соборе Парижа...

Как я уже подчеркивал ранее в своих публикациях, Сергея Бехтеева можно назвать поэтом несвоевременным и даже нежелательным. Таковым он

был при жизни и продолжает оставаться и ныне. Он очень несвоевременно написал уже на третий день после отречения государя Николая II стихотворение «Николай II», которое по идеологическим причинам не могла тогда опубликовать ни одна российская газета или журнал. Ах, какие же страшные слова были в том возмутительном стихе, написанном в Орле:

Пройдут века; но подлости народной
 С страниц истории не вычеркнут года:
 Отказ Царя, прямой и благородный,
 Пощёчиной вам будет навсегда!

А какой эпиграф посмел он поставить к этому стихотворению!

Как женщина, Ему вы изменили,
 И, как рабы, вы предали Его.
М. Ю. Лермонтов

А вскоре Бехтеев сочинил и целый ряд других пронзительных патриотических и обличительных, но совершенно неуместных по отношению к новой политической власти и ситуации в стране стихотворений, некоторые из них активно распространялись по стране среди верноподданных в виде листовок...

В сербской эмиграции, являясь монархистом-легитимистом, он весьма некстати вдруг стал избличать круг лиц, близких к провозгласившему себя императором в изгнании великому князю Кириллу Владимировичу. Переехав в Ниццу, неожиданно для многих, поэт начал служить старостой в храме, относящемся по юрисдикции к Московской Патриархии. Находясь в изгнании, где постепенно среди русских эмигрантов стали преобладать либерально-демократические и даже просоветские идеи, он с завидным постоянством продолжал воспевать Святую Русь, русских царей, русскую старину... Никакие политические события, произошедшие в России и в мире после Гражданской войны, фактически не нашли отражение в стихах Бехтеева. Он писал по-прежнему лишь о милой его сердцу царской России — Святой Руси, думал о ее возрождении, воспевал русских монархов, мечтал о возвращении на Родину (1938):

Что мои страданья?
 Что мои мученья?
 Только бы дожидаться
 Утра воскресенья.

Только бы вернуться
 Мне в места родные

И увидеть храмов
Главы золотые.

Любоваться видом
Нив и рощиц милых
И молиться снова
На родных могилах.

*Могила Сергея Бехтеева
в Ницце на русском кладбище Кокад.
Фото В. К. Невяровича, 2013 год*

Русское зарубежье! Сколь щедро и богато оно оказалось представлено русскими поэтами! Но как много поэзии этой лишь ныне становится известной в России. Стихи Сергея Бехтеева, бывшего лицеиста, белого офицера, поэта-монархиста, долгие годы были у нас еще столь недавно под строжайшим запретом, но, несмотря на это, вернулись в Россию теперь уже навсегда. В этом у меня нет никакого сомнения!

Недаром поэт когда-то пророчески написал (1918):

На песни мои вам оков не одеть:
Я буду и мёртвый восторженно петь
О Боге, Царе и свободе!..

Сергей Бехтеев — один из последних поэтов классического пушкинско-лермонтовского направления. Его поэзия свободна от пролетарской и интернациональной цензуры, она есть высокая песнь его души, отражение его молитв и дум о России, прошлой, настоящей и будущей. Он твердо верил в грядущее торжество православия и монархической идеи в России. До последнего времени Сергей Бехтеев оставался одним из самых замалчиваемых поэтов в России. Причина этого вполне очевидна: само творчество поэта есть воистину страшный документ. Точное и яркое свидетельство очевидца, обличающее ложь и клевету, которые все еще господствуют ныне в оценках исторических событий трагедии России — Святой Руси.

Обложка сборника патриотических стихотворений
С. С. Бехтеева

Николай II

Как женщина, Ему вы изменили,
и, как рабы, вы предали Его.

М. Ю. Лермонтов

В те дни, когда мы все так низко пали,
Везде мне грезится священный Образ Твой,
С глазами, полными божественной печали,
С лицом, исполненным небесной добротой.

Тебя жалеть я не могу, не смею:
Ты для меня — по-прежнему Велик!

Перед тобой, мой Царь, я вновь благоговею,
И больно мне глядеть на Твой Державный Лик.

Слепой народ, обманутый лжецами,
За чистоту души Твоей святой
Тебя клеймил постыдными словами
И казни требовал, над кем же... над Тобой!

Не так ли пал и Царь коварной Иудеи,
Мессия истины, народная мечта,
И Бога своего преступные евреи
Распяли на доске позорного Креста.

И Царь был осуждён на пытки рабской казни,
Над Божеством глумился весь народ,
И люди-изверги убили без боязни
Того, Кто создал мир, моря и небосвод.

Но, победив в аду немые силы гроба,
Воскрес Господь и всем явился вновь;
Побеждена врагов чудовищная злоба,
И козни зла рассеяла Любовь...

Я верю в день священного возмездья!
Клятвопреступники, вас кара неба ждёт!
Вас уличат в предательстве созвездья,
Над вами Солнце правды не взойдёт;

И камни возопят от вашего злодейства,
Вас грозно обличит правдивая судьба
За низость ваших чувств, за гнусность фарисейства,
За клеветы восставшего раба...

Ещё недавно так, пред Ним склоняя выи,
Клялися вы Его до гроба защищать,
И за Царя-Вождя, Хозяина России,
Вы обещали жизнь безропотно отдать.

И что же! Где слова? Где громкие обеты?
Где клятвы верности, присущие войскам?
Где ваших прадедов священные заветы?
А Он, обманутый, Он твёрдо верил вам!

Он, ваш исконный Царь, смиренъем благородный,
В своей душе Он мог ли помышлять,

Что вы готовитесь изменой всенародной
России честь навеки запятнать!

Предатели, рождённые рабами,
Свобода лживая не даст покоя вам.
Зальёте вы страну кровавыми ручьями,
И пламя пробежит по вашим городам.

Не будет мира вам в блудилище разврата,
Не будет клеветам и зависти конца;
Восстанет буйный брат на страждущего брата,
И меч поднимет сын на старого отца...

Пройдут века; но подлости народной
С страниц Истории не вычеркнут годá:
Отказ Царя, прямой и благородный,
Пощёчиной вам будет навсегда!

Орёл. Февраль 1917

Стихотворение «Николай II» впервые было напечатано в 1921 году Ф. В. Винбергом предисловием к его книге «Крестный Путь». 21 марта 1922 года, без указания фамилии автора, было напечатано в № 31 газеты «Новое время».

«Так писал я на третий день “бескровной” русской революции» (С. Бехтеев).

Государь Николай II

Россия

Была Державная Россия;
Была великая страна
С народом, мощным, как стихия,
Непобедимым, как волна.

Но под напором черни дикой,
Пред ложным призраком «сво- бо- д»
Не стало Родины великой,
Распался скованный народ.

В клочки разорвана порфира,
Растоптан царственный венец,
И смотрят все державы мира,
О Русь, на жалкий твой конец!

Когда-то властная Царица,
Гроза и страх своих врагов,
Теперь ты жалкая блудница,
Раба, прислужница рабов!

В убогом рубище, нагая,
Моля о хлебе пред толпой,
Стоишь ты, наша Мать родная,
В углу с протянутой рукой.

И в дни народной деспотии
В бродяге, нищенке простой
Никто не узнаёт России
И не считается с тобой.

Да будут прокляты потомством
Сыны, дерзнувшие предать
С таким преступным вероломством
Свою беспомощную Мать!

Орёл. Апрель 1917

Стихотворение «Россия» осенью 1917 года было послано Их Императорским Величествам в Тобольск. В 1919 году оно было впервые напечатано в газете «Доброволец», выходившей в Кисловодске. Позднее было помещено в № 2 газеты «Царь-колокол» от 31 августа 1920 года, издававшейся в Севастополе Н. П. Измайловым.

Верноподданным

*Посвящается дорогим сестрам моим
Е. С. и Н. С. Бехтеевым*

Не унывай, не падай духом:
Господь рассеет царство тьмы,
И вновь прилежным, чутким слухом
Наш русский гимн услышим мы.

И снова наш Отец Державный
На прародительский Свой трон
Взойдёт, как встарь, Самодержавный,
Сынов сзывая на поклон.

И в жалком рúбище, нагая,
К стопам великого Царя
Падёт в слезах страна родная,
Стыдом раскаянья горя!

И скажет Царь, в уста лобзая
Свою предательницу дочь:
«Я всё простил тебе, родная,
И Сам пришёл тебе помочь.

Не плачь, забудь былые ковы;
С тобой я буду до конца.
Неси твой крест, твои оковы
И скорбь тернового венца!

Елец. Октябрь 1917

Стихотворение «Верноподданным» и следующее за ним «Боже, Царя сохрани» были напечатаны осенью 1917 года полковником П. С. Толстым и раздавались населению Одессы. Позднее оба эти стихотворения были доставлены Его Императорскому Величеству в Тобольск.

У Креста

Шумит народ, тупой и дикий,
Бунтует чернь. Как в оны дни,
Несутся яростные крики:
«Распни Его, Пилат, распни!»

Распни за то, что Он смиренный,
 За то, что кроток лик Его.
 За то, что в благодати презренной
 Он не обидел никого.

Взгляни — Ему ли править нами,
 Ему ли, жалкому, карать!
 Ему ли кроткими устами
 Своим рабам повелевать!

Бессилен Он пред общей ложью,
 Пред злобой, близкой нам всегда,
 И ни за что к Его подножью
 Мы не склонимся никогда!»

И зло свершилось! Им в угоду
 Пилат оправдан и омыт,
 И на посмешище народу
 Царь оклеветан... и... убит!

.....

Нависла мгла. Клубятся тени.
 Молчат державные уста.
 Склонись, Россия, на колени,
 К подножью Царского Креста!

1921

Град Китеж

*Посвящается афонским
 инокам патриотам*

От древних лет, от лет давно минувших,
 С седых времён родимой стороны,
 Во мгле веков, бесследно потонувших,
 Хранятся дивные преданья старины.

Они гласят бессмертными устами
 Живую повесть скрывшихся веков,
 О чудном городе с бессчётными церквами,
 Ушедшем в озеро с зелёных берегов.

И в наши дни мятущегося ада,
 В дни торжества неслыханного зла

Из потонувшего в пучинах Китеж-града
Подземные гудят колокола.

Они зовут в обители родные,
Под своды мирные задумчивых церквей,
Где блещут радостью оклады золотые
В сиянье трепетном молитвенных свечей.

Туда, в далёкие таинственные дали,
В немую мглу мерцающих лампад,
Где, вновь целя страданья и печали,
На нас глаза подвижников глядят.

Где дым кадил благоуханно реет,
Где клир гремит ликующей хвалой,
Где каждый звук и каждый образ веет
Давно забытой, милой стариной...

Туда, туда уносят нас мечтанья —
К былому прошлому великих светлых дней,
Унесших навсегда красу очарованья
В далёкий край безоблачных теней.

И в злые дни, когда мольбы и стоны,
Терзая нас, несут душе разлад,
Они зовут нас, благостные звоны,
В таинственный родимый Китеж-град.

К святыням прошлого, покинутого нами,
К тем алтарям, что смели мы не чтить,
К тому прекрасному, что гордыми сердцами
Мы не умели, жалкие, любить...

Воспряньте ж все, покайтесь же, спешите ж
Сплотиться вновь, чтоб дать отпор врагам,
Он нас зовёт, бессмертный царский Китеж,
К своим святым, чудесным берегам.

Королевство С.Х.С. 1926

Немногим

*Блажени изгнании правды ради,
яко тех есть Царство Небесное. (Мф. 5:10)*

Блажен, кто в дни борьбы мятежной,
В дни общей мерзости людской

Остался с чистой, белоснежной,
Неопороченной душой.

Блажен, кто в годы преступлений,
Храня священный идеал,
От повседневных искушений
Умом и сердцем устоял.

Блажен, кто, вписывая повесть
В скрижали чёткие веков,
Сберег, как девственница, совесть
И веру дедов-стариков.

Блажен, кто Родину не предал,
Кто на Царя не восставал,
Кто чашу мук и слёз изведал,
Но малодушно не роптал.

Старый Футог. Май 1921

*Памятная доска поэту, открытая в 2014 году
в орловском Успенском монастыре.
Надпись на табличке: «Бехтеев Сергей Сергеевич,
русский поэт, сердце отдавший
за Святую Русь»*

Угодник

Памяти преподобного Серафима Саровского

Старец Божий, старец кроткий,
В лаптях, с палкою простой,
На руке иссохшей чётки,
Взор, горящий добротой.
Сколько дивного смиренья

В страстотерпческих чертах,
Дивный дар богомольня
Лёг улыбкой на устах.

Тяжким подвигом согбенный
Он идёт, гонец небес,
Прозорливый, вдохновенный
Полный благодатных чудес.

Благодатной силой веет
На молящих от него.
Гордый разум цепенеет
Перед святостью его.

Ницца. 1933

Святая Русь. Худ. М. В. Нестеров, 1901–1905 годы

Святая Русь

По топким берегам неведомых болот,
Непроходимыми дремучими лесами
Она, согбенная, в смирении идёт,
Влекомая к святыням чудесами.

В её руках обветренных костыль,
Котомка рваная за тощими плечами,
На ветхих лаптях вековая пыль,
Навеянная долгими путями.

Не страшен ей ни беспощадный зной,
Ни вихрь, ни дождь, ни зимние морозы,

Ни лютый голод с немощью больной,
Рождающей сомнения и слёзы.

На то она — Святая наша Русь,
Могучая смиренными мольбами,
И этой Русью в муках я горжусь
И к ней стремлюсь сыновними мечтами.

Ницца. 1933

Небесная Царица. Икона Державной Божией Матери

Перед твоей державною иконой
Стою я, трепетом молитвенным объят,
И лик твой царственный, увенчанный короной,
Влечёт к себе мой умилённый взгляд.

В годину смут и трусости бесславной,
Измены, лжи, неверия и зла
Ты нам явила образ Твой Державный,
Ты к нам пришла и кротко прорекла:

«Сама взяла Я скипетр и державу,
Сама Я их вручу опять царю,
Дам царству русскому величие и славу,
Всех окормлю, утешу, примирю».

Покайся ж, Русь, несчастная блудница!
Омой в слезах свой осквернённый стыд.
Твоя заступница, Небесная Царица,
Тебя и грешную жалеет и хранит.

*Изготовленные С. Бехтеевым своими руками
и на собственные средства
Царские врата и иконостас домового храма
Державной иконы Божией Матери в Ницце*

И. Б. Гаврилов

Философия православного пастырства

Отклик на новую книгу священника Илии Макарова

*Иерей Илия Макаров
в Мариинском театре
на концерте
«Сакральная музыка
русской культуры»*

Тема православного пастырства — сегодня одна из наиболее острых и актуальных тем в нашей Церкви. Святейший Патриарх Кирилл неоднократно в своих выступлениях поднимал вопрос о служении православного пастыря в современном секулярном мире, говорил о «пастырском выгорании», под которым подразумевал потерю «мотивации к несению пастырского служения», хроническую усталость и апатию, а также сомнения в наличии пастырского призвания и верном выборе служения Господу не только как мирской профессии, но и как образа жизни. В частности, Святейший Патриарх отмечал: «Церковь определяет, каким должен быть священник, свидетельствует об идеале, образце. Но даже сама эта задача — конкретное определение идеала в данных исторических обстоятельствах — уже является элементом целеполагания в сфере духовного образования. Таким образом, задача духовного обра-

зования — не только „воспроизводство священников“, как „воспроизводство инженеров“, но и воспроизводство идеала, или, говоря языком светским, знаний, умений, навыков, компетенций, необходимых черт характера, состояния души» (Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на совещании ректоров духовных учебных заведений Русской Православной Церкви 13 ноября 2009 года).

Выпущенная издательством Санкт-Петербургской духовной академии новая монография «Грани современного пастырства: этика» является прямым ответом на призыв Предстоятеля Церкви — она стремится раскрыть духовно-нравственный идеал православного пастырства.

Со Святейшим Патриархом Кириллом

Автор этой актуальной книги священник Илия Макаров — один из наиболее образованных священнослужителей Санкт-Петербургской епархии, выпускник исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (1999), Библейско-богословского института им. св. ап. Андрея Первозванного (2005), Санкт-Петербургской православной духовной академии (2007).

Получив основательную научно-гуманитарную и богословскую подготовку, успешно защитив диссертацию на соискание ученой степени кандидата богословия, отец Илия щедро делится своими знаниями со студентами как доцент кафедры церковно-практических дисциплин СПбДА. Также он несет послушания в Санкт-Петербургском епархиальном управлении в должности председателя Отдела религиозного образования и катехизации Санкт-Петербургской епархии; руководителя Центра подготовки церковных специалистов при СПбДА; ответственного за взаимодействие с образовательными учреждениями по вопросам преподавания Основ православной культуры; председателя Совета по культуре Санкт-Петербургской епархии; члена Ставленнической комиссии; администратора Хора духовенства Санкт-Петербургской митрополии. Кроме того, он — автор духовных музыкально-художественных проектов на сценах Мариинского театра, Санкт-Петербургской филармонии, Ледового дворца, Александринского театра, Смольного собора; ведущий программ на христианском радио; настоятель уникального и единственного в своем роде

Обложка книги отца Илии

*В храме во имя священномученика
Серафима Петроградского*

храма во имя священномученика Серафима Петроградского — часовни реликвий при Санкт-Петербургском епархиальном управлении; автор многочисленных научных трудов в светских и церковных изданиях. Впечатляет широта тем, которые глубоко и профессионально освещает в своих работах отец Илия: от истории Русской Церкви в эпоху Петра I до философии музыкального творчества.

Столь разносторонняя деятельность, безусловно, вызывает живой интерес к личности автора книги. И можно только изумляться, как при такой громадной нагрузке отец Илия успеваеет заниматься наукой. Однако лежащая перед нами монография убедительно показывает, что это возможно.

Аннотация, размещенная на задней стороне обложки, на наш взгляд, является в целом удачной и достаточно информативной. Во-первых, она подробно показывает портрет автора книги — современного высокообразованного священнослужителя, преподавателя Санкт-Петербургских духовных школ.

Во-вторых, аннотация раскрывает научную и идейную направленность монографии, точно определяя ее как результат междисциплинарного исследования в сфере трех направлений современной богословской науки — пастырского богословия, христианской этики и православной аскетики.

Со студентами Санкт-Петербургской духовной семинарии

В аннотации верно отмечено, что монография будет полезна священнослужителям, студентам богословских учебных заведений и будущим пастырям. Однако можно было сказать и большее. Это не только научная монография, но настоящая мини-энциклопедия православного пастырства, крайне полезное в практическом отношении издание, имеющее острозлободневное назначение, и поэтому жанр его можно было определить (парадоксально, но верно!) как «монография: практическое пособие для пастырей и студентов». Тогда потенциальная читательская аудитория увеличивается на порядок. Ведь «монография-пособие» — это и есть тот универсальный идеал, к которому успешно стремится издательство СПбДА в последние годы: сочетание в одной книге богословской глубины, научной полноты и конкретно-практической направленности, актуальности.

Понравилась в новом труде, во-первых, твердая укорененность книги в Церковном Предании, а во-вторых, — тесная связь с духовным опытом Православия XX столетия. Монография иерея Илии Макарова «Грани современного пастырства: этика» возрождает лучшие традиции русской богословской науки о пастырстве. В ряду ее предшественников можно назвать такие ставшие уже классическими труды, как «Православное пастырство» протопресвитера Георгия Шавельского, «Православное пастырское служение» архимандрита Киприана (Керна), «Заметки по пастырскому богословию» протоиерея Льва Лебедева и, конечно, многочисленные писания и проповеди одного из наиболее ярких современных иерархов, мыслителя, проповедника, миссионера митрополита Сурожского Антония (Блума).

Заслуживает внимания богословский энциклопедизм автора, его свободное владение огромным массивом святоотеческой литературы. Впечатляет один только перечень источников! Безусловно, на первом месте стоят труды Святых Отцов Церкви: свт. Амвросий Медиоланский, свт. Василий Великий, свт. Григорий Богослов, преп. Иоанн Лествичник, преп. Симеон Новый Богослов, свт. Димитрий Ростовский, свт. Тихон Задонский, свт. Феофан Затворник, св. прав. Иоанн Кронштадтский и многие другие. Но автор прекрасно знаком и с современным богословием: преп. Паисий Святогорец, архим. Софроний (Сахаров), В. Н. Лосский, архим. Ианнуарий (Ивлиев).

Особенно глубоко и творчески автор постиг наследие владыки Антония Сурожского: «Мы, пастыри, должны подкреплять каждого из вас живым словом правды и должны всей жизнью — и открытой нашей жизнью, и потаенной, той,

*В храме во имя священномученика
Серафима Петровградского*

что происходит в глубинах нашего сердца, — быть достойными того слова Божиего, которое мы провозглашаем» (С. 56).

Весьма ценно, что отец Илия, усвоив и святоотеческий дух, и опыт известных современных пастырей, представил актуальную квинтэссенцию православного учения о пастырстве на прекрасном классическом русском языке. Через весь труд проходит тема пастырской аскезы, которая, как убедительно показывает автор, не есть забытая и устаревшая теория, но существенно необходимая практика каждого пастыря, вне которой данное служение невозможно.

Таким образом, читатель убеждается, что христианство — это не сухая доктрина или некая система нравственности, а живая сила во Христе.

Выпущенная монография должна стать настольной книгой не только каждого молодого вдумчивого пастыря, но также и студентов духовных школ, решивших посвятить свою жизнь трудному, но высокому священническому служению и воплотить в ней тот возвышенный идеал, о котором смог сказать свои важные слова иерей Илия Макаров. Хочется надеяться, что со временем, обогатившись еще большим пастырским опытом, автор представит новое, расширенное и дополненное, издание своего труда, которое мы с полным правом назовем «энциклопедией православного пастырства».

В Мариинском театре

Теперь же пожелаем автору этой замечательной книги не останавливаться на достигнутом и смело обратиться к новым темам, прежде всего связанным с осмыслением христианской музыкальной культуры, о которой он так вдохновенно рассказывает в основном далекой от Церкви светской аудитории зрителей главного музыкального театра нашей страны — Мариинского — в своем уникальном проекте «Сакральная музыка русской культуры». Катастрофическое падение вкуса у современной молодежи ставит новые задачи перед Православной Церковью. На повестке дня стоит богословский анализ современной музыкальной культуры, к чему также побуждает предостережение Святейшего Патриарха Кирилла: «Дурной вкус в культуре — не грех, но может привести ко греху».

Священник Игорь Иванов

Несколько наблюдений о неоромантическом символизме в киноэпопее «Крылья империи»

Как известно, художественное кино — разновидность художественного иносказания, творческой переработки впечатлений, вызванных человеческой жизнью и ходом истории, посредством образов, создаваемых средствами кинематографа. И чем больше культурных кодов, аллюзий, притчевого языка в кинематографе, тем многозначнее и насыщеннее будет и само художественное кинополотно.

И в силу этого вряд ли можно ожидать, что кинопроизведение с легкостью уложится в прокрустово ложе между некоей яркой иллюстрацией к историческим событиям и добротной документалистикой. Все-таки в киноискусстве есть свой набор условностей, своя палитра, свой стиль, свой символический язык. Вопрос состоит в том, что именно порождает кинофильм в душе зрителя, какие вызывает мысли и эмоции?

В последние тридцать лет российское общество в лице деятелей искусства, культуры и науки постоянно обращается к исторической трагедии России начала XX века¹. Создается такое ощущение, что в нашем менталитете та боль до конца не изжита и те раны еще не залечены.

Особенно остро стали говорить об этой драме во второй половине 2010-х годов в контексте череды столетних дат памяти тех или иных событий, связанных с Великой войной, Февральской революцией, Октябрьским переворотом, Гражданской войной и эмигрантскими движениями.

В современном кинематографе сложились две линии фильмов и сериалов на эти сюжеты: 1) экранизации и ремейки; 2) самостоятельные кинопроизведения.

К первой группе относятся, например, «Доктор Живаго» (2005), «Белая гвардия» (2012), «Тихий Дон» (2015), «Хождение мо мукам» (2017), а ко второй — «Гибель империи» (2005), «Столыпин. Невыученные уроки» (2006), «Багровый цвет снегопада» (2008), «Господа офицеры: Спасти императора» (2008), «Адмиралъ» (2009), «Распутин» (2013), «Григорий Р.» (2014), «Баталь-

¹ Вспомним, к примеру, фильмы «Моонзунд» (1987), «Собачье сердце» (1988) и сериал «Конь белый» (1993).

онь» (2015), «Герой» (2016), «Троцкий» (2017), «Демон революции» (2017), «Крылья империи» (2017). Также к революционной тематике можно отнести сериал «Империя под ударом» (2000), где рассказывается о противостоянии эсеров и Охранного отделения в период 1901–1908 годов.

Среди этих кинопроизведений особо выделяется сериал «Крылья империи», который обратил на себя внимание уже тем, что его показ в 2017 году был прерван на четвертой серии, а целиком фильм вышел на экраны лишь в июле 2019 года.

Кроме того, он отличается от вышеуказанных фильмов еще и ярко выраженной мифопоэтикой, аллюзиями и обращенностью к духовным смыслам. Фильм представляет собой скорее символично-философскую² притчу, нежели псевдодокументальную реконструкцию по мотивам известных событий и биографий определенных прототипов.

Рассмотрим некоторые примеры, касающиеся этих аспектов.

Сразу отметим, что те реальные исторические деятели, которые показаны в фильме, выступая уже как лирические герои, согласно законам художественной изобразительности воплощают в себе тот или иной характерный аспект как собственной личности, так и архетипа, к которому принадлежат, — и все это в рамках интерпретации сценариста и режиссера. Поэтому при разговоре о фильме несколько неуместно звучат критические замечания об историческом несоответствии героев, событий и антуража.

Что касается собирательных или вымышленных образов, то они могут восприниматься как носители определенной идеи, культурного кода, быть выражением некоего типажа своего времени³.

Кроме того, поскольку, как нам кажется, в фильме во главу угла поставлены именно нравственные вопросы, то и воспринимать его героев желательно именно в контексте духовных, этических и социальных смыслов и их коллизий⁴.

² Мы видим целый ряд программных идейных монологов (зачастую сказанных в контексте диалогов) на самые насыщенные русские темы, вложенных в уста идейных антагонистов: Джугашвили, Лядова, Керенского, Ленина, графини Кирсановой-Двинской, Троцкого, Кутепова и др.

³ Вот, например, *говорящие имена*: старый слуга Фирс (отсылка к Чехову, «Вишневый сад»), Сергей Кирсанов (отсылка к Тургеневу, «Отцы и дети»), Софья Беккер («мудрая дочь пекаря»), Дьяконовы (намек на принадлежность к духовному сословию как указание на некое врожденное благочестие).

⁴ Начало фильма: противостояние двух гордынь — дворянской (Сергей Кирсанов-Двинский) и недворянской (Дмитрий Дьяконов) — как бы задает тон всей перспективе псевдоклассовой борьбы: кто лучший, кто более достойный и почему и кто имеет право быть особо отмеченным императором? Далее в динамике развития сюжета к этому спору добавляются новые столкновения человеческих эгоизмов в борьбе за жизнь, за самореализацию, за любовь, за власть, за Россию. Кульминации они достигают в двух линиях: 1) раскаяние и самоубийство у фюзеляжа разбитой «России» (Сергей Кирсанов-

Иными словами, нужно постараться увидеть, как в человеке действует добродетель или порок в связи с его возвышенными или не очень устремленными в контексте ситуации, в которую он попал по своей доброй воле или в силу стечения обстоятельств.

Здесь важно и то, что лирическими героями фильма становятся не только люди. Свои роли играют и Россия, и Санкт-Петербург, и Война, и Революция, и Поэзия, и Безумие⁵, по-разному олицетворяясь как в событиях, так и людях. Также сильный образ-метафора аэроплана «Россия»⁶ как символа «свободы полета»⁷ соотносится и с названием киноэпопеи, и с названием стихотворения Софьи Беккер «Окрылённые».

Прежде чем начать говорить о Поэзии как лейтмотиве (или своего рода символическом «лирическом герое»⁸) фильма, отметим некоторые ключевые слова-маркеры из лексикона неоромантического⁹ символизма, проявившиеся как смысловые знаки символической концепции кинодрамы: окрыленность, поэт, поэзия, полет, свобода, счастье. При этом символика крыльев проявляется двояко: 1) в конкретных предметах: аэроплан «Россия», канарейка в ангаре, грифоны в кабинете британского посла, двуглавый орел, букашки, шмель на лугу; 2) в «окрыленных» позах и жестах людей¹⁰.

Двинский) и 2) самопожертвование (отказ от братоубийства) и избрание иноческого пути (Константин Кирсанов-Двинский). Но самая драматическая и напряженная линия духовных-душевных борений и жизненной борьбы проходит у крестьянина Матвея Осипова. Он, пожалуй, символизирует собой народную стихию — чистую, справедливую и искреннюю в своей нутряной основе, но яростную, пылкую, строптивую и мятущуюся в своих действиях. Или: небесную жалость к несчастным и звериную жестокость к тем, кто делает несчастными. Здесь показательно, как меняется в этой парадигме его отношение к Ленину: от сочувствия в начале знакомства к ненависти в конце. Физическое уничтожение зла — такова его идея-фикс.

⁵ Разные психические девиации, душевные аномалии, травмы и болезни сопровождают героев фильма: расстройства, депрессии, галлюцинации, деменция и самое трагическое — сочетание гордости и глупости. Безумие приводит героев к предательству либо самого себя, либо идей и идеалов, либо друзей, либо общества, либо Отечества (или же этих аспектов в разных сочетаниях). Особняком стоит лишь финальное безумие ставшего юродивым Матвея Осипова, возможно ведущее его к искуплению через самопожертвование ради спасения детей от красноармейской расправы при штурме Кронштадта в 1921 году.

⁶ Конечно, этот как бы «единственный» аэроплан — нарочитый символ, и нельзя эту метафору понимать буквально, учитывая, что на 1917 год в Российской империи насчитывалось 1039 аэропланов, а военно-воздушные силы стремительно развивались.

⁷ Эта тема проговаривается при создании иллюзии полета в ангаре аэроплана «Россия» (2-я серия).

⁸ Это и богемная редакция альманаха «Северная роза», и салон поэтессы Афины, и театр В. Мейерхольда, и литературный клуб Софьи Беккер, и Николай Гумилёв с Анной Ахматовой как символы-антиподы той эпохи.

⁹ Яркими представителями русского неоромантического символизма были поэты Николай Гумилёв и Валерий Брюсов.

¹⁰ См. Приложение с иллюстрациями.

Поэзия как лирический герой и сквозная тема кинодрамы

Отметим здесь ключевые перипетии эпопеи, связанные с поэзией, крыльями, открытностью и свободой.

В 1-й серии («Крещендо») говорится о том, что Софья желает прочитать свое первое стихотворение императору. Затем мы узнаем, что альманах «Северная роза» отказывает ей в печати этого стихотворения, а сотрудники редакции высмеивают штампы в стихотворении Софьи Беккер: «окрыленные, упоенные, влюбленные», подчеркивая, что «только страдания обращаются в поэзию».

Во 2-й серии («Грифоны») Сергей Кирсанов-Двинский, прочитав стихи Софьи, через некоторое время дарит ей их в изданном виде, делая при этом предложение, стоя на крыле аэроплана «Россия» как символу свободного полета жизни вне предрассудков. Отметим, что мать Сергея, отвергнув Софью как беспородную, дает ей совет: «Умейте обращать поражение в победу». Драматические метаморфозы «поражений-побед» (внутренних и внешних) пройдут сквозь весь фильм.

В 3-й серии («Порознь») происходит значимое знакомство Софьи Беккер с Николаем Гумилёвым во время поездки в петроградском трамвае. Отметим, что действие происходит в 1915 году, а стихотворение «Заблудившийся трамвай» Гумилёв напишет в 1919-м, уже после революции. То есть нам показывают ситуацию некоего профетического предчувствия-предвидения Поэта. В ходе общения, после несколько утрированного прочтения своего стихотворения, Софья, в недоумении от реакции Гумилёва, спрашивает его: «Николай Степанович, а кому читаете вы?» И Гумилёв ей отвечает: «Людям, конечно. И это очень важно. Может быть, даже важнее всего на свете». После некоторой паузы добавляет: «И еще. Знаете, некоторые слова нельзя рифмовать. Стихи имеют свойство сбываться». Через некоторое время поэт-чудотворец говорит дождю прекратиться, и тот затихает.

В 4-й серии («Глупость и измена») показана божественная деградация Софьи Беккер — предательство Поэзии как служения светлomu Аполлону.

В 5-й серии («Маски») мы видим, как 24 февраля 1917 года глава отряда революционных матросов прерывает запуск аэроплана «Россия», грозя, что и царю «пообломает крылья». Затем он приказывает вывести аэроплан из действия, поскольку «сегодня для России — погода нелетная». Затем тема крыльев отражается в ситуации, когда впавший в детство Петр Двинский-Кирсанов дарит своей семье бумажных птичек на счастье. Свою птичку затем Сергей Кирсанов-Двинский подарит Софье, примирившись с ней и испросив прощения.

В 6-й серии («Слепые») показывается, как по-разному воздействует сила слова в ходе революционных событий февраля-июля 1917 года.

В 7-й серии («Переворот») в ходе событий Октябрьского переворота Сергей Кирсанов-Двинский переходит на сторону восставших, причем во

многим благодаря беседе с Троцким, заявившим, что Бог «нового мира» — не Любовь, а Социальная Справедливость. Затем в ходе захвата Зимнего дворца Сергей, будучи в состоянии наваждения, совершает убийство друга, спасшего его от расстрела. После этого убийства юнкер Дьяконов больше не являлся ему в галлюцинациях. Таковой оказалась цена (во имя торжества справедливости) освобождения от демонического наваждения.

В 8-й серии («Зверинец») скульптор показывает Троцкому проект его скульптуры в виде человека с распростертыми руками¹¹, отвечая на недоуменный вопрос Троцкого, что это, собственно говоря, изображение «человека, окрыленного революцией».

В 9-й серии («Пламень») мы видим, как в сентябре 1918 года под крыльями аэроплана «Россия» происходит важный разговор двух братьев. Константин Кирсанов говорит Сергею: «Смысл — в верности себе». После чего Сергей дает брату охранную грамоту и говорит ему: «Беги, брат!» Константин пытается угнать самолет, но левый двигатель оказывается поврежденным пулями, и угонщики садятся на соборной площади в Кронштадте. Охранная грамота спасает им жизнь. Аэроплан ставится в ангар для ремонта.

В этой же серии комиссар Софья Беккер, стоя спиной к проводимой красным командиром Сергеем Кирсановым¹² децимации красноармейцев, напряженно читает стихи¹³ перед сидящим на веранде Троцким (а когда-то она мечтала прочитать свои стихи перед царем!):

Мы у грани последних дерзаний
Грозный факел во мраке зажгли
И из царства великих исканий
Песню вечной борьбы принесли.

Ярко плавится факел багряный,
Смело борется с мрачною мглой,
И танцует трепещущий рдяно
Отблеск пламени пляскою злой.

Разрушений светильник прекрасный
Мы зажгли средь ночей мировых.
В песнопеньях, горячих и страстных,
Пьем из кубка дерзаний святых.

После этого Троцкий ей говорит: «Вы, Софья, — маяк. Вы нам просто необходимы: народ теряется, нужно дать ему направление».

¹¹ Эта фигура напоминает статую Христа, расположенную на вершине горы Корковаду в Рио-де-Жанейро.

¹² Сергей располовинил дворянскую фамилию, оставив за собой ее первую часть — Кирсанов.

¹³ Авторство мне неизвестно.

В 10-й серии («Братья») есть два момента, где перекликаются две ситуации с распростертыми, как крылья, руками. Первая связана с припадком Матвея Осипова при самосуде-допросе, когда он, окончательно разочаровавшись в большевиках, пытается разобраться, кто виноват в том, что случилось со страной. В заброшенном доме он собирает узников — бывшего царского офицера, бывшего владельца завода, священника и идейного большевика... А вторая происходит в кавалерийском сражении красных и белых, когда Константин простирает руки, роняя шашку, и принимает на себя удар Сергея.

В 11-й серии («Дно») показывается, как уже перед «статусной» Софьей читает стихи молодой поэт из народа. Ситуация как бы зеркально повторяет ее первые шаги в мире искусства.

В этой же серии снова всплывает образ юнкера «Дьяконова», но он персонализирован уже целым крестьянским семейством-родом с такой же фамилией, которое взято в заложники по делу о вооруженном сопротивлении. Пораженный этим совпадением фамилий комдив Кирсанов отменяет расстрел и дает крестьянским партизанам недельный срок для сдачи оружия.

Также мы видим, как ставшая его женой Софья выступает в цирке¹⁴ перед пролетариями¹⁵ с такими стихами, оправдывающими революционные расстрелы¹⁶:

За веком век, за снегом снег. Мы те же,
 О край веков изранены, и пусть,
 Страна моя, да будет белоснежен
 В грядущий день твой дерзновенный путь!

Мы те же, но нам век прошедший узок,
 Служений новых край едва почат.
 Мы — будущее! Звуки новых музыки
 Не нотами, а пулемётами строчат!

Кроме того, в 11-й серии тему маскарада и посмертных масок неожиданно соединяет некий фронтовик-писатель Иван Ширяев¹⁷, передавший в редакцию Софьи Беккер свой роман «Дни». Дело в том, что именно он под маской «Неизвестного»¹⁸ вышел со сцены к Софье во время репетиции мейер-

¹⁴ Тема цирка звучала также, когда Сергей Кирсанов на вопрос Троцкого о составе советской делегации для заключения Брестского мира отозвался: «Шапито...»

¹⁵ Символично, что выступление пролетарской поэтессы проходит в московском цирке.

¹⁶ Авторство мне неизвестно.

¹⁷ Возможно, в этом имени кроется аллюзия и к «Окайнным дням» Ивана Бунина, и к «Неугасимой лампаде» Бориса Ширяева.

¹⁸ Костюм «Неизвестного» был создан по мотивам венецианского карнавального домино-баутты.

хольдовской постановки «Маскарада» (см. 5-ю серию). И оба раза эта встреча вызвала у Софьи мистический ужас... В раздумьях Софья исправляет титульный лист рукописи, ставя свое имя и называя «Дно». Но после известий подруги Афины о том, что Матвей Осипов готовит покушение на Ленина, резко производит переоценку происходящего и отдает рукопись в печать, снова переправив на прежний титул.

В 12-й серии («Голгофа») Софья встречается вновь Николая Гумилёва — в Кронштадте во время митинга матросов на Якорной площади. При разговоре с ней он отмечает, что помнит ее строки: «Проживём свою жизнь безумцами на пылающем сквозняке...» и добавляет: «Плохие стихи я бы не запомнил. Пишите, пожалуйста, о чем-нибудь светлом, раз ваши слова так сбываются».

Затем мы видим разговор Софьи Беккер и Ксении Дьяконовой. Софья в отчаянии и задумчивости говорит: «Мне иногда становится так страшно. Ты только представь на секунду! Всё, что мы натворили за последние пять лет, — это какой-то кошмар, страшный сон, грех, наваждение, и новой светлой жизни уже никогда не будет».

Ксения Дьяконова ей с пафосом отвечает: «Будет. Через десять-пятнадцать лет¹⁹ нашу страну будет не узнать. Ни крови, ни голода, ни разрухи... Будет сияющий мир, как весеннее утро. Я вижу, как наши дети счастливы, свободны, какие крылья у них за спиной. И это дает мне силы жить и работать, верить и надеяться, иначе я не понимаю, зачем все это...»

После этого диалога Софья читает Ксении свои первые стихи «Окрылённые»²⁰:

Угловатыми, но крылатыми
 На неведомую беду,
 Проживём свою жизнь галчатами
 На нездешнем пустом пруду.

И, исколотые трезубцами
 Голых веток в березняке,
 Проживём свою жизнь безумцами
 На пылающем сквозняке.

Избалованы ль будем ласками
 Или крохами горький хлеб?
 Не дано разгадать под масками
 Птичий росчерк в письме судёб.

¹⁹ Не трудно подсчитать, что слова, сказанные в 1921 году, относятся к 1931–1936 годам. Постфактум мы знаем, что это было время сталинских репрессий и гонений.

²⁰ Известно, что его автор — современный поэт Антон Владимирович Духовской (род. 21.02.1967).

Не любимыми, но влюблёнными,
 Постигая и дно и дни,
 Мы бескрылые окрылённые
 У слепого окна одни.

К холодам мы собьёмся стаями
 Для побега, а не в полёт.
 С чем остались мы и кем стали мы?
 След от крыльев впечатан в лёд.

Последние слова «След от крыльев впечатан в лёд» сбываются — Софья Беккер погибает среди обломков льдин Финского залива, уходя под воду с распростёртыми, как крылья, руками.

Матвей Осипов также погибает, отпугивая, как сердитая птица, шеренгу красноармейцев, ведомых Сергеем Кирсановым. Матвей получает ранение и, убегая-уводя от Ксении, укрывающейся с детьми на крыше дома, приводит комдива Кирсанова в ангар, где стоит аэроплан «Россия». Как бы испрашивая прощения, Матвей падает в объятия Сергея и умирает, а Сергей тщетно пытается его «воскресить», со слезами крича «Вставай!», а затем от своего бессилия и раскаяния совершает самоубийство. Под крыльями «России».

Отметим, что с этими сценами чередуется молитва инока Пахомия и речь генерала Александра Павловича Кутепова, произнесенная во время стояния русской армии в Галлиполи: «Не знаю, сколько пройдет времени, пока затянутся незаживающие раны Гражданской войны — десять, двадцать, а, может быть, сто лет, — но, сколько бы ни прошло, я свято верю, что Россия воскреснет, гордо расправит крылья и взлетит. Я верю, что мы снова будем самым счастливым и свободным народом, живущим в своей самой красивой и единственной России».

Из всех главных героев в живых остаются только Константин Кирсанов-Двинский (теперь инок Пахомий)²¹ и медсестра Ксения Дьяконова, которую нам показывают на фоне Кронштадтского морского собора, обнимающей детей на крыше — создается образ птицы, защищающей своих птенцов.

Круг замкнулся: упав с крыши, убился юнкер Дьконов; взойдя на крышу, спасается его сестра.

После просмотра киноэпопеи возникает вопрос: а насколько была оправданной смена рабочего названия сериала — с «Окрылённые» на «Крылья империи»?

Давайте рассмотрим, что стоит за каждым из этих вариантов.

Если «Окрылённые» — это люди, живущие своей мечтой, то в повествовании о личностях теряется эпохальный и эпический момент.

²¹ Из обломка корабельной мачты он сооружает перекладину для Распятия в походной часовне в Галлиполи и молится перед этими крыльями Креста Царя-Христа.

Если «Крылья империи» — это есть некая динамика и иерархия образной парадигмы. Это либо отсылка к аэроплану «Россия» как сквозной метафоре, либо отсылка к прямой имперской символике — двуглавному орлу. Либо это конкретные люди, будучи «крыльями» страны,²² как бы увлекают в полет (к Небу ли, в бездну ли) все «тело» империи, пытаясь, оторвавшись от приземленности, возвыситься самим или возвысить ту идею, которую они вкладывают в понимание величия Отечества. Кто эти люди-метафоры? Семья последнего государя (царский орел)? Поэты-мечтатели разных мастей (окрыленные)? Инженеры-авиаторы мечты (люди-птицы)? Демоны революции и/или благодетели человечества (люди-грифоны²³)?

Возможно, создатели этой киноэпопеи посредством синтеза разных искусств попытались на языке неоромантического символизма выразить веру в преображающую силу поэтического слова — сакрального искусства достигающего идеала красоты чистой, возвышенной и окрыленной души, красоты жертвенного духа Любви, спасающей мир...

²² Сквозной метафорой проходит через фильм образ «руки-крылья».

²³ Грифоны — мифологические крылатые существа с туловищем льва и головой орла. Они имеют острые когти и белоснежные (или золотые) крылья. Грифоны — противоречивые существа, одновременно объединяющие Небо и Землю, Добро и Зло. Их роль — и в различных мифах, и в литературе — неоднозначна: они могут выступать и как защитники, покровители, и как злобные, ничем не сдерживаемые звери.

Приложение
**Образы крыльев
в фильме «Крылья империи»**

Имперский герб. Приезд императора в театр

Расправа эсеров с Матвеем Осиповым на мосту с грифонами

Грифон в британском посольстве

Сергей Кирсанов-Двинский делает предложение Софье Беккер

Грифон — свидетель событий Февральской революции 1917 г.

Бумажные птицы и др. фигурки Петра Кирсанова-Двинского

Троцкий и его скульптура

Припадок Матвея Осипова при самосуде

Отказ Константина Кирсанова-Двинского от братоубийства

Ставший блаженным Матвей Осипов и дети

Кончина Софьи Беккер

Ранение Матвея Осипова

Раненый Матвей Осипов на руках Сергея Кирсанова

*Константин Кирсанов-Двинский (инок Пахомий)
в Галлипольской походной часовне*

Священник Игорь Иванов

Из цикла «Русский Мир»

Невский покой

Глядит Нева волной лукавой,
прищурившись из-под моста...
А чайка, что орел двуглавый,
застыла сверху неспроста...

Чего друг в друге томно ищут?
Какой такой морской секрет?
...Бьют волны сонные по днищу,
а я смотрю на силуэт...

Ростральный этот город видеть
привык давно, но всякий раз
мой взгляд — от жажды ненасытен —
скользит, ища ещё прикрас!

Но полно! Чайки тень простыла...
Буксир пробулькал под мостом...
А волны — шумно и спесиво —
с моим заспорили бортом...

Готов стоять у парапета
я на столетия вперёд!
И, лицезря их силуэты,
Неве шептать: «Давай в полёт!»

Ледослав

(на картину И. Репина «Какой простор!»)

Земли не видно. Только рокот
волны, несущейся стремглав!
А юных разбирает хохот —
вся жизнь пред ними для забав!

Мечта!.. Стоять среди стихии,
надеясь ног не замочить?!

Вам в радость времена лихие? —
Их не унять, не истребить!

Чего же вам не доставало?
Что забурлило вдруг весной,
что стали вы средь ледосплава
дразнить свирепый сей прибой?

Что толку в юности беспечной?
Чем образумить страсти прыть?
Глупцы! Домой! К горячей печке!
Глинтвейном пироги запить!

Юнцов не видно. Только рокот
волны, несущейся стремглав...
А бесов разбирает хохот —
им наша гибель для забав!

Август Четырнадцатого (романс)

Цикады пропоют вечерние молитвы,
благословит на сон грядущий аист-ксёндз.
Лишь мышшь летучая дозором иль ловитвой
вниманье привлечёт далёких старых звёзд.

Тих август. Урожай поспел на добрых нивах!
В амбарах пиво ждёт, колбасы да сыры.
И скромницы глядят на парубков игриво,
ведь скоро мясоед — там свадьбы и пиры!

А у парней душа томится, как пред боем...
Им сенокос не люб и сеновал постыл.
Им скоро к рубежам идти походным строем...
Но ведают о том лишь высшие чины.

Цикады пропоют над полем панихидку,
Благословит героев павших аист-ксёндз.
Лишь унтер-офицер, целующий открытку,
вниманье привлечет далёких старых звёзд.

Матросня

Припомнят всё потом
в угаре самовластья:
и доброго отца, что сёк за воровство;
и дьякона с попом, что увещали:
«Кайся!»;
и друга-молодца, утёкшего на Дон;

и гимназистку, что перчаткою огрела,
и хлюпика, что смел меж ними твёрдо встать;
и офицера взгляд, и гордость винодела,
и тихую рыдающую мать...

Забудут всё, как сон,
в угаре самовластья:
и грамоты урок, засаленный букварь;
и мичмана узлы, что берегли в ненастье;
и радостную Пасхи киноварь...

Саломея, или Fin de siècle (жертвам Крымского террора 1920 г. посвящается)

Fin de siècle... Ида Рубинштейн —
Клеопатра или Саломея?
Ироды смакуют свой портвейн,
от танцовщицы циничной тайно млея...

Чёрт опутал пляской свой «кагал» —
им не до пророка Иоанна!
Ироды подлунный правят бал,
балансируя на интересах клана...

Fin de siècle... Трюмы барж полны...
Гордый ирод в грязной португее,
царство грабя, шлёт голов калым
комиссарше — новой Саломее!

Бес трясётся в пляске чумовой
перед головою Иоанна...
Ирод знал, что им убит святой.
Знал и чёрт... Но знанья было мало...

Русские в Бизерте (памяти «Русской эскадры»)

Здесь Плиний Старший старчески дремал,
от безмятежности устав и праздной скуки.
Средь африканских пышных опахал
сникал гундѣж залётной яркой мухи...

Что Рим, что Истанбул, что Петроград!
Империи трещат орехом спелым.
В Бизерту флот пришёл не на парад —
изгнанникам нет места в мире целом.

Но капитан свой судовой журнал
ведёт исправно, как корабль сквозь мины.
Матрос шустрит, — на палубах аврал!
(Как будто шик — стоять на карантине.)

Чалма мелькнёт иль кепи — всё равно!
Наш русский мир ничто не потревожит.
Имперский флот — что призрак из кино! —
пугает чем-то суетных прохожих...

Минуют годы — штили да шторма...
Потомки русских где-нибудь в Тунисе,
листая пожелтевшие тома,
взгрустнут, быть может, о своей Отчизне.

Но дух отцов молитвою храним,
община всех помянет поимённо.
Поднимут флаг, исполнят царский гимн
и праздником отметят хлебосольным.

Китеж-град

От бездуховного удушья,
от беспринципности спесивой,
казалось им, что очень нужно
спасать никчемную Россию.

Насиженные Небом воды
незримый Китеж-град покинул...
Казалось им, что минут годы
и возродится вновь Россия.

Сто лет прошло. И снова Янус
воротит нос, хрипя гугниво.
Невозвращенцам не досталась
необновлённая Россия.

И будет бор шуметь ветрами,
И будет «сказочно красива!»
в музее чуждом в старой раме:
без русских мнимая Россия.

На возвращение крейсера «Аврора»

Как призрак холодный, как волн равнодушных свинец,
как странной и страшной эпохи стальной эпигон,
«Аврора» пришла на заре... И был счастлив юнец,
не зная чему, и селфи снимал на смартфон.

Толпа гомонила, как ровно столетье назад,
как призраки тех, кто, от сытости праздной устав,
толкали страну и себя — не то в рай, не то в ад...
«Аврора» молчала, от качки слегка задремав...

Звезда багровела, как рана, на сером борту,
Андреевский флаг развевался крестом над кормой.
И, привкус металла почувствовав как бы во рту,
я вспомнил, «Аврора», твой путь боевой непростой...

Согреешь ли сердце ты тех, кто по трапам твоим
пройдёт посмотреть новодел развлечения для?..
Что там от имперской закваски — неведомо им...
Забыты и красные даты календаря...

Как воин усталый, надевший мундир на парад,
свидетель побед, поражений и снова побед,
«Аврора» пришла на заре... — И застыл Петроград,
как будто и не было горьких, трагических лет...

Обречённым на победу

Россию потерять нельзя...
Раз так,
обречены мы на победу в схватке.
Орёл иль решка?
Брошен четвертак.
И вертится юлою на брусчатке.

России непроглядный путь...
Наш код
не намагничен общим притяженьем?
Лишь добровольцев
Родина зовёт
стать хоть немного выше поражений...

России быть здесь станovým
хребтом:
просаливать от порчи пядь за пядью!
Байкал здесь ловит небо
жадным ртом,
фильтруя зло глубинным водосвятьем.

Россию потерять нельзя...
Раз так,
оставь навек свой жалкий ужас тлена!

Орёл и образ.
Царский четвертак.
Наш выкуп из бесчувственного плена.

Ангелу Чюрлёниса

Замкнулось века ожерелье,
но жерла не расчехлены...
И романтизм, расправив перья,
слегка парит в струях мечты...

Сколько долгод будет миг беспечный?
И что увидишь с высоты?
Что ляжет на твоё оплечье?
Пыль... пепел... алые цветы?

Но царственный полёт запомнишь
и, где б ты крылья ни сломал,
чернильницу слезой наполнишь,
пером напишешь мадригал...

Христу
(поэма)

Ты Один, Христе,
Настоящий Человек,
И Имя Твоё на нас,
И Сила Твоя в нас,
И Царство Твоё среди нас,
И Ты среди нас,
Грядущий во Царствии Своём,

Нас вспомни,
Когда прийдешь
Во Царствии Твоём,
Нас вспомни,
Не помяни ветхость нашу,
Обнови нас огнём Духа Твоего,
Любовью Креста Твоего,
Водою и Кровию ребра Твоего,
Прободенной Плотию Твоею,
Которую Ты принял
От Матери Твоей,
Марии,
Богородицы,
Невесты и Агницы,

Став Человеком
Настоящим,
Стоящим посреде нас.

* * *

Не оставил,
Не забыл,
Не покинул
Ты нас,
Христе Иисусе
Бог Живой,

Сего ради помазал Тебя, Боже,
Бог наш
Елеем радования,

Вознес Тебя и прославил,
 И исповедуем,
 Что Иисус Христос — Един Господь,
 На небеси и на земли,
 Во славу Бога Отца,
 В наше избавление,
 В нашу Надежду
 Непоколебимую,
 Неумирающую,
 Века преходящую,
 Ибо Ты — Надежда,
 Ты — Верность,
 Ты — Любовь,
 Ты — Премудрость Отчая,
 В ликовании пред Ним
 Черту проводя
 По песку морскому,
 По лику земли,
 По лику каждому человеческому,
 Ибо имя каждое
 Знаешь Ты,
 Сыне Божий,
 Исполнение Ты Сам
 Всякой радости человеческой
 И всякого искания предел и конец,
 И Путь бесконечный в горня.

* * *

Воду живую дай нам,
 Да не жаждем,
 Да не придём к колодцам пустым более никогда,
 Да не умрём в бездождии и в засухе
 Да не пребудем без Тебя,
 Росы Гедеоновой,
 На Деву Матерь сошедшей,
 Да не пребудем без Тебя,
 Потока вод,
 С небес текущего
 Напоить весь мир,
 Да не пребудем без Тебя,
 Родника воды живой,
 Из недр земных бьющего,
 Но с горних высот в долины

Снисшедшего,
 Да не пребудем без Тебя,
 Иисуса Христа,
 Сына Божия
 Истинного,
 Настоящего Человека,
 Среди нас
 Стоящего,
 Посреди
 Верно собранных
 По слову Твоему
 Во Имя Твоё
 Величайшее.

* * *

Не утрашимся, когда земная лоза
 Винограда не принесёт,
 С нами Ты,
 Виноград истинный,
 Твоею верою
 Живы будем,
 Не умрём,
 Не вкусим смерти вовек,
 Ибо Ты вкусил смерть нашу,
 Чтобы мы вкусили жизнь Твою,
 Испив от плода лозного
 С Тобою
 Во Царствии Твоём,
 Помяни нас,
 Грядый во Царствии Твоём!

* * *

Помяни руки, принесшие вино сие и хлеб сей,
 Да коснутся они рук Твоих прободенных и ребра Твоего,
 И не будут неверными, но верными,
 Господь и Бог наш,
 Во веки веков,
 Миры миров,
 Мириады мириад
 Ангельских сил
 Трепещут крылами,
 Взирают очами,

Поют песнь Тебе,
 Агнцу Божию,
 Победителю,
 Но хлеб принять
 Ты желанием возжелел
 Наш,
 Человеческий,
 И преломить
 С нами
 Хлеб Свой,
 Как преломил Ты
 С апостолами,
 Неузнанный и Познаваемый,
 Неуловимый, Непостижимый,
 Свободный и Спасающий,
 Бог всех,
 Иисус Христос,
 Живой во веки веков,
 Преломил хлеб
 С узнавшими Тебя,
 И Чашу подал нам
 Твою,
 Аминь.

07.01.2018

Волхвы

что увидеть вы ходили
 звёзды, ночь, конец всего
 неразлучная разлука
 Одного и Одного
 что ходили вы увидеть
 рвутся ветхие мехи
 ветер обымает кости
 омывает все грехи
 одевает светлой плотью
 новью огненной струи

что хотели вы увидеть
 да не думали узреть
 ветер ветер чистый ветер
 парус плоти звёздам петь

силам, воинствам и крыльям
 рассекать небесный свод
 подойди, иди, не бойся,
 Он пришёл, и Он грядёт

что увидеть вы хотели
 не увидите вовек
 смерть пришел вкушать на Древе
 от Марии Человек

что ходили вы увидеть
 свет звёзды навек в очах
 драхмы, овцы, чада, братья
 на раменах, на плечах

что хотели вы увидеть
 не смежайте же очей
 на водах повесил землю
 как звезда вовек над ней
 Он повешен, Он на Древе
 проклят, мёртвый, погребен

что увидеть вы хотели
 все бегут от всех сторон
 вы не чаяли увидеть
 вы не чаяли мечтать
 пеленам Младенца больше
 никогда не удержать.

06.01.2019

Рождественский сочельник

* * *

В пути Твоём живи меня,
 А я к Тебе гряду,
 Ходящий средь прохлады дня,
 Шагающий в аду.
 Воды напиться мне подай,
 Лице моё умой —
 И я увижу светлый край,
 От сот пчелиный рой.
 Пить воды и не жаждать ввек,
 Не обращаться в лёд —

Тебя поёт воскресший снег,
И вся земля поёт.

15.01.2019

* * *

пора галилейской весны
прейдет нисана мрак
и радости вашей никто
от вас не уйдет наг
не в зеркале тень и сны
не возвеселится враг
не сетованья полны —
здесь сто, пятьдесят и три
не расторгается сеть
друг ты или же как
не умолкая – петь

01.02.19

* * *

И от края и до края
Не сокрыться никуда
Окна неба, ливень рая,
Осиянная вода!
Встанет древо над рекою,
Светлой радугой звеня,
Духом, кровью и водою,
Осиянием огня,
И не будет там пустыни,
И росток неукротим
Навсегда в звенящем «ныне»,
Вместе с пением Твоим.

15.03.2019

* * *

Места под крышей мало, но всё же
ласточке есть укром.
Как широка Твоя заповедь, Боже, —
шире, чем смертный ров!

Глубже, чем в сердце морей — Иона,
шире, чем Ге-Хинном.
Если придёт Создатель Закона,
Его проклянет Закон.
Ласточка, пой, и я не устану
В выси высот смотреть.
Бездною — бездну, раною — рану,
Смертью — проклятую смерть.

16.04.2019

* * *

Полдень — ярче, солнце — краше,
Несказанные слова,
Переполненная Чаша,
Неувядшая трава.
И, со смехом, сети ловчей
Избежав, средь вод играй -
Тайна Сына, недра Отча,
Чаша льётся через край.
Нет видений, нет пророчеств,
Только свет из чаши льёт,
Дышит Ветер там, где хочет,
Собирая хоровод.

31.05.19

Ожидание

Какое мартовское небо!
Какая зимняя земля!
Я жду весны, как алчут хлеба,
Как ждут любви, уже любя.

Вчерашний дождь морозом скован,
На землю мелкий выпал снег,
А я безумно жажду снова
Весенних запахов и нег,

Весенних песен и журчанья
Ручьёв среди цветов и трав!
Мой слух от зимнего молчанья,
От ветров воющих устав,

Уж ловит теньканье синичье
Среди безлиственных ветвей,
И взгляд мой благодарно ищет
Певца весны, весны моей!

6 марта 2019 года

* * *

Ты выбрал маску, зеркала
Тебе в глаза покорно вдали.
Как можно избежать печали,
Не избегая лжи и зла?

Дверь отпирается ключами,
Для сердца ключ сокрыт в любви.
Не суетуй, что друзья твои
Тебя в тебе не замечали.

* * *

1

Над зыбью стонущей земли,
Под твердью неба неприступной,
Средь суеты сиюминутной
Глаголу тихому внемли!

2

Есть радость — торжество в бою,
Есть дар — благословенный труд,
Есть милость встречи, и лишь ту
Как хлеб подать Тебя молю!

3

Над зыбью стонущей земли,
На камни, стёртые стопами,
Среди толпы упав... Восстани!
И мой исход благослови!

* * *

Н.

Сегодня солнце, уходя,
В окне напротив отразилось,
И осени скупая милость
Мне прямо на руки пролилась
Златыми каплями дождя.
Вода, сверкнув в огне вечернем,
Мне так напомнила тебя,
Сухие пальцы холода,
Сияя пламенем неверным.
И образ твой сквозь тени лет —
Любви, до времени угасшей —
Я сохраню, как лист опавший —
Меж строк. И горечь этой чаши
Мне осветит вечерний свет...

* * *

В комнате душно, в комнате трое,
В комнате серых сумерек дым.
Если бы ты посидел бы со мною
С бокалом вина, протрезвел бы седым.

Если бы каждый открыл своё сердце,
Но невозможно, откроем окно,
Как открывают skipучие дверцы
Стеклянной витрины, закрытой давно.

И засверкают в ночи бриллианты —
Уйма сокровищ до срока ничьи.

Крылья надень, я надену пуанты.
Музыку слышишь? Танцуй и молчи.

* * *

Снова оземь, снова в путь,
В неизведанную глубь.
Ветер в волосы вплету,
Солнце кликну на лету,
И в ладье его золотой,
За последнюю верстой
Оставляя мир подлунный,
Снова стану девой юной
И в надоблачной стране
Встречу тех, кто дорог мне.

* * *

Открываются двери в осень,
Корабли растворились в небе,
Опадают с берёз-колосьев
Золотые крупинки хлеба.

Осень-нищенка между ними
Ходит в золоте — собирает,
И в ладонях к небесной сини
С благодарностью поднимает.

* * *

Блеснуло солнце и ушло.
Блеснуло небо голубое,
А после облако большое
Собой всё заволокло.

Встать, притвориться неживой,
Как древо стынувшего сада...
О вожденная отрада —
Непотревоженный покой!

Чтоб переждать, чтоб пережить
Студёный мрак ночей осенних,
И дней мелькающие тени,
И дождь, уже уставший лить.

Что сказал ветер

Холодные капли на стёклах оконных,
Холодные пальцы в дырявых карманах,
Светает так поздно, темнеет так рано,
И ветер повсюду сырой и холодный.

— Как я одинок, так и ты одинока.
Я вижу, какие вы все в самом деле, —
Он заговорил, проникая сквозь щели
И новые капли бросая на окна.

— Вы прячете злобу в постыдные тайны,
Вы лжёте себе и друг другу, — чуть смолк, —
Так я не печален, как люди печальны,
Так люди жестоки, как я не жесток.

День

День начинается с кофе и трёх таблеток.
Утром пуста скамейка перед подъездом.
Взгляд зацепляется за перекрестья веток,
Очередь на автобус, не хватает места.

В тысячеликом городе растворяясь,
Каждый голос слабеет тысячекратно.
В полдень неотвратимо придет усталость,
И уже не запомнится путь обратно.

Вечер вернёт прохладу, раскинет чары,
Вечером даже небо не так капризно.
Лишь по ночам, бывает, снятся кошмары,
О том, что пора забыть бы
О прошлой жизни.

* * *

На кончиках пальцев нетающий снег,
И пламя погасло под тяжестью век.
Земное дыхание всё-таки дым.
Всё стало вдруг неизъяснимо иным.

* * *

Я сотни лет не думала о вас,
Сто тысяч дней не знала, что любила,
И только изредка в полночный час
Я в лёгком сне вам что-то говорила.

Моё дыханье парус надувало
 И вашему земному кораблю.
 И пробил час, и я вас увидала,
 И поняла, что вовсе не люблю.

* * *

Пойдём туда, где облако золотое,
 Над светлокудрой липой вьются пчёлы,
 Где огоньки весёлой недотроги
 И лавочка уютная в тени...

* * *

М. И.

Молчание смерти зло,
 Волну рассечёт весло,
 Но плеска не будет волн,
 Лодкой правит Харон.

Тысячи лет как миг,
 Пыль на страницах книг,
 В них ли найдёшь ответ?
 Может быть, может — нет.

Я знаю, что смерть — дверь.
 Я знаю, а ты — верь.
 И с каждым шагом твой путь
 Будет светлей чуть-чуть.

* * *

Не спорь с глупцами, есть немало слов,
 Которые звучания не стоят.
 Тебя лишь самого беспокоят
 Они, ни в чём не убедив глупцов.

Бездна

(О человеческом, очень человеческом)

Я заглядываю в бездну,
 Бездну памяти моей,
 В этой бездне жутко, тесно,
 Шорох пляшущих теней.

Не вдохнуть кристальный воздух,
 Тьма и ветер над водой,
 И рассыпанные звёзды
 Над моею головой.
 Ветер треплет занавески,
 Ворох слов, событий, дней
 Разметал. Я вижу бездну
 И себя я вижу в ней...

Одиночество

I

Я хочу говорить обо всём,
 О любви
 И о смерти
 Ночью и днём,
 Об изменчивой моде
 Или даже погоде,
 О тонких искусствах, о вкусах,
 О везде, о всегда и нигде,
 Я смеяться хочу ни о чём,
 И чтоб было не страшно
 Поднимать шум и брызги,
 И солнце ловить на воде.

II

Неужели вы всё-таки
 Не скажете мне ничего,
 Глядя в глаза.
 Ведь взгляд, если пойман,
 Чрезвычайно важен.
 А вам страшно.
 И вы, возможно, хотели бы
 Не знать о моей просьбе —
 Простой просьбе
 Поговорить со мной о пустяках.
 Ведь это не стоит денег.
 А я лишь вздохну
 И непременно,
 Поверьте, непременно
 Найду вам оправдание.
 Но всё точно запомню,
 И вы тоже
 Запомните.

И может быть,
 Однажды
 Это повлияет на ваши мысли
 И даже судьбу.
 Лишь бы
 Не было
 Слишком
 Поздно.

* * *

Я наугад пойду вдоль тонких линий
 По карте города, большого, как планета
 С неимоверной силой притяженья.
 И буду слушать улицы и блики
 Так постаревшего за дни несчастий солнца.
 На ощупь запылённые деревья
 Сквозь дым находят небо голубое,
 И память пламенных веков хранят их корни,
 И напевают древние мотивы,
 Когда стихает гул речей и ропот
 Спешащих нас, мелькающих, как тени...

* * *

«Пока коричневая слякоть
 Весною чёрною горит». (с)

Молчать, молчать, пусть все чернила
 Горят графитовой весной,
 Ведь я её похоронила
 В глуши заснеженной лесной.

В холодной черноте весенней
 Родных пожарищ едкий дым,
 А в нем лишь пляшущие тени,
 И в землю вмёрзшие следы.

Теряюсь... То, что было мило
 И стало менее, чем сном,
 О том — молчать. И пусть чернила
 Горят графитовой весной!

Крестный ход

Дует ветер колокольный,
набивает синяки
звонарям Первопрестольной...
Полнолунный блик реки
пересказывает небо,
приукрашивает ночь,
чтобы Альфа и Омега
вышли темень перевозмочь.

Разговелись вербной манной
опечаленные дни.
Оплывают покаянно
благодатные огни.

Синевы бескрайний Китеж
крошит млечную поталь...

Всё ты знаешь, всё провидишь,
приснопамятная даль!

Чернецы твои крылаты.
Мудрецы твои просты.
И ни в чём не виноваты
рукотворные кресты!

Вознесенная обитель,
заповедная купель,
этой ночью твой Сказитель
воспевает наш апрель!

От смиренья до паренья
сенью вечности храним,
ноты горнего моленья
вьёт пасхальный херувим.

Дует ветер колокольный...

* * *

Такой мороз, что воротник
шинели щёки обжигает...

Блестят на улице ночной
 края плутающих следов.
 Но призрак Зимнего дворца
 к себе чужих не подпускает.
 Сегодня он затеял бал
 для представителей родов,
 чьи древа
 век-переполох
 перемолол
 на перепутье,
 чью доблесть выломала чернь,
 как лики, те, что под оклад...
 И вьюга с города Петра
 сурово спросит за безлюдье,
 переставляя мертвецов
 вдоль уцелевших колоннад.

Иду на поминальный свет,
 апостол царского призыва:
 сегодня ровно сорок дней
 от первой крови до большой...
 Такой мороз, что тут и там
 поверженно вмерзают грибы
 когда-то славных ездовых
 срамной заглоданных паршой.

Такой мороз, что у судьбы
 ходьба поджилки обрывает...
 Указывают фонари
 короткий путь до анфилад,
 где бледность значимых особ
 особенно напоминает
 о том, что всем не по душе
 готовность
 праздновать
 распад.
 Посольской лестницы разлёт,
 взывавший к Невской иордани,
 теперь намерен возносить
 утопленников имена.
 Такой мороз, что стынет кровь
 в моей сквозной, как небо, ране...
 И надо бы повременить,
 но дышат в спину времена.

* * *

Та ночь была длиннее дня...
 Марая руки,
 со стен смывала солдатня
 багрянец муки.

И деловитый комендант
 (косая сажень)
 клеймённый пулей бриллиант
 топил в поклаже:
 спешил припрятать ценный сор
 имперской славы.
 Хмелел Непойманный-не-Вор,
 попавший в главы
 ударной выделки смертей
 стрелком свердловским.
 От крови царственных детей
 в подвале скользком
 мутило метких «латышей».
 Ослепнуть им бы:
 над мёртвыми, душа к душе,
 срастались нимбы!
 Мельчали тени-палачи,
 не в силах будто,
 приговорённых разлучить
 с Пасхальным Утром.

Та ночь была как монолог,
 сорвавший связки.
 Их выносили за порог...
 На досках тряских
 везли туда, где у кострищ
 дымы упруги,
 где долетали до жилищ
 то смех, то ругань.

Когда же ярость хоровод
 водить устала,
 Терновым Солнцем небосвод
 короновало.

«Наше Царство теперь не от мира сего...» Худ. В. Киреев

Колыбельная с повинной

Спи, поскрёбьш непутевый,
засыпай, босяцкий сын!
Раздобыл тебе обновы
батя — колкие усы.

Не ропщи на сон грядущий,
что чураюсь не тверёз.
Ветер, по двору снующий,
птичку мёртвую принёс,
пригвоздил пушинки, ухарь,
на зарубины крыльца...
Спи, судьбы моей проруха,
высыпайся за отца!

А свеча во тьме судачит.
Не прислушивайся к ней!
А в окно стучится мальчик,
цесаревич Алексей.
Как ему украдкой очи
я побрезгвал прикрыть,
так в груди слеза клокочет,
подговаривает взвить.

Спи, кровинка душегуба,
знамо, есть кому обнять!
Скоро прибыльную убыль
станешь мерить-намерять.

Ментик ждет тебя парадный
да на вырост доломан.
Засыпай, мой ненаглядный!
Близок утренний туман...

Батя твой надясь от горя
попирсочкой хрустел...
— Был бы жив мужик Григорий,
он бы Лёшу пожалел!

Детская комната цесаревича Алексея

Ипатьевский

Этот Дом — переправа для когда-то убитых.
Это прошлое века оправдательных пуль.
Эти тяжкие стены, как могильные плиты,
исступлённо дышат полной жизни июль.

Снова в окна саднит поднебесная стая,
письменами парений осенив синеву...
Смотрит мальчик-подросток с того самого рая,
где высот коренные по старинке живут.

Этот Дом-бурелом скоро будет порушен...
Город носит его преждевременный стон.
Так разбойник несёт непосильную душу
сквозь спасительный сход почерневших икон.

Полумрак дополуночных комнат подвижен.
Царскосельские тени разбитых зеркал
каждый год в этот день опускаются ниже:
примерять на себя Погребальный Подвал.

Литургия верных. Худ. В. Киреев

К 100-летию Русской Трагедии

Монолог блаженного

1

Граждане-товарищи! Или... Как вас там?
Намело отребьевых из века прошлого.

«Будет мне отмщение и аз воздам!»
Кто шептать осмелится, того — подошвами?
В закоулке чавкают сапожки.
Спишут офицерику. И айда барствовать!
Мол, на кой растениям корешки?
Корешкам не велено нынче царствовать!
Обрубить да прорубям на прокорм,
под шумок лишив амуниции...
Скрип-поскрип, сапоженьки — чистый хром! —
доведут грехи до кондиции.
Ничего, что стоптаны каблучки,
дармовой изъян не считается.

Намело отребьевых... Дурачки!
Без корней листва вырождается.

2

Подайте, Христа ради, на помин
всех ваших душ, закопанных в тужурки!

Сюжетами Господних именин
прожорливые давятся «буржуйки».

Трещат дровишки. Сыплется зола.
Трезвонит ошарашенное сердце:
в столице Революции зима святыми предлагает отогреться!
В буквальном смысле.
В том, который лют.
Младенца синим пламенем полощет!
«Да пусть горит! А то ещё пропьют
те, что вчера осмеивали мощи».
Всё ради хлеба?! Будет погода...
Блокадной пайкой — щедрость вразумления.
Растут зрочки народного вождя,
а в них земля для мест захоронения.

Подайте, Христа ради, задержу
над вашей злостью царское дыхание!
Однажды Каин волю дал ножу...
Но победил ведомый на закляние.

3

— Что это за дорога?
Сколько идти по ней?

Мимо клетей острога,
мимо немых церквей,
мимо скупых на слёзы,
мимо живых едва...

Ветер толкнул обозы
и припугнул слова.

Вроде бы лучше стало.
Только б не помнить как!
Каждый беглец из стана
бросил себя в овраг.
«Кто там опять не в ногу?
Побереги тела!»
— Если дорога к Богу,
то почему темна?

* * *

Разъярилось вороньё,
застит солнце ясное.

Злого пошла — до краёв...
Белый против красного!

Пригубили босяки
байки подстрекателя.
Наскрипели косяки
песенку проклятия.

Бабы тени на сносях,
тискают порубленных.
А ничейные в полях
ветром приголублены.

Раздувает угольки
времечко дебелое.
Полыхают мотыльки.
Красный против белого!

Кто кого опередит,
в муках убывания?
Кто кого принарядит
к Богу на свидание?

Стало тошно облакам,
обернулись тучами:
посносило куполам
крестики везучие.

То ли слёзы, то ли смех
в шёпоте юродивых:
«Ни для этих, ни для тех
не осталось Родины!»

Колыбельная для белых

Из гнездочка выпали,
да не мил полёт.
Птенчики Галлиполи,
кто вас подберёт?
Кто промоет раночки
звонкой ключевой?
Горюшка помарочки —
долей кочевой.

Чарочки притонные
быль разговоят.

Золотопогонные,
нет на вас царя!
Уцелели вроде бы...
Милостью чужбин
мутит вас, юродивых
русских сиротин.

Дышит спасение
дулом у виска.
Было бы везение,
кабы не тоска.
Светятся хранители,
голос подают:
«Всем, кого обидели!
Баюшки-баю»...

Счастье колыбельное —
непокойный сон:
качка корабельная,
дальний перезвон...
Времечко затикало,
зарыдало вспать:
птенчиков Галлиполи
некому обнять.

Исход. Худ. Д. Блюкин

1917

Чёрт бы его побрал,
этот мятежный век!
Выбран уже подвал —
царской семьи Ковчег.

Время корпеть штыкам,
 разворошив тряпье:
 буйноголовый хам
 даже детей добьёт.

Волчий заляшет след
 по рушникам полей.
 Невиноватых нет.
 А потому больней.

Чёрт бы его побрал,
 этот обманный год!
 Крылья крестам ломал
 краснознамённый сброд.

Время ревмя реветь
 да выносить святых...
 На колокольнях медь
 метит судьбе под дых.

Будто за всё сполна,
 тлеют торцы дворцов.
 В каждый провал окна —
 комом Земли Отцов!

Чтобы слезой кадить
 по берегам могил,
 чтобы сто лет молить:
 «Лишь бы Господь простил!»

* * *

Сколько дней Рождеством дорожа,
 миносица русской юдоли,
 я иду, покаянно дыша,
 по зыбучим окраинам боли?

Здесь, где тропы пропахли грозой,
 я любовь, как святого младенца
 напитая крещенской слезой,
 прижимая безгрешную к сердцу.

Я ступаю, молвы сторонясь,
 между строчками древних молений.
 Багровеет дорожная грязь,
 насмотревшись небесных знамений.

Здесь, где каждый оставленный след
впору трудникам иносказаний,
мне мерещится град Назарет
малой родиной крестных страданий.

Полночь детского вопроса

Памяти Василия Никифорова-Волгина

У праведных светлые тени...
Пронизанный давностью скит...

Канонами зимних молений
просторное небо скользит.

Роднятся бессонные лики
дозволенной толикой слёз.

Заветного Царства калики
исполнены Богом всерьёз:
мерцают дорожные крылья
вдоль вечностью согнутых спин.

Слагают благие усилья
насельники райских долин.

Прообразы смертных хождений —
умельцы оспаривать грусть,
послушные тайне творений,
читают псалмы наизусть.

У чаши неброской купели
густеют святые тела.

На взоры посланцам метели
дарованы хлопья тепла.

И кажется: всё это снится
усталую жизнь напролёт!

— А сможет сегодня родиться,
Который...
...однажды...
...спасёт?

Пушкин-лицеист. Худ. Д. Белокин, 1999 год

Дорога к Пушкину

1

Где сквозь снег проступали сибирские травы,
Где кедровник шумел о былых временах,
Я учился читать по стихам из «Полтавы»,
Мне Руслан и Людмила являлись во снах.

Эти ранние годы, как соты из воска,
Всё вбирали в себя — от картинок до фраз:
На альбомной гравюре я помню подростка
С чёрным блеском арапских мечтательных глаз.

Он товарищем был мне по детским проказам
В суматохе печальных и радостных дней,
И я верил его стихотворным рассказам
Так, как в Бога поверил намного позднее.

Это он научил меня лёгкому слогу,
Это он рассказал о добре и о зле,
Дал мне чувство любви и отправил в дорогу.
И остался... как воздух, как свет на Земле.

2

Если апогей духовной жажды
Дольний мир расплавит, как свечу,
Мы вернёмся к Пушкину однажды,
К вечному кристальному ключу, —

Чтобы всё угрюмое, больное,
 Спящее без музыки и книг,
 Как поля, засохшие от зноя,
 Напоил гармонии родник.

Это будет: рано или поздно
 Разлетятся брызгами года,
 Слово ослепительно и грозно
 Просияет в небе... И тогда,
 Может быть, на самой грани смерти
 По дороге светлой и прямой
 Мы вернёмся к Пушкину, поверьте,
 Нет, не мне, — поэзии самой.

Капитанская дочка

Паруса над ладьёю Хароновой
 И без ветра взлетают, шурша...
 Но молитвами Маши Мироновой
 Спасены твои честь и душа.

Никуда уж, казалось, не деться и
 Не укрыться от лютого зла.
 В изувеченной штурмом фортеции
 Коченели убитых тела.

Кровью бунт наливался, и точкою
 Застывала судьба на мели.
 Овладеть капитанскою дочкою
 Твой соперник пытался вдали.

А потом — хоть лежи и у трона вой,
 Кто услышит обиженный рёв?!
 Но молитвами Маши Мироновой
 Жив навеки Петруша Гринёв.

«Штандартъ»

Волны к вечеру спокойны, чисты и нежны,
 У форштевня пляшет огненный блик,
 А хрустальный голос юной Великой княжны
 Звоном склянок заглушился на миг.

*Великие княжны Мария и Ольга Николаевны
у борта императорской яхты «Штандарт»,
около 1909 года*

Впереди ночная вахта, и не верится нам
В предсказания опасных примет.
Императорская яхта скользит по волнам,
Да кроваво тонет гаснущий свет.

Южный ветер прилетает, горяч и упруг,
Но стихает возле русских принцесс:
Это ангелы спустились на палубу вдруг,
Это звёзды улыгнулись с небес...

Как приветственного залпа далёкий раскат,
Эхо памяти плывёт над волной.
Их Высочества с улыбкой глядят на закат,
На закат... короткой жизни земной.

Не принять былого фрахта иным временам,
Тает прошлое туманом теней.
Императорская яхта скользит по волнам,
И Вселенная лежит перед ней.

Ореанда. Сон.

Букеты роз алеют на веранде.
На море ветер... ветер в головах...
Так хорошо сегодня в Ореанде,
Так хорошо, не выразить в словах.

Мелькают паруса рыбацких лодок,
И словно отгнетают небеса
По-детски чуть упрямый подбородок
И светлые, серьёзные глаза.

Черты лица сквозь сон уходят плавно
Туда, где слышно в бездне голубой:
— О, не печальтесь, Ольга Николаевна,
Мы от беды закроем Вас собой!

У ног дрожит волна в ажурной пене,
Целуя след задумчивой княжны,
И белый шарф спадает на колени,
Как белый шлейф вскипающей волны.

*Высочайший смотр полка в Новом Петергофе 5 августа 1913 года.
На переднем плане Великая княжна Ольга Николаевна*

Август 1913-го

Гвардейские полки,
Скопление народа,
Досужий пересуд
В устах девиц и жён...
Лихие рысаки
Орловского завода
Уверенно несут
Пленительных княжон.

Есть сила в рысаках,
И не страшны смутяны:
Пустой и глупый бред
Не разобрать с седла.

Румянец на щеках
 У Ольги и Татьяны,
 Как розовый рассвет
 У Царского Села.

Пусть это было встарь,
 И в жизненном параде
 Велась на свой манер
 Превратная игра,
 Но — ехал Государь,
 И Царской кавалькаде
 Летело от шпалер
 Трёхкратное «Ура!» ...

*Великие княжны Ольга и Татьяна Николаевны
 в парадных мундирах
 своих подшефных полков, 1910 год*

* * *

Былых времён крошится позолота,
 Но символом потерянной страны
 Великие княжны на старом фото
 Стоят очаровательно юны.

Еще поют божественные лиры,
 Еще «ура» несётся, как прибой...
 И так идут военные мундиры
 Принцессам Царской крови голубой.

* * *

Былой России образ женский
 В сиянье Царского венца.
 Победно марш Преображенский
 Гремит у Зимнего дворца.

Я б отдал всё до малой крохи
 За то, чтоб времени ветра
 Из новой ядерной эпохи
 Назад на века полтора

Меня вернули. Боже правый!
 Не ностальгии нежный яд
 Живёт во мне, не старой славой
 Я так восторженно объят.

Какие б смерти ни косили,
 Каким бы тусклым не был свет,
 Но всё же, всё же там — Россия.
 А здесь её... столетье нет.

Военные дети

1

Век двадцатый, железобетонный,
 Зачеркнув миллионы имён,
 И не вспомнит конверт похоронный
 Или фото далёких времён...
 Но зовёт из глубин сокровенных
 Нашей — прежней — страны бытие
 Голосами мальчишек военных,
 Не увидевших детство своё.

2

И память о вас зарастала травой,
 И смерть не имела цены,
 Но вы убегали в огонь мировой
 Великой — забытой! — войны.

*Герои Первой мировой георгиевские кавалеры
Иван Казаков (15 лет)
и Антон Пшеводский (14 лет)*

Скрываясь в вагонах, блуждая в лесах,
Шли к фронту — в окопы, в бои...
И ангелы плакали на небесах,
Даруя вам крылья свои.

Уж если с войной переходит на «ты»
Громада Империи вдруг,
Мальчишки России бегут на фронты
В пылающий огненный круг,
Ни свет ни заря исчезают во тьму,
Бросая тепло и уют,
За веру, Царя, за Россию саму,
За всё, о чём в песнях поют.

Мальчишки России! Не ведали вы,
Что, в бездну летя на рыси,
Смутят и затопчут служители тьмы
Небесную душу Руси.
Но вас, обожжённых военной бедой,
Листая Истории том,
Отметит на небе Георгий святой
Бессмертным Господним крестом.

Первый Петроградский женский батальон на построении, 1917 год

Героини

Не в игривых всплесках,
 Не на каруселях,
 А теряя радость
 Под шрапнельный вой,
 Девушки в черкесках,
 Девушки в шинелях,
 Вы узнали тяжесть
 Первой мировой.

Кто-то пил мадеру
 В ложах бельэтажей,
 Вы же снег топили
 В меди котелков.
 Нам в иную эру
 И не вспомнить даже
 Ни былых фамилий,
 Ни былых полков.

Но глядят со снимков,
 Уцелевших чудом,
 И светлы, и тонки,
 Словно сталь клинка,
 С временем в обнимку
 Да с окопным людом —
 Русские девчонки,
 Влитые в века.

Дом Ипатьева. Последнее утро. 16 июля 1918 г.

В окнах завешенных будто свечение,
Тоненький лучик на улицу бьёт.
В Доме особого назначения
Утро последнее настаёт.

Пасмурный день разгораться не хочет,
И под сиянием бледной зари
Дьявола слуги готовятся к ночи,
Чистят оружие упыри.

Брызжет слюною, гогочет и злится
Коммунистический интеротряд,
Корчат гримасы угрюмые лица,
Что-то гнусавое рты говорят.

Чёртовой кожи у всех облачение,
Каждый по-ленински зол и хитёр,
Каждый желает святое свечение
Переиначить в бесовский костёр.

Веют над ними враждебные вихри,
Метит им лбы пентаграммы рубин,
Лично советы товарищ антихрист
Шлёт им в депешах из адских глубин.

Скоро начнётся последняя битва,
Скоро... Но что это?! Средь тишины
В Доме закрытом творится молитва!
И — содрогается дух сатаны.

Алексеевский полк

1

Я знаю, в том нету обмана:
Лишь крик петушиный умолк,
Сквозь плотную стену тумана
Прошёл Алексеевский полк.

Потом, изготовясь к атаке,
Дугой охватил хутора,
И тихо упало во мраке
Холодное слово «Пора!».

А дальше под огненным шквалом
 Станица встречала рассвет.
 По трупам сиянием алым
 Скользил наплывающий свет.

Какие-то дикие марши
 Оркестр, задыхаясь, играл.
 И штык из груди комиссарши
 Поручик с трудом выдирал.

2

На солнце блестит лучисто
 Эмаль боевых крестов.
 Недавние гимназисты
 Вздыхают: — Прощай, Ростов!

А впрочем, для них не диво
 В атаках крушить врага.
 Верховная директива
 Решительна и строга.

Приказано этим летом
 Дойти до Москвы-реки.
 Глядят синеватым цветом
 Околышей васильки.

И возле ремней мундира
 Сжимает эфес клинка
 Бригадного командира
 Единственная рука.

3

Здесь пух тополиный, похожий на снег,
 Заносит крестьянские хаты.
 «Как ныне собирается Вещий Олег...» —
 Поют молодые солдаты.

«Как ныне собирается...» Нам-то куда
 Сегодня назначены сборы?
 Конечно, на Курск и Орёл, господа,
 А дальше — за роци и боры

К державному сердцу. Дойдем ли? Увы,
 Все меньше нас с каждым ударом.

Неужто другие на стогнах Москвы
Отмстят неразумным хазарам,

А нас посекут у донских берегов
К исходу жестокого лета?! —
Скажи нам, кудесник, любимец богов,
Скажи нам... Но нету ответа.

4

Мой приятель, гусар и повеса,
Горько шутит: «Теперь не утечь!»
Мы лежим возле редкого леса,
Нас срезает сплошная картечь.

Отступаем, скрываясь за листья, —
В рост не выйдет, давай-ка ползком
Мимо Лёньки с оторванной кистью,
Мимо Сашки с пробитым виском.

То, что выживем — это едва ли.
Ну, а ежели вдруг повезёт,
Так пристрелят в чекистском подвале
Иль окопная вошь загрызёт.

А быть может, в изгнании сгинем.
И останутся эти стихи
Да фуражка с околышем синим
У поваленной курской ольхи.

Белое Слово

Е. В. Семёновой

В ужасе смут и сплошных разрывов
Судеб империй,
Судеб людей
Слово бывает сильнее взрывов
И автоматных очередей.

В новых сражениях за Свет былого,
Где те же двадцать — на одного,
Нашим оружием стало Слово, —
Дай же, Господь, сохранить его
Непотускневшим под плач и вздохи
Тех, кто отчаялся и устал!

Белое Слово — Голос Эпохи,
Тверже, чем камень или металл.

Пусть, оживая в столетии новом,
Нечисть слепилась в кровавый ком, —
Слово сверкает
В венце терновом
Белогвардейским святым клинком!

Ветер над Ижевском

*К 100-летию Ижевско-Воткинского
народного восстания*

Ветер по небу тучи свинцовые гнал,
Свежей кровью дымился восток,
И винтовки рабочим давал арсенал,
И ревел над цехами гудок.

Уходили, бросая заводы и дом,
Занимали рубеж огневой,
Даже дети, несущие ружья с трудом,
Шли навстречу чуме мировой.

А на них надвигался волной саранчи
Мёртвый всадник на бледном коне.
Затухал у иконы огарок свечи,
Таял свет в материнском окне.

Но весёлое что-то играл гармонист,
Запевала частушки блажил,
И, срывая с берёзы обугленный лист,
Горький ветер над полем кружил.

Ветер, ветер, двадцатого века фантом,
Посмотри с неприступных верхов:
Эти дети, несущие ружья с трудом,
Эти люди из шумных цехов...

Помоги им, хоть ты и не можешь помочь,
Заслони от ревущего зла!
...Боевая последняя, русская ночь
На расстрелянный Ижевск легла.

Снимок из фамильного архива дворян Гарнишевских

Лики погибшей России

В желтизне фотографий потёртых, измятых
 Не узнаете вы наших черт,
 Получив из далеких, жестоких двадцатых
 Продырявленный пулей конверт...

Константин Фролов

Мы — другие, совсем другие,
 Лучше, хуже — не те слова.
 В синем облаке ностальгии
 Прежних образов кружева

Возникают порой и снова
 Пропадают за гранью лет,
 Где разрушенная основа,
 Русских судеб кровавый след,

Словно тени на старом фото,
 Тени бывших, истёртых в прах,
 Всё зовут и зовут кого-то,
 Оживая в иных мирах.

И средь новой земной пурги я
 Остро чувствую зов теней.
 Но — другие, совсем другие,
 Ветры рвут парусину дней.

Что там далее: взрыв нейтронный,
 Апокалипсис, Страшный Суд
 Нас симфонией похоронной
 В синем облаке унесут?

Или вновь с колокольным звоном
 Все придёт на круги своя,
 И антихристова змея
 Задохнётся под Царским треном?

Не понять, не исчислить, даже
 Не представить в ночном бреду.
 Фарисейство и распродажа
 Затушили Любовь-звезду.

Только тени на старом фото,
 Тени бывших, истёртых в прах,
 Всё зовут и зовут кого-то,
 Оживая в иных мирах.

* * *

Иногда промелькнёт, как слезинка в молитвенном вздохе,
 Как святая отрада и грусть по былым временам,
 Просветлённое чувство причастности к давней эпохе,
 К людям прежнего склада, уже непонятного нам.

Есть на старых портретах, на фото, едва сбережённых
 В мясорубке столетий, идущих друг другу во след,
 Отсвет радости тихой и помыслов, не искажённых
 Красным веком предательства, пыток, смертей и клевет.

От Царя до бродяги, живущего милостью Божьей,
 До последнего нищего — это другая страна.
 Там у барышень юных струится под матовой кожей
 Нет, не кровь голубая, а нежного тока волна.

Я в их лица смотрю, я там вижу Россию иную,
 Не с партийным мурлом, не с ухмылкой тупого совка,
 Не покрытую тленом — речную, лесную, степную,
 Ту, что гордые предки иконой несли сквозь века.

И когда говорят мне: «Забудь всё, что было когда-то,
 Власть имущий бандит стал героем родной стороны,
 Ставь на царство его — всем достанется пицци и злата!» —
 Так отчётливо слышен унылый фальцет сатаны.

Да, конечно, сменились и годы, и люди, и лица.
 Неизменно — былое. В грядущем — тревога и страх.
 Остаётся надеяться, верить, любить и молиться,
 И Россия воскреснет... когда-нибудь... в новых мирах.

Денис Геннадиевич Коротаев (14.06.1967 — 8.08.2003), один из наиболее ярких русских поэтов XX века, погиб в автокатастрофе 8 августа 2003 года. Ему было всего 36 лет. Его стихи столь сильного звучания, словно вместе с поэтом многие поколения наших предков из Небесной России подали голос... И его поэзии еще предстоит прокатиться эхом по всей России...

Моя Россия — больше, чем страна...
Набор вождей, корона и граница —
Всё это не однажды повторится
В другом краю, в иные времена.
Но там, где вечны прожитого тени,
Но там, где есть Чайковский и Есенин,
Иная мера жизни суждена.
Моя Россия — больше, чем страна!

Моей России — больше, чем века...
Ей — столько войн, пожаров и набегов,
Что дик и нов цвет северного снега,
Что не вместит банальная строка
Число потерь сынов её безвинных
От этих дней и до времён старинных,
Что можно говорить наверняка:
Моей России — больше, чем века!

Мою Россию мало полюбить:
 С ней надо быть, в достатке, в нищете ли,
 Во всём деля мечты её и цели,
 Своей стопой её тропу торить
 Без лишних слов и мысли о награде.
 Ты здесь? Ты с ней? Тогда чего же ради
 Тебе ещё о чём-то говорить...
 Мою Россию мало полюбить!

* * *

И это — Родина? Не верю,
 Что лишь уныние и страх,
 Лишь обозлённость и потери
 В огнём покинутых глазах.

И примириться не смогу я
 С роскошной этой нищетой.
 Я всё же знал её другую —
 И выше той, и чище той,

Что попрошайкой в переходе
 Сидит у мира на краю
 И в отрешении выводит
 Молитву тихую свою...

Неужто это было с нами —
 Лихая стать, святая честь?
 И что кому придёт на память —
 Теперь воистину Бог весть:

Кому-то — бабий плач истошный,
 Кому-то — срам, кому-то — Храм,
 То телогрейка, то кокошник,
 То хлеб с соломой пополам.

То дым родного пепелища,
 А мне как символ этих мест —
 Деревья, что с рожденья ищут
 Слепыми кронами норд-вест;

Шумят, качаются нелепо,
 По небу листьями шурша,
 И не узнают, ибо слепы,
 Что так незряча и душа.

Вздыхают, головы понутив,
 Как будто в этом их вина,
 И пишут, пишут на лазури
 Моей России письмена...

* * *

Мне в наследство даны
 Песни ветра и посвисты птичьи,
 Боль великой страны,
 Позабывшей за болью величье,

Разорённый погост,
 Где земля мягче белого пуха,
 И дорога до звёзд
 По ступеням бессмертного духа.

Я изведаль сполна
 Бремя мысли и радость незнанья,
 И на все времена —
 Слабость слова и силу молчанья.

Я оставлю другим,
 Удивлённым потомкам в наследство
 Свой несложённый гимн
 И свое неизбытое детство.

Ворох прежних грехов,
 Незаконченность старого жеста
 И трёхтомник стихов,
 Словно пропуск на новое место...

* * *

Россия, Русь, храни себя, храни!
Н. М. Рубцов

Россия, Русь, храни себя, храни!
 А мы не в счёт — мы нынче не вояки.
 Мы, кажется, забыли в этой драке,
 О том, что мы воюем не одни.

Россия, Русь, ну что нам воевать,
 Когда флажки уже не держит карта
 И, кроме застарелого азарта,
 Иных утех душе не отыскать?

А мы — всё те же... Нас который год
 Едва ли заподозишь в пацифизме.
 Но что такое «смерть во имя жизни» —
 Не вспомнит дух и разум не поймёт.

Россия, Русь, мы боле — не форпост.
 Храни себя — и ты не ошибёшься.
 Не нас спасёшь, так хоть сама спасёшься,
 Распятие меня на погост...

* * *

Всякий народ тогда прекращает свое существование,
 когда вбивается последний гвоздь в стену его храма
 и нет на ней места для новых гвоздей.

Этрусское поверье

Покуда не иссяк
 Запас былых надежд,
 Покуда не угас
 Огонь забытой драмы,
 Я боле не спешу,
 Как некогда допрежь,
 Вбивать последний гвоздь
 По горло в стену храма.

Когда-нибудь потом,
 За тридевять эпох,
 Я буду прорицать,
 Верша суды и бунты,
 А ныне я молю:
 Храни меня, мой Бог,
 Оставь сей тяжкий грех
 Для хунты или Бунда.

Я Твой, о русский Бог,
 Не раб, не рух, не прах,
 Не праведник на час,
 Но ратник и оратай.

Когда бы слышал мир
 Глагол в Твоих устах,
 И сын бы чтил отца,
 И брат бы обнял брата.
 Но Ты как прежде нем,
 Но люд как прежде сир
 И молится вотще
 В своём земном поклоне,
 Что именем Твоим
 Затевявшийся мир
 Молчанием Твоим
 Не будет похоронен...

* * *

Гиперборейми, славами, русами
 Нас величали заезжие бахари.
 Мы ли не славные? Мы ли не русые?
 Мы ли не ратники? Мы ли не пахари?

Всё нам подходит, как листик инжировый
 Нежному месту далёкого пращура.
 Мы ли не босые? Мы ли не сирые?
 Мы ли не нищие? Мы ли не падшие?

Кармы ли, рока ли пёстрые полосы
 В пряжу унылую веком сплетаются.
 Жаль, что темнеют со временем волосы,
 Но и грехи понемногу смываются.

Не рождены ни рабами, ни трусами,
 Стовековою судьбой успокоены —
 Мы ли не славные, пусть и не русые?
 Мы ли не пахари, хоть и не воины?

Так и живём — то по краю, то по небу —
 Новой Пангеи зеваки беспечные.
 Полно вам спорить — оставьте хоть что-нибудь,
 Что не изменит нам на веки вечные,

Что оградит от попрания вкусами
 Те имена, коих мы удостоены —
 Некогда — славные, некогда — русые,
 Некогда — пахари, некогда — воины...

* * *

Всё встаёт на свои места
На земле, опалённой адом,
И когда-нибудь Храм Христа
Вознесётся над стольным градом.

Сгинет след одиозных драм.
Пепел смуты приветит небыль.
И взлетит над землёю Храм,
Приподняв куполами небо.

А пока всё старо до слёз,
И не верится в близость чуда.
И прощает врагам Христос,
И целует Христа Иуда.

Реставратор правды и красоты русской истории

Памяти выдающегося русского историка Александра Николаевича Боханова (1944–2019)

Я <...> отношусь к своим работам как к маленьким этюдам, при этом «этюды» уже написаны <...> Господом, временем — историей, но под влияниями различных событий и условий обросли, исказились, утратили свой насыщенный первородный цвет. И мне, как реставратору, требуется просто убрать все лишнее, дойти до первоосновы. Но самое сложное — осознание важности и своевременности, духовности и истинности отреставрированных «этюдов». Осознание приходит благодаря читателям. Для вас пишу, для вас борюсь, для вас, надеюсь, еще много недосказанного удастся рассказать! Храни вас Господь!

Александр Боханов

Александр Николаевич Боханов

14 мая 2019 года почил постоянный автор журнала «Верующий разум», выдающийся отечественный историк-художник, создавший биографические портреты русских государей от царя Иоанна IV Грозного до императора-мученика Николая II Александр Николаевич Боханов (1944–2019).

А. Н. Боханов родился 30 мая 1944 года в селе Ново-Братцево Московской области, в семье инженеров-текстильщиков Николая Ивановича Боханова (1913–2004) (в будущем Героя Социалистического Труда, директора производственной фирмы шерстяных детских тканей «Подмосковье» Министерства легкой промышленности РСФСР) и Зинаиды Ивановны Жуковой. Окончил исторический факультет Московского государственного университета. Защитил кандидатскую диссертацию по теме «Буржуазные газеты России и крупный капитал (конец XIX в. — 1914 г.)» (1977) и докторскую по теме «Крупная буржуазия России. Конец XIX в. — 1914 г.» (1993). Работал ведущим научным сотрудником ИРИ РАН, затем — в Российском институте стратегических исследований. В 2013 году ученый перенес инсульт и последние пять лет своей жизни мужественно боролся с тяжелой болезнью.

Произведения Александра Боханова отличает любовь к прошлому нашего Отечества, профессиональное отношение к историческому документу, непредвзятое восприятие исторических персонажей. Историк обладал удиви-

тельной для современных авторов способностью сочетать в своих работах, с одной стороны, широкий и высокий историософский подход, благодаря чему ему удалось написать работы, освещающие органические проблемы исторического бытия России — «Самодержавие. Идея царской власти» (2002), «Русская идея. От Владимира Святого до наших дней» (2005) и др. С другой стороны, в его творческом багаже имеются исследования, сочетающие высоту и широту взгляда с проникновенными и даже лирическими описаниями людей, их внутренних чувств и переживаний. Образно говоря, Боханов выступал как искусный реставратор, осторожно, слой за слоем, снимающий наслоения различных, чаще всего грязных, мифов, чтобы представить читателю неувядающую красоту истинной русской истории. Он первым в посткоммунистической России опубликовал серию книг о судьбе царя-страстотерпца Николая II, трагические перипетии биографии которого отразили драматургию русской истории конца XIX — начала XX века. Его же перу принадлежит и уникальное жизнеописание царицы-страстотерпицы Александры Феодоровны.

За годы работы А. Н. Боханову были присвоены награды: Орден святого страстотерпца царя Николая; Благодарности митрополита Московского и Коломенского Макария за выдающиеся труды в области истории; Диплом за вклад в дело сохранения исторического наследия России, бережное отношение к национальным традициям, высокую духовную и гражданскую позицию от имени учредителей Всероссийской литературной премии «Александр Невский»; Премия «Лучшие книги и издательства года» в номинации «История» за цикл книг по истории России: «Русская идея от Владимира Святого до наших дней», «Последний царь», «Святая царица», «Распутин. Быль и небыль».

Александр Николаевич — автор великолепной трилогии «Самодержавие», «Русская идея», «Российская империя», а также ряда учебников по истории России, его книги входят в фонды крупнейших библиотек мира.

Обложки книг А. Н. Боханова

Ниже публикуются воспоминания коллег и учеников А. Н. Боханова, отчасти позволяющие оценить масштаб его личности, а также огромную ценность и востребованность его наследия.

Александр Николаевич Боханов — это выдающийся русский историк. Он создал первую честную монографию о государе Николае II. Он начал эту линию в самом начале 90-х годов. Опубликовал книгу, разоблачавшую мифы, наговоры и клевету на государя.

Надо сказать, что Александр Николаевич был не просто историк. Он был историософ. И у него исторический анализ сочетался с философскими обобщениями. Его знаменитый труд «Российская Империя. Образ и смысл» оставит глубокий след еще на долгие-долгие годы осмысления нашей тысячелетней истории. Образа империи как вершины исторического развития России.

Он еще отличался тем, что был очень хорошим полемистом. Он вел дискуссии, всегда сохраняя хладнокровие, но очень четко формулировал мысли, четко формулировал ответы. И часто у него это граничило с афоризмами.

Александр Николаевич был верующий человек, глубоко верующий. Пришел он к вере не в самое последнее время, хотя и в зрелом уже возрасте, но это было лет сорок назад. И всегда рассматривал исторические процессы через призму веры нашей. Потому что он считал, что вера — это основное содержание жизни России на протяжении тысячи лет.

Хочу сказать, что у него непростая судьба. Его с конца 80-х годов пытались затирать и выпихивать из исторического сообщества люди либеральных взглядов. Кончилось тем, что он вынужден был уйти, если я не ошибаюсь, в 2011 году из Института истории России Академии наук. Я хорошо это помню — когда он остался без работы. Я в то время был директором РИСИ, мы его пригласили в Российский институт стратегических исследований на позицию ведущего научного сотрудника. До своей болезни, которая его свалила, он чуть больше трех лет работал в институте и уже занимался вопросами, связанными с современностью, борьбой с фальсификацией истории России.

Всегда хотелось найти хотя бы минутку, пригласить Александра Николаевича в кабинет и посидеть с ним, выпить чая или кофе. Он очень любил кофе. Он рассказывал свежие новости в издательском деле, что выходит новенького в исторической области. Хочу сказать, что его влияние на историков, молодых историков, было большое. И сейчас есть плеяда людей, которые в той или иной степени могут сказать, что да, мы любили Александра Николаевича, знали его, и он на нас оказывал такое благодатное влияние. Да я сам, хотя по возрасту близок к нему, тоже испытывал такое влияние великого, выдающегося русского историка и на себя, и на свои работы. Он внимательно относился к моим статьям, к моей книге «Вернуться в Россию». Она вышла с предисловием Александра Николаевича. Я его очень любил лично и люблю сейчас. Уверен, что он надолго останется в нашей памяти...

Леонид Петрович Решетников, кандидат исторических наук, заместитель председателя Совета Общества развития русского исторического просвещения «Двуглавый орел»

Мне посчастливилось быть знакомым с этим человеком, быть издателем двух книг этого выдающегося историка — «Российская Империя. Образ и смысл» (2012) и «Царь Иоанн Грозный» (2013).

Александр Николаевич был блестящим собеседником, великолепным лектором, жестким полемистом, большим профессионалом, ярким художником исторических описаний.

Как он все успел? Он никуда не торопился и посвятил свою жизнь любимому делу — исторической науке.

В личной жизни он был спокойным, хотя и эмоциональным человеком, даже с определенной аристократической вальяжностью. Александр Николаевич был очень трудолюбивым и умелым в своей профессии.

Он описал почти всю русскую историю XVI–XX столетий. Вот перечень его некоторых монографий: «Царь Иоанн IV Грозный» (2008), «Борис Годунов» (2011), «Царь Алексей Михайлович» (2013), «Павел I» (2010), «Николай I. Хранитель русских устоев» (2013), «Император Александр III» (1998), «Императрица Мария: Историческое жизнеописание» (2007), «Николай II» (1997, серия «ЖЗЛ»), «Святая Царица» (2006).

Обложки книг А. Н. Боханова

К биографиям царских особ примыкают монографии о фигурах, наиболее оболганных в нашей истории: «Распутин. Анатолия мифа» (2000), «Оклеветанная Анна. Жизнеописание А. А. Вырубовой-Танеевой» (2013).

А были еще и многочисленные учебники: «История России XIX в.: программа курса для 8-го класса» (2002), «История России (XIX — нач. XX в.)»: учебник для 8–9-х кл. / А. Н. Боханов; Под общ. ред. А. Н. Сахарова (1998), «История России с древнейших времен до наших дней»: учебник / [А. Н. Сахаров, А. Н. Боханов, В. А. Шестаков]; под ред. А. Н. Сахарова (2012), «История России»: учебник для 10-го класса общеобразовательных учреждений / А. Н. Сахаров, А. Н. Боханов. (2012), «Новейшая история России»: учебник / [А. Н. Сахаров, А. Н. Боханов, В. А. Шестаков]; под ред. А. Н. Сахарова (2013).

По этим учебникам учатся во многих школах — в тех школах, где у учителей есть настоящий вкус к высокой истории, а не только к методичкам для подготовки к ЕГЭ.

Его очень не хватает в нашем культурном пространстве. Будучи академическим историком, он не чурался ни полемики, ни популяризации исторических знаний, упорно занимался развеиванием мифов, столь многочисленных в русской истории.

Но любая человеческая жизнь на земле конечна. И мы не можем ни на миг задержать этого выдающегося человека в нашем земном обществе. Он уже целиком принадлежит миру горнему, миру вечности. Но с нами останутся навсегда его земные труды, многочисленные монографии и учебники, по которым новые поколения русских людей будут познавать русскую историю.

*Михаил Борисович Смолин, кандидат исторических наук,
заместитель главного редактора телеканала «Царьград»*

Ушел из жизни великий русский историк, великий русский человек Александр Николаевич Боханов. Сейчас еще трудно оценить всю тяжесть этой потери, в полной мере осознать, чего мы лишились с его кончиной.

Как ученый, Александр Николаевич прошел трудный и сложный путь от классического советского историка до русского историка-монархиста. Освободившись от скверны большевистской идеологии, Боханов со всей присущей ему страстностью, всем своим талантом, всеми своими знаниями и авторитетом бился за реабилитацию русской истории. Он создал целую галерею исторических портретов русской царей и императоров, начиная от Иоанна Грозного и заканчивая Николаем II. Каждый из этих портретов является шедевром строгой исторической науки и одновременно стилистически блестящим художественным произведением.

По сути, А. Н. Боханов достиг большего, чем Карамзин и Ключевский. И это не громкие слова и не преувеличение. Ни Карамзин, ни Ключевский не смогли создать положительного исторического образа нашего Отечества, ибо оба, при всех своих талантах, были далеки от Церкви и сильно заражены западничеством. Боханов, глубоко воцерковленный православный человек, говорил: «Без Христа, без Православия и Церкви ничего в русской истории понять нельзя». И он бился именно за такое понимание, бился, невзирая на нападки, клевету, давление, опасность быть не приглашенным в какие-то «высокие» круги, быть «не напечатанным», «не понятым» и т. д. Либерал-коммунисты всех мастей и оттенков не могли простить ему ни его Православия, ни его монархизма, ни того, что из всех исторических личностей русской истории он более всего почитал государя императора Николая II и государыню императрицу Александру Феодоровну, постоянно молился им, горячо любил их. В 1996 году, работая в Историческом институте РАН, где в те годы царил зоологический сталинизм, он, как перчатку, бросил своим оппонентам первую историческую монографию о святом царе мученике, написанную православным человеком, которая перевернула сознание многих в отношении нашего государя. Красно-розовые никогда не смогли простить ему этого, не могли простить любви к царю и царице.

Я помню, когда Леонид Петрович Решетников пригласил А. Н. Боханова на работу в Российский институт стратегических исследований, каким счастливым чувствовал себя Александр Николаевич, наконец оказавшись в кругу соратников и единомышленников! В наших частых и долгих беседах он это постоянно подчеркивал, дышал, как говорится полной грудью. Никогда не забудутся его блестящие выступления на конференциях РИСИ, особенно те, которые были посвящены проблемам русофобии.

А. Н. Боханов был не только ярким ученым, но и ярким, очень интересным, незаурядным человеком. Всегда с иголки одетый, он отличался не только огромными познаниями, но и обладал уникальным и тонким чувством юмора, был блестящим рассказчиком и не менее блестящим, внимательным слушателем. Он любил жизнь во всех ее проявлениях, ему были абсолютно чужды ханжество, лицемерие и высокомерие. Он снисходительно относился к людским слабостям, но не прощал клевету и ложь о России и Церкви. К таким людям он был беспощаден и не лез в карман за словом, подавляя противников прежде всего своим могучим интеллектом, энциклопедическими познаниями, а самое главное — чувством любви к России, пониманием сокровенных глубин ее души.

7 сентября 2013 года Александр Николаевич Боханов должен был делать доклад на презентации книжного издательства РИСИ о своей новой работе — книге о царе Иоанне Грозном. Ночью этого же дня с ним случился сильнейший инсульт. Божиим Промыслом это случилось в день рождения царя Иоанна. Потом были пять лет упорной борьбы с тяжелым недугом, который он переносил с редким мужеством и стоицизмом. Господь дал ему пять лет постоянной церковной жизни, Исповеди и Причастия святых Христовых Таин.

С мироточивой иконой императора-страстотерпца в НМХЦ им. Н. И. Пирогова после инсульта, декабрь 2013 года

И вот его не стало. Александр Николаевич Боханов почил во Бозе в день иконы Пресвятой Богородицы Нечаянная Радость. Какой же надеждой звучат слова Спасителя, сказанные Своей Пречистой Матери о кающемся грешнике: «Ныне прощаются грехи ему Тебя ради. В знамение же прощения пусть лобызает язвы Мои». Мы верим, что Господь простит все вольные и невольные грехи рабу Своему Александру и что он унаследует Царствие Небесное. Мы же, вознося молитвы о нашем друге и соратнике, будем всегда нести в своем сердце его светлый образ, вдохновляясь его беззаветной любовью и благородной верностью Богу, Царю и России.

Я отношусь к Александру Николаевичу Боханову с большим почтением. Дело не только в том, что он — чрезвычайно крупный специалист по истории династии Романовых. В частности, по последнему отрезку в истории правления государя из этой династии. И дело не только в том, что он участвовал в создании прекрасного учебника для 8-го класса.

Прежде всего мне хотелось бы отметить, что Александр Николаевич — это историк, который долгое время придерживался твердо консервативной точки зрения на русскую историю и писал как человек православный, крепко верующий, государственный, почвенник. Эта позиция мне близка. Я считаю, что для настоящего и будущего страны она наиболее перспективна.

Печально, что он ушел от нас. Надеюсь, что дело его не останется забытым и люди, которые равнялись на него, продолжают свою работу. Думаю, что было бы правильным какому-то учреждению или общественной организации учредить премию для историков-консерваторов имени Александра Николаевича Боханова. Мне кажется, это было бы отдаением долга его светлой памяти.

Дмитрий Михайлович Володихин,

*доктор исторических наук, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова,
помощник председателя Издательского совета Русской Православной Церкви*

Александр Николаевич Боханов — это замечательный русский историк, человек, который в конце XX — начале XXI века привнес в отечественную историческую науку крайне важный элемент, крайне важное направление. А именно — он вместе с некоторыми другими своими коллегами начал осмысливать отечественную историю как историю национальную, как историю русского православного народа, перед которым стояли огромные цели. Историю того народа, который был готов к достижению этих великих целей и сделал крайне много для того, чтобы эти достижения были реализованы в реальной жизни.

В этом отношении Александр Николаевич Боханов был одним из первопроходцев. А вырваться из тенет советского коммунистического, марксистского подхода к жизни, к истории, к осмыслению прошлого было далеко не просто. И все 90-е годы в исторической науке шла если не борьба, то толкучка, и было непонятно, чем же заниматься.

Александр Николаевич Боханов предложил в это время вполне четкую методологию национального познания истории. И, насколько я знаю, очень многие, прочитав книги Александра Николаевича, осознали, как нужно понимать русскую историю, что было в русской истории важно, что — второстепенно, на что обращать внимание. И еще один важный момент. Александр Николаевич любил свой народ, любил свою Родину, любил свою историю.

И это чувство любви к Отечеству он передал и читателям со страниц своих книг. Вечная память. Это огромная потеря для нашего народа в целом, для исторической науки в частности.

Сергей Вячеславович Перевезенцев, профессор факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор исторических наук

На фоне своих книг

...За последние два десятка лет появилось много писателей, которые пишут о русских царях. Тема-то неисчерпаемая! Появилось немало халтуры, неумелых подражаний, но есть и талантливые, оригинальные работы. Однако ни один из новых авторов, осваивавших эту тему, так и не смог затмить «бохановский» феномен. Ни грана «удачи» и «случая» в этой уникальной просветительской вспышке нет! За этим стоит громадный многолетний, каждодневный труд чтения всех известных или редчайших трудов о русских императорах, изучение тысяч архивных документов, и самое главное — великий внутренний труд преодоления разночинной мистической клеветы в самом себе.

Впервые Александра Николаевича я увидел на немногочленном научном мероприятии в архивном городке, что на Большой Пироговке, в зале тогдашнего Центрального архива древних актов СССР, нынешнего РГАДА. Было это в 1989 или 1990 году. В ту пору я сам просиживал все свободное время в читальном зале расположенного там же Центрального архива Октябрьской революции СССР (нынешний ГА РФ) с документами императорских фондов, и когда узнал о научном форуме, посвященном этим фондам, то решил обязательно его посетить. Из выступавших там запомнил только Ольгу Барковец и Александра Николаевича.

Молодой православный, успевший прочесть в каком-то журнале, альманахе или сборнике что-то о «сумерках Самодержавия», честно говоря, я был настроен относительно А. Н. Боханова довольно враждебно. Но выступление тогда еще совершенно молодо выглядящего 45–46-летнего ученого, кандидата исторических наук, приятно удивило меня. Он достойно владел сдержанными ораторскими приемами и был уважительным к малочисленной аудитории (не больше двадцати человек). Но моя предвзятая враждебность была тронута отнюдь не этим. Выступал ученый, целиком погружившийся в исторический и биографический материал императорской фамилии, погружившийся в архивные документы — письма, дневники, другие семейные письменные артефакты, фотографии, рисунки. Он искренне делился своими исследовательскими впечатлениями, граничащими с чувствами собственного недоумения и удивления, которые он с трудом, но весьма умело сдерживал.

Много времени спустя, уже во второй половине 1990-х годов и в начале 2000-х, в публичных выступлениях перед тысячной православно-патриотической аудиторией или в киноинтервью он сам потом признавался, что духовный переворот в нем совершился именно при непосредственном знакомстве с документальными свидетельствами о жизни императорской фамилии. Никакого специального желания угодить настроениям православной общечественности, которая тогда ратовала за церковное прославление святых царственных мучеников, у него не было. Хотя первоначально именно эта часть российского общества через обильные церковные книжные лавки стала его первой благодарной читательской аудиторией. И только потом светская книготорговля подхватила этот несомненный успех.

Практически познакомившись с атмосферой современного научного мира российской истории, я по-настоящему смог оценить и меру «корпоративного» подвига А. Н. Боханова. Признание в своем духовном перевороте в той среде не просто публичное, а засвидетельствованное книгами, требовало от вполне успешного и уже состоявшегося ученого, доктора исторических наук, профессора невероятного мужества.

Свою просветительскую миссию А. Н. Боханов обратил на самую академическую среду. После блестящей серии биографических томов о царствованиях конца XIX — начала XX столетия он выступает с сугубо научным историософским и политологическим трудом «Самодержавие. Идея Царской Власти» (М.: Русское слово, 2002), которым последовательно — step by step — с дотошностью педанта доказывает методологическую точность своей фундаментальной позиции, основываясь на которой он перед этим создавал биографические тома об императоре Александре III и его супруге Марии, царе Николае II и царице Александре... Честно говоря, после книги Боханова «Самодержавие. Идея Царской Власти» я влюбился в него как в ученого, осознал его труды как величайшее национальное достояние нашей современности.

Обретенный ключ русской власти позволил А. Н. Боханову уже свободно выйти за рамки периода, в изучении которого он сложился как признанный в научном мире историограф. Он пишет книгу о духовном мыслителе и отце русского самодержавия — о царе Иоанне Васильевиче Грозном. Создает том об императоре мученике, императоре-мистике Павле I. Потом появляется книга «Алексей Михайлович. Монарх эпохи Раскола». Затем из-под его пера выходит великолепный труд о царе Борисе Годунове. Досконально изученная А. Н. Бохановым духовно-идеологическая конструкция самодержавия наполнилась живыми образами русских государей.

Когда ученый вскрывает неизведанные или малоизученные пласты истории русского царства, он обогащается знаниями о многих людях, которые были исполнителями и проводниками царской политики в толщу российского бытия. Героями исторических произведений А. Н. Боханова стали Григорий Ефимович Распутин-Новый («Распутин. Анатомия мифа», 2000; «Распутин. Быль и небыль», 2006, «Правда о Григории Распутине», 2011), Анна Вырубова-Танеева («Оклеветанная Анна. Жизнеописание А. А. Вырубовой-Танеевой»), князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический, адмирал Павел Степанович Нахимов, Александр Сергеевич Пушкин... Появляются его работы о присоединении Крыма, о Крымской войне или о золотом обеспечении рубля...

Царствие Небесное новопреставленному рабу Божию Александру! Тяжелая и невосполнимая утрата для русской исторической науки. Несмотря на долгую болезнь, у нас, почитателей его исключительного, уникального научного таланта и гражданского мужества, все же теплилась надежда, что Александр Николаевич с Божией помощью одолеет недуг. Горько было узнать, что надежде так и не суждено сбыться...

Леонид Евгеньевич Болотин, историк, журналист

...Шел 1999 год. По храмам Москвы возили «странную» для всех икону: царь Николай II в одеянии русских царей со скипетром и державой. Она мироточила, благоухала. А моя группа из программы «Русский дом» снимала это чудо, к которому мы никак не могли привыкнуть. От иконы происходили исцеления, и люди перед нашей камерой свидетельствовали об этом.

Мы снимали московских священников — тех, кто принял икону в свой храм (о. Александр Шаргунов, о. Вячеслав Свешников, о. Артемий Владимиров, о. Василий Голованов). Они нам многое объясняли с духовной точки зрения. Но было ясно и другое: эта мироточивая икона, этот образ царя с ясным светлым взглядом словно умолял нас повернуться к родной истории, к трагическим годам революции, к этому рубежу, где не зарубцован кровавый шрам, между исторической Россией и страной Советов... И мы стали

искать ответы на вопросы, которых рождалось все больше и больше. Именно от образа шел этот посыл — искать ответы. Словно царь обращался к нам: «Да, да, русские люди, я свят, не верьте тому, что обо мне написано и что обо мне говорят, не верьте также, что о моем царствовании говорят, ищите правду обо мне и России, о ее пути, это важно, от этого зависит ваше будущее! И ничего не бойтесь, я с вами, с любимой Родиной, мы теперь тоже — ваши заступники!»

Но где же ее было найти, эту историческую правду? Не было книг, монографий, царь не был прославлен, шли только разговоры об этом. И мы стали стучаться в двери «исторической науки». И решающая встреча произошла. Тогда еще кандидат наук, научный сотрудник Института истории РАН Александр Боханов уже несколько лет работал в открывшихся архивах. Он начал свой путь советского историка со статьи «Сумерки монархии», но, окунувшись с головой в архивный материал, с которого был снят гриф «секретно», перебирая и вглядываясь в фотографии царской семьи, которые тоже были еще недавно засекречены, он медленно и верно двигался в направлении той самой исторической правды.

Он с удивлением открывал, работая с новым документальным материалом, что «все было не так!», как нам говорили, как нас учили, иногда «совсем не так, когда идешь к материалу!» Он так и сказал мне этими словами. Он стал неравнодушным исследователем этой темы, он горел и жил ею! Это было видно! Он, безусловно, полюбил царскую семью, он полюбил их всех! Возможно, он первый из нас (граждан новейшей истории) понял смысл их жертвы, увидел их венцы, не имея пред собой святых образов с их ликами. Но прежде — он уверовал! Он, советский человек, советский историк (не знаю, был ли он в партии или нет) стал глубоко верующим человеком, православным христианином. Его просветили царственные мученики, через них он был приобщен к духовному христианскому миру. Именно это историческое исследование, связанное с личностью Николая II, его семьей и его эпохой, привело его к православной вере и Церкви. Конечно, это его признание осталось за кадром, ведь фильм мы снимали не о нем... А в фильм мы взяли его потрясающие открытия, связанные с личностью царя Николая и его временем.

Помню, мы говорили о том, как необходима историческая реставрация образа царя Николая, как он оболган, как терпеливо нужно снимать слой за слоем ту клевету и грязь, что возникли еще при жизни царя и были усилены в советский период! Все мы знаем термин: «роль личности в истории». Но чтобы ее определить, эту роль, нужно изучить саму личность. Только так можно понять, почему исторически значимый человек действовал, поступал, принимал решение в той или иной ситуации именно так, а не иначе. Вот именно это сделал Александр Боханов. Личность христианского царя Николая II — это его вклад в российскую историю.

Покаяние — это изменение ума. И Боханов участвовал в этом процессе. Его исследование личности Николая II и его эпохи переворачивало в корне сознание о происшедшем — как у отдельного человека, так и общества в целом. Что может быть важнее? Своими работами и книгами он двигал этот важнейший процесс: покаяние за содеянное в 1917–1918 годах прошлого века на уровне общественного сознания.

Мне очень жаль, что имя Боханова так и не узнала широкая общественность в нашей стране. Именно он — вместо господина Радзинского — должен был блистать на прямых эфирах, не «слезать» с экранов телевизоров, писать сценарии для фильмов... Но, видно, время еще не пришло. Правда не победила ложь. Многие из того, что открыл Боханов, еще не вошло в разряд общеизвестных истин. Стало очевидно, что предстоит сражение, которое продолжается до сих пор. Куликово поле XXI века. И я вижу Пересвета от истории (как собирательный образ), готового сразиться, чтобы сбросить ненавистное иго, — это Александр Боханов и все те исследователи, которым он своими трудами указал направление. Они есть и продолжают его дело. Наверное, он сам счел бы такое сравнение слишком высокопарным и незаслуженным. Но что делать: каждому из нас выпадает свой жребий от Бога и приходится соответствовать, подчиняясь Промыслу Божию!

*Елена Юрьевна Козенкова, тележурналист,
режиссер и продюсер документального кино*

*Подготовила А. Г. Добрынина, по материалам
православных СМИ*

СОКУРОВА Ольга Борисовна

Доктор культурологии, доцент кафедры западноевропейской и русской культуры Санкт-Петербургского государственного университета; преподаватель Епархиальных курсов религиозного образования и катехизации им. св. прав. Иоанна Кронштадтского.

МАРКИДОНОВ Александр Васильевич

Выпускник филологического факультета Ленинградского государственного университета; выпускник и преподаватель Санкт-Петербургской духовной академии, доцент кафедры богословия; преподаватель Епархиальных курсов религиозного образования и катехизации им. св. прав. Иоанна Кронштадтского.

Священник Игорь ИВАНОВ

Кандидат философских наук, заведующий кафедрой иностранных языков, доцент кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии; главный редактор научных журналов СПбДА «Христианское чтение», «Труды и переводы» и «Русско-Византийский вестник»; преподаватель Епархиальных курсов религиозного образования и катехизации им. св. прав. Иоанна Кронштадтского; штатный клирик храма Преображения Господня в Лесном в Санкт-Петербурге.

КОРОЛЕВ Станислав Александрович (1943–2016)

Выпускник Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии, кандидат искусствоведения; преподаватель Санкт-Петербургского музыкального училища им. Н. А. Римского-Корсакова; завуч и преподаватель Епархиальных курсов религиозного образования и катехизации им. св. прав. Иоанна Кронштадтского (1994–2005).

ФИЛИМОНОВ Валерий Павлович

Писатель-агиограф и публицист, поэт и журналист, академик Православного богословского отделения Петровской академии наук и искусств; главный редактор, автор и ведущий православных программ радио «Слово», главный редактор вестника «На страже Православия», автор обширных монографий «Святой преподобный Серафим Вырицкий и Русская Голгофа» и «Крестом отвергается Небо. Священномученик Философ Орнатский. Житие и подвиги, слова и поучения», а также целого ряда широко известных книг и многочисленных публикаций в десятках периодических изданий и альманахов.

БОХАНОВ Александр Николаевич (1944–2019)

Доктор исторических наук, профессор, специалист по истории России XIX — начала XX века; автор сотен статей, более сорока монографий и учебников для школ и высших учебных заведений.

ГАВРИЛОВ Игорь Борисович

Кандидат философских наук, доцент кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии; преподаватель Епархиальных курсов религиозного образования и катехизации им. св. прав. Иоанна Кронштадтского; преподаватель Народного православного университета Санкт-Петербурга и Ленинградской области; заместитель главного редактора научного журнала СПбДА «Русско-Византийский вестник»; автор более ста научных публикаций по вопросам философии и культурологии.

ВОРОПАЕВ Владимир Алексеевич

Доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; член Союза писателей России, член Экспертного совета по филологии и искусствоведению Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ); награжден Золотой Пушкинской медалью, Орденом Преподобного Нестора Летописца первой степени; лауреат Всероссийской историко-литературной премии «Александр Невский» второй степени, премии Союза писателей России «Имперская культура», международного Славянского Форума искусств «Золотой витязь».

ДУНАЕВ Михаил Михайлович (1945–2008)

Доктор богословия, профессор кафедры церковно-практических дисциплин Московской духовной академии, доктор филологических наук; награжден медалями преподобного Сергия Радонежского первой и третьей степеней; лауреат первой Всероссийской премии «Православная книга России» («Автор года»); автор более 200 книг и статей, в том числе фундаментального шеститомного труда «Православие и русская литература».

КАЛЯГИН Николай Иванович

Писатель, философ, историк русской литературы; член Русского философского общества им. Н. И. Страхова; автор книг «Дорога через свет», «Чтения о русской поэзии».

БОЛТОВСКАЯ Людмила Николаевна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы Санкт-Петербургского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена; преподаватель Епархиальных курсов религиозного образования и катехизации им. св. прав. Иоанна Кронштадтского.

МЕДУШЕВСКИЙ Вячеслав Вячеславович

Доктор искусствоведения, профессор кафедры теории музыки Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского; заслуженный деятель искусств России, член Союза композиторов; автор более сотни работ по проблемам музыки, искусства, истории культуры, образования, в том числе учебного пособия «Духовный анализ музыки».

КОРОЛЬКОВ Александр Аркадьевич

Доктор философских наук, профессор, академик Российской академии образования; профессор кафедры философской антропологии и истории философии Института философии человека Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена; лауреат премии Президента РФ в области образования за книгу «Русская духовная философия», лауреат Всероссийской литературной премии им. святого благоверного великого князя Александра Невского за вклад в развитие православной философии; награжден патриаршим Орденом Святителя Макария, митрополита Московского; автор книг о русской духовной культуре.

ТУХЛЕНКОВ Сергей Феликсович

Выпускник Хабаровского государственного института культуры; выпускник и преподаватель Епархиальных курсов религиозного образования и катехизации им. св. прав. Иоанна Кронштадтского; автор статей и цикла лекций о музыке и православной культуре; певчий праздничного хора собора Покрова Пресвятой Богородицы города Гатчины.

ГУСАКОВА Виктория Олеговна

Кандидат искусствоведения, методист Отдела религиозного образования и катехизации Санкт-Петербургской епархии; автор книг, многочисленных публикаций и докладов по истории искусств, духовно-патриотическому воспитанию и образованию юного поколения.

НЕВЯРОВИЧ Владимир Константинович

Писатель, поэт, врач; многолетний исследователь жизни и творчества поэта Сергея Бехтеева, директор благотворительного фонда «Бехтеевский фонд любителей русской старины»; член Союза писателей России, лауреат Большой литературной премии России; автор более двадцати книг, в том числе «Исцеление Словом», «Благословенно Царство...», «Певец Святой Руси. Сергей Бехтеев: Жизнь и творчество», «Россия как Атлантида», и семи поэтических сборников.

ШУЛЬЧЕВА-ДЖАРМАН Ольга Александровна

Кандидат медицинских наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин и биоэтики Санкт-Петербургской государственной педиатрической медицинской академии; врач-фтизиатр Противотуберкулезного диспансера Центрального района Санкт-Петербурга; выпускница Епархиальных курсов религиозного образования и катехизации им. св. прав. Иоанна Кронштадтского; автор публикаций по христианским аспектам истории медицины.

БАТИЩЕВА Яна Генриховна

Выпускница Московского физико-технического института, научный сотрудник Института прикладной математики им. М. В. Келдыша Российской академии наук, кандидат физико-математических наук.

ЦАГОЛОВА Лаура Кимовна

Выпускница Литературного института им. А. М. Горького, член Московской организации Союза писателей России; автор поэтического сборника, публиковалась в журналах, газетах, антологиях поэзии.

КУЗНЕЦОВ Дмитрий Валерьевич

Выпускник Литературного института им. А. М. Горького, член Союза писателей России и Союза журналистов России; лауреат Премии им. генерал-лейтенанта барона П. Н. Врангеля; автор книг: «Русская рулетка», «Белый марш», «Империия»; коллективных сборников: «Русская школа», «Золотая аллея», И. Савин «Всех убиенных помяни, Россия...» (составление и предисловие); публикаций в журналах и интернет-СМИ.

КОРОТАЕВ Денис Геннадьевич (1967–2003)

Выпускник Московского физико-технического института, кандидат физико-математических наук; член Союза писателей России; лауреат ряда поэтических конкурсов, победитель Всероссийского конкурса поэзии им. Сергея Есенина; руководитель поэтических семинаров, преподаватель поэтического искусства на факультете журналистики Московского государственного университета; автор книг «Проводник», «На развалинах», «Белые тени», «Итак», «Автоэпифаия». Погиб в автокатастрофе 8 августа 2003 года.

ВЕРУЮЩИЙ РАЗУМ

*Журнал Отдела религиозного образования и катехизации
Санкт-Петербургской епархии*

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере
связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-54457 от 17.06.2013

*Благодарим за поддержку
Союз православных предпринимателей Санкт-Петербурга
и лично Владислава Жуковича*

*В оформлении обложки использована картина «Портрет А. С. Пушкина».
Художник Орест Кипренский, 1827 г.*

Художественное оформление, верстка: С. В. Алексеев
Корректура: Н. М. Баталова

Подписано в печать 06.12.2019
Формат 60x90/16
Объем 21,5 п. л.
Печать офсетная
Гарнитура Minion Pro
Тираж 1000 экз.
Заказ №9-11643-ср

Отпечатано в соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии ООО "СПАРК"
196084, г. Санкт-Петербург,
ул. Заставская, д. 14 А, лит. М
www.cdsales.ru